

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

О. Р. Абдрахманова

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ОШИБКИ В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Освещается вопрос о положительной роли переводческих ошибок в преподавании перевода. Делается акцент на том, что переводческие ошибки – это богатый, но малоизученный дидактический материал, требующий от преподавателя перевода особого подхода к себе.

Ключевые слова: *переводческая ошибка, норма перевода, учебный перевод, профессиональный перевод.*

В нашем как быденном, так и профессиональном сознании ошибка, как правило, рассматривается как результат какого-то промаха, неуспешной деятельности в какой-то сфере, то есть как негативный опыт. Тем не менее человеческая деятельность онтологически неотделима от ошибок: «Человеку свойственно ошибаться», – говорим мы всякий раз в свое оправдание, когда ошибаемся. Без ошибок невозможна никакая деятельность. В русском языке это подтверждается высказыванием «не ошибается лишь тот, кто ничего не делает». Выражение же «на ошибках учатся» позволяет нам предположить, что любая ошибка включает в себя и положительный компонент – дает импульс для того, чтобы пересмотреть и/или исправить свое поведение/ свою деятельность.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы попытаться показать, какова роль переводческих ошибок в обучении переводу в целом, и сделать акцент на положительные стороны ошибки, допускаемой будущим переводчиком в ходе учебного перевода.

Причина, которая заставляет обратиться к изучению данного вопроса, обусловлена рядом как объективных, так и субъективных факторов.

Во-первых, будучи преподавателем перевода, автор не понаслышке знает, что в отечественном вузовском обучении переводу ошибкам студентов не так часто уделяется должное внимание. Как правило, преподаватель перевода занят тем, чтобы научить студента переводить (то есть концентрируется на отработке техники перевода, объяснении оптимальных приемов перевода, поиске решений). Все его исправления сводятся к тому, чтобы дать поверхностный анализ тем ошибкам, которые студент допустил, выполнив перевод письменно или устно. Поверхностный потому, что кроме анализа всех ошибок, попытки выяснить, к

какой категории они принадлежат, почему они были допущены студентом, у преподавателя есть и другие методические цели, ради которых он приходит в учебную аудиторию. Затрагиваются в основном самые грубые ошибки, которые искажают смысл, не учитывают прагматический потенциал текста, переводческое задание, поставленное перед переводчиком студентом, и так далее. Ошибки, совершаемые студентом в ходе устного перевода, практически совсем не анализируются, что выявляют студенческие конкурсы по устному переводу, где, например, некорректное переводческое поведение студента портит в целом хорошо выполненный им перевод. Подобные ошибки, как правило, являются результатом их несвоевременной коррекции в ходе обучения данному виду перевода. И студент со временем привыкает к мысли о том, что такие незначительные ошибки не настолько пагубно отражаются на результате его работы. А в последствии мы получаем переводчика, который считает, что, например, вполне допустимо написать название народа (национальности) с заглавной буквы при переводе с французского на русский (*les Russes – Россияне*), как это требуют правила французского, но не русского языка.

Очевидно, что подробный анализ переводческих ошибок требует от преподавателя немалых временных затрат, чтобы обработать и методически грамотно преподнести студентам материал для разбора ошибочных вариантов перевода. И в преподавательской, и в переводческой среде известно, что правка чужих ошибок редко доставляет удовольствие (многие практикующие переводчики часто отказываются править чужой текст, предпочитая перевести его заново), так как требует времени, вдумчивого и критического анализа, умения понять намерения другого переводчика.

Поэтому, как правило, преподаватель перевода лишь указывает на наличие ошибки, исправляет ее. До закрепления правила, не допускающего совершения подобной ошибки, времени на занятии уже не остается.

Вторая причина связана с острой необходимостью обучать студентов литературной и/или корректорской правке, так как часть из них работает впоследствии корректорами. Такая потребность сегодня действительно есть. В своей переводческой практике автору нередко приходится сталкиваться с такой ситуацией, когда заказчик – менеджер переводческого бюро – предлагает самому переводчику «отшлифовать перевод, так как корректору не успеть в срок» или «корректора нет, и именно Ваша правка будет окончательной». Другой, не менее «забавной», ситуацией является то, когда выполненный перевод отправляют корректору, владеющему только языком перевода. Очевидно, он способен проверить этот текст на наличие речевых, грамматических, стилистических ошибок языка перевода. Однако он оставляет без внимания такие ошибки, которые можно обнаружить только при знании языка исходного текста и сопоставлении этого текста с переводом, или же такие, которые требуют знания предмета (о таких корректорах, например, пишет Н. Л. Мельникова в журнале для переводчиков «Мосты». 2012. № 2 (34)).

Еще одна причина – потребитель перевода и его родной язык. В век развития массовых коммуникаций перевод становится одним из тех источников информации, которым пользуется потребитель, не владеющий языком оригинала. Происходит это не всегда по желанию самого потребителя. Так, например, импорт на российский рынок различных бытовых товаров, игрушек для детей, косметических средств, продуктов питания и пр. так или иначе заставляет потребителя приобретать и перевод инструкции по их использованию/потреблению. Немалое количество переводческих ошибок («Аппарат легко адаптируется к подвесному потолку»; «Перед перемещением холодильник должен опорожниться» [7]) в таких инструкциях остается в памяти потребителя и через его речевую практику распространяется далее, расшатывая нормы языка перевода.

Другая причина – статус профессии переводчика. Нежелание, а иногда и неумение преподавателя перевода показать, объяснить ошибку студента и причину ее появления приводит, в конечном счете, к небрежному, если

не безответственному, подходу будущих переводчиков к своей профессии, негативно сказываясь на ее статусе, отношении к ней общества в целом. Именно преподаватель становится в жизни будущего переводчика первым критиком его труда, и от того, насколько корректно и доходчиво он сможет объяснять, какую ошибку и из-за чего совершил студент, выполняя перевод, как ее избежать или исправить, зависит ответственное отношение переводчика к своей будущей работе.

Итак, перечисленный ряд причин, которые делают заявленную в исследовании тему актуальной, приводит к тому, что тексты, содержащие ошибки, представляют собой богатый дидактический потенциал, пока не в полной мере используемый в преподавании перевода.

Логичным в связи с этим было бы разобраться в самом понятии «переводческая ошибка».

Ошибка в самом широком понимании трактуется как несоответствие между объектом или явлением, принятым за эталон (материальный объект, решение задачи, действие, которое привело бы к желаемому результату), и объектом/явлением, сопоставленным первому [11].

Анализ многих работ показывает, что в современном как отечественном, так и зарубежном переводоведении до сих пор нет единого общепринятого определения «переводческой ошибки». Большинство авторов понимает ошибку в переводе как необоснованное отступление от нормативного требования эквивалентности. А. Д. Швейцер рассматривает ошибку как отступление от содержательного соответствия перевода оригиналу, Р. К. Миньяр-Белоручев – как меру несоответствия перевода оригиналу, В. Н. Комиссаров – как меру дезинформирующего воздействия на читателя [13 ; 8 ; 4].

Мы придерживаемся мнения о том, что всякий перевод (даже учебный), предполагающий полную и точную передачу смысла исходного сообщения и осуществляемый с учетом интенции отправителя и рецептивной способности получателя, происходит через реализацию переводческой стратегии (индивидуальной в каждом конкретном переводе). Поэтому, перефразируя слова Е. В. Аликиной [1. С. 62], можно предположить, что переводческая ошибка – это результат сбоя в реализации переводческой стратегии. При этом под переводческой стратегией вслед за Н. К. Гарбовским мы понимаем определенную генеральную линию поведения переводчика по преобразованию текста исход-

ного языка в соответствии с коммуникативной целью в ситуации определенного вида перевода [2. С. 506–508].

Итак, ошибка – относительное и переменное понятие, и выделить ошибку можно лишь тогда, когда существует некая система правил, норм.

Толковый переводоведческий словарь дает следующее определение нормы относительно языка – «это принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил, упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [9. С. 121].

В переводоведении *нормой перевода* называется совокупность требований, предъявляемых к качеству перевода [12. С. 219]. Иначе говоря, качество перевода определяется степенью его соответствия норме и характером отклонения от этой нормы.

Отклонение от норм неизбежно проявляется в ошибках. О. В. Максютин выделяет три основные причины появления ошибок в учебном переводе:

1) *пробелы в знаниях*: недостаточное владение родным и иностранным языками и нехватка экстралингвистических знаний, что порождает проблемы в понимании, не связанные с вузовским курсом перевода. Способы исправления – дополнения, объяснения, которые могут сопровождаться советами по приобретению недостающих знаний;

2) *недостаточное владение техникой перевода* – результат неполного понимания методологических принципов перевода, которые являются основными в обучении, требуют корректирующих методов, таких как повторение и объяснение;

3) *слабая мотивация*. Она требует специальных мер: привлечение внимания и воздействие при помощи оценок. Способы исправления: вызвать интерес, то есть довести до сознания студента значимость некоторых ошибок при коммуникации, в определенных ситуациях заставить студентов играть роль читателей, корректоров и иных пользователей плохо выполненного перевода. Воздействие оценками эффективнее, когда ставится не общая оценка за одно переводное упражнение, а оцениваются различные составляющие процесса перевода; общая оценка – это уравновешивающее средство, ее коэффициент меняется согласно составляющим, которые преподаватель хочет выделить на данном этапе программы обучения [5. С. 50].

В силу разницы в целях, которые ставит перед переводчиком учебный перевод (научить/ся переводить) и профессиональный перевод (выполнить перевод, отвечающий нуждам конкретного заказчика), ошибки, совершаемые переводчиками в этих двух ситуациях, могут отличаться по виду, причинам, породившим их, весомости. Вместе с тем преподавателю перевода необходимо при комментировании конкретных ошибок апеллировать к реальной профессиональной переводческой практике, например, объяснять, чем чревата та или иная «нелогичность», «погрешность», «оговорка», «описка» в реальном переводе для всех участников переводческого процесса (автора оригинала, переводчика, заказчика, реципиента).

М. Дебрэнн, исследуя межъязыковые девиаты в обучении иностранному языку и ссылаясь на французского ученого А. Лами, указывает, что «к ошибкам нужно относиться по-разному на разных этапах обучения: вначале студент выдает правильные формы, потому что просто повторяет за преподавателем, затем неправильные формы при попытке самостоятельного применения новых знаний, далее пытается исправить эти ошибки и, наконец, производить правильные высказывания» [3. С. 16]. В преподавании перевода обращение к ошибочным продуктам переводческого труда приобретает обязательный характер, «невзирая на универсальный строгий педагогический принцип, требующий от преподавателя демонстрировать только правильные высказывания» [3. С. 16].

Наши продолжительные наблюдения за переводческими ошибками, совершаемыми в учебном переводе будущими переводчиками, позволили нам сделать следующие выводы относительно роли таких ошибок в преподавании перевода.

Прежде всего, ошибка в учебном переводе играет *роль импульса для познавательной деятельности студента*, поскольку, будучи им осознанной, она заставляет его расширять свои знания (причем речь идет о знаниях разного рода – фоновых, языковых, предметных, узкопрофессиональных и пр.).

Такая работа в свою очередь способствует развитию поисковой деятельности будущих переводчиков: поиск верного или оптимального решения (с помощью словарей, справочников, энциклопедий, опроса носителей языка и специалистов в той или иной области), регулируемый на начальных этапах обучения преподавателем, со временем входит в привычку

студента. При этом у него вырабатывается трезвый и критический подход к отбору источников правильного решения.

Другая роль, которую играют ошибки в обучении переводу, – это способность подтолкнуть студента к *критической рефлексивной деятельности*, об отсутствии которой много пишут коллеги (см. например, статью О. В. Петровой и В. В. Сдобникова в журнале для переводчиков «Мосты». 2012. № 1 (33)). Особенно продуктивна такая работа в ходе коллективного обсуждения ошибок на занятии (такое обсуждение возможно на основе текстов письменных переводов, выполненных дома, проверенных преподавателем или же самими студентами. Если речь идет об устном переводе, то возможным вариантом работы является видеозапись работы студента переводчика и ее последующее коллективное обсуждение), так как она дает студентам возможность видеть не только чужие ошибки, но и узнавать свои. Такая форма работы позволяет студентам осознать, что с одной стороны, ошибка – это непрофессионально, но, с другой стороны, обеспечивает разумное отсутствие боязни совершить ошибку («Ведь другие тоже ошибаются»), из-за которой у некоторых студентов происходит блокировка, и они отказываются переводить.

Еще одна, не менее важная роль, которую играют ошибки в обучении переводу, – *контролирующая*. Осуществляя анализ ошибок на занятиях, преподаватель реализует контроль развития различных компетенций, необходимых профессиональному переводчику. Кроме того, на дальнейших этапах обучения анализ ошибок и различные формы работ, направленные на их предвосхищение и устранение, способствуют формированию *самоконтроля* у студентов.

И, наконец, можно отметить еще одну роль переводческих ошибок в обучении переводу – возможность через формирование у студента понимания последствий ошибок заложить фундамент для осознания *социальной значимости* и необходимости укрепления престижа своей будущей профессии в каждом своем переводе.

Итак, выявление и понимание роли переводческой ошибки позволяет сделать вывод, во-первых, о том, что в обучении переводу преподаватель не должен игнорировать тот богатый потенциал, который могут содержать в себе ошибки как методический материал. Во-вторых, в рамках подготовки будущих переводчиков необходим специальный курс, где ошибка будет основной его дидактической

единицей. Такой курс должен охватывать не только ошибки в языке перевода (в отечественных вузах изучением таких ошибок обычно занимаются в рамках дисциплины «Русский язык»), но и те, которые связаны с непониманием исходного текста или незнанием языка оригинала, и требуют сопоставления и привлечения сил как профессионального преподавателя перевода, так и носителя языка в качестве независимого потенциального потребителя перевода.

Список литературы

1. Аликина, Е. В. Устный последовательный перевод: ключевые аспекты теории и практики. Пермь, 2008. 183 с.
2. Гарбовский, Н. К. Теория перевода. М., 2004. 544 с.
3. Дебрэнн, М. Межъязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2007. Т. 5, вып. 1. Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 12–19.
4. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. М., 2002. 424 с.
5. Максютин, О. В. Переводческая ошибка в методике обучения переводу // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 1 (91). С. 49–52.
6. Мельникова, Н. Л. Избушка Бабы-Яги, или Страшная сказка об издательском мире // Мосты. 2012. № 2 (34). С. 35–42.
7. Методическое и справочное руководство по переводу на русский язык, тематическому редактированию, литературной правке и редакционно-издательскому оформлению инженерно-технической документации [Электронный ресурс] / сост. И. С. Шалыт. URL: http://www.intent93.ru/useruploads/files/Method_01.pdf.
8. Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода. М., 1996. 208 с.
9. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003. 320 с.
10. Петрова, О. В. О зеленом соке и соленом электричестве / О. В. Петрова, В. В. Сдобникова // Мосты. 2013. № 1 (33). С. 69–76.
11. Свободная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ошибка>.
12. Сдобников, В. В. Теория перевода : учебник / В. В. Сдобникова, О. В. Петрова. Н. Новгород, 2001. 306 с.
13. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика М., 1988. 415 с.

НЕКОТОРЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ВЕРСИЯХ АНИМЕ-ФИЛЬМА ХАЯО МИЯДЗАКИ «УНЕСЕННЫЕ ПРИЗРАКАМИ» (千と千尋の神隠し / Le voyage de Chihiro)

Значительные структурные, грамматические и культурные различия делают перевод с восточных языков на европейские чрезвычайно трудным. В настоящей статье на примере японского аниме-фильма Хаяо Миядзаки «Унесенные призраками» рассматриваются некоторые проблемы перевода с японского на французский и русский языки. Особое внимание уделяется таким видам переводческих трансформаций, как замена и добавление.

Ключевые слова: переводоведение, переводческие трансформации, японоведение, культурные референции.

«Унесенные призраками», как и большинство других аниме-фильмов, снятых японским режиссером Хаяо Миядзаки, погружает нас в фантастический, вымышленный мир, населенный необычными, иногда сверхъестественными, существами, вынужденными решать вполне обычные, земные проблемы. Однако именно эта работа принесла автору мировую известность, и, вероятно, одна из причин тому – критическое видение современного мира, которое столь явно прослеживается в фильме. Равно как и мысль о том, что сегодня не человек боится богов, а боги вынуждены защищаться от человека: им приходится принимать ванну, чтобы отмыться от всего, что прилипло к ним в мире людей¹.

В 2003 г. фильм получил премию «Оскар» как «Лучший полнометражный анимационный фильм», а также был номинирован и стал обладателем множества других наград.

Фильм японский и, хотя в нем говорится в основном об общечеловеческих проблемах и действие могло бы теоретически происходить в любой стране мира, реалии в нем, конечно же, японские, равно как восприятие действительности.

Не вызывает сомнений тот факт, что любой фильм несет в себе определенный посыл и воспроизводит культурные референции той страны, в которой он был снят. При переводе на другой язык любые трансформации могут на первый взгляд казаться оправданными и допустимыми, однако при этом весьма вероятно, что часть культурных особенностей, изначально присутствовавших в фильме, будет потеряна. А это приведет к тому, что и авторский замысел будет передан в несколько искаженном виде². Следовательно, необходимо крайне

осторожно подходить к выбору тех или иных переводческих приемов. Данное замечание особенно справедливо, когда речь идет о переводе восточных фильмов, когда, к сожалению, нередко наблюдается крен в сторону одной из крайностей: так называемое «одомашнивание», когда фильм слишком сильно адаптируется под иноязычную аудиторию, или «экзотизирование», когда намеренно остается нетронутой вся культурная специфика оригинала³.

На наш взгляд, к «экзотизированию» можно отнести не только передачу в чистом виде таких культурных референций, как обычаи, традиции, особенности межличностной коммуникации и повседневной жизни и так далее, но и отражение языковых особенностей, если это делается без особой нужды.

Ни «одомашнивание», ни «экзотизация» не представляются удачными решениями, поскольку в первом случае фильм теряет свою «самость»⁴ и возникает вполне закономерный вопрос, зачем вообще иноязычной аудитории его смотреть. Во втором – существует серьезный риск того, что для носителей другой культуры фильм окажется перенасыщен экзотизмами и непонятными референциями, что существенно повлияет на восприятие и впечатление. Вероятно, оптимальным будет найти золотую середину и, в определенной степени сохраняя специфику оригинала, по возможности снять сложности с пониманием иноязычной культуры.

Для европейских переводчиков работа над «Унесенными призраками» была сопряжена с множеством трудностей, вызванных как системными различиями (грамматические и лексические трансформации), так и культурными (стилистические трансформации). Учитывая специфику грамматического строя японского

языка, еще до сопоставительного анализа трех версий можно с уверенностью говорить о том, что одним из наиболее часто используемых приемов окажется добавление/ опущение. Эта мера вынужденная и объясняется следующим. Толкование фразы в японском языке намного сильнее зависит от окружения, чем в русском или французском, в силу того, что подлежащее в предложении нередко отсутствует, и догадываться о том, кто же совершает действие, приходится из контекста. Во французском языке подобные предложения с отсутствующим подлежащим в большинстве случаев просто невозможны, в русском языке грамматически возможны, но не всегда оказываются уместны.

Сказанное будет справедливо не только в отношении подлежащего, но и дополнений, выраженных личными местоимениями: во французском языке они обязательны не только с точки зрения грамматики, но и принципов вежливости. В русском языке желательны, а в японском просто не нужны. Поэтому первое, за чем необходимо проследить переводчикам, – это добавление местоимений, без которых речь персонажей может оказаться не только малопонятной, но и неестественной. Например, в японских предложениях типа:

1. 振るえているね。でも、ま、よくここまでやって来たよ。
2. ここで働かせてください。/ ここで働きたいんです。
3. またそれを言うのかい？

Какие бы то ни было местоимения отсутствуют вообще, и буквальный перевод на русский язык выглядит следующим образом:

1. Дрожишь. А ведь пришла сюда.
2. Позвольте здесь работать. / Хочу здесь работать.
3. Опять это говоришь?

Как видно из представленных ниже примеров, при переводе на французский и русский языки местоимения пришлось добавить: того требуют грамматика и узус.

Второй момент, обуславливающий использование приема добавления, – это необходимость обращения. В японском языке местоимения в качестве обращения используются гораздо реже, чем в русском или французском, и определить лицо, к которому обращается говорящий, можно только благодаря контексту.

1. <i>Tu trembles. Je me demande comment tu as pu arriver jusqu'ici.</i>	1. Что дрожишь? А ты молодец, смогла добраться до меня.
2. <i>Bonjour. Madame, je voudrais que vous me donniez du travail. / Madame, je veux que vous me donniez du travail !</i>	2. Простите, позвольте мне поработать. / Можно мне у вас поработать?
3. <i>Je t'ordonne de te taire !</i>	3. Опять ты за свое!

Так, если рассматривать в этом ракурсе вышеприведенные примеры, то очевидно, что в примерах № 2 при переводе на французский язык переводчик добавил обращение, исходя из общепринятых норм вежливости (*Madame, je veux que vous me donniez du travail!*), которого не было в оригинале и нет в русском переводе. Зато в русском переводе в качестве компенсации отсутствия обращения появляется «простите» (фрейм фрагмента входа в общение в русской разговорной речи).

Следует отметить, что в японском языке обращения вообще достаточно специфичны. В качестве таковых используются название должности или титула, указание на социальную роль (при обращении к вышестоящим и равным), имя (к нижестоящим и равным) и (крайне редко) личное местоимение. Есть также универсальные формы обращения, подобные *мадам, месье, мисс* или *мистер*, но они употребляются только в паре с именем – *~san* или *~sama*. В русском же языке закрепившихся слов-обращений просто нет, и это практически всегда создает определенные трудности, особенно, когда имя персонажа неизвестно. Приходится постоянно перестраивать предложения, поскольку нередко оказывается так, что формы, принятые в японском языке, оказываются неприемлемыми в русском. Действительно, обращения типа «начальник», «директор», «сестра» будут просто резать слух.

И наоборот, в тех случаях, когда японский язык допускает отсутствие обращений, они оказываются крайне необходимы во французском и русском. Этот факт является еще одной причиной частого использования вынужденных добавлений при переводе фильма на французский и русский языки. Так, если в оригинале старший банщик (в русском переводе «дежурный», во французском «*concierge*»), разговаривая с помощниками, никак к ним не обращается, то во французской версии появляются имена, местоимения и аффиктивные об-

ращения типа *ma chère*, а в русском варианте переводчик ограничился добавлением местоимений «вы» или «ты».

Когда при обращении к посетителям в оригинале используется универсальное японское *o-kyakusan* («господин гость»), в русском переводе вновь имеет место замена на личное местоимение второго лица множественного числа или используется, на наш взгляд, несколько вышедшее из употребления обращение *гость дорогой*. Во французском же переводе появляются *votre excellence, votre honneur, Monsieur le vieux monsieur*.

К категории стилистических добавлений, обусловленных культурными различиями, можно отнести те, что связаны с национальными коммуникативными особенностями. Так, спецификой межличностного общения обусловлены во французском переводе добавления аффективных обращений типа *mon ange, chéri(e), trésor, chère petite, mes chéris* там, где в оригинале используется просто имя, или обращение отсутствует. В Японии уменьшительно-ласкательные слова как выражение каких-либо чувств используются не так часто, а эмоции и состояние души выражаются другими способами. Поэтому в японском тексте отсутствие ласковых слов не означает, что к персонажу относятся плохо. В русском же и французском варианте их отсутствие негативным образом повлияет на зрительское восприятие: если мы не услышим, как мама или папа, обращаясь к ребенку, словесно выражают свою любовь, то нам будет казаться, что они слишком холодны, чересчур сдержанны или просто равнодушны.

Именно поэтому даже в речи колдуньи Ю-бабы (главного отрицательного персонажа фильма), когда она разговаривает со своим обожаемым ребенком, появляются при переводе уменьшительно-ласкательные *oh, mon joli bébé, mon petit, trésor, mon ange, beau bébé à sa tatan, joli joli guili guili, mon bébé d'amour / малыш, ты мой хороший, умница, ты мой цыпленочек, бед-*

енький мой малыш. Если ее чувства не получат вербального выражения, то любовь к сыну не будет очевидна, и французские и российские зрители ей просто не поверят.

Этой же причиной обусловлено и вербальное выражение в переводе некоторых эмоций и ощущений: то, что японскому зрителю будет понятно и без слов, европейскому необходимо выразить эксплицитно. Так, в самом начале фильма в оригинале Тихиро говорит, что ей не нравится тоннель и настойчиво зовет родителей вернуться, при переводе появляются предложения типа *il me fait peur, ce tunnel; tatan, j'ai peur; les gens du parc ne vont pas être contents; je ne tiens plus debout*.

Следует, однако, отметить, что в русском переводе эксплицитного выражения страха нет, поэтому и не совсем понятно, почему Тихиро постоянно зовет маму с папой назад.

Возвращаясь к проблеме местоименных трансформаций, нельзя не отметить тот факт, что при переводе с японского языка добавление как трансформация используется далеко не всегда. Например, японское местоимение *あなた*: само по себе оно переводится как «ты» или «вы», а также используется как обращение жены к мужу. При переводе на русский и французский языки восклицания *ты!* или *toi!* будут выражать крайнюю степень возмущения, в то время как в японском – беспокойство. Именно поэтому необходимо либо заменить данное местоимение на другое обращение или восклицание, либо опустить.

Так, в русском переводе используется *Дорогой, можно поосторожнее?*, а во французском *Tu vas beaucoup trop vite, chéri, arrête!*, в то время как в оригинале было *あなた、いい加減にして!* (букв.: *Ты! Перестань!*).

Еще один любопытный момент, связанный с проблемой местоименной замены при переводе, – возможность говорящего указать на себя и обратиться к собеседнику, используя третье лицо. Это явление, распространенное

1. Папа: 大丈夫。お父さんが付いているんだから。(букв.: все в порядке, nana здесь)	1. <i>Ne t'en fais pas. Tu es avec papa.</i>	1. Не бойся, ведь nana с тобой.
2. Хаку: – 私はどうしても思い出せないんだ。(букв.: Я никак не могу вспомнить) Тихиро: – パクの本当の名前?(букв.: настоящее имя Хаку?)	2. – <i>Je suis devenu prisonnier depuis que j'ai oublié le mien.</i> – <i>Tu ne sais plus comment tu t'appelais?</i>	2. – Я вот не могу вспомнить свое имя. – Твое настоящее имя?
3. Хаку: 千尋の元気が出るようにまじないをかけて作ったんだ。(букв.: заколдовал их, чтобы Тихиро приободрилась.)	3. <i>Tu as besoin de reprendre les forces. Je les ai ensorcelées pour toi.</i>	3. Я их заколдовал. Съешь, и все печали пройдут.

в японском, встречается также и во французском и русском языках, однако не столь часто (как правило, при обращении родителей к маленьким детям). Поэтому, несмотря на то, что в отдельных случаях (пример № 1) перевод с использованием аналогичной структуры оказывается приемлем, в основном же, как станет видно из следующих примеров, переводчики отдают предпочтение местоименной замене или опущению.

Возвращаясь к замечанию, высказанному в начале статьи о двух крайностях, нередко имеющих место при переводе восточных фильмов, нельзя не задаться вопросом, не являются ли местоименные добавления и опущения креном в сторону «одомашнивания»? На наш взгляд, нет. Поскольку они обусловлены различиями в грамматическом строе языка перевода и языка оригинала, не содержат в себе каких-либо культурологически значимых моментов и лишь облегчают восприятие. В данной ситуации скорее, наоборот, несоблюдение требований грамматики языка перевода будет являться креном, но не в сторону «одомашнивания», а в сторону «экзотизации». Думается, что большинство рассмотренных нами примеров эту точку зрения подтверждает.

Наконец, еще один вид примененных при переводе стилистических трансформаций, который хотелось бы отметить, – замена имен собственных. Так, во французской версии имя одной из героинь было заменено с *Рин* на *Лин*. Возможно, исходя из тех соображений, что в японском языке нет звука [л], французский переводчик решил, что на самом деле должно быть не *Рин*, а *Лин*. Однако после такой замены имя стало больше походить на китайское, а не на японское.

Перевод названия фильма также, очевидно, вызвал определенные трудности. Дело в том, что в оригинале заложена игра слов: имя Тихиро состоит из двух иероглифов – 千 («тысяча») и 尋 (древняя мера длины, равная 5 сяку, или 5,5 метра). Из них первый 千 имеет два чтения «сен» и «ти», Ю-баба сократила имя девочки, стерев вместе с фамилией и второй иероглиф имени 尋, тогда первый иероглиф, оставшись в одиночестве, стал читаться по-другому. Так Тихиро превратилась в Сен. В японской версии, естественно, никаких пояснений не требуется, так как носители языка и так понимают, как один звук превратился в другой.

Однако если при переводе фильма эти манипуляции с иероглифами оставить без внима-

ния, то зрителю останется только гадать, какая связь между двумя совершенно не похожими именами. Ни во французском, ни в русском дубляже, к сожалению, никаких пояснений нет.

千尋と いうの かい？ 贅沢な 名だね。 今から おまえの 名は千だ。	<i>Tu t'appelles Chihiro. C'est beaucoup trop long pour une aussi petite fille. Désormais tu t'appelleras seulement Sen.</i>	<i>Твое имя Тихиро? Больно длинное. Теперь тебя будут звать Сен.</i>
--	--	--

Однако если обратиться к субтитрам французской версии, станет понятно, что ситуация с игрой слов в данном случае отнюдь не является безвыходной. Следует отдать должное находчивости французского переводчика: он расшифровал имя Тихиро и отразил трансформацию, которую произвела с именем Ю-баба.

Mille brasses, rien que ça ! Réduisons à mille, donc Sen.

Возвращаясь к переводу названия фильма, отметим, что в оригинале задействованы оба имени – *Sen to Tihiro no Kamikakushi*, и если перевести буквально, то получится «Исчезновение Сен и Тихиро». В древней Японии существовало поверье о том, что боги (*kami*) могут похитить / спрятать (*kakusu*) человека, а затем вернуть его, как правило, через много лет. Также считалось, что некоторые боги могут похитить не только человека, но и его имя.

Вероятно посчитав, что два непонятных слова не привлекут внимание потенциальных зрителей, французский переводчик заменил оригинальное название на «*Le voyage de Chihiro*», в то время как русский переводчик, судя по всему, исходил из английского варианта «*Spirited away*» – «*Унесенные призраками*», что явно вызывают ассоциации с фильмом «*Унесенные ветром*». Плюс это или минус, сказать сложно. С коммерческой точки зрения, возможно, это был оправданный ход: «*Унесенные ветром*» – фильм популярный, любое напоминание о нем вызовет живой интерес.

Мы рассмотрели лишь малую часть примененных переводческих трансформаций, однако можно с уверенностью говорить о том, что подобного рода исследования представляют большой интерес не только с точки зрения сопоставительной лингвистики, но и практики перевода. Аналогичный анализ какого-либо отрывка может использоваться в качестве тре-

нировочных упражнений для студентов переводческих отделений. Это позволит им на практике убедиться, какие виды трансформаций используются, понять, почему они необходимы, оценить, насколько они были удачны, какие еще приемы перевода могут быть задействованы, и не исключено, что студенты захотят попробовать свои силы в переводе и предложить иные, возможно, более интересные варианты.

Примечания

¹ Revue de presse du Voyage de Chihiro [Электронный ресурс] // le site phrancophone consacré au studio Ghibli. URL: http://www.butta-connection.net/films/chihiro_analyse2.php (перевод наш – А.Б.)

² Aurelio, F. Doppiaggio tra realtà e menzogna. Partie III : Le doublage et les transferts culturels //

Scuola Superiore per Interpreti e Traduttori (università equipollente Gregorio VII), 2012. P. 15–16.

³ Термин заимствован из работы N. Ramière Reaching a Foreign Audience: Cultural Transfers in Audiovisual Translation // The journal of specialized translation, University of Queensland, Australia / http://www.jostrans.org/issue06/art_ramiere.php. В оригинале используются соответственно «domestication» и «foreignisation».

⁴ Предлагаемый нами перевод термина Self, используемого в работе N. Ramière Reaching a Foreign Audience: Cultural Transfers in Audiovisual Translation [Электронный ресурс] // The journal of specialized translation, University of Queensland, Australia. URL: http://www.jostrans.org/issue06/art_ramiere.php.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 14–18.

Е. В. Гаврилова

КАК НЕ УЙТИ ОТ ТРУДНОСТЕЙ ПЕРЕВОДА, ИЛИ «ОПУЩЕНИЕ – ПЕРВЫЙ ПРИЕМ ПЕРЕВОДЧИКА» (на материале французской научно-технической документации)

Предлагается пятиуровневая шкала плеонастических контекстов, в которых при письменном переводе опущения представляются необходимым или, во всяком случае, оправданным приемом: от системно обусловленных до субъективных: системная, речевая, содержательная, ситуативная, стилистическая избыточность. Кроме того, опущение в редких случаях может использоваться для предотвращения ошибок интерпретации, но прибегать к этому возможно только в случае всестороннего понимания текста.

Ключевые слова: компетенция переводчика, коммуникативно-ориентированный перевод, опущение, обязательные смещения при переводе.

Наличие трудностей перевода – очевидный трюизм: не будь их, не было бы и переводчика, его полностью заменил бы компьютер. Трудности перевода могут наблюдаться на любом уровне языка, и универсального алгоритма их обработки не существует. Дело осложняется тем, что, вопреки расхожим представлениям, они не ограничиваются сферой художественной литературы; более того, как раз применительно к художественной литературе, в силу многогранности предмета, принципиальной множественности его восприятия, сложно объективно оценить удачность того или иного пе-

реводческого решения. Для специального же текста, которые всегда имеет непосредственное практическое назначение, все трудности необходимо разрешить. Те из них, что обусловлены системными, в том числе жанровыми, различиями между исходным и переводящим языком, несомненно, могут и должны быть описаны. Однако всегда остается лабильная материя речи, в которой находит отражение не только норма во всей ее гибкости, но и сложный комплекс условий, в которых функционирует текст, причем они будут совершенно различны для перевода письменного и устного.

В целом все затруднения, которые испытывает переводчик, сводятся к двум случаям: они обнаруживают себя либо при осмыслении текста, либо при его перевыражении средствами другого языка. Если переводчик не справился с первым, то можно, пожалуй, остановиться на констатации того, что он некомпетентен, и не пытаться «помочь» конкретными приемами там, где нужно всего лишь подучить язык или освоить методы поиска информации. Тем не менее именно такие случаи зачастую становятся предметом анализа исследователей. Комментатор выявляет лакуны в познаниях переводчика и стремится их заполнить, а ведь речь, в сущности, изначально идет не о трудности, а об ошибке, по меткому выражению Ланса Хьюсона, *une invitation à la paresse* – «поводе к лени» [4. С. 26].

Но утверждая, что опущение каких-либо элементов оригинала должно быть обоснованным шагом переводчика, нельзя оставлять без внимания вопрос, что является таким достаточным основанием. При этом надлежит учитывать и системные (не)соответствия, и прагматические соображения, и (если речь идет о литературном произведении) особенности авторского письма. Возможно ли свести их в единую, притом иерархически организованную схему?

Зарубежные исследователи видят в опущении (*omission, deletion*) прежде всего простейший адаптационный инструмент, используемый для упрощения текста в стилистических и стратегических целях [2]. Его применение считается адекватным в следующих случаях:

– если опускаемый элемент неприемлем для аудитории или окажет на нее нежелательное воздействие;

– если он не содержит полезной информации [1. С. 144].

На практике, однако, такое подразделение случаев оправданного или даже необходимого опущения не может служить достаточным руководством, поскольку не называет конкретных факторов, а лишь описывает общий посыл, которым, как предполагается, руководствуется переводчик. Более того, второй пункт, в сущности, входит в первый, поскольку присутствие избыточной информации в тексте перевода неизбежно скажется и на его восприятии получателями; с коммуникативной позиции прагматический фактор вообще играет доминирующую роль, а следовательно, не может рассматриваться как обоснование одного

частного приема перевода. Требование, чтобы результирующий текст на ПЯ соответствовал своему назначению и отвечал ожиданиям адресата, мы принимаем за аксиому.

Логично предположить, что исключается, отбрасывается только то, в чем нет потребности. Таким образом, опущение есть борьба с избыточностью. Последняя может обнаруживаться на разных уровнях и в разных структурах.

Так, бесспорной мыслится необходимость опускать в переводе элементы, обусловленные разницей языка оригинала и переводящего языка. Простейшим примером может служить передача морфологических форм в случае, когда исходный язык аналитический, а переводящий – синтетический. Менее очевидны синтаксические несоответствия, например, избыточное с точки зрения русского языка, тяготеющего к сочинительным и предложно-именным конструкциям, употребление придаточных предложений и причастных оборотов во французской технической речи. В сфере лексики для той же пары языков можно указать повторы, в том числе перифрастические: к ним охотно прибегают французские инженеры и ученые, тогда как в русском научно-техническом стиле они недопустимы. Обозначим этот базовый уровень избыточности, всегда требующий опущения, как *системную избыточность*.

Несколько большей субъективностью опущение характеризуется тогда, когда избыточность определена узусом, речевой нормой. В отличие от описанных выше случаев, здесь возможен вариант и с сохранением оригинала во всей его структурной полноте, однако он будет воспринят читательской аудиторией как неудачный, неестественный, чуждый: «мы так не говорим/ не пишем». Такая *речевая избыточность* имеет место, например, в следующей выдержке из учебника по физике, посвященной водородной связи:

(1) <...> *Lorsqu'une liaison hydrogène s'établit, les deux hétéroatomes se trouvent à une distance d'environ 2 Å, c'est-à-dire 0,2 nm. Une illustration peut être celle de l'eau solide (glace). En effet, la molécule d'eau est l'exemple typique de la liaison H. Les liaisons H s'établissent, de sorte que l'état liquide de l'eau est l'état le plus compact, tandis que pour tout autre corps pur c'est l'état solide <...>* [6].

Нетрудно видеть, что предложения *Une illustration peut être celle...* и *En effet, la molécule d'eau...*, не будучи идентичными, выражают практически одну и ту же мысль. Оригиналь-

ный текст при этом сохраняет свою нормативность, тогда как механический перенос всех его элементов в речь на русском языке создал бы ощущение навязчивого повтора, усугубляемого еще и повтором фактическим – *une liaison hydrogène s'établit, les liaisons H s'établissent*. Поэтому при переводе данный отрывок будет подвергнут компрессии, например, следующим образом:

При водородной связи расстояние между гетероатомами составляет около 2 Å или 0,2 нм. Типичный пример – связь между молекулами твердой воды (льда). Она устанавливается таким образом, что вода в жидком состоянии обладает большей плотностью, нежели в твердом; для любого другого чистого вещества справедливо обратное (перевод наш – Е. Г.).

Избыточность, требующая опущения, может быть и не формально-знаковой, а **содержательной**. Вообще вопрос о том, вправе ли переводчик нехудожественных текстов улучшать оригинал, особенно при невозможности согласовать это с автором, относится к числу спорных. Думается, ответ на него определяется, с одной стороны, жанром текста: позволительно, например, корректировать руководство по эксплуатации, успешность перевода которого определяется возможностью его применения на практике, но недопустимо вмешиваться в монографию. С другой стороны, важно знать потребности заказчика. Случается, что он прямо требует извлечь из документа, обычно весьма большого, главную информацию, не отвлекаясь на подробности и разъяснения. Опущения при этом могут как быть точечными, распределенными по всему тексту, так и выходить за пределы предложения и даже покрывать целые абзацы. В иных случаях заказчик не нуждается в прямом сокращении оригинала, но заинтересован в адекватном восприятии перевода его конечной аудиторией. Научно-технические переводы выполняются преимущественно для специалистов, и присутствие в них общеизвестных сведений или излишне развернутые пояснения могут вызвать скептическое отношение к тексту в целом, вполне вероятно – необоснованное. Наконец, нельзя исключать ситуацию, в которой автор сам допустил неточность. Стоит ли говорить, что первым ответственным за нее станет переводчик? Не останавливаясь здесь подробно на проблемах переводческой этики, констатируем лишь, что иногда переводчики предпочитают разрешать их по принципу «сомневаешься – не пиши». Наиболее же

оправданно устранение содержательной избыточности посредством опущения тогда, когда данные уже были сообщены, как в отрывках из рекламного текста ниже:

(2) *Simplifiez votre vie de nomade. La souris ultra-portable Logitech® VX Nano Cordless Laser Mouse for Notebooks est toujours prête à l'emploi grâce à son nano-récepteur USB ultra-discret, le plus petit au monde. Une fois branché, vous pouvez l'oublier.*

1. *Nano-récepteur prêt à l'emploi : une fois le minuscule récepteur USB branché, vous pouvez l'oublier. Grâce à lui, votre souris reste toujours prête à l'emploi. <...>*

5. *Design ultra-portable : se glisse facilement dans votre étui d'ordinateur portable.*

6. *Style attrayant : agrément votre mode de vie actif avec un design compact et élégant [5].*

Вводное описание и три приведенных пункта содержат одну и ту информацию: предлагаемая вниманию покупателей беспроводная компьютерная мышь снабжена компактным ресивером (*nano-récepteur USB ultra-discret ; le plus petit au monde ; une fois branché, vous pouvez l'oublier ; minuscule récepteur USB, ultra-portable ; se glisse facilement dans votre étui ; design compact*). Кроме того, отдельные отрезки фраз повторяются дословно (*Votre souris <...> toujours prête à l'emploi ; Une fois <...> branché, vous pouvez l'oublier*). Переводчик, несомненно, примет во внимание, что назначение данного текста заключается в продвижении товара и что поэтому акцент на его ключевых свойствах, некоторая гиперболизация их уместны. Вместе с тем реклама не должна и раздражать целевую аудиторию. Исходя из этого, при переводе будет произведен ряд опущений. На наш взгляд, наиболее безболезненно это можно сделать, равномерно распределив информацию между вводным абзацем и первым пунктом, а в остальных случаях – подобрав подходящие синонимы. Прочие трансформации будут обусловлены конкретными требованиями локализации; не исключено, что в конечном итоге опущению подвергнутся и другие элементы.

Тесно связана с содержательной **ситуативная избыточность**. В силу того, что условия перевода изменчивы, она имеет не менее зыбкие очертания и может затрагивать как смысл сказанного или написанного, так и формальную сторону речи. Говоря о требованиях заказчика к содержанию переводного документа, мы частично затронули и ее. Следует отметить, что содержательная и ситуативная избыточность

зачастую неразрывно связаны. Опушения, производимые в силу ситуативной избыточности, частотны прежде всего в устном переводе, но встречаются они в письменном; разница состоит лишь в том, что для письменного перевода ситуация задана заранее. Представляется, что в некоторых случаях ситуативное опущение может сочетаться и с ошибкой или непониманием со стороны переводчика, не препятствуя, однако, коммуникации – при условии, что этим обманым приемом не злоупотребляют. Имеется в виду ситуация цейтнота, когда переводчик просто выпускает непонятое во имя качества результирующего текста: во всяком случае, в переводе не возникнет явной ошибки.

Теперь вернемся к примеру (1). Мы видим, что произведенные нами сокращения не ограничились опущением предложения-дубля. Так, исчез союз *tandis que* («тогда как»), хотя его употребление здесь не противоречит ни норме языка, ни узусу. Тем не менее переводчик счел союз избыточным в силу того, что внутренняя логика фразы ясна и при бессоюзной связи, а сохранение опущенного элемента нарушило бы ритм, утяжелило синтаксис, просто удлинило бы и без того объемную конструкцию. Здесь можно говорить о **стилистической избыточности**, которая связана с эстетическим аспектом текста. Конечно, стилистическая избыточность в полной мере проявляет себя в художественных текстах, где зачастую определяется авторским стилем, однако встречается она и в научной литературе, и даже в технической документации. Опушения, обусловленные данным типом избыточности, по нашему мнению, наиболее субъективны, но приемлемы. Периферийное положение стилистических опущений дает обильную пищу для размышлений, выходящих за пределы настоящей статьи.

Итак, мы предлагаем следующую шкалу избыточности (по степени обязательности опущения избыточного элемента):

системная → речевая → содержательная и ситуативная → стилистическая

Как правило, системная и речевая избыточности не влекут за собой неоправданных опущений при переводе, поскольку они имеют сугубо лингвистическую природу, а значит, проверяемы (с помощью лексикографических источников и поисковых систем). Иначе дело обстоит с избыточностью информации в силу повторов, характера текста или его носителя, специфических условий перевода.

Разумеется, все перечисленные факторы объективно существуют и могут быть зарегистрированы. Сложность заключается в том, чтобы определить, какие речевые факты поддаются под их действие. Всякое опущение чревато тем, что подвергнувшиеся ему элементы могут оказаться значимым, порой даже определяющим элементом смысла. Единственный способ достоверно их распознать – полноценное понимание оригинала. Стоит ли говорить, что для интересующих нас научно-технических текстов оно приобретает особое значение. Ошибочная интерпретация может как оставить в переводе элементы, являющиеся избыточными, так и лишит его действительно полезной информации, не говоря уже об опущениях, маскирующих неразрешимую для данного конкретного переводчика трудность. Выше мы утверждали, что в исключительных случаях такие опущения правомерны, однако парадоксальным образом для того, чтобы одно пропущенное слово спасло от ошибки, необходимо, чтобы ошибок не было в остальном тексте – только глубокое понимание окружения нераспознанного элемента позволяет принять решение об отказе от него без серьезного ущерба содержанию.

Рассмотрим микроконтекст, источником которого является словарная статья из справочника по механике:

(3) *En génie civil, la crapaudine est employée pour assurer une légère liberté de mouvement à des ouvrages d'art ; telle que pour les pylônes de soutènement qui sont posés sur des crapaudines en fonte qui permettent leur pivotement dans le sens du pont suspendu (pont d'Assat) [3].*

Данный текст был предложен на учебный перевод студентам 4 курса переводческого факультета Нижегородского государственного лингвистического университета. Основные сложности возникли на отрезке *leur pivotement dans le sens du pont suspendu*. Студенты не поняли, как опоры моста могут «поворачиваться в направлении подвешенного моста» и о каком подвешенном мосте говорится в тексте, поэтому некоторые переводы обрывались на слове *pivotement*. Их авторы аргументировали опущение тем, что статья сопровождалась иллюстрацией, из которой предполагалось, что адресат понял бы направление движения – иными словами, усмотрели в тексте содержательно-ситуативную избыточность. В действительности речь идет об одном и том же мосте (термин *suspendu* лишь подчеркивает, что он не имеет жесткой

опоры), а возможный правильный вариант перевода – «*сместение вместе с мостом*». Мы видим, что одно из слов в конечном варианте действительно было опущено, но изначально этот результат был получен случайно и не может считаться надежным.

Но от неверной интерпретации не застрахован и профессиональный переводчик. В отличие от студента, ему редко встречаются совершенно непонятные места, но он точно так же может превратно истолковать ожидания заказчика или неправильно оценить меру известности тех или иных фактов. Приведем пример из нашей недавней практики. Это начало записи в блоге, посвященном свободному программному обеспечению (*logiciels libres*):

(4) *L'organisation de la promotion des logiciels libres dans un cadre associatif est une activité très enrichissante et intéressante, mais potentiellement lourde et épuisante. N'étant pas directement relative au travail des développeurs, elle n'est pas toujours reconnue par ces derniers* [7].

Поскольку в сфере СПО разработчики, техподдержка и пользователи обычно работают командно, возникло предположение, что словосочетание *dans un cadre associatif* избыточно. К сожалению, к посту не было комментариев, которые пролили бы свет на его истинное значение. Автор пребывал в заблуждении до того момента, пока не обратился к заголовку, где также фигурировало слово *association*: *Du difficile travail en association et en public*. Сомнительно, чтобы специалист тратил время на развернутое рассуждение по всем известной теме. Выяснилось, что *cadre associatif* имеет здесь более узкое значение и означает объединения, ассоциации увлеченных пользователей дистрибутивов. Спорный фрагмент остался в тексте перевода: «*Продвигать свободный софт через ассоциации СПО интересно и полезно, но...*»

Возможно, работа переводчика в наши дни нуждается в некоторой демистификации.

Стремление к полноте передачи информации, безусловно, остается его основным императивом, а современные средства поиска значительно облегчают эту задачу, делая возможным нахождение великого множества контекстов. И все же всякий перевод по сути является очищенным продуктом, а переводчик – фильтром, который задерживает словесный мусор, примеси побочной информации, частицы с неприятным вкусом или запахом, который может не понравиться адресату перевода... К счастью для творчества, ГОСТ на этот фильтр пока не разработан.

Список литературы

1. Основные понятия англоязычного переводоведения : терминологический словарь / РАН ИНИОН ; отв. ред. и сост. М. Б. Паренко. М., 2011. 250 с.
2. Baker, M. In other words: a coursebook of translation. L., 1992. 317 p.
3. Сrapaudine (mécanique) [Электронный ресурс]. URL: <http://fr.academic.ru/dic.nsf/frwiki/465289>.
4. Hewson, L. Éloge de la subjectivité : hors-série 2013. Revue semestrielle réalisée par le Centre de Recherches INTER LITTERAS de la faculté des Lettres et Sciences de la Communication de l'Université «Ștefan cel Mare» de Suceava. Suceava, 2013. P. 13–29.
5. Logitech VX Nano Cordless Laser Mouse for Notebooks [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldlc.com/fiche/PB00062874.html>.
6. Nanni, J. La chimie de la vie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fichier-pdf.fr/2011/07/27/la-chimie-de-la-vie>.
7. Pettiaux, N. Do It Yourself : du difficile travail en association et en public [Электронный ресурс]. URL: <http://linuxfr.org/news/du-difficile-travail-en-association-et-en-public>.

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются возможности применения в переводческом процессе ряда специальных когнитивных стратегий, направленных на последовательное решение определенных задач, связанных с пониманием, интерпретацией и воспроизведением иноязычного текста. Детальное изучение языкового контекста, антиципация и моделирование, создание динамических фреймов и определение концептуальных значений, а также следование принципу теории динамической эквивалентности на заключительном этапе перевода должны способствовать, в результате, раскрытию коммуникативной функции переводимого текста.

Ключевые слова: когнитивный подход, когнитивная стратегия, концептуализация, модель перевода, динамическая эквивалентность.

Когнитивное направление, являющееся достаточно актуальным в эпоху глобализации, интеграции культурной и научной сфер знания, как известно, в корне изменило представление о лингвистической задаче, поставило новые вопросы и сформировало новый взгляд на природу языкового знака. В рамках когнитивного подхода особую роль приобрел человеческий фактор в познавательном и речемыслительном процессах, индивидуальное знание отдельного участника коммуникации, его повседневный опыт осознанного и неосознанного познания окружающего мира, его роль в формировании смысла высказывания и значений отдельных языковых единиц¹.

Исследование когнитивных процессов в лингвистической науке неизбежно коснулось и современного переводоведения. Так, в процессе поиска адекватных переводческих решений появилась возможность говорить не просто о степени эквивалентности сопоставляемых в двух языках единиц, но и о совпадении, несопадении, наложении, а также о взаимопроникновении и взаимовлиянии концептуальных областей, стоящих за ними. Понимание того, что язык – это средство передачи мысли, накопленных знаний как вербального, так и невербального характера, привело к изучению способов организации и взаимодействия разных типов знаний в различных лингвокультурах.

Перевод как воссоздание определенной когнитивной модели подразумевает не только понимание и передачу плана содержания, но и адекватную интерпретацию коммуникативного намерения автора, осмысление и оценку авторского замысла. Профессиональная компетентность переводчика в этом случае понимается как интегративная характеристика личности специалиста, включающая лингвистиче-

скую, социокультурную, психологическую и информационную компетенции². В отношении современного переводчика это не только знание вокабул, нормативности и правил грамматики и орфографии, но и свободное владение жанрово-стилевой палитрой речи, знание правил политкорректности и кросс-культурной коммуникации, умение ориентироваться в различных типах дискурсов.

Поиск подходящего способа выстраивания смысловой перспективы текста с пониманием идейно-тематического и структурно-семантического единства его содержания с одной стороны, а также с учетом идеи множественности интерпретаций на этапах его восприятия, осмысления и, затем, вербализации, предполагает активацию ряда когнитивных механизмов или когнитивных стратегий в процессе решения переводческой задачи.

Понятие стратегии достаточно широко трактуется современной наукой. Так, в рамках когнитивного подхода Дж. Брунера стратегии рассматриваются как определенный набор ментальных операций³. В трудах Т. Ван Дейка, предложившего когнитивную модель анализа дискурса, встречается несколько видов разноплановых стратегий (стратегии мышления, стратегии понимания связного текста, речевые стратегии этнических убеждений и пр.)⁴.

Интересной представляется теория деятельности стратегии, предложенная В. В. Гусевым, в которой способ действий определяется субъектом. Вслед за этим автором под стратегией мы понимаем «способ самоорганизации личности в процессе определенного вида деятельности»⁵.

Когнитивные стратегии в процессе перевода – это не просто мыслительные операции, осуществляемые переводчиком для кодифика-

ции нового языка, но и способы интерпретации, адаптации полученных знаний в рамках той области, в которой осуществляется перевод. Такие стратегии обусловлены важностью не только первого этапа «понимания», но и последующих этапов непосредственно «перевода» и «порождения нового текста», где важными представляются подбор, иерархия, последовательность выполнения действия, способы и средства контроля и оценки результата. Иными словами, стратегия включает не просто набор действий в рамках определенной деятельности с целью получения определенного результата, но и способы рациональной организации этой деятельности.

Если взять за основу классическую трехуровневую модель перевода (*понимание – перевод – порождение нового текста*), то, с учетом вышесказанного, можно выделить ряд стратегий, соотносимых с когнитивными ресурсами человека и обуславливающих эффективность действий на каждом этапе переводческого процесса.

На уровне *понимания* происходит восприятие иноязычного текста и постижение его смысла на основе поиска концептуальных соответствий значений, заложенных в тексте, знаниям переводчика. Здесь же возможен процесс антиципации, прогнозирующий итоговое развертывание текста на языке перевода⁶. Важным на данном этапе является тщательное изучение заданного лингвистического контекста с целью извлечения информации как языкового, так и экстралингвистического плана. В иноязычной методической литературе данная стратегия именуется инференцией (*inferencing*), что значит «вывод, заключение на основе представленных фактов, деталей». Умелый анализ языкового материала (рассмотрение контекстуальных значений, синтагматической структуры), внешних сопутствующих характеристик (иллюстрации, выделения в тексте) наряду с анализом авторского стиля позволит грамотно выстроить следующие этапы перевода.

Так, например, перевод торгового наименования *Bodywork shampoo conditioner* (автошампунь-кондиционер) первоначально представляет трудности как семантического, так и прагматического плана. Во-первых, неоднозначность семантики и внутреннее значение формы *bodywork* (корпус машины), маркирующей технический термин и, во-вторых, стереотипное соотношение сочетания *shampoo conditioner* с

совершенно иной сферой применения могут представлять собой определенную задачу на уровне переводческой инференции.

Не первом этапе переводческого процесса очень важным является так называемое «снятие первого барьера сложности», которое достигается в момент «узнавания» текстовой модели, то есть путем соотнесения данного для перевода текста с тем или иным текстотипом. Работа над переводом определенного текстотипа, с одной стороны, потребует в дальнейшем от переводчика поиска тех же специфических моделей текста на языке перевода, но, с другой стороны, знание таковых и их умелое соотнесение в двух языках позволит на этапе перевода пойти по пути воспроизведения, копирования уже знакомого текстового материала. Согласно гипотезе, предложенной в книге испанского лингвиста Х. Х. Саро, «перевод – это всегда лишь имитация, полная или частичная переводов, которые уже когда-то имели место или схожих по тематике текстов»⁷. В этом случае, несомненно, важен опыт переводчика в умении создать своеобразную базу текстотипов, текстовых категорий, в соответствии со свойственными им лексическими, синтаксическими, прагматическими и функциональными особенностями.

На этапе первичного восприятия текста важным представляется также соотнесение предлагаемого материала с имеющимся лингвокультурным опытом переводчика. Для того чтобы информация была понята, она должна быть соотнесена с той информацией, которой уже обладает переводчик, восприниматься не на пустом месте, а быть «нанизанной» на уже готовые концептуальные образы. Если значение не может быть вычленено из предлагаемого контекста, оно может быть смоделировано, сконструировано при помощи когнитивных ресурсов памяти переводчика.

На этапе перевода осуществляется мысленное создание динамических фреймов (ситуативных концептуальных образов) на основе текста оригинала и их сопоставление со схожими им концептуальными структурами в языке перевода. Стратегически важным здесь является умение сжать, законспектировать, кратко изложить или резюмировать предлагаемое текстовое содержание. В этот момент переводчик отвлеченно от предлагаемой формы представляет некий план, основу ее концептуального содержания. Как известно, когнитивный подход в переводоведении следует

принципу: перевести – значит девербализовать концепты. Но сначала переводчику необходимо данные концепты обозначить. Составление списка ключевых слов, разработка семантических карт, нахождение семантических соответствий внутри описываемых концептов является важной частью данного процесса. Подобные тактики должны быть доведены до совершенства в отношении устного переводчика, обучающегося искусству скорописи, оттачивающего в процессе обучения скорость реакции и внимания.

На заключительном этапе, когда переводчик производит новую иноязычную модель предложенной ему концептуальной структуры, важным является, в первую очередь, максимально полное сохранение ее содержания. Форма представления в этом случае менее значима. Важным постулатом в русле когнитивного подхода в рамках теории «динамической эквивалентности» является мысль о том, что «любое слово из языка оригинала, в зависимости от лингвистической ситуации, может иметь различные варианты соответствия в языке перевода»⁸. В нижеследующих вариантах перевода испаноязычного текста политической тематики показаны возможные расхождения лексико-стилистического плана, не обуславливающие, однако, релевантных концептуальных отличий:

Ha transcurrido poco más medio año desde que se formó nuevo Gobierno, y aunque es todavía muy pronto para hacer balance, probablemente ha pasado ya un tiempo suficiente para mirar con objetividad el estado actual de España.

Прошло всего полгода с момента образования нового правительства, и хотя еще рано делать какие-то выводы, возможно, уже прошло достаточно времени для того, чтобы дать объективную оценку нынешнему положению Испании (1).

Прошло немногим более полугода с момента формирования нового правительства, и хотя еще не время подводить какие бы то ни было итоги, наверное, прошло уже достаточно времени, чтобы объективно взглянуть на реальное положение государственных дел в Испании (2).

Одним из востребованных приемов как в практике профессионального перевода, так и

в учебном процессе является переписывание текста перевода, который уже был сделан. Перефразирование, замены на уровне слова и целой синтагмы позволяют добиться точности изложения на родном языке, что зачастую является непростой задачей.

Успешным результатом такого трехступенчатого стратегически выверенного плана переводческого процесса должно явиться раскрытие коммуникативной функции переводимого текста, сути авторского намерения, способность вызвать у читателя текста перевода те же эмоции, реакции, желания, что и у читателя текста оригинала.

Примечания

¹ См.: Болдырев, Н. Н. Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001. В пособии конкретизируется проблематика когнитивно-ориентированного исследования, где антропологический подход рассматривается в его противопоставлении традиционному, основанному на объективных характеристиках предметов и явлений С. 4–10.

² Более подробно см.: Бушев, А. Б. Языковая личность переводчика. Тверь, 2010.

³ См.: Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М., 1977. Мы обратились к изучению различных интерпретаций понятия «стратегия», и данный автор использовал его в своих трудах одним из первых.

⁴ См.: Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 43, 121 и др.

⁵ Гусев, В. В. Семантические и стилистические аспекты перевода // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. 2005. Вып. 506. С. 8–24.

⁶ См.: Ремхе, И. Н. Языковая личность переводчика и когнитивные особенности переводческого процесса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 24 (239). **Филология. Искусствоведение**. Вып. 57. С. 263.

⁷ Zaro, J. J. Manual de traducción / J. J. Zaro, M. Truman. Madrid, 1998. С. 46.

⁸ См.: Nida, E. **Towards a Science of Translating: With special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating**. Цит. по: Zaro, J. J. Manual de traducción. Madrid, 1998. С. 51.

АССИМИЛЯЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00554 «Русская литература в современном мире: перевод как восприятие и восприятие перевода»).

Нахождение перевода на «стыке» двух культур – «исходной», внутри которой был создан оригинал, и собственно «принимающей», приводит к тому, что он фактически одновременно становится продуктом этих двух культур. В случае художественного перевода система текстовых смыслов подвергается адаптационным и ассимиляционным изменениям, а также аккультурации и гибридизации, так как переводчик стремится обеспечить своему тексту вхождение в иную культурно-языковую среду.

Ключевые слова: *текстовая двуязычная коммуникация, художественный перевод, ассимиляция, гетерогенность культур.*

В процессе перевода как двуязычной текстовой коммуникации сталкиваются коммуникативные сферы автора оригинала и переводчика как квази-автора текста, предназначенного для вторичного читателя из системы переводящего языка. Когда переводчик начинает ориентироваться на целевую аудиторию и ее спецификацию, можно говорить о появлении нового типа перевода – о лингвоэтническом переводе. Так, переводчики романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» устанавливают системный характер корреляции между британским и американскими вариантами английского языка. В названии главы 7 «Нехорошая квартира» для британской аудитории присутствует слово *flat* – «The Haunted Flat» (M. Glenny, 1967 г.), а для американской аудитории, естественно, более привычным оказывается слово *apartment* – «The Sinister Apartment» (M. Ginsburg, 1967 г.), «The Evil Apartment» (D. Burkin and K. Tiernan O'Connor, 1995 г.), «A Naughty Apartment» (R. Peaver and L. Volokhonsky, 1997 г.), «A Bad Apartment» (H. Aplin, 2008 г.) и «A Fishy Apartment» (M. Karpelson, 2011 г.). В предисловии к своему переводу Д. Бергин и К. Тирнан О'Коннор указывают, что их основной задачей было создание читабельного текста (*readable American English translation*), то есть черты национального культурного стиля оказали влияние на выбор эквивалентов.

Принадлежность переводчика к литературным традициям и направлениям, уровень языковой компетенции и уровень владения двумя языками предопределяют степень приближения и/ или отдаления от оригинала. При интерпретации вербального знака в виде

межъязыкового (*interlingual*) перевода и межсемиотического (*intersemiotic*) перевода (по терминологии Р. О. Якобсона) гетерогенность языковой и культурной сфер приводит к проявлению четырех основных явлений, а именно: аккультурации, ассимиляции, адаптации и гибридизации.

Наибольший интерес представляет проблема выбора переводчиком определенных стратегий работы с оригиналом. Так, издание перевода В. Руднева¹ сопровождается подробным анализом исходного текста А. Милна с точки зрения различных дисциплин (аналитической философии, логической семантики, лингвистики, семиотики, теории речевых актов, семантики возможным миров, структурной поэтики, теории стиха, клинической характеристики, классического психоанализа и трансперсональной психологии и так далее). Особое значение приобретает переводческая рефлексия над собственной деятельностью и ее результатом. В. Руднев при работе над «Winnie Пухом» выбрал в качестве стилистического ключа переводы У. Фолкнера, выполненные Р. Райт-Ковалевой. В итоге переводческая индивидуальность, его личностное отношение к оригиналу и/ или к его автору находят свое отражение в тексте перевода.

Переводчик как активно работающая в культуре личность начинает с того, что толкует и излагает ограничения своего социума. Например, в силу определенных исторических причин и ряда обстоятельств англичане относятся к французам с предубеждением. Как считают исследователи, в пользующемся большой популярностью во времена английского

короля Карла I (1600–1649) стихотворении из сборника «Mother Goose Rhymes» речь идет о запланированном, но несостоявшемся походе 1610 г. французского короля Генриха (1553–1610) во главе сорокатысячной армии, так как король был убит в том же году. Естественно, современному русскоязычному читателю трудно увидеть реминисценции к реальному событию, которое, вероятно, также утратило свою актуальность и для англоговорящего социума.

The King of France went up the hill По склону вверх король повел
With forty thousand men; Полки своих стрелков.
The King of France came down the hill, По склону вниз король сошел,
And ne'er went up again. Но только без полков.
 Mother Goose Rhymes Королевский поход
 (Пер. С. Я. Маршака)

Упомянутые в английской детской считалочке / *the Frenchmen* «французы» при переводе на русский язык становятся немцами.

Eeny, weeny, winey, wo, Эне-бене-винки-ли,
Where do all the Frenchmen go? Куда немцы все ушли?
To the east and to the west, Кто на юг, кто на восток,
And into the old crow's nest. А кто в курятник на шесток.

Mother Goose Rhymes (Пер. К. Атаровой)

Степень и глубина ассимиляции оригинала, равно как и его адаптации, зависят от коммуникативных целей переводчика. Следует отметить позицию М. Л. Гаспарова относительно создания сокращенных поэтических переводов: «... в каждом стихотворении есть места наибольшей художественной действительности, есть второстепенные и есть соединительная ткань», поэтому можно «... показать в переводе портрет подлинника глазами нашего времени, опустив или сохранив то, что нам кажется маловажным»². Схожие взгляды выражает переводчик П. Нерлер³, утверждавший, что произведения В. Шекспира надо переводить исходя из общего временного контекста эпохи перевода. Когда переводчик как посредник в двуязычной текстовой коммуникации ориентируется на определенный тип «своего» читателя-современника, то он способен начать пытаться приписывать оригиналу актуализированный текущий «современный» смысл. Иногда введенные переводчиками современные реалии, слова и выражения (не) позволяют читателю соотнести текст с конкретным промежуточным временем. При осовременивании

оригинал оказывается переподчиненным эмоциям и пристрастиям переводчика, переходит в другую систему координат:

2. *As, to behold desert a beggar born,* 5. Где добродетели святая красота?
 4. *And purest faith unhappily forsworn,* 6. Пошла в распутный дом: ей нет иного сбыта!..
 5. *And gilded honour shamefully misplac'd,* (Пер. В. Бенедиктова, 1884 г.)
 6. *And maiden virtue rudely strumpeted,* 3. Ничтожество, поднятых на пьедестал,
 8. *And strength by limping sway disabled,* (Пер. А. Васильчикова, 1989 г.)
And art made tonguetied by authority, 10. Ученость пред судом надменного осла,
 10. *And folly, doctor-like, controlling skill,* (Пер. Н.В. Гербеля, 1880 г.)
 W. Shakespeare. 9. Как в докторской тоге, с дипломом в руках
 Sonnet 66 10. Безумие гордо шагает!
 (Пер. В. Гоппена, 1888 г.)
 8. Тиранству вялому над мощью власть дана.
 9. В наморднике чиновничьем искусство,
 10. И доктор Дурь – над гением патрон,
 (Пер. А. В. Луначарского, опубл. 1958 г.)
 3. От простоты, занявшей пьедестал,
 4. От вымученной веры из-под палки,
 5. От срама орденов и галунов,
 (Пер. В. Орла, 1982 г.)

Уровень культуры определяет культурно-языковую конвергенцию как приспособление к относительно одинаковым условиям существования текста. Возможно ассимиляционное «искривление» текстовой реальности: играющий на скрипке герой лимерика Э. Лира оказывается в переводе *диверсантом на особом задании*.

There was on Old Man of the Isles, Жил один господин в Иордании,
Whose face was pervaded with smiles; Диверсант на особом задании.
He sung high dum diddle, Он пиликал на скрипке,
And played on the fiddle, Расточая улыбки,
That amiable Man of the Isles. Чтоб запутать следы в Иордании.

E. Lear (Пер. Г. Кружкова)

К сожалению, причиной подобных изменений часто становится желание переводчика усилить заложенный автором исходного текста смеховой эффект. Естественно, пойманная и выпущенная затем обратно в воду *fish* «рыба»

из детской считалочки становится при переводе на русский язык *щуккой*.

*One, two, three, four, five, Раз, два, три, четыре,
Once I caught a fish alive, пять,
Six, seven, eight, nine, Щуку удалось поймать,
ten, Шесть, семь, восемь,
Then I let it go again. девять, десять,
Why did you let it go? Щука стала куролесить.
Because it bit my finger so. Ну и как же было дело?
Which finger did it bite? Укусить меня сумела –
This little finger on the Полмизинца отхватить,
right.*

Mother Goose Rhymes *Пришлось щуку отпустить.*

(Пер. Г. Варденги)

В следующем стихе обыгрываются способности ловли разных видов рыб: у английского глагола *dredge* есть два значения «драгировать; производить дноуглубительные, землечерпальные работы» и «ловить устриц сетью», каждое из которых связано с соответствующим существительным – *dredger* «многочерпаковый экскаватор, землечерпалка, драга» и *dredger* «драгер, устричное судно». Из перевода остается непонятным, почему благородного происхождения и голубых кровей устрица любит скрежет бульдозера.

*The herring loves the Селедке по сердцу запах
merry moonlight, полей.
The mackerel loves the Макрели – туманы над
wind; озером.
But the oyster loves the А вот устрица –
dredging song, голубых кровей,
For she comes of a gentle Ей милее скрежет
kind. бульдозера.*

Mother Goose Rhymes (Пер. А. Кацуры)

В романе «Антикварий» (1816) английского писателя В. Скотта это четверостишие представлено как часть старинной баллады:

*The herring loves the Сельдь любит плавать
merry moonlight, под луной,
The mackerel loves the Макрель же любит ве-
wind, тер.
But the oyster loves the А устрица – песок мор-
dredging sang, ской,
For they come of a gentle Изнеженная леда.
kind. В. Скотт. Антикварий*

W. Scott. The Antiquary (Пер. Д. М. Горфинкеля)

Степень коррекции/ адаптации/ ассимиляции обусловлена имеющимися у переводчика представлениями о жанре, типе ситуации, модельном Мире текста. Ассимиляционным изменениям обычно подвергаются не только единицы исходного текста, несущие фоновую информацию, но и представленные в тексте ситуации.

Необходимо распознавать и квалифицировать присущие той или иной лингвокультуре национально-специфические феномены. Из описания бара в казино читатель узнает, что там:

Шторы и ковры одного, голубого, цвета. Официанты в белых куртках с золотыми эполетами. Я. Флеминг. Казино «Руаяль» (Пер. С. В. Козицкого)

На самом деле в оригинале представлена совершенно иная цветовая гамма интерьера, где преобладает *ярко-синий цвет / royal blue*, а обслуживающий персонал одет стандартно – в жилетки и фартуки:

The curtains and carpets were in royal blue. The waiters wore striped waistcoats and green baize aprons. I. Fleming. Casino Royale

Происходит проецирование текста переводчиком как первичным читателем на себя, свою картину мира и систему знаний. В книге К. Грэма главный герой изыскал необходимые средства на приобретение домика благодаря полученному от тети наследству (*windfall* «неожиданная удача; непредвиденный доход; наследство, которое как с неба свалилось») и строжайшей экономии (*going without*).

... the Mole related ... how this was got through a windfall from an aunt... К. Graham. The Wind in the Willows «... и как это просто свалилось в руки в виде подарка от тетушки... К. Грэм. Ветер в ивах (Пер. И. Токмаковой); ... как совершенно неожиданно тетушка подарила ему деньги... К. Грэм. Ветер в ивах (Пер. Л. Яхнина); ... как он неожиданно получил деньги от тетушки... К. Грэм. Ветер в ивах (Пер. В. Лунина).

Близость «исходной» и «принимающей» культур возникает в случае интеграции идентичности групп, классов, социумов, наций. Культурное подобие или близость (*cultural identity*) описывается как разделение совместного опыта (*shared experience*) и историко-культурного наследия⁴. В процессе интеграции культуры могут стать ассимилированными, когда исходная культура-донор (или отдельные ее элементы) входит в другую культуру с одновременным обогащением принимающей культуры-реципиента или они начинают противостоять друг другу⁵. Ассимиляция культур предполагает их слияние или уподобление как *culture-sympathy*, а интегрированность культур определяется их сближением на культурно-временной дистанции. Так, герои романа А. Кристи обсуждают то, насколько их кухня отвечает светским требованиям: она из хоро-

шей, но обедневшей семьи, поэтому была вынуждена долгое время работать компаньонкой у богатой пожилой дамы, а компаньонкам, с точки зрения ее титулованной родственницы, непозволительно играть в теннис или гольф.

She has been a companion, I tell you. Companions don't play tennis – or golf. They might possibly play golf-croquet, but I have always understood that they wind wool and wash dogs most of the day. А. Кристи. Тайна «Голубого поезда» (Пер. В. В. Тирдатова)

Опора на признак повлияла на формирование проекции смыслового поля оригинала, поэтому во втором переводе романа компаньонка стала *вязать носки*, а не помогать своей нанимательнице перематывать шерсть.

Она же была компаньонкой, я тебе говорил. Компаньонки не играют в теннис... или в гольф. В крокет они, может быть, еще и играют, но я всегда полагала, что основное их занятие – вязать носки и мыть собак. А. Кристи. Тайна «Голубого поезда» (Пер. С. Н. Шпака)

Ассимиляция как одна из тенденций современного художественного перевода не всегда предполагает использование стратегии доместикации. Стихотворение «Little Girl» строится в виде диалога как вопросно-ответное единство: девочка рассказывает, что навещала свою бабушку и та угостила ее молоком / *milk in a can*.

<i>What did she give you?</i>	– Что ты пила у бабушки?	– Чем бабуля угощала?
<i>Milk in a can.</i>	– Пила с вареньем чай.	– Молоком и сливой.
Mother Goose Rhymes	(Пер. С. Я. Маршака)	(Пер. Т. И. Поповой)

Тенденция переводчиков к созданию ассимилированного вторичного текста приводят к постепенной утрате изначально присутствующих маркеров «чуждости», тем самым снимается компонент инокультурного дистанцирования. Если функция переводчика в поликультурном диалоге между автором и вторичным читателем из системы переводящего языка посредническая, ему необходимо помнить, что осуществляемая им некорректная реализация исходного текста приводит в итоге к потере оригиналом общественного и культурного значения.

Примечания

¹ Руднев, В. П. Винни Пух и философия обыденного языка. Алан Милн. Winnie Пух. Дом в Медвежьем Углу. М., 2000.

² Гаспаров, М. Л. Эксперименты для себя // Лит. обозрение. 1998. № 2. С. 93.

³ См.: Нерлер, П. Заметки о русских переводах 129-го сонета Уильяма Шекспира // Шекспировские чтения. М., 1990.

⁴ См.: Wintle, M. Cultural identity in Europe: Shared Experience // Culture and Identity in Europe: Perceptions of Divergence and Unity in Past and Present. Aldershot, 1996.

⁵ См.: Bhabha, H. K. Culture's-In-Between // Questions of Cultural Identity. London, 1997.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 25–31.

В. А. Разумовская

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КАК ЕДИНИЦА ПЕРЕВОДА: БУЛГАКОВСКАЯ МАРГАРИТА

Рассматривается «вечная» проблема переводоведения – проблема единицы перевода. Художественный образ определяется как потенциальная единица художественного перевода. Являясь гетерогенным образованием, художественный образ конституируется несколькими различными семантическими уровнями, что позволяет рассматривать художественный образ как гиперединицу. Сложная многоуровневая природа выделяемой единицы перевода определяет использование различных стратегий перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, художественный образ, единица перевода, принцип дополнительности, интегративный подход, симметрия, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова.

Роман «Мастер и Маргарита» имеет сложную и длительную историю создания – более десяти лет. Не менее сложным и драматичным был и путь романа к его читателям. Будучи законченным в год смерти М. А. Булгакова в 1940 г., текст романа был впервые опубликован только в 1966–1967 гг. в журнале «Москва». Но уже в 1967 г. роман начинает выходить в свет в различных странах мира уже в форме иноязычных переводов. Высокая эстетическая и художественная ценность «сильного» литературного текста, своеобразие поэтического языка и стиля автора, устойчивый интерес читателей романа к сложным сюжетным линиям и многочисленные яркие персонажи генерируют вторичные тексты «Мастера и Маргариты» посредством межъязыковых переводов. Переводы булгаковского текста регулярно создаются в родственных и неродственных лингвокультурах, а также и в поле одной лингвокультуры. Так, в настоящее время известно семь переводов культового русского романа на английский язык, выполненных в США и Великобритании, восемь китайских и три японских перевода. В обширной историографии иноязычных переводов представлены многочисленные немецкие, французские, испанские, польские, украинские переводы, а также переводы на множество других современных языков. Текст мистического романа неоднократно выступал объектом и межсемиотического перевода (по Р. Якобсону). В современной мировой культуре роман представлен в форме театральных постановок, экранизаций, радиоспектаклей, постановок кукольного театра, опер, рок-опер, мюзиклов, симфоний, музыкальных композиций, комиксов, графических и скульптурных изображений. Убедительным подтверждением множественности вторичных текстов романа может служить наличие его восьми киноадаптаций: первой известной экранизацией был фильм «Пилат и другие» А. Вайды (1971 г., ФРГ), а последняя киноверсия («Мастер и Маргарита») снята В. Бортко (Россия) в 2005 г. В свою очередь, многие киноверсии дублировались для проката за пределами стран их создания, что можно определить как межъязыковой перевод креолизованного кинотекста романа, являющегося в свою очередь результатом межсемиотического перевода оригинального художественного текста М. А. Булгакова.

Несмотря на существование большого количества иноязычных интерпретаций булгаковского текста, «Мастер и Маргарита» про-

должает оставаться «зоной риска» и «зоной творческого поиска», предоставляя широкие возможности для толкования текста-шифра, текста-кода не только читателям, литературоведам, лингвистам, но и, конечно, переводчиками. Таким образом, каждый новый перевод становится, по сути, новым прочтением романа. Переводчик романа в первую очередь является его читателем, но читателем очень внимательным, вдумчивым, читателем-аналитиком и читателем-создателем. Не ставя под сомнение очевидный междисциплинарный характер перевода и, прежде всего, перевода художественного, традиционно рассматриваемого как результат пересечения науки и искусства [6 ; 14 ; 15 ; 21] и имеющего лингвистические, литературоведческие, культурологические и собственно переводческие аспекты, сочетающиеся по принципу дополнительности [3 ; 8], обратимся в данной работе, прежде всего, к вопросам технологии перевода.

Выбор эффективных переводческих стратегий напрямую связан с проблемой выделения единицы перевода – «вечным» вопросом переводоведения. Единица перевода в традиционном переводоведении определяется как минимальная единица исходного текста, подлежащая переводу [5. С. 185–190], или как единица речи, требующая отдельного решения на перевод [7. С. 79]. Многие теоретики перевода в качестве единицы перевода принимают уже известную, выделенную в рамках языкознания единицу, принадлежащую любому языковому уровню. Другую точку зрения представлена в работах, отстаивающих точку зрения о том, что единица перевода должна определяться как минимальная единица содержания текста оригинала, воспроизводимая в тексте перевода [13]. В контексте уже упомянутого выше принципа дополнительности можно выдвинуть гипотезу о том, что наиболее интересные результаты в изучении как технологии перевода, так и в рассмотрении вопроса об единице перевода могут быть получены при использовании комплементарного подхода к исследованию обозначенных вопросов. Подчеркнем, что сравнительно недавно категориальная парадигма переводоведения значительно расширилась в силу универсальной тенденции к унификации творческих процессов науки и искусства [9]. Так, в перечень единиц художественного перевода могут быть включены такие информационные комплексы художественного текста, как семантическая ситуация [11] и художественный образ.

Художественный образ является уникальной единицей перевода, что обусловлено спецификой и функциональными особенностями художественного текста. Рассмотрение художественного образа как самостоятельной единицы художественного перевода определяется тем важным обстоятельством, что именно относительно данной единицы переводчик принимает решение на перевод. По своим системно-структурным характеристикам художественный образ представляет собой гетерогенную гиперединицу (единицу-гипероним), конституируемую более мелкими гипонимическими единицами. В большинстве случаев такие гипонимические единицы перевода привязаны к определенным языковым ярусам. В ситуации художественного перевода задача переводчика состоит не только в нахождении наиболее адекватных иноязычных эквивалентов для единиц, формирующих художественный образ посредством единиц языка оригинала, но и в воссоздании в тексте перевода всех эксплицитных и имплицитных связей, которыми данные единицы обладают в оригинале, а также прагматического эффекта, которым обладает оригинал. Переводчик имеет своей главной целью как можно более точную реконструкцию информационно-художественного (эстетического) комплекса, который генерирует столь сложную и информационно неоднозначную единицу художественного текста и одновременно единицу перевода как художественный образ. Необходимо отметить, что художественный образ не имеет фиксированной «географии» в художественном тексте, он не привязан к какому-то конкретному участку текста. Художественный образ «растворен» в пространстве всего художественного текста, создается и развивается на протяжении всего художественного повествования, что предполагает необходимость реконструкции в переводе как микро, так и макроконтекста. Художественный образ, являясь регулярной художественной универсалией, имеет буквальный смысл и характеризуется определенной степенью обобщения и расширения [1]. Вырастая из чувственного образа, художественный образ обладает семиотической потенцией и порождает разнообразные знаки и сложные семиотические понятия, структура которых создается взаимодействием двух принципиально разных планов – плана содержания и плана выражения [2. С. 22].

Художественные образы «Мастера и Маргариты» уже были объектами нашего исследова-

ния. В первую очередь наше внимание привлекли образы inferнальных персонажей романа [10]. Образы Воланда и его свиты, несомненно, обладают высокой степенью выразительности, и демонические персонажи встречаются в большей части текста романа. Образ Маргариты, возлюбленной и музы Мастера, играет особую роль в культовом романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Образ главной героини, хотя и представленный только в семи из тридцати двух глав романа, исключительно важен как для реализации художественного замысла автора текста, так и в плане эстетики и композиции символически и композиционно сложного романа. Сложный и неоднозначный образ Маргариты предполагает его постоянную изменчивость, динамичность и трансформацию: от замужней и внешне благополучной молодой, хотя и несчастливой женщины, до ведьмы, выступающей в роли королевы бала у Сатаны и продающей свою душу для того, чтобы обрести Мастера и дальнейший покой со своим возлюбленным. Образ Маргариты трансформируется в течение повествования как в плане внешности героини – меняется ее одежда, внешность, возраст, так и ее внутреннее состояние. Маргарита – первый читатель и критик творчества Мастера. Именно она называет героя Мастером и является первым читателем его романа. В образе Маргариты находят воплощение идеи о женской красоте, любви, женственности, верности, сострадании, милосердии и жертвенности. Булгаковская героиня не боится бросить вызов судьбе и оказаться лицом к лицу с inferнальными силами.

Исследователи булгаковского творческого наследия считают, что у художественного образа Маргариты имеется несколько прототипов. Прежде всего, это Елена Сергеевна Булгакова, судьба которой и взаимоотношения с Мастером-Булгаковым во многом повторены и автобиографически проецированы в романе. Своим именем булгаковская Маргарита обязана нескольким предшественницам-тезкам – как реальным, так и литературным: Маргарита Валуа (королева Марго у А. Дюма), на что в тексте имеется ряд эксплицитных указаний. Исследователь творчества М. А. Булгакова Е. А. Яблоков отмечает: «Булгаковская героиня предстает родственницей не столько исторического лица (реальная Маргарита Валуа была бездетна), сколько литературного персонажа – героини Дюма и как бы ее двойником» [16. С. 373]. В тексте находим такие обраще-

ния к Маргарите: «светлая королева Марго» толстяка и других участников бала; «королева моя французская» Маргаритиной домработницы Наташи; «королева» и «прапраправнучка одной из французских королей» и «королева Марго» Коровьева и Бегемота. Имя «Марго» используется и Мастером. Другим «королевским» прототипом героини является Маргарита Наваррская, свадьба которой закончилась Варфоломеевской ночью. Маргарита Валуа родилась более чем сто лет после смерти Маргариты Наваррской. Булгаковеды небезосновательно считают, что в образе Маргариты контаминированы образы обеих французских королей, которые покровительствовали писателям и поэтам, что делает и героиня романа. Б. В. Соколов отмечает, что в литературном плане Маргарита М. А. Булгакова восходит к Маргарите из трагедии Гете, являющейся возлюбленной Фауста [12]. Таким образом, Маргарита является обобщенным художественным образом любящей женщины, которая ради своей любви готова на все, что она и доказывает своими поступками.

Художественный образ Маргариты формируется в тексте романа описанием ее внешности, одежды, речевого портрета, поступков, нашедших языковое отражение в авторском повествовании и в речи персонажей. Динамика образа Маргариты представляет собой непрерывное развитие от земной реальной женщины, живущей в советской Москве в тридцатые годы XX в., до нереальной мистической женщины, существующей вне времени и пространства. В ходе художественного повествования Маргарита становится женщиной-ведьмой, способной совершать нереальные поступки: летать на половой щетке, быть хозяйкой на балу у Сатаны, жестоко наказывать обидчиков Мастера, запросто общаться с Воландом и его демонической свитой, вступать в сделку с дьяволом. Маргарита грешница, но это грешница, которая вызывает уважение своей честностью, искренностью и способностью к любви и состраданию.

Материалом настоящего анализа послужил текст русского оригинала романа (по пятитомному собранию сочинений М. А. Булгакова 1990 г.) [4]. В работе использованы тексты четырех английских переводов, опубликованных в 1967 г. (переводчик Мирра Гинзбург) [17], 1993 г. (переводчики Диана Бургин и Кэтрин Тьернан О'Коннор) [18], 2006 г. (переводчик Майкл Карпельсон) [20], 2008 г. (переводчик Хью Альпин) [19].

М. А. Булгаков использует различные техники для создания образа своей героини. Каждое упоминание о ней в тексте имеет какую-то важную запоминающуюся деталь, которая и выступает в роли некоего минимального смысла, встраиваемого далее в более широкий и сложный смысловой комплекс, который собственно и является художественным образом. В первый раз Маргарита появляется на страницах романа только в 13 главе («Явление героя»). Здесь наиболее важной деталью, обладающей символическим смыслом, будут «отвратительные, тревожные желтые цветы» [4. С. 143]. Цветы и их «нехороший цвет» [4. С. 144] выступают символом душевного состояния героини, ее «необыкновенного» одиночества, что усиливается повторением в тексте сочетания «желтые цветы». В английских переводах находим следующие варианты: «... loathsome, disturbing yellow flowers. ... An evil color» [17. P. 156]; «... hideous, disturbing yellow flowers. ... A bad color» [18. P. 115]; «... revolting, disturbing yellow flowers. ... yellow flowers. An unpleasant color» [20. P. 140]; «... disgusting, alarming yellow flowers. ... Not a good color» [19. P. 139]. Переводчиками использованы прилагательные-синонимы, оценивающие цветы («отвратительные») и входящие в один синонимический ряд, но находящиеся в различных местах оценочной шкалы; «loathsome, hideous, revolting, disgusting». Чувства, отображающие внутреннее состояние героини и вызываемые у окружающих цветами Маргариты («тревожные») также переданы прилагательными-синонимами: «disturbing, alarming», но с меньшей вариативностью по сравнению с предыдущим примером. В переводе ключевого сочетания «нехороший цвет» также использованы прилагательные, которые с различной степенью передают отрицательную оценку цветов Маргариты. Степень негативной оценки желтого цвета варьируется от низкой («Not a good color») до высокой («An evil color»). Во всех переводах точно передана характеристика голоса Маргариты – «низкий довольно-таки, но со срывами» [4. С. 144]: «... low, but breaking» [17. P. 156]; «... rather low, but halting» [18. P. 116]; «... somewhat low, but torn» [20. P. 140]; «... quite low, but with breaks in it» [19. P. 142]. Важной деталью туалета героини являются ее туфли. Она или носит исключительно черные туфли или ходит босая. Описывая приход Маргариты в дом Мастера, автор подчеркивает, что из подвального окна герой может видеть только туфли своей

возлюбленной: «туфли с черными замшевыми накладками-бантами, стянутыми стальными пряжками». [4. С. 146] **Английские переводчики** избрали очень сходные варианты перевода: «slippers with their black suede bows clasped with steel buckles» [17. P. 158]; «her shoes ... with their black suede bows and steel buckles» [18. P. 117]; «her shoes ... with their black suede bows clamped with steel buckles» [20. P. 142]; «her shoes with black decorative suede bows, fastened with steel buckles» [19. P. 141].

Наиболее развернутое описание жизни Маргариты до ее встречи с Мастером автор помещает в 19 главу романа, важность которой для понимания образа героини подчеркивается и ее названием – «Маргарита». В описании представлена крайне важная для понимания душевного состояния Маргариты и причин ее дальнейших поступков информация. Здесь читатель впервые узнает имя героини. Из текста становится очевидным, что героиня ради своей любви пожертвовала своим хорошо устроенным бытом и благополучием. Подчеркнем, что в данном случае описание дается не с точки зрения Мастера, а от лица самого автора-рассказчика: «Возлюбленную его звали Маргаритою Николаевной. Все, что мастер говорил о ней, было сущей правдой. <...> Она была красива и умна. <...> Бездетная тридцатилетняя Маргарита была женою очень крупного специалиста, к тому же сделавшего важнейшее открытие государственного значения. Муж ее был молод, красив, добр, честен и обожал свою жену. Маргарита Николаевна со своим мужем вдвоем занимали весь верх прекрасного особняка в саду в одном из переулков близ Арбата. <...> Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится. <...> Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасов житья в совместной квартире. Словом... Она была счастлива? Ни одной минуты! С тех пор, как девятнадцатилетней она вышла замуж и попала в особняк, она не знала счастья. Боги, боги мои! Что же нужно было этой женщине?! Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонечек, что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме, украсившей себя тогда весною мимозами? Не знаю. Мне неизвестно» [4. С. 223–224].

Рассмотрим варианты перевода нескольких текстовых фрагментов. Имя героини «Маргарита Николаевна» представлено в оригинале в

традиционной форме русского антропонима и передано во всех четырех английских переводах приемом транслитерации «Margarita Nikolaevna». Имя «Маргарита» восходит к древнегреческому языку и является одним из эпитетов богини Афродиты – богини красоты и любви, что полностью отражает художественный замысел автора и делает героиню женщиной вне времени и границ. Однако, использование отчества отсылает читателей именно к русской культуре, указывает на социальный статус и возраст героини (уже не молодая девушка). Основные характеристики «красива и умна» и «бездетная тридцатилетняя» переданы в переводах практически одинаково: «beautiful and intelligent», «beautiful and clever»; «childless and thirty years old», «childless, thirty-year-old». Тот важный факт, что Маргарита была «была женою очень крупного специалиста» передан в переводах существительным «specialist», определяемым различными прилагательными «prominent», «outstanding», «very major». Только в одном переводе специалист становится ученым («scientist») [20. P. 221], что несколько меняет коннотативный фон повествования.

Идея о финансовом благополучии Маргариты («не нуждалась в деньгах») передана следующим образом: «was never short of money», «had plenty of money», «was not in need of money». С нашей точки зрения наименее удачным является вариант «had no want of money» [19. P. 221], поскольку в нем передана идея не материального достатка героини, а ее безразличия к деньгам.

Для понимания хороших бытовых условий Маргариты исключительно важной является фраза «никогда не прикасалась к примусу»: «never touched the primus stove», «never touched a Primus burner», «never touched a Primus». Примус был одним из самых популярных нагревательных приборов в СССР до пятидесятих годов XX в., что было связано с наличием в стране подавляющего большинства коммунальных и неблагоустроенных квартир без газоснабжения. Примус был наиболее удобным прибором для приготовления пищи в домашних условиях, что сделало его неким символом домашнего быта того времени, а в тексте романа – символом Москвы тридцатых годов. Примус и используемый в нем керосин неотделимы от образа другого булгаковского героя – кота Бегемота. В английских переводах передана идея бытовой горелки («primus stove») или подчеркнута идея о том, что горелка про-

изведена шведской фирмой Primus («а Primus burner», «а Primus»). В настоящее время данная шведская фирма производит продукцию для отдыха на природе, а в СССР времени повествования примусы производились в Кольчугино. Советские обыватели могли и не знать об изобретателе прибора и фирме-производителе, а для читателей английских переводов название фирмы и ее продуктов может быть хорошо знакомо. Героиня романа, пришедшая к Мастеру в его убогую и неустроенную квартиру в подвале «не знала ужасов житья в совместной квартире»: «did not know the horrors of living / life in a communal / shared apartment». Понятие «коммунальная квартира» возникло в эпоху СССР и несет информацию о трудном быте совместного проживания, постоянных ссорах и конфликтах. Для англофонных читателей достаточно сложно адекватно воспринять информацию о коммунальных квартирах, которая хорошо понятна русскому читателю, легко декодирующего культурную информацию и память, связанную с единицей «коммунальная квартира».

В этой же главе героиня определяется автором и как ведьма: «чуть косящей на один глаз ведьме, украсившей себя тогда весною мимозами». «This witch with just the slightest cast in one eye, who had adorned herself that spring day with mimosa» [17. P. 236]. В переводах также находим: «This witch with a slight squint in one eye who adorned herself with mimosa in springtime» [18. P. 185–186]; «that witch with an ever so slight cast in one eye, who adorned herself with mimosa that spring» [20. P. 222]; «this witch with a slight squint in one eye who adorned herself that time in spring with mimosas» [19. P. 222].

Мгновенная трансформация внешности, вызванная использованием героиней волшебного крема, происходит в главе 20 («Крем Азazelло»): «Ощипанные по краям в ниточку пинцетом брови сгустились и черными ровными дугами легли над зазеленевшими глазами. Тонкая вертикальная морщинка, перерезавшая переносицу, появившаяся тогда, в октябре, когда пропал мастер, бесследно исчезла. Исчезли и желтенькие тени у висков, и две чуть заметные сеточки у наружных углов глаз. Кожа щек налилась ровным розовым цветом, лоб стал бел и чист, а парикмахерская завивка волос развилась. На тридцатилетнюю Маргариту из зеркала глядела от природы кудрявая черноволосая женщина лет двадцати, безудержно хохочущая, скалящая зубы» [4. С. 237–238].

В приведенном отрывке примерами информационных пиков будут несколько фрагментов текста: «...брови сгустились и черными ровными дугами легли»: «eyebrows had thickened and lay in black even arcs/ arched evenly/ lay in black even arcs»; «...зазеленевшими глазами»: «suddenly green eyes / eyes had become green/ greening eyes / had turned green»; «...вертикальная морщинка ... бесследно исчезла»: «thin vertical wrinkle was gone without a trace / there was no any vertical trace of the tiny vertical line / vertical crease had vanished without trace»; «...кожа щек налилась ровным розовым цветом»: «...her cheeks glowed with an even rosy flush / her cheeks were suffused with a rosy blush / her cheeks filled with a solid rosy color / the skin of her cheeks had filled with an even pink colour»; «...лоб стал бел и чист»: «...her forehead was white and pure / clear / unblemished»; «...от природы кудрявая черноволосая женщина лет двадцати»: «... had naturally curly black hair and was about twenty years old / a twenty-year-old woman with naturally curly black hair / a naturally curly brunette of above twenty years of age / naturally curly, black-haired woman of above twenty».

Еще одна мгновенная трансформация внешности героини романа представлена в сцене из главы 30 («Пора! Пора!»): «Своими железными руками Азazelло повернул ее как куклу, лицом к себе и вгляделся в нее. На его глазах лицо отравленной менялось. Даже в наступавших грозových сумерках видно было, как исчезало ее временное ведьмино косоглазие и жестокость и буйность черт. Лицо покойной посветлело и, наконец, смягчилось, и оскал ее стал не хищным, а просто женственным страдальческим оскалом. Тогда Азazelло разжал ее белые зубы и влил в рот несколько капель того самого вина, которым ее и отравил» [4. С. 385–386]. В данном отрывку оригинала информационными пиками для переводчиков были следующие фрагменты. «...временное ведьмино косоглазие»: «...witch's cast / the temporary witch squint / temporary witchlike squint / the temporary witch's squint». «...жестокость и буйность черт»: «...transient cruelty and wildness of her features / cruelty and of her features / acquired look of cruelty and violence / hardness and wildness of her features». «Лицо покойной посветлело и, наконец, смягчилось»: «The dead woman's face brightened and softened»; «The dead woman's face brightened and, finally, softened»; «The face of the deceased grew softer and lighter»; «The deceased woman's face lightened

and finally softened». «...оскал ее стал не хищным, а просто женственным страдальческим оскалом»: «...her grin was no longer predatory, but simply woman's suffering smile»; «her smile was no longer predatory, but more that of a woman who had gone through a lot of suffering»; «he savage grin turned into a simple expression of suffering»; «her bared teeth became not predatory, but simply the bared teeth of feminine suffering».

Проведенный нами анализ не ставил своей целью сравнение качества английских переводов романа. Прежде всего, были рассмотрены фрагменты текста романа, содержащие информацию о внешности булгаковской героини, что является важной частью формируемого образа. Гипотезой исследования было понимание художественного образа как сложного информационного комплекса, включающего в себя как гипонимические единицы языковых уровней (преимущественно лексического), так и единицы художественного дискурса. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что на уровне лексических единиц перевода, формирующих художественный образ Маргариты, рассмотренные вторичные иноязычные варианты романа являются лингвистически и культурологически симметричными. Определение и описание единиц перевода гиперуровня может стать дальнейшим направлением исследования художественного образа как единицы перевода.

Список литературы

1. Аверинцев, С. С. Символ художественный // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Т. 6. М., 1971. С. 826–831.
2. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
3. Бор, Н. Атомная физика и человеческое познание / пер. с англ. В. А. Фока, А. В. Лермонтова. М., 1961. 152 с.
4. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита. СПб., 2011. 416 с.
5. Комиссаров, В. Н. Слово о переводе (очерк лингвистического учения о переводе). М., 1973. 216 с.
6. Левый, И. Искусство перевода : пер. с чешск. В. Россельса. М., 1974. 394 с.
7. Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода. М., 1996. 208 с.
8. Немировская, А. В. Метафора в турецком художественном тексте: интегративный подход к переводу : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2007. 218 с.
9. Разумовская, В. А. К вопросу унификации науки, искусства и перевода // Изв. Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов. 2011. № 3 (69). С. 32–37.
10. Разумовская, В. А. Семантика художественного образа в оригинале и переводе: кот Бегемот // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3. С. 268–278.
11. Разумовская, В. А. Семантическая ситуация как единица художественного перевода // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. 2013. № 1 (11). С. 72–80.
12. Соколов, Б. В. Булгаковская энциклопедия. М., 1996. 586 с.
13. Черняховская, Л. А. Существует ли «единица перевода» // Теория и практика перевода : сб. науч. тр. Вып. 295. М., 1987. С. 26–33.
14. Чуковский, К. И. Искусство перевода / К. И. Чуковский, А. В. Федоров. М., 1930. 222 с.
15. Эткин, Е. Г. Художественный перевод: искусство и наука // Вопр. языкознания. 1970. № 4. С. 11–19.
16. Яблоков, Е. А. Михаил Булгаков и мировая культура. СПб., 2011. 640 с.
17. Bulgakov, M. The Master and Margarita / translated from the Russian by Mirra Ginsburg. N.-Y., 1987. 402 p.
18. Bulgakov, M. The Master and Margarita / translated by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor. L., 1995. 367 p.
19. Bulgakov, M. The Master and Margarita / translated by Hugh Aplin. L., 2008. 460 p.
20. Bulgakov, M. The Master and Margarita / translated by Michael Karpelson. L., 2011. 416 p.
21. Enami, M. English-Arabic Translation. An Introduction. Cairo, 2001. 283 p.

ОТ ТРАНСФОРМАЦИИ СЛОВ К РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЫСЛИ: КРАТКИЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Рассматриваются основные этапы развития переводоведческой мысли в направлении к изучению когнитивной сущности переводческого процесса. Прослеживается динамика развития понятий «трансформация» и «эквивалентность» в переводе в рамках различных подходов классической и современной лингвистики в работах российских и зарубежных ученых.

Ключевые слова: переводческие трансформации, эквивалентность, когнитивный, эпистемический.

На протяжении всего этапа развития лингвистической теории перевода с начала второй половины XX в. отчетливо прослеживается несколько тенденций, отражающих наиболее актуальные направления лингвистики на определенном этапе развития, задавая определенный вектор развития в рассмотрении различных подходов к трансформационным и эквивалентным преобразованиям в переводе.

С периодом становления контрастивной или сопоставительной лингвистики приходит утверждение перевода как отрасли сравнительного языкознания, занимающейся изучением семантики в контексте эквивалентных соответствий, что наиболее ярко представлено терминами «динамических» и «формальных» соответствий Е. Найды¹. Понятие «эквивалентность», заимствованное из области точных наук, рассматривается учеными как передача отдельных слов, предложений и текста в целом с применением определенных правил перехода от единиц ИЯ к единицам ПЯ².

На этом основании Ю. Найдой была предложена классическая схема перевода «анализ – перенос – реконструирование» или, пользуясь другой терминологией, «анализ-трансфер-синтез», которая стала опорной для построения новых моделей в дальнейшем³. Так, Ю. Найда отстаивает тезис об универсальности трансформационной модели как единственной адекватной модели перевода. Согласно его рассуждениям, такая модель включает в себя три стадии: 1) анализ, в ходе которого поверхностная структура на языке А анализируется в терминах грамматических трансформаций с учётом грамматических отношений и значений слов и словосочетаний; 2) перенос, в ходе которого подвергнутый анализу материал транслируется из языка А в язык В; 3) реконструирование, в ходе которого перенесенный материал обра-

батывается с целью окончательной адаптации конечного сообщения к нормам языка перевода⁴.

С позиции Л. С. Бархударова переводческие трансформации представляют собой межъязыковые преобразования с целью достижения переводческой эквивалентности, выполняемые переводчиком для максимально возможной полноты передачи информации текста на языке перевода при соблюдении норм ПЯ⁵. В продолжении данной мысли М. И. Рецкер выделяет эквиваленты в силу тождества обозначаемого и традиции/ сферы языка, варианты и контекстуальные соответствия в зависимости от сферы речи. Трансформациями в лексической сфере, основанными на логических отношениях, являются: дифференциация значения, конкретизация, генерализация, смысловое развитие, целостное преобразование, компенсация потерь⁶.

В дальнейшем в понятие переводческой эквивалентности закладываются экстралингвистические факторы при учете коммуникативного содержания и коммуникативной задачи высказывания⁷. Так, в своих исследованиях Ньюмарк предлагает заменить понятия динамической и формальной эквивалентности семантической и коммуникативной, делая акцент на том, что задачей текста на ПЯ и является произвести примерно эффект на читателя равный тому, который возникает при прочтении текста на ИЯ носителем языка⁸.

С появлением функциональной теории перевода (теории скопоса) во главу угла в переводе были поставлены его цели и функции. Переводческие трансформации изучаются с позиции межкультурного трансфера, несущего за собой передачу того, что является частью мира или культурного пространства, вербализованного в языке. Решающим становится передача

информации, что четко прослеживается в исследованиях К. Норд, которая вводит понятие «функциональной эквивалентности»⁹.

В информационный век постоянного обновления и обработки нескончаемого потока информации требования к переводчику становятся все более высокими, предполагая необходимость не только обладать знаниями иностранных языков, но и являться носителем нескольких культур, обладая особым навыком транспонировать информацию из текста сообщения на ИЯ в тексте на ПЯ, адаптируя его полностью для правильного восприятия реципиентом с учетом различий концептуальных картин мира и ментальных пространств коммуникантов.

От трансформации элементов языковой системы мы переходим к трансформации мысли, знаний и концептов. При этом понятие трансформации, что подразумевает разрушение и создание чего-то нового, мы склонны заменить на «трансфер» или «репрезентацию», учитывая, что при передаче значения слова или предложения или же всего контекста в целом происходит концептуальный кластер сходных представлений и реалий в разных языках, что позволяет подобрать нужную языковую форму для передачи в языке перевода, то есть «репрезентировать» мысль, высказанную на языке перевода, сделав ее понятной для реципиента сообщения¹⁰.

Согласно психолингвистической теории Э. Кларка, прагматическое действие нашего сознания – это действие, произведенное из-за необходимости изменить мир с целью достижения практических целей, в то время как эпистемическое действие – это действие, целью которого является изменение природы задач, поставленных сознанием. Мы также взаимодействуем с миром, но изменения, которые мы вносим, обусловлены потребностью в учете и обработке информации¹³. При рассмотрении данной особенности в области переводческой деятельности при оценке действий переводчика с точки зрения психолингвистики, возникает о том, что психолингвистическая модель речевой деятельности «замысел высказывания – вербализация», составляющая основу традиционных этапов перевода при новом рассмотрении акцентирует внимание на передаче содержания оригинала с учетом когнитивных, прагматических и эпистемических факторов. В результате перевод – это сложный, комплексный, аналитико-синтетический вид речевой деятельности, при котором действие когнитив-

ных процессов мышления усиливается в случае возникновения переводческих трудностей, решение их возможно путем активации особых когнитивных структур.

Отсюда возникает необходимость в модификации моделей переводческой деятельности, в уточнении и дополнении психологической модели в области перевода и выделения в переводческом процессе так называемого «промежуточного» этапа, при учете его прагматической и эпистемической характеристики.

Таким образом, отмечается отход от понятия «этапности» трансформационных эквивалентных отношений в переводе в сторону его эвристического и когнитивного характера, отражающего речемыслительные процессы переводчика, который в данных условиях рассматривается как переводчик-интерпретатор, репрезентирующий информацию, заложенную в тексте оригинала на языке перевода. Выделяя переводчика как языковую личность, наделенную когнитивными функциями сознания, способную к восприятию, обработке и репрезентации информации, переводческая наука становится на путь антропоцентрической парадигмы, указывающей на необходимость переосмысления сущности переводческого процесса и подбора соответствующего терминологического аппарата, позволяющего более точно выразить процессы, происходящие на когнитивном уровне переводчика. Кроме того, назрела необходимость в дальнейших комплексных исследованиях соотношения перевода и мышления, контекстуального формирования смысла в переводе, критериев оценки перевода, а также во внедрении новых возможностей экспериментального анализа мыслительного процесса переводчика и его вербальной репрезентации.

Примечания

¹ Nida, E. A. The theory and practice of translation. Taber, 1969. P. 12.

² Catford, J. C. A Linguistic Theory of Translation. London, 1965. P. 20.

³ Nida, E. A. The theory and practice of translation... P. 9.

⁴ Нуриев, В. А. Адекватность перевода как лингвистическая проблема // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2003. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 80–87.

⁵ Бархударов, Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975. С. 38.

- ⁶ Рецкер, М. И. Теория перевода и переводческая практика. Теория соответствий. М., 1974. С. 9.
- ⁷ Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990. С. 43.
- ⁸ Newmark, P. Approaches to Translation. Oxford–N.-Y., 1981. P. 38–39.
- ⁹ Nord, Ch. Translating as a purposeful activity: a Prospective Approach // TEFLIN Journal. 2006. Vol 17, № 2. P. 131–143.
- ¹⁰ Bell, R. Translation and Translating: Theory and Practice. London–N.-Y., 1991. 299 pp ; Хайруллин, В. И. Перевод и когнитология. Уфа, 1997. 80 с. ; Фесенко, Т. А. Ментальный лексикон: проблемы структуры и репрезентации // Вопр. когнитив. лингвистики. 2005. № 3. С. 53–58.
- ¹¹ Clark, A. Being There: Putting Brain, Body, and World Together Again. London, 1997. P. 64.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. М. Власова, М. Б. Дюжева

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ЖУРНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (на материале заголовков статей русского издания «Rolling Stone»)

Рассматривается использование прецедентных текстов в заголовках статей русского издания журнала для любителей популярной музыки «Rolling Stone». Авторы исследуют прецедентный текст как лингвистическое явление и выявляют модели его создания. Кроме того, выявляются источники используемых в журнале прецедентных текстов.

Ключевые слова: *прецедентность, прецедентный текст, характеристики журнальных заголовков, способы реализации прецедентного текста, источники прецедентных текстов.*

Появление термина *прецедентность* связано с работами Ю. Н. Караулова, который впервые упомянул понятие «прецедентный текст», подразумевая под ним текст, 1) значимый в познавательном и эмоциональном отношении, 2) имеющий «сверхличностный характер», то есть хорошо известный широкому кругу лиц, 3) обращение к которому неоднократно повторяется [3. С. 216]. В современной лингвистике в рамках теории прецедентности существуют следующие понятия: прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентный феномен, прецедентное высказывание, прецедентный текст и др. [1. С. 102 ; 4. С. 172–173]. Стоит отметить, что все вышеназванные единицы могут рассматриваться в качестве частных случаев прецедентного текста, понимаемого нами, вслед за Ю.Н. Карауловым, предельно широко.

Создавая заголовок статьи, журналист преследует следующие цели: заинтересовать читателя, привлечь его внимание и убедить его прочитать основной текст. Чтобы заголовок выполнил свою функцию, он должен быть кратким, легко воспринимаемым и эффективным. Не удивительно, что именно в языке заголовков средств массовой информации особое распространение получает феномен прецедентности, так как прецедентные тексты обладают ярко выраженной экспрессивностью, которая проявляется при помощи «актуализации коннотативных компонентов значения слова» [1. С. 156]. Эффект экспрессивности в этом случае обычно связан с оценкой. При этом оценка, выраженная с помощью прецедентного текста, выразительна, эмотивна и субъективна. Происходит «апелляция не к норме, а к эталону, представляющему собой «крайнюю

точку» на шкале оценки, наиболее полно воплощающему то или иное качество, апелляция не к понятию, но к образу» [1. С. 157]. Таким образом, прецедентный текст позволяет автору выразить субъективную эмоциональную оценку, которая всегда вызывает повышенный интерес читателей.

Анализ 163 заголовков статей русского издания журнала «Rolling Stone» в контексте содержания самой статьи и соответствующего визуального оформления позволил сделать вывод, что большинству заголовков, созданных на основе прецедентных текстов, свойственна образность, эмоциональность, оценочность, оригинальность, граничащая с парадоксальностью.

Прецедентные тексты относятся к ядру языковых средств хранения культурной информации и определяют шкалу ценностей данной лингвокультуры. Эта особенность позволяет прецедентным текстам задавать «ценностную шкалу того или иного лингвокультурного сообщества, влияя тем самым на модели социального поведения членов этого сообщества» [1. С. 158].

Анализ стилистических приемов, актуализирующих прецедентность, позволяет выделить несколько наиболее распространенных в журнальных заголовках методов. Большинство рассмотренных нами единиц задействуют прецедентный текст в измененном виде, причем трансформация может протекать как на фонетическом (паронимия), грамматическом, графическом (изменение написания, пунктуации) уровнях, так и на интерлингвальном (варваризмы, транслитерация, частичный перевод). Отметим, что трансформация отмечается

Ю. Н. Карауловым как один из способов существования прецедентных текстов [3. С. 217].

Фонетические трансформации прецедентных текстов, как правило, задействуют явление паронимии, при котором один из элементов прецедентного текста замещается близким по фонетическому оформлению словом. Например, «Леннонские горки» (сентябрь 2006). Статья под этим заголовком повествует об истории группы The Beatles. Как известно, Джон Леннон был одним из лидеров данного музыкального коллектива. Название публикации соединило эргоним «Ленинские горки» и антропоним Леннон, создав игру слов. Другой подобный пример – «Плант боевых действий» (февраль 2007), где в устойчивое словосочетание «план боевых действий» инкорпорирован антропоним Плант, являющийся именем музыканта Роберта Плана – героя статьи.

Следует отметить, что фонетические трансформации занимают лидирующее место среди всех исследуемых заголовков – 43,8 %. Среди наиболее продуктивных моделей можно выделить следующие:

1. Замена одной фонемы, по сути создающая новое, но сохраняющее исходное значение благодаря прецедентному контексту, слово. Например, «Признаки поло» (об открытии магазина футболок-поло), «Августовский Бутч» (певица Бутч прошлым летом издала книгу), «Си-Ло духа» (музыкант Си-Ло), «Стас уполномочен заявить» (интервью со Стасом Барецким), «Черноплодная Регина» (певица Регина Спектор), «Когда рок на горе свистнет» и др.

2. Синкопа, то есть выпадение одной фонемы, что также дает новое слово, актуальное, однако, в прежнем контексте прецедентного текста: «Добро и Ло» (новый альбом Дженнифер Лопес, певицы по прозвищу Джей Ло), «Рабские эмираты» (статья о крепостном праве в современной Бразилии), «Несбыточная одежда», «Эфир за вредность» (интервью с ведущей Гиной Канделаки), «С нами Бо» (материал о Богдане Титомире), «Оля к победе» (статья об Ольге Куриленко, ставшей «девушкой Бонда»), «Пьянству – Бо» (публикация о Бо Диддли) и пр.

3. Эпентеза, то есть возникновение дополнительной неэтимологической фонемы, что дает новое слово, сохраняющее исходное значение за счет прецедентного контекста: «И вновь продолжается Бойл» (Дэнни Бойл, британский режиссер), «Корган внутренних дел» (интервью с Билли Корганом), «Троллевые игры»

(Мумий Тролль), «Приступ древности» (материал о 69-летней модели), «Горе от шума» (индустриальная шумовая музыка), «Смеховое изделие» (комические моноспектакли), «Блог в помощь», «Частный спектор» (продюсер Фил Спектор) и так далее

4. Трансформация, охватывающая две и более фонем: «Брюс как рыба об лед» (Брюс Уиллис), «Кокоррозия металла» (текст о хэви-металл группе CocoRosie), «Ковбой с тенью» (интервью с Русланом Хасбулатовым), «Не в бровь, а в Глазго» (материал о группе Franz Ferdinand, образованной в Глазго), «В запой идут одни старики», «Бутылка Кифера» (актер Кифер Сазерленд), «Петти и фолк» (поп-рокер Том Петти), «Нозлов ковчег» (о группе Oasis, солистом которой является Нозл Галлахер) и др.

Графические трансформации прецедентных текстов включают деформацию написания всего текста или его отдельных компонентов, а также изменение пунктуации внутри прецедентной единицы, вследствие чего создаются дополнительные коннотации. «Скоттское поведение» – заголовок статьи о хип-хоп продюсере Скотте Сторче позволяет сочетать разговорное значение сниженной фразеологической единицы с именем героя статьи, достигая этим выразительной эмоциональности и экономии языковых средств. Сюда же можно отнести ряд заголовков, написанные которых совпадает с фонетической формой соответствующих прецедентных текстов, что создает однозначные ассоциации между ними: «Есть только Мик», «Истребитель Мик», «Мик свободы» (все три статьи посвящены Мику Джаггеру), «Рвал и металл» (материал о группе Metallica), и др.

Чаще всего графическая трансформация осуществляется за счет введения в прецедентный текст антропонима и написания последнего с заглавной буквы: «Дурацкий у тебя Ник», «Это Хит», «Определение Пола», «Сочинения в двух Томах», «Общий Барак», «Выдвижной Люк», «Сильный Пол», «Двойной Аксель», «Запах Гарри», «И вновь продолжается Бой», «Облака уплывают в Даль» и др. Преимущества подобных заголовков заключаются в моментальной узнаваемости героев публикации в сочетании с ярким контекстом исходного прецедентного текста.

Деформация прецедентного текста за счет изменения пунктуации, как правило, выглядит в журнальных заголовках следующим образом:

«Состояние «Нирваны»», «Остросюжетное «Кино»» и др. В структуре данных устойчивых словосочетаний один из компонентов из имени нарицательного переводится в разряд собственных (аэдонимов [2]), что графически обозначено заглавной буквой и кавычками. Стоит отметить, что в обеих статьях речь шла о музыкантах из соответствующих групп.

В целом графические трансформации достаточно широко распространены в журнальном дискурсе и охватывают 12,6 % исследуемого материала.

Интерлингвальные трансформации прецедентных текстов интересны тем, что в их структуру включены англоязычные слова – в исходной или транслитерированной форме. При этом полный смысл заголовка, его прецедентный контекст становятся понятны лишь читателям, знакомым с данным иностранным языком и, как минимум, владеющим фонетикой. Например, «*Целый чемодан Кэша*» (музыкант Джонни Кэш изображен с чехлом от гитары), «*Nine Inch Nails гвоздь программы*» (здесь следует знать, что слово *nails*, входящее в аэдоним, переводится на русский как «гвоздь»), «*Властители Doom*» (статья о дум-металлистах, в названии которой – английский термин, обозначающий данное музыкальное направление), «*Между Strokes*» (материал о группе The Strokes), «*Beach Божий*» (интервью с лидером группы Beach Boys), «*Led тронулся*», «*Ледниковый период*» (статьи о группе Led Zeppelin), «*Я Wham! спою*» (интервью с Джорждем Майклом, лидером группы Wham!, название которой фонетически совпадает с русским местоимением «вам»), «*Вместо сердца – пламенный Motor*» (группа Motor) и так далее.

Другой случай интерлингвальной трансформации – использование англоязычных прецедентных текстов, в которые включены русские слова на основе транслитерации, паронимии и др. приемов, что создает языковую игру. Например, «*Forever Янг*» (братья Малькольм и Ангус Анг размышляют о будущем своей группы), «*Амба One*» (новый альбом группы Мумий Тролля под названием «Амба»), «*Миша Impossible*» (интервью с Михаилом Ефремовым) и др.

Общее количество интерлингвальных трансформаций – 9 % от всего количества текстов.

Грамматическая трансформация имеет место в том случае, когда один из компонентов прецедентного текста получает другое

управление, грамматический род или число. Например, в заголовке «*Группа блестящих*» вместо именительного падежа оригинального аэдонима «Блестящие» используется родительный падеж. Речь в данной статье идет о самых известных драгоценностях, принадлежащих представителям американского хип-хопа. Создаваемая за счет грамматической трансформации аллюзия с группой «Блестящие», состоящей из хрупких девушек, подчеркивает брутальность героев статьи, а сам заголовок становится своеобразным оксюмороном. Еще один пример грамматической трансформации – «*Сказки Андерсон*», где в традиционном словосочетании антропоним мужского рода заменен на соответствующий женский. Как можно догадаться, в статье идет речь о Памеле Андерсон, фотомодели и актрисе.

Заголовок статьи «*Пушной – зверь*» также уместно рассмотреть в этом разделе, так как здесь происходит субстантивация атрибута устойчивого словосочетания «пушной зверь», более того, в роли этого подлежащего выступает соответствующее имя собственное, ведь речь идет об Александре Пушном, телеведущем.

Интересен еще один заголовок – «*Ясный перец*», где также прослеживается грамматическая трансформация: в состав исходного устойчивого словосочетания входит краткое прилагательное («ясен перец»), в то время как в данной статье использована его полная форма. Можно предположить, что в данной ситуации деформация позволяет привлечь внимание читателей. В целом грамматические трансформации подобного рода в нашем материале встречаются в 3 % случаев.

Также к грамматическим можно отнести трансформации слияния – в структуре заголовка отчетливо выделяются два прецедентных текста, грамматически оформленные в единое целое. Например, в заголовке статьи «*Алкогольный бред Пита*» читается устойчивое словосочетание «алкогольный бред» и антропоним «Бред / Брэд Питт», при этом в самой публикации речь идет о новом альбоме музыканта Пита Доггерти, известного своей тягой к спиртному. Другой подобный случай находим в заголовке статьи «*Мистер Бин ладен*»: слияние антропонимов Мистер Бин и Бен Ладен с фонетической трансформацией последнего. В статье речь идет об известном герое английской комедии Мистере Бине. Количественный показатель трансформации слияния – 1,2 % от общего числа исследуемых заголовков.

Нетрансформированные прецедентные тексты используются в журнальных заголовках достаточно часто, возможно потому, что обеспечивают однозначный и безошибочный выход на прецедентный текст, в то время как в случае трансформаций читатель не всегда может быть способен распознать источник того или иного заголовка. Однако нетрансформированные прецедентные тексты используются в журналистском дискурсе лишь в том случае, когда они так или иначе созвучны теме статьи, несут значимые ассоциации или создают игру слов. «*Как свежи были розы*» – архивное интервью с Акселем Роузом, лидером группы Gun's'Roses. Известная стихотворная строчка в данном контексте приобретает новое звучание: сема «роза» отчетливо звучит в названии группы даже для носителей английского языка, а упоминание «свежести» уместно перекликается с архивным характером статьи.

Среди других примеров использования прецедентных текстов в «чистом виде» можно перечислить: «*Свой в доску*» (статья о скейтборде), «*Толстые обстоятельства*» (интервью с Феклой Толстой), «*Травяной сбор*» (материал о контрабанде марихуаны), «*Во имя отца и сына*» (публикация о детях известных музыкантов), «*Какая низость*» (статья о низком росте актрисы Риз Уизерспун) и др. В этих случаях наблюдается частичная дефразеологизация устойчивых словосочетаний, достигаемая за счет реального объекта статьи: то есть в заголовке как сохраняется фразеологическое зна-

чение, так и возвращается прямое. Подобная семантическая размытость дает определенный юмористический эффект, способствует привлечению внимания, а сами заголовки несут эмоционально-экспрессивный заряд. Количество подобных случаев составляет 29,4 %.

Рассмотренные заголовки журнала Rolling Stone позволяют говорить о том, что прецедентность широко используется в современном медийном дискурсе. Журналисты, стараясь привлечь внимание читателей, активно эксплуатируют основные свойства прецедентных текстов – их эмоциональность, образность, оценочность. При этом подавляющее большинство заголовков являются собой трансформированный по различным моделям прецедентный текст.

Список литературы

1. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. 288 с.
2. Дюжева, М. Б. Англоязычные названия музыкальных групп (лингвокультурологические аспекты). LAP, 2011. 212 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2004. 264 с.
4. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М., 2002. 284 с.
5. «Rolling Stone» (русская версия). 2000–2010 гг.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335).

Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 38–42.

Т. А. Воронцова

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ (ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА И СТИЛЯ)

Рассматриваются проблемы жанра и стиля научно-популярных текстов. Исследуется формирование новых жанровых форм и расширение стилистического диапазона научно-популярных текстов в современных российских СМИ.

Ключевые слова: *стиль, научно-популярный подстиль, жанр, текст, СМИ, адресант, адресат.*

В традиционной функциональной стилистике существование научного стиля является общепризнанным фактом, однако количество

и качество его разновидностей варьируется весьма широко даже в учебниках и учебных пособиях. Например, в рамках научного сти-

ля М. Н. Кожина выделяет три основных подстиля: *собственно научный, научно-учебный и научно-популярный*¹; в учебном пособии Д. Э. Розенталя представлены *научно-популярный, научно-деловой, научно-технический (производственно-технический), научно-публицистический, учебно-научный* подстили²; в учебнике для вузов «Культура русской речи» под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева даются такие разновидности научного стиля, как *собственно научный, научно-информативный, научно-справочный, учебно-научный, научно-популярный*³. В значительной степени это обусловлено неоднозначностью критериев выделения подстилей. Не случайно стилистический статус научно-популярного текста до сих пор остается в российской лингвистике предметом научных дискуссий. Одни ученые применительно к данным текстам говорят о научно-популярном подстиле⁴, другие считают научно-популярный тип речи самостоятельным функциональным стилем⁵. При этом общим основанием для выделения научно-популярного подстиля (или стиля?) традиционно считается фактор адресата, то есть адресованность текста научной тематики непрофессионалу.

Сложность в определении стилистического статуса научно-популярного текста, на наш взгляд, в значительной степени обусловлена двумя факторами. Во-первых, научно-популярная литература представлена самыми разными жанрами: книга, статья, интервью и т. п. Во-вторых, коммуникативно-прагматические параметры, влияющие на стилистический способ презентации данных текстов, также весьма разнообразны. Например, адресат научно-популярного текста может быть дифференцирован по самым разным критериям: по образовательному уровню, по возрасту, по возможностям восприятия научных знаний и целям их получения и так далее⁶, и это обстоятельство, безусловно, будет влиять на способ изложения информации.

Одним из самых распространенных источников репрезентации научной информации, предназначенной для непрофессионала, являются СМИ. При этом научно-популярные тексты могут быть представлены как в специальных научно-популярных журналах, так и в «многопрофильных» газетах и журналах, посвященных актуальным событиям в самых разных областях: в культуре, в политике, в общественной жизни.

В российской лингвистике конца XX – начала XXI в. исследования, связанные с изучением

научно-популярных текстов в СМИ, проводятся преимущественно на материале специальных научно-популярных изданий⁷. Отметим также, что объектом исследования являются в основном западноевропейские и американские медиаисточники⁸. Работ, посвященных изучению научно-популярных текстов, представленных в массовых медиаисточниках, значительно меньше. Можно назвать, например, диссертацию Т. О. Ужаховой, где в качестве материала исследования использованы тексты научно-популярных статей из американского «многопрофильного» еженедельника «The New Yorker»⁹.

Более или менее основательных исследований, выполненных на материале научно-популярных текстов, представленных в массовых российских медиаисточниках, нам обнаружить не удалось.

Между тем, характер медиаисточника в значительной степени обуславливает стилистическую организацию текста научной тематики. Анализ показал, что тексты, опубликованные в научно-популярных журналах и массовых медиаисточниках, могут существенно отличаться друг от друга по стилистическим параметрам. В научно-популярных журналах стиль текстов, как правило, максимально приближен к подстилю, который традиционно квалифицируется как *собственно научный*, то есть ориентирован на профессионала. Для данных публикаций характерно активное употребление специальных терминов без объяснений и дефиниций, использование объемных синтаксических конструкций с бессоюзной связью и рядами однородных членов и др. В то время как в массовых журналах основные стилистические параметры текстов научной тематики свидетельствуют об их близости, скорее, к публицистическому, нежели к научному стилю. Важно отметить, что такое отсутствие стилистического единства наблюдается в текстах одного и того же жанра – научно-популярной статьи. При этом решающим фактором, обуславливающим стилистическую организацию данных текстов, является характер медиаисточника, который, в свою очередь, определяет специфику адресации текста¹⁰.

Объектом данного исследования являются научно-популярные тексты, опубликованные в современных российских медиаисточниках, которые называют массовыми, то есть это «многопрофильные» газеты и журналы, посвященные актуальным событиям в самых разных областях: в культуре, в политике, в общественной жизни (журналы «Русский репор-

тер», «Эксперт», «Профиль», «Огонек» и др.). По подсчетам современных издателей, тексты научно-популярной тематики в таких изданиях составляют не более 5–10 %¹¹. По нашим наблюдениям, процент таких текстов в массовых изданиях еще меньше. Отметим, что в ряде популярных журналов, например, в журнале «Огонек», рубрика «Наука» вообще отсутствует, то есть публикации научной тематики носят, скорее, случайный, нежели системный характер.

Научно-популярный дискурс в массовых изданиях может быть представлен жанром коротких реферативных сообщений о наиболее интересных для массового читателя научных открытиях. Эти сообщения представляют собой тексты вторичного жанра: авторство текста, как правило, не указывается, дается только ссылка на источник сообщения (чаще всего это либо зарубежный медиаисточник либо специализированный научный журнал).

Основными жанрами научного дискурса в рассматриваемых медиаисточниках являются традиционные жанры: статья и интервью с учеными.

В отличие от научно-популярных журналов, читательский интерес к массовым изданиям определяется актуальностью представленной в них информации из разных областей: политики, экономики, культуры, науки и др. Специфика массового издания ставит перед адресантом научно-популярного текста задачу сделать свой материал конкурентоспособным по отношению к информации из других социально значимых сфер, заинтересовать «случайного» читателя. Решение этой задачи способствует формированию новых жанров в рамках научно-популярного дискурса.

На наш взгляд, особого внимания заслуживают представленные в массовых изданиях (например, в журнале «Русский репортер», «Эксперт») тексты «гибридного» жанра, сочетающего элементы научной статьи, репортажа и интервью. Рассмотрим подробнее, каким образом чередование жанровых фрагментов связано с коммуникативно-прагматическими и стилистическими параметрами данных текстов.

Монологические фрагменты, принадлежащие основному адресанту (журналисту), представляют собой либо изложение научной информации, либо элемент репортажа, в событийную канву которого встраиваются научные сведения. Например: *Здесь нужно пояснить, каким образом белки связаны с генами. По-*

этому сейчас я расскажу, как работает наш организм с точки зрения биохимии. Это просто: любой ген на хромосоме хранит информацию о молекуле какого-нибудь белка. Сами белки – это молекулярные рабочие машинки, их работа и есть наша жизнь. Одни белки – пища, другие – строительный материал, третьи – сигналы и так далее. (Русский репортер, 2012). В основе прагматической составляющей таких фрагментов лежит интенция объяснения, реализующаяся либо через соответствующие метатекстовые маркеры (*нужно пояснить, сейчас я расскажу* и др.), либо через пояснительные конструкции, либо через прием аналогии (сравнение, метафора), то есть адресант выступает здесь как профессионал по отношению к непрофессионалу (массовому адресату).

В некоторых случаях в репортажных фрагментах статус основного адресанта может меняться: журналист занимает позицию непрофессионала по отношению к предмету речи и тем самым идентифицирует себя с массовым адресатом. Например: *Фломастер в руках у Северинова заскользил по белому полю доски. Для непосвященного все, о чем говорилось на этом семинаре, можно сравнить с прослушиванием стихов на незнакомом иностранном языке: сперва таинственно, завораживающе, но совершенно непонятно; через 40 минут – усыпляющее.* (Русский репортер, 2009). Такая идентификация может быть реализована имплицитно, на стилистическом уровне. Например, адресант представляет предмет речи при помощи разговорных языковых средств, бытовых метафор. Ср.: *Заходим в здание, которое, словно шапка, накрывает ATLAS. Если внешне оно похоже на развлекательный центр, то внутри – фондовая биржа, полукругом огибающая саму установку. Десятки мониторов в несколько рядов, на мониторах – бесконечные цифры-графики, уткнувшись в которые сидят люди с наморщенными лбами* (Русский репортер, 2010). Происходит своеобразная визуализация предмета речи «глазами дилетанта», то есть предмет речи представлен так, как его увидел бы сам читатель.

Включение элементов интервью обеспечивает смену форм речи с монологической на диалогическую. Такое чередование речевых форм лишает повествование монотонности и позволяет удерживать внимание читателя. В процессе развертывания диалогического дискурса происходит смена адресанта. В диалогических фрагментах, представляющих собой

элементы жанра интервью, транслятором научной информации является специалист (ученый), то есть именно он становится основным адресантом. Смена адресанта как источника научной информации изменяет стилевую составляющую дискурса. Это обусловлено тем, что в данной речевой ситуации адресант-журналист не просто отдает коммуникативную инициативу специалисту, но и меняет свою коммуникативную роль. По отношению к адресанту-специалисту он занимает позицию непрофессионала, то есть фактически идентифицирует себя с массовым адресатом. Форма и содержание вопросов, адресованных специалисту, отражают «наивное» представление о предмете речи. В отличие от традиционных проблемных интервью, подчеркнута дилетантские вопросы вынуждают профессионала представлять предмет речи таким образом, чтобы он был понятен и интересен массовому адресату. Ср.: – ***А что может ваш прибор?***

– *Он показывает все три стадии свертываемости в том самом порядке, как они происходят в организме. Тогда у врача появляется наглядная картина, он четко видит, какая из этих стадий испорчена. ...*

– ***И чем это поможет больным?***

– *Дело в том, что очень часто разные вмешательства в организм приводят к незапланированным тромбозам. И мы не знаем, оказался человек в зоне риска или нет. Тромбодинамика позволяет предсказывать состояние предтромбоза. Это совершенно уникально и здорово (Русский репортер, 2012). Такой диалог непрофессионала с профессионалом способствует упрощению стилистической структуры высказывания, максимально приближая ее к стилю устного неформального дискурса, что позволяет эксплицировать сам процесс получения научного знания. Читатель-адресат участвует в этом процессе «здесь и сейчас», тогда как, например, в научной статье он получает это знание уже в готовом виде.*

Как видим, смена жанровых фрагментов расширяет и стилистический диапазон репрезентации научного знания: «наивная» визуализация в репортажных фрагментах активизирует употребление бытовой лексики; интервью за счет распределения коммуникативных позиций напоминает неформальный диалог, в котором активно используются элементы разговорного стиля. Сменяемость жанровых фрагментов обеспечивает динамический характер дискурса на содержательном, стилистическом

и коммуникативно-прагматическом уровнях и позволяет удерживать внимание адресата на протяжении всего процесса коммуникации. Такая репрезентация научной информации в современных массовых СМИ в определенном смысле реализует тенденцию к демократизации, на которую в свое время указал Р. А. Будагов¹².

Таким образом, создание новых жанровых форм в массовых СМИ, с одной стороны, расширяет стилистический диапазон научно-популярных текстов, с другой – позволяет сделать процесс получения научного знания более динамичным и интересным. Именно такой способ репрезентации научной информации является одним из эффективных путей активизации интереса современного читателя к научному знанию.

Примечания

¹ См.: Кожина, М. Н. Стилистика русского языка. М., 1993

² См.: Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка : учебник. М., 1987. С. 33.

³ См.: Культура русской речи : учебник / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М., 2001. С. 195.

⁴ См., например: Будагов, Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967 ; Кожина, М. Н. Стилистика русского языка. М., 1993 ; Сенкевич, М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., 1984 ; Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003 ; Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста. М., 2006 и др.

⁵ Данную точку зрения высказывали в своих работах такие ученые, как Н. Н. Маевский (см.: Маевский, Н. Н. Особенности научно-популярного стиля : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1979), Э. А. Лазаревич (Лазаревич, Э. А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал. М., 1984), Н. Я. Сердобинцев (Сердобинцев, Н. Я. К истории научно-популярного стиля // Вопр. стилистики. Вып. 11. Саратов, 1976. С. 83–109) и др.

⁶ См.: Одинцов, В. В. Речевые формы популяризации. М., 1982

⁷ См., например: Алейникова, Ю. А. Цитирование в научно-популярном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2006 ; Баранова, И. И. Функциональные особенности на-

учно-популярных текстов: на материале подъязыка физики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995 ; Кобозева, М. А. Когнитивные и речевые стратегии ввода темы в научно-популярном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011 ; Муранова, О. С. Языковая картина мира в тексте научно-популярной статьи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009 ; Строева, Ю. Ю. Жанрово-стилистические характеристики англоязычного научно-популярного дискурса (на материале периодических изданий по авиации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009.

⁸ См.: Киселев, А. Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2012 ; Муранова, О. С. Языковая картина мира в тексте научно-популярной статьи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009 ; Назаренко, А. Л. Научно-популярная литература как объект функциональной стилистики и лингводидактики: на материале английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000 ; Строева, Ю. Ю. Жанрово-сти-

листические характеристики англоязычного научно-популярного дискурса (на материале периодических изданий по авиации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009 ; Хуринов, В. В. Функционально-стилистическая дифференциация англоязычных научных и газетно-публицистических текстов (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009 и др.

⁹ См.: Ужахова, Т. О. Коммуникативно-прагматические особенности построения текстов в научно-популярных журналах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

¹⁰ См.: Воронцова, Т. А. Стилистика и прагматика научно-популярного текста в современных СМИ // Reosiahag. Journal of Institute for Russian Studies. Chungbuk National University. (Южная Корея). № 9, 2013. С. 177–189.

¹¹ См.: Яковенко, И. Рынок научно-популярных журналов. Аналитический обзор [Электронный ресурс]. М., 2012. URL: www.pressaudit.ru.

¹² Будагов, Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 42–46.

Т. А. Евтушина, Н. А. Ковальская

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследуется экономический дискурс как отдельный вид институционального дискурса. Охарактеризованы основные признаки экономического дискурса. Раскрыт синтаксический потенциал экономического дискурса на материале украинской периодики.

Ключевые слова: *дискурс, институциональный дискурс, экономический дискурс, синтаксические явления.*

Главное место в лингвистике начала XXI в. занимает такое сложное и многогранное явление как дискурс. Ученые активно исследуют его теоретические и прикладные проблемы, соотношение в нем вербального и внелингвального, а также отдельные типы дискурса. Несмотря на многочисленное количество языковедческих студий, посвященных изучению дискурса, до сих пор остаются актуальными вопросы трактовки дискурса и классификации, в частности выделение отдельных его типов.

Популярность дискурса состоит в его расплывчатости и сложности определения [1].

Войдя в лингвистику в начале 50-х гг. XX в., дискурс остается актуальным и до конца не изученным.

Исследование различных аспектов дискурса было проведено отечественными (Ф. Бациевич, Л. Безуглая, Л. Бессонова, Е. Бондаренко, М. Голянич, В. Лукьянец, А. Мартынюк, Е. Морозова, М. Полюжин, Е. Серажим, Л. Солощук, И. Фролова, И. Шевченко) и зарубежными лингвистами (Н. Арутюнова, В. Демьянков, В. Карасик, А. Кибрик, М. Макаров, П. Серио, Дж. Филипс, Дж. Фиске, Р. Ходж, Дж. Юл).

В представленных теориях можно выделить следующие основные подходы к пониманию дискурса:

- 1) текст для обозначения дискурса или текст, который определяется через дискурс;
- 2) когнитивный процесс, связанный с созданием речевого поведения;
- 3) речевое образование, которое выше уровня предложения или словосочетания;
- 4) последовательные взаимосвязанные высказывания, объединенные одной целью;
- 5) средство беседы и мышления, которые могут быть ритуализированными, как и жанры;
- 6) форма речевого общения, межличностная деятельность;
- 7) сложное коммуникативное событие;
- 8) социолингвистическая структура, созданная адресатом в конкретных коммуникативных, социальных и прагматических ситуациях.

По нашему мнению, наиболее полной и точной является трактовка понятия «дискурс», представленная Н. Д. Арутюновой, – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты)... и изучается совместно с соответствующими «формами жизни» (репортаж, интервью, инструктаж, светская беседа, признание и пр.). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [4. С. 136–137].

Дискурс – это многоаспектное и многозначное понятие. Это языковое отображение действительности, языковой код жизни. Все, что происходит в истории человечества, нации, народа, общества (различных его сферах: медицины, политики, религии, экономики и так далее), имеет свое отображение в языке.

Изменения в экономической модели развития Украины в связи с провозглашением независимости привели к увеличению спроса на высококвалифицированных специалистов в области экономики, экономически компетентных специалистов других сфер общества (дипломатов, юристов, журналистов и др.). Актуальной становится необходимость определения в лингвистике понятия «экономический дискурс» («экономический текст»), выделения жанров данного подвида дискурса и исследо-

вания его функционально-стилистических, лингвопрагматических и социолингвистических особенностей.

Конец XX в. обозначился увеличением научных исследований текстов экономической публицистики (Е. О. Шибанова), экономического дискурса (К. В. Томашевская), отдельных жанров экономического текста (Е. Г. Баянкина), толкования экономического текста (Н. К. Кравченко), экономического текста как социокультурного феномена (И. В. Мурудян).

Целью данной работы является исследование экономического дискурса как отдельного вида институционального дискурса. Для достижения цели нам необходимо решить ряд задач: 1) охарактеризовать понятие «экономический дискурс»; 2) указать на отличие экономического дискурса от других институциональных видов и выявить его основные признаки; 3) исследовать синтаксический потенциал экономического дискурса на материале украинской периодики.

Как отмечает М. Л. Макаров, «не все гладко с критериями выделения типов дискурса, сфер и эпизодов общения, – не все типологии могут похвастаться логикой построения классификации, пока еще не набран достаточный эмпирический материал» [6. С. 210].

Современный российский языковед В. И. Карасик выделяет персональный (лично-ориентированный) и институциональный (отраслевой) дискурсы.

В отличие от персонального, институциональный дискурс представляет собой систему статусно-ролевых отношений в коммуникативном пространстве жизнедеятельности определенного социального института. То есть это общение адресата и адресанта в заданных координатах, речевое взаимодействие представителей различных социальных групп или институтов.

При анализе институционального дискурса и определении типа институционального общения учитывают такие параметры: статусно-ролевые характеристики участников; условия, время и место действия; тематику и цели общения, стиль и жанры; дискурсивные формулы и так далее. Количество социальных институтов (отраслей) в современном обществе формирует количество разновидностей институционального дискурса.

Экономика (от гр. *oikonomia* – управление хозяйством) является важнейшей сферой общественной жизни, «в которой на основе исполь-

зования различных ресурсов осуществляется производство, обмен, распределение и потребление продуктов человеческой деятельности, формируется и постоянно развивается система производительных сил и экономических отношений, которыми управляют различные типы экономических законов» [4. С. 380].

К разновидностям институционального дискурса, по нашему мнению, можно отнести и экономический дискурс, который, несомненно, заслуживает внимания языковедов. Исследованию экономического дискурса посвящен ряд лингвистических исследований (Е. Ильченко, М. Ликунь, Е. Лут, В. Мальцева, Т. Мартынюк, Е. Петушинская, Ю. Степанов, К. Томашевская и др.).

Некоторые языковеды экономический дискурс исследуют в рамках других дискурсов, или отождествляют с ними. Так, неотъемлемым компонентом политического дискурса считают экономический дискурс такие языковеды, как А. П. Чудинов, А. Н. Баранов, Е. И. Шейгал и др. Экономика и политика как важнейшие сферы развития государства имеют тесную связь, однако само их существование как отдельных институтов, разные цели, участники и другие отличительные признаки дают основания для их отделения друг от друга и, соответственно, выделения отдельных дискурсов.

Другие исследователи понятие «экономический дискурс» употребляют параллельно с понятием «деловой дискурс» или «бизнес-дискурс» (Н. Наумова, Е. Петушинская, Н. Щекина, Р. Пилипенко и др.). Но такая замена не является логической, поскольку экономический дискурс является более широким понятием, которое включает в себя, кроме профессионального общения специалистов этой сферы, еще и межличностное общение продавца и покупателя, руководителя и сотрудника предприятия. Деловой (профессионально направленный) дискурс, в свою очередь, ограничивается коммуникацией только между специалистами определенной сферы. То есть устанавливаются ограничения на сферу использования экономического дискурса и круг участников.

Исследователи выделяют два подхода к определению понятия «экономический дискурс». Согласно первому направлению экономический дискурс – это система текстов, которые возникают под влиянием различных факторов (экстралингвистических, прагматических, социокультурных и др.) и объединены одной тематикой.

В свете второго подхода экономический дискурс предстает как коммуникативное событие, как интегративная совокупность отдельных коммуникативных актов в сфере экономики. Вербальным результатом такой дискурсивной деятельности являются экономические тексты.

Как видим, оба подхода имеют общую черту – доминантой экономического дискурса выступает экономический текст, который служит средством коммуникации в экономической сфере и имеет определенные особенности в зависимости от адресованности многим реципиентам и, соответственно, контекстом.

Итак, под экономическим дискурсом мы понимаем совокупность речевых актов в сфере экономики, а также созданные профессионалами, неспециалистами и журналистами устные и письменные тексты или их фрагменты, которые отображают реалии экономического мира.

Цель экономического дискурса заключается в 1) освещении событий в экономической жизни общества; 2) информировании о состоянии экономики; 3) формировании определенного отношения к различным изменениям и побуждению к определенным действиям; 4) создании экономических теорий; 5) исследовании направлений развития экономики, а также уровня жизни населения.

Участниками экономического дискурса выступают юридические и физические лица: государство, журналисты, ученые, научные сотрудники, преподаватели и др.

В зависимости от сектора экономики в рамках экономического дискурса формируются и соответствующие подвиды: финансовый дискурс (финансы и кредит), бухгалтерский дискурс (бухгалтерский учет и аудит), налоговый дискурс (налоговое дело и страхование), деловой дискурс (предпринимательская деятельность и торговля) [7].

Май Ликунь, в свою очередь, внутри экономического дискурса выделяет ряд профессиональных дискурсов: промышленно-экономический, финансово-экономический, торгово-экономический, экономико-теоретический, экономико-статистический и так далее [5. С. 9].

Стоит отметить также и жанровую разветвленность экономического дискурса. В зависимости от цели, участников и сферы общения информацию можно репрезентовать в виде интервью, репортажа, экономических новостей, лекции, дискуссии, конференции, беседы и так далее

Глобальные процессы в мировой экономике, а также любые изменения в экономике государства имеют свое освещение в средствах массовой информации (СМИ), масс-медиа: пресса (газеты, журналы, книги), радио, телевидение, интернет, рекламные щиты и т. п. Общей чертой для всех средств является обращение к массовой аудитории, доступность многим людям и распространение информации.

Так, именно периодические издания сообщают о фактах и событиях в мире экономики, формируют ценностное отношение к ним, побуждают к характеристике и оценке экономических процессов как отдельными гражданами, так и социумом в целом.

Поскольку время диктует свои условия, процесс коммуникации происходит по соответствующим правилам с учетом быстротечности времени, быстрой смены событий, а также различной языковой и образовательной подготовки реципиентов.

Язык экономического дискурса релевантен разнообразием в подборе языковых средств и грамматических форм, использовании экономической лексики, терминов, комбинации лексики разных жанров, отсутствием единого построения текстов. Это обусловлено необходимостью повлиять на адресата, донести информацию и побудить к соответствующим действиям.

Особого внимания заслуживает синтаксическое построение текста экономического дискурса, которое является формой для выражения соответствующего содержания, а также средством выражения функции влияния средств массовой информации, правильной подачи информации и достижения цели общения.

Таким образом, синтаксис экономического дискурса имеет тесную связь с содержанием высказывания.

Дискурс экономической публицистики, например, репрезентирует разнообразную семантико-синтаксическую структуру сложных предложений, которые имеют весомый функциональный потенциал в тексте: *За його словами, події, що відбуваються в Україні, технічно не мають впливу на роботу фінансових установ, але призводять до загальної нервозності серед клієнтів банків, які можуть приймати рішення, засновані на емоціях* («Політичні ризики вдарили по банках», Економіст, від 06.12.2013) [2].

Следует отметить, что диапазон синтаксических явлений экономического дискурса

средств массовой информации, в частности Интернета, является достаточно широким. К ним относятся:

1) эллиптические предложения – отдельный тип неполных структур, неполнота которых представлена только на структурном уровне и транслируемая преимущественно отсутствием глагола-сказуемого. Например, *Інвестиції в цінні папери України оцінюються як одні з найбільш ризикованих, а економіка країни далека від виходу з рецесії, в той час як попередю – нові виплати по зовнішніх боргах* («Ризик дефолту України продовжує зростати», Економіст, від 02.12.2013) [2]; *Серед причин – жорсткість боротьби за клієнтів і зростання популярності гривневих депозитів з набагато вищими процентними ставками, ніж закладами в інвалюті* («В українських банків нові проблеми», Економіст, від 29.11.2013) [2].

2) фрагментация, в частности парцелляция, – членение единой структуры высказывания на отдельные самостоятельные составляющие: *З 2008 року коло великих і якісних клієнтів звузилося. Тому банки змушені боротися за існуючих клієнтів і переманювати їх у інших, пропонуючи не тільки більш цікавий, а й більш дешевий кошик продуктів* («В українських банків нові проблеми», Економіст, від 29.11.2013) [2]; *«На самі банки збір не сильно вплине. Але от клієнтам нововведення точно відгукнеться», – зазначив начальник сектора корпоративного бізнесу Акта Банку Владислав Павленко* («Новий валютний збір обвалить долар», Економіст, від 21.11.2013) [2]. Как видно из цитируемого материала, парцелляция заключается в умышленном интонационном и позиционном выделении членов единой синтаксической структуры с целью их актуализации. В основе парцелляции лежит объективная способность речи при помощи приемов членения текста реализовывать коммуникативное задание. Парцелляция упрощает синтаксические конструкции, выравнивает сложные построения и помогает разбить экономический дискурс согласно композиционному замыслу, способствует выделению деталей общей картины или существенных элементов описываемого;

3) вводные конструкции – отображение модальных значений и оценки высказанного: *За словами експертів, уряд може обслуговувати борги в повному обсязі, проте без кардинальної зміни економічної політики в 2014 році ситуація погіршиться* («Бюджет

починає провалюватись у боргову прірву», Економіст, від 02.12.2013) [2]; **Крім того, на курс вплине почастишання обміну валют перед новорічними святами** («Що загрожує гривні», Економіст, від 30.11.2013) [2];

4) вставленні компоненти – включення додаткової, уточнюючої інформації в основне висказування: **Це, а також скорочення золотовалютних резервів – їх обсягу на цей момент вистачить лише для покриття двох місяців імпорту – створює загрозу ситуації в Україні** («Гривня рухається до масштабного обвалу», Економіст, від 03.12.2013); **Українські банки у жовтні 2013 знову отримали прибуток – у розмірі 366 млн грн – після збитків у 770 млн грн у вересні** («Банки вийшли в плюс», Економіст, від 27.11.2013) [2];

5) присоединительні конструкції – додання до основного повідомлення додатково, уточнюючого; характеризується певними формальними засобами: «... **Все-таки ставки за гривневими вкладами досить високі, тим більше з'являються нові короткострокові пропозиції від банків, де прибутковість набагато вища, ніж по валютних внесках**», – додає він. **(Нагадаємо, в НБУ повідомляли про зниження попиту українців на інвалюту, що підтверджується зростанням обсягів банківських вкладів у гривні та зменшенням – у євро і доларах – ред.). Член наглядової ради Українського кредитно-банківського союзу Ярослав Колесник зауважив, що на сьогодні курс знаходиться під контролем Нацбанку, а на ринку не очікується ніяких серйозних потрясінь** («Що загрожує гривні», Економіст, від 30.11.2013) [2].

6) конструкції з чужою реччю – включення в авторське повідомлення речі другого лица або джерела інформації і т. п.: **«Інші статті витрат практично не фінансуються, навіть не проплачуються захищені статті**», – додає генеральний директор Бюро економічних і соціальних досліджень Валерій Гладкий («Бюджет починає провалюватись у боргову прірву», Економіст, від 02.12.2013) [2]; **«Люди надто активно і болісно реагують на будь-які потрясіння в економіці чи політиці. Їх звичної захисною реакцією став «відхід**

у валюту» при найменшому натяку на нестабільність», – сказав нам директор казначейства Райффайзен Банку Аваль Володимир Кравченко («В Україні стає складно купити долар», Економіст, від 04.12.2013) [2];

7) діалогічність об'єкту – реалізована в жанрі інтерв'ю.

Вказані синтаксическі явленя економічного дискурсу СМІ являються самими використовуваними. Вони виділяють з цілого тексту окремі його компоненти; в комунікативному аспекті це представлено в акцентуванні, виділенні певних елементів повідомлення з метою підкреслити їх смисловою значимістю, актуалізувати і посилити інформативну значущість, експресивну виразність.

Представлені в статті положення перспективні для детального дослідження синтаксических явленій, в частині їх комунікативно-прагматическої і структурно-організаційної специфіки.

Список литературы

1. Дейк, Т. А. ван. К определению дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
2. Економіст [Електронний ресурс] : український журнал. URL: <http://ua-ekonomist.com>.
3. Економічна енциклопедія / редкол.: С. В. Мочерний (відп. ред.) та ін. : у 3 т. Т. 1. К., 2000. 864 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. 682 с.
5. Лікунь, М. Російський економічний текст у функціонально-стилістичному та соціолінгвістичному аспектах : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Сімферополь, 2008. 20 с.
6. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 278 с.
7. Шереметьева, А. А. Основные характеристики экономического дискурса (на материале немецкого языка) [Электронный ресурс] // Вестн. Кузбас. гос. пед. акад. 2011. № 7 (13). URL: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/61>.

КОНЦЕПТ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ СЕМИОТИКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Системообразующие концепты, функционируя на мегауровне семиосферы и микроуровне текста, определяют особенности организации дискурса. Динамичная природа концепта позволяет применить фрактал в качестве модели, посредством которой возможно проследить динамику самоорганизации системообразующих концептов и описать семиотико-синергетических особенностей организации художественного дискурса.

Ключевые слова: художественный дискурс, семиотико-синергетическая организация, концепт, фрактал.

Обращение к концепту как средству реализации семиотико-синергетических особенностей организации художественного кинодискурса обусловлено его системообразующим качеством. Как отмечает В. З. Демьянков, дискурс концентрируется вокруг некоторых опорных концептов, создает общий контекст, описывающий действующих лиц, объекты, обстоятельства, времена, поступки и прочее, определяясь общим для создателя и интерпретатора миром, который также строится по ходу развертывания дискурса¹.

Актуальным для современной лингвистики является изучение особенностей «бытования» концептов в дискурсе и тексте. Концепт как объект исследования многих направлений (лингвокультурологического, психолингвистического, лингвокогнитивного) подробно описан с точки зрения его конкретно-специфических свойств в системе координат того или иного подхода. Современное состояние теории концепта характеризуется как переходное к «интегрированной форме производства и упорядочения научного знания о концепте»². Создается единая теория концепта, которая нацелена не на выявление своеобразия концептов или того, что выделяет их на фоне других форм познания, а на интеграцию знаний, генерируемых разными научными областями с целью исследования концепта как сложного эволюционирующего феномена².

Подчеркивается необходимость рассматривать концепт не только как единицу уровня ментальных репрезентаций, но как «явление, интегрирующее взаимодействие сознания, языка, текста и культуры» и обладающее динамичностью и потенциальностью смыслов³. Концепт приобретает наибольшую содержательную определенность в условиях взаимо-

действия всех перечисленных феноменов, что возможно только на дискурсивном уровне. Динамичность как свойство концепта заключается в дискурсивно-коммуникативной обусловленности его реализации в дискурсе, в функциональности его существования как единицы не только принадлежащей уровню ментальных представлений или уровню культуры, но и объединяющей эти уровни реальной коммуникации. Концепт является «свернутой» моделью дискурса или его фрагмента, в которой «присутствуют» все возможные потенциальные реализации⁴.

Концепт многомерен: в нем выделяют рациональное и эмоциональное, абстрактное и конкретное, универсальное и этническое, национальное и индивидуальное. Соответственно, существуют различные основания для классификации концептов. На языке иерархических уровней можно говорить о существовании системообразующих общечеловеческих (константных, универсальных, первичных или исходных) концептов мегауровня, из которых развиваются все остальные; базовых концептов, которые предопределяют планирование, продуцирование, восприятие и понимание дискурса и текста и проявляют себя в макроструктуре дискурса; локальных концептов микроуровня текста, порождаемых в дискурсе, однако, в отличие от базовых концептов, не являющихся заданными, фиксированными для данного типа дискурса⁴. Непосредственному лингвистическому анализу поддаются именно эксплицитно выраженные в тексте локальные концепты, изучение которых возможно с помощью выявления репрезентантов концепта – материально выраженных знаков семиотических систем.

Независимо от масштаба рассмотрения, в левой структуре концепта выделяют собствен-

но имя концепта – ключевое слово, наиболее емко отражающее его сущность; ядро – основное понятие как «совокупность познанных существенных признаков» объекта или явления; периферию – область, в которой отражается все то, что привнесено коллективным и индивидуальным опытом, традицией и культурой⁵. Для моделирования концепта привлекаются также когнитивные модели представления знаний, имеющие более четкую, нежели концепт, структуру. В частности, смысловое поле концепта может быть представлено совокупностью относительно статичных и динамичных моделей, фреймов и сценариев, получающих смысловое наполнение посредством вербальных и невербальных средств выражения. При этом фрейм основан на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов и явлений; сценарий содержит стандартную последовательность событий, характеризует поведение и его интерпретацию⁶.

Концепты подвергаются непрерывным модификациям и уточнениям. Оказываясь частью той или иной системы, концепты попадают под взаимное влияние и видоизменяются. Возможность интерпретировать разные концепты в разных отношениях также свидетельствует о том, что их число, содержание и объем беспрестанно подвергаются изменениям. Сам термин «концепт» имеет сему «незавершенность, зачаточность»⁷. Как справедливо отмечает Л. В. Барсалоу, люди постоянно познают новые вещи в мире, и мир, в свою очередь, постоянно меняется; «человеческое знание должно иметь форму, быстро приспособляемую к этим изменениям»⁸. Основная единица передачи и хранения знания, таким образом, должна быть также достаточно гибкой.

Исследователи сходятся во мнении о том, что концепт сложен, многомерен, внутренне расчленен и динамичен, то есть, пользуясь терминами синергетики, обладает свойствами иерархичности, нелинейности, открытости и неравновесности. Это позволяет рассматривать концепт в качестве самоорганизующегося фрактального множества. Фрактал называют теоретическим конструктом, описывающим ситуацию неустойчивости понимания смыслов и значений, меняющихся под влиянием дискурсов и коммуникативных особенностей ситуаций. Познание смысла – это «фрактальное блуждание», которое необходимо для

того, чтобы «разморозить» устоявшиеся связи между знаками, концептами и когнитивными состояниями реципиента, активизировать процессы креативности поиска новых знаковых описаний и семантических пониманий⁹.

Существует опыт фрактального исследования концептов (Богданова, 2006; Бронник, 2012; Гирнык, 2011; Зубкова, 2011; Морель, 2007), в рамках которого концепт получает новую (психолингво-, когнитивно-) синергетическую трактовку и определяется как «ментальная система обработки, хранения и репрезентации культурных первообразов <...>, представляющая собой системно организованное, саморазвивающееся смысловое пространство <...>»¹⁰; «сложное динамическое образование, интегрирующее в единое ментальное целое в сознании индивида значимый индивидуальный и коллективный когнитивный и эмоциональный опыт в виде паттернов поведения, переживаний, оценок, суждений, соматических впечатлений, вербальных и невербальных единиц»¹¹. В этих и других определениях подчеркивается динамичный характер концепта. Для моделирования фрактального поведения концепта привлекаются синергетические понятия аттрактора, параметров порядка, симметрии и асимметрии, неустойчивости, эмерджентности и самоподобия.

Наиболее устойчивая и упорядоченная область концепта (имя и ядро) выступает аттрактором, который актуализируется в сознании автора текста и его реципиента и притягивает разноплановые смысловые элементы из «ассоциативного хаоса» дискурса и семиосферы, а также частей текста в процессе его создания/ восприятия. Концепт, с одной стороны, является отправным моментом, «точкой взрыва», вызывающей текст к жизни, и с другой стороны, – конечной целью при его восприятии¹². Менее устойчивая и упорядоченная область концепта (периферия) проявляет в процессе создания/ восприятия текста наибольшее взаимодействие со средой, характеризуется повышенным уровнем флуктуаций и, как результат, эмерджентностью смыслов. Параметры порядка, регулирующие устойчивость концепта, а также процесс приращения и/ или диссипации семантических компонентов, являются частично индивидуальными, включающими различные элементы личного опыта; отчасти коллективными, охватывающими прецедентные феномены, общечеловеческие категории, формальные лингвистические характери-

ки¹³. На этапе актуализации параметров порядка срабатывает бифуркационный механизм: непредопределенное и неустойчивое соотношение «индивидуального» и «коллективного» в каждом конкретном случае обуславливает различия в реконструкции концепта автором и реципиентом, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на организацию смыслового пространства текста.

Равновесное состояние концепта (порядок) представляет собой хранение концепта в ментальной базе в виде ранее отрефлектированных и наиболее существенных для коммуникативных и когнитивных операций признаков; неустойчивое состояние (хаос) обусловлено сознательным или бессознательным обращением к концепту, которое может привести к модификации его структуры (приращению новых и/или диссипации существующих признаков)¹³. Механизм самоорганизации концепта происходит по принципу фрактального самоподобия частей целому, то есть в процессе итерации – рождения качественного нового концептуального образования на периферии концепта – воспроизводится некоторый элемент его ядерного значения. Самоорганизации концепта происходит в результате комплексного взаимодействия авторского замысла, сложного комплекса возможных реакций реципиента, текста и дискурса.

Необходимо пояснить соотношение понятий «концепт» и «авторский замысел». Концепт предшествует замыслу и в основе своей интуитивен и бессознателен. Концепт зарождается под влиянием дискурса, но вне текста. В процессе создания текста, уже на начальном этапе, концепт начинает осознаваться автором на рациональном уровне замысла, который предполагает некоторое логическое осмысление концепта и способа его выражения. Концепт предопределяет смысловое строение текста, и через него – логическое строение. Помимо этого, отражая авторский замысел и будучи опосредованным воплощением мотива порождения текста, концепт задает коммуникативную направленность и эстетическое воздействие. Логическое строение и коммуникативная направленность определяют выбор средств выражения, языковых и/или неязыковых, которые используются при порождении текста¹⁴.

В рамках семиотико-синергетического исследования художественного дискурса актуальным является интегрированное пони-

мание концепта как сложного, динамического и самоорганизующегося образования – фрактального множества, отражающего взаимодействие сознания, языка, текста, дискурса и культуры, логически осмысленного автором в форме замысла, представленного в тексте (дискурсе как совокупности текстов) с помощью средств выражения различных семиотических систем, реконструируемого реципиентом в процессе восприятия и интерпретации содержания текста (дискурса). Концепт как системообразующая категория играет важную роль в организации дискурса как извне, на мегауровне, так и изнутри, на микроуровне, одновременно стабилизируя смысловую организацию текста с помощью актуализации ключевых компонентов значения аттрактора концепта, и дестабилизируя ее за счет многочисленных нелинейных и неустойчивых ассоциативных связей, образующихся на периферии концепта в результате его активного взаимодействия со средой. Изучение динамики функционирования концепта позволяет выявить семиотико-синергетические особенности смысловой организации текста и дискурса.

Примечания

¹ Демьянков, В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структура представления знаний. М., 1992.

² Бронник, Л. В. Сложность концепта и эволюция его научной теории // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 11 (192). Филология. Искусствоведение. Вып. 42. С. 25.

³ Олешков, М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр : коллект. моногр. Н. Тагил, 2009. С. 69.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. 3-е изд., испр. М., 2007. С. 37.

⁶ Минский, М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

⁷ Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопр. филологии. 2001. № 1 (7).

⁸ См.: Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику... С. 51.

⁹ Тарасенко, В. В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания. М., 2009. С. 125.

¹⁰ Богданова, И. А. Функционирование архетипического концепта «вода» в текстах народного и индивидуального творчества. Челябинск, 2006. С. 6.

¹¹ Гирнык, А. В. Синергетическая модель концепта «жизнь»: экспериментальное исследование. Тверь, 2011. С. 5.

¹² Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998. С. 202.

¹³ Гирнык, А. В. Синергетическая модель концепта «жизнь»...

¹⁴ Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 50–53.

Е. М. Клещенко

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ВРАЧА В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается медицинский дискурс – устный институциональный дискурс, предполагающий статусное неравенство врача и пациента в определенных временно-пространственных характеристиках общения, который отвечает потребности в охране здоровья и реализуется с помощью коммуникативных стратегий и тактик. Информативная стратегия реализуется с помощью трех тактик: тактика получения и предоставления информации и тактика заботы о пациенте.

Ключевые слова: *дискурсология, медицинский дискурс, информативная стратегия, тактика.*

Теория дискурса связана со многими дисциплинами и науками, включая социологию, теорию речевых актов, философию языка. Медицинский дискурс – это устный институциональный дискурс, предполагающий статусное неравенство врача и пациента в определенных временно-пространственных характеристиках общения, который отвечает потребностям в охране здоровья и реализуется с помощью коммуникативных стратегий и тактик.

Среди данных особенностей наиболее важными по отношению к медицинскому дискурсу являются участники, хронотоп, пресуппозиция, контроль, цели, тональность и жанры общения. Кроме того, стоит упомянуть о том, что одной из основных характерных черт медицинского институционального дискурса является «речевое воздействие».

В рамках информативной стратегии предложены тактики предоставления информации, получения информации и успокоения пациента; лечащая стратегия – тактика оценки, тактика психического программирования, тактика описания последующего лечения; рекомендуемая стратегия – тактики рассказа, доказывания, аргументации, стимулирования диалога, уговаривания, повеления и принуждения;

прагматическая стратегия – тактика самопрезентации, тактика заботы о пациенте или проявления вежливости. Каждая из предложенных тактик имеет свои особенности, о которых речь пойдет ниже.

Информативная стратегия реализуется с помощью трех основных тактик. Наиболее распространенной тактикой как в рамках информативной стратегии, так и в рамках всего медицинского дискурса является тактика предоставления информации. Целью тактики предоставления информации является информирование.

Чаще всего на языковом уровне данная тактика выражена с помощью использования определенных лексических, синтаксических, стилистических особенностей.

Рассмотрим следующий пример: «*Rebecca, I know you may feel a little claustrophobic in there, but we need you to remain still. Okay, we're going to begin*». Врач информирует пациента о начале процедуры. Информирование сопровождается описанием контекста, в котором находится пациент (ощущение клаустрофобии), а также наличием комментария «*Okay*», функцией которого является уменьшение напряженности ситуации.

В следующем примере также используется информативная стратегия и тактика предоставления информации: «*We inject gadolinium into a vein. It distributes itself throughout your brain and acts as a contrast material for the magnetic resonance imager. Basically, whatever's in your head lights up like a Christmas tree. It might make you feel a little light-headed*». Врач использует тактику информирования, рассказывая о действии определенного вещества на мозг пациента. В данном примере врач использует термины «*gadolinium*», «*magnetic resonance imager*». Понимая, что данные термины могут быть непонятны пациенту, врач предлагает объяснение: «*Basically, whatever's in your head lights up like a Christmas tree*». В последнем примере он использует нейтральную лексику, употребляя такие слова как «*basically*», «*light up*» и сравнение в качестве стилистического приема «*... lights up like a Christmas tree*». На основе выделенных в данной реплике жанрообразующих признаков можно говорить о наличии такого жанра дискурса, как первичная консультация¹. Врачи проводят первичное обследование, поэтому темой эпизода является новое заболевание и его лечение. Можно назвать данного пациента не информированным о заболевании, так как агенты часто используют экспозиторный, или объяснительный тип изложения. Другими словами, агенты пытаются объяснить неизвестные понятия, встречающиеся клиенту. В данном эпизоде используется сразу два экспозитива: «*We inject gadolinium into a vein. It distributes itself throughout your brain and acts as a contrast material for the magnetic resonance imager*», «*Basically, whatever's in your head lights up like a Christmas tree*».

Тактика предоставления информации является самой многочисленной в исследовании наряду с тактикой психического программирования (лечащая стратегия)². Объяснительный тип изложения является одним из превалирующих, так как в медицинском дискурсе встречается огромное количество терминов. Примером может также послужить следующая реплика: «*We're treating you for vasculitis. It's the inflammation of blood vessels in the brain*». Используются медицинские термины «*vasculitis*» и «*inflammation*», которые характеризуют речь врача на лексическом уровне. На синтаксическом уровне врач использует простые конструкции в целях упрощения своей речи для пациента.

В следующем примере основной целью консультации является установление контакта пациента с врачом:

Doctor: *How are you feeling, Sister?*

Patient: *I seem to be a little better. They gave me some medication.*

Doctor: *Prednisone. It's a steroid to help with the inflammation.*

Тактика предоставления информации в данном примере реализуется в рамках жанра послеоперационной консультации³. С одной стороны, врач узнает о состоянии пациента, где мы можем найти проявление тактики заботы о пациенте, но, с другой стороны, наиболее ярким здесь является использование тактики предоставления информации, так как врач дает толкование медицинскому термину «*Prednisone*». На синтаксическом уровне используются простые двусоставные или односоставные предложения. На стилистическом уровне – обращения.

В отличие от тактики предоставления информации, главная цель тактики получения информации – извлечение информации у пациента или его родственников. На языковом уровне данная стратегия чаще всего характеризуется более неформальным стилем общения и нераспространенностью терминов. В речи врача преобладают квеситивы, или вопросительные предложения, тогда как в речи пациента – повествовательные предложения. Тактика получения информации занимает второе место в рамках информативной стратегии и является не такой распространенной, как, например, тактика предоставления информации. Чаще всего примеры такой тактики встречаются в жанре первичной консультации, когда врачу необходимо узнать информацию о пациенте. Однако данная тактика может применяться и в жанре предоперационной консультации, когда необходимо поставить диагноз.

Рассмотрим первый пример:

Patient: *Why steroids?*

Doctor A: *Just part of your treatment. You haven't had many visitors. No boyfriend?*

Patient: *Three dates. I wouldn't have stood by him if he were vomiting all day.*

Doctor A: *What about work? You must have friends from work.*

Patient: *Pretty much everybody I like is five years old.*

Итак, в данном примере мы можем заметить, что роли говорящего и адресата поменялись. Если в тактике получения информации пациент получает информацию и может задавать дополнительные вопросы, то в данной тактике эта функция переходит к врачу. Он за-

дает вопросы для того, чтобы наладить контакт с пациентом, поставить правильный диагноз и так далее. На синтаксическом уровне врач использует односоставные вопросительные предложения: «*No boyfriend?*», «*What about work?*». Нужно заметить, что на лексическом уровне речь врача нейтральна или даже неформальна, что приводит к использованию различных стилистических приемов, например, иронии («*Pretty much everybody I like is five years old*»). В то же самое время пациенту предоставляется возможность использовать фоновые знания в области медицины и параллельно задавать дополнительные вопросы, например «*Why steroids?*».

В следующем примере можно наблюдать жанр первичной консультации, когда врач, чтобы поставить диагноз, задает большое количество вопросов. Диагноз – это заключение о сущности болезни и состоянии пациента, выраженное в принятой медицинской терминологии и основанное на всестороннем систематическом изучении пациента⁴.

Doctor: *Before the sleeping problems, did you have any trouble breathing, a cough that wouldn't go away – anything like that?*

Patient: *No.*

Doctor: *Are you certain?*

Patient: *Absolutely.*

Doctor: *The other condition is significantly more likely if – if you've had an affair. Have you ever had an affair?*

Patient: *Of course not.*

В данном примере формой общения является диалог между врачом и пациентом. На синтаксическом уровне предложения, используемые врачом, можно охарактеризовать как распространенные, сложные и вопросительные, а предложения пациента – нераспространенные, простые, односоставные, повествовательные. На стилистическом уровне врач использует инверсию, перечисление, отделение «*Before the sleeping problems, did you have any trouble breathing, a cough that wouldn't go away – anything like that?*», лексический повтор «*The other condition is significantly more likely if – if you've had an affair. Have you ever had an affair?*», в то время как в речи пациента используются негативные слова и частицы.

Основной целью врача при использовании тактики утешения пациента является создание и поддержание спокойной атмосферы и убеждение пациента в том, что нет никаких причин для беспокойства. На языковом уровне данная

тактика реализуется при сочетании двух предыдущих тактик – тактики предоставления и тактики получения информации. Как пациент, так и врач обмениваются важной для них информацией, и такая атмосфера обоюдного включения в диалог и приводит к снижению беспокойства у пациента.

Рассмотрим реализацию данной стратегии на примере:

Doctor: *No bleeds, no clots.*

Patient: *Thank God. It sounds like there's bad news.*

Doctor: *We got your blood work back. Some things are a little off. Your liver and kidneys aren't working so well.*

Patient: *Why? What would cause that? It's preeclampsia, isn't it? I'm gonna miscarry, aren't I?*

Doctor: *Preeclampsia is a possibility. But let's not get ahead of ourselves.*

Patient: *I've miscarried three times. I'm 39. We had to use in vitro. You've gotta make sure the baby's okay.*

Doctor: *How about we take care of both of you at the same time?*

Содержание сообщения заключается в том, что врачу необходимо назначить лечение пациентке, но оно осложняется тем фактом, что пациентка беременна. Пациентка больше беспокоится за своего ребенка, чем за свою жизнь, поэтому для нее важнее жизнь ребенка. Врач понимает, что ему необходимо сохранить жизнь обоим, поэтому в конце диалога он произносит фразу «*How about we take care of both of you at the same time?*». На лексическом уровне врач использует большое количество медицинских терминов «*preeclampsia*», «*liver*», «*kidneys*», что сближает данную стратегию со стратегией предоставления информации. На стилистическом уровне врач использует параллельные конструкции, а именно анафору «*No bleeds, no clots*», риторический вопрос «*How about we take care of both of you at the same time?*». Общение между пациентом и врачом можно охарактеризовать как неформальное, так как пациент использует сокращенные грамматические конструкции «*gotta*», «*gonna*», простые предложения «*I'm 39*». В то же время пациент является информированным адресатом, так как в речи пациента можно встретить слова, относящиеся к семантическому полю «медицина». Семантическое поле – самая крупная смысловая парадигма, объединяющая слова разных частей речи, значения которых имеют один общий семантический смысл⁵.

В следующем примере также можно говорить о сближении тактики утешения пациента с тактикой предоставления информации.

Relative: *Is she gonna be all right?*

Doctor: *Antibiotics for the pneumonia, I.V. feeding to get the weight up. Don't worry. It's a vegan I.V.*

Несмотря на то, что в данном примере врач использует термины, относящиеся к семантическому полю «медицина», такие как «antibiotics», «pneumonia», «I.V.», основной целью использования данной тактики врачом является не просто информирование, а снижение атмосферы опасения за жизнь пациента у родственников. Сохраняется неформальный стиль общения между врачом и пациентом (родственниками). На синтаксическом уровне используются простые нераспространенные предложения. Жанром, в рамках которого реализуется данная тактика, может быть первичная консультация.

Часто тактика утешения пациента сопровождается использованием оценочных конструкций. Рассмотрим их использование на следующем примере:

Patient: *What are the chances my baby will survive?*

Doctor: *Pretty good. Twenty-eight weeks, so about 80 %.*

Врач использует положительную оценочную конструкцию «*Pretty good*», чтобы создать атмосферу спокойствия. На синтаксическом уровне используются односоставные предложения «*Twenty-eight weeks*». Речь пациента представлена квестивом.

Мы проанализировали информативную стратегию, которая реализуется с помощью трех основных тактик: тактика предоставления информации, тактика получения информации и тактика утешения пациента. Каждая из данных тактик имеет свои особенности, однако их общие черты позволяют объединять их в одну стратегию. Можно сделать вывод о том, что при использовании первых двух тактик в рам-

ках информативной стратегии, эмоциональная окраска сообщения не играет особой роли. Говоря о тактиках предоставления и передачи информации, нужно сказать, что в них важнее сделать упор на факты, тогда как в тактике утешения пациента используется эмоциональная окраска сообщения, поэтому общение между врачом и пациентом становится более неформальным. На лексическом уровне данная стратегия характеризуется наличием большого количества терминов («*gladolinium, inflammation, radiation, steroids*»), комментариев и оценочных конструкций («*Okay*», «*Pretty good*»). В тактиках предоставления и утешения пациента используется более формальная лексика, тогда как в тактике получения информации врач использует нейтральную и в некоторых случаях неформальную лексику. В тактике получения информации можно заметить, что врач употребляет в основном квестивы, в тактике предоставления информации и утешения пациента – нарративы и экспозитивы. Нельзя говорить о наличии определенного жанра дискурса в данной стратегии, можно подчеркнуть их разнообразие: первичная, повторная или предоперационная консультации.

Примечания

¹ См.: Жура, В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении. Волгоград, 2008. 44 с.

² См.: Пугачев, В. Программирование психики как метод социального управления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление. 2006. С. 40–66.

³ См.: Жура, В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении. Волгоград, 2008. 44 с.

⁴ См.: Диагноз [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/диагноз>.

⁵ См.: Семантическое поле [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/семантическое_поле.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ АНТРОПОМОРФНЫХ БЛЕНДОВ В РУССКОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ (на примере исходного пространства «женщина»)

Иллюстрируются особенности интеграции антропоморфных блендов в русском сказочном дискурсе на основе теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. В результате рассмотрения энциклопедического материала и фольклорных источников выводится исходное ментальное пространство «женщина» и рассматриваются основные модели его взаимодействия с параллельными ментальными пространствами, относящимися к антропоморфной сфере.

Ключевые слова: метафора, концептуальная интеграция, исходное пространство, ментальное пространство, бленд.

Сказочный дискурс характеризуется определенным соотношением фантазии и реальности. Он представляет собой закодированный источник информации об историческом прошлом русского народа. Дешифровка сказочного контекста с помощью теории концептуальной интеграции способствует определению истоков языковой номинации героев и ведет к пониманию особенностей менталитета русского народа. Данная теория, разработанная представителями американской школы когнитивной лингвистики Ж. Фоконье и М. Тернером, позволяет наиболее адекватно декодировать скрытую информацию, понять ее смысловое наполнение и определить образную аналогию, лежащую в основе сказочных номинаций.

Под концептуальной интеграцией ученые понимают сложный когнитивный процесс, происходящий неосознанно в результате сопоставления двух независимых друг от друга явлений или понятий и соединяющий в общем счете четыре ментальных пространства: два исходных пространства (input spaces), одно общее пространство (generic spaces) и смешанное пространство (blended space), или бленд (blend).

Исходные пространства – это независимые друг от друга ментальные образования, символизирующие различные явления и понятия, соединение которых приводит к частичному формированию нового ментального образования – бленда. Общее пространство отображает сходные сущности/элементы исходных пространств, которые затем проецируются в бленд: «There is a generic space, which maps onto each of the inputs. This generic space reflects some common, usually more abstract, structure and organization shared by the inputs and defines the core cross-space mapping between them»

[12. С. 149]. «The generic space contains what the inputs have in common» [12. С. 152].

Бленды образуются за счет проекции общего пространства, проекции некоторых элементов исходных пространств, не вошедших в общее пространство, и добавочных элементов, определяющихся фоновыми знаниями, когнитивными и культурными моделями.

Схема процесса концептуальной интеграции выглядит следующим образом (рис. 1):

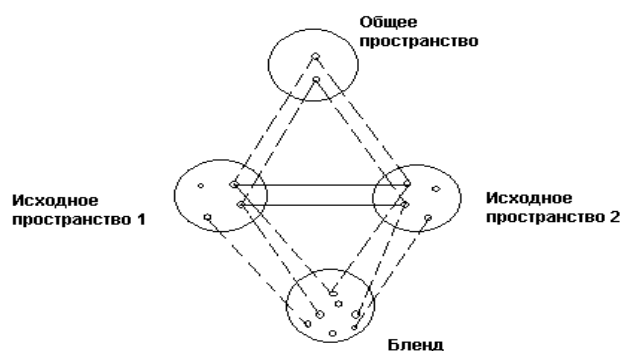

Рис. 1. Схема модели смешанных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера

Окружности на схеме представляют четыре основных ментальных пространства, точки – сущности/элементы каждой сферы, пунктирные линии символизируют отображения между сущностями различных пространств, а сплошные линии – соединение прототипичных элементов.

В связи с этим исходное пространство «женщина», служащее неисчерпаемым источником новых смешанных пространств, является одним из ключевых понятий русского сказочного дискурса.

Для описания особенностей интеграции данного пространства на основе этимологических изысканий, изучения словарных статей,

исторических фактов и культурных традиций были выделены его основные сущности, представленные на рис. 2.

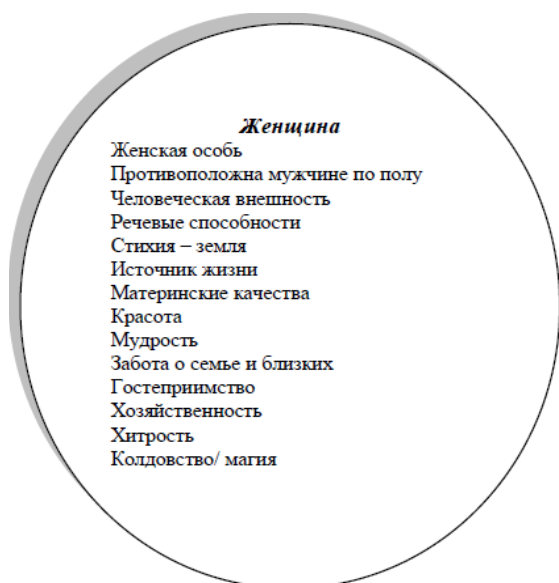

Рис. 2. Схема исходного пространства «женщина»

Сказки наряду с мифами являются одним из древнейших творений человеческой мысли. Их возникновение приходится на то время, когда человек еще не отделял себя от животного мира и не считал себя центром вселенной, но в то же время концептуализировал окружающую действительность сквозь призму своего сознания. Возможно, поэтому антропоморфность в сказках выражается в основном за счет переноса человеческих особенностей на животный и растительный мир. Концептуальная интеграция ментального пространства «женщина» с параллельными исходными пространствами, относящимися к общей понятийной сфере «человек», в основном затрагивает отождествление мужского и женского начала.

В русском сказочном дискурсе перенос мужских качеств на женщину привел к появлению героинь, которых традиционно принято называть богатырь-девками. Такими, например, являются женские персонажи волшебных сказок «Марья Моревна», «Василиса Поповна», «Иван Агич и Василиса Васильевна» и др. Как правило, женщины-богатырши сочетают в себе ум, красоту и невероятную силу.

По аналогии с прототипом «женщина» составим исходное пространство «мужик», так как именно оно легло в основу метафорической проекции. Для этого выделим некоторые релевантные сущности: мужская особь, проти-

воположная женщине по половому признаку; имеет характерные человеческие атрибуты – внешность и речь; живет на земле; как правило, ассоциируется с мужеством, храбростью, физической силой. Мужик является хозяином дома и главой семейства. Ему приписываются грубость, невежество, любовь к спиртным напиткам и вкусной, обильной еде. На Руси мужик воспринимался как кормилец, охотник, воин и властитель. В настоящее время номинация «мужик» используется в разряде разговорно-сниженной лексики.

В русском сказочном дискурсе большинство выделенных элементов исходного пространства «мужик» метафорически переносится на женщину. В частности, большое внимание уделяется физической силе женщины, равной, а иногда и превосходящей мужскую:

«Вышли все на широкий двор, вошел молодой посол [Василиса Микулишна] в круг, захватил одной рукой трех борцов, другой – трех молодых, седьмого бросил в середину, да как ударит их лоб об лоб, так все семь на земле лежат и встать не могут» («Про прекрасную Василису Микулишну» [9. С. 290]).

Выделенные в рамках данной модели сущности бленда подкрепляются языковыми средствами выражения. Как и во многих других русских смешанных пространствах, стилистически ярко представлен элемент «красота». Он выражается такими эпитетами, как *«прекрасная королева»*, *«лепообразная»*, *«собой хороша»* и др.

Примеры метафор, символизирующих характеристики этой же сущности, можно проследить в следующих отрывках:

«И у ней, когда она почивает, из косточки в косточку мозжечок переливается» («Усоньша-богатырша» [5. С. 378]).

«Горько плакали девушки, пока резали Василисе косы русые. Косы длинные весь пол усыпали, упал на косы и светлый месяц» («Про прекрасную Василису Микулишну» [9. С. 290]).

Совмещение мужских и женских черт в одном образе иллюстрирует личное местоимение мужского рода («он»), употребляемое по отношению к девушке. Показательно и сравнение с уточкой, как правило, ассоциируемой у славян с женским началом:

«Он по горнице идет, словно уточка плывет, каблуками не пристукивает; он на лавочке сидит колена вместе жмет» («Про прекрасную Василису Микулишну» [9. С. 290]).

В сказке «Василиса Поповна» мужские манеры поведения отражены в глаголах действия, например:

«Одевалась она в мужское платье, ездил верхом на лошади, стреляла из ружья, и все делала совсем не по-девичьи» («Василиса Поповна» [1. С. 375]).

Несмотря на свой богатырский нрав, названные сказочные героини символизируют женское начало. Слияние противоречивых исходных пространств создает сложную модель концептуальной интеграции, в которой общее пространство формируется за счет отличительных человеческих свойств.

Из исходного пространства «женщина» в сказочный бленд, помимо половой принадлежности, проецируются личные ассоциативные качества, такие как красота, мудрость и хитрость. К другим человеческим качествам и привычкам, но уже перенесенным из исходного пространства «мужик», относятся физическая сила, мужество и храбрость, главенство в доме и семье, любовь к спиртным напиткам и еде, страсть к охоте, воинственность и власть. Исключительно контекстуальные сущности, дополняющие смешанное пространство, – главный сказочный персонаж и положительная коннотация. В заключение отметим, что в русском сказочном дискурсе снимаются гендерные отличия, поэтому в смешанное пространство из прототипа женщины переносится только сущность «женская особь», в то время как элемент «противоположна мужчине по полу» в бленде не отражается в связи с совмещением черт противоположных полов.

Образ богатырь-девки свидетельствует об остатках в русском сказочном дискурсе матриархальных представлений, согласно которым, женщина обладает огромной силой и властью, позже унаследованной мужчиной. Сочетая женскую красоту и мудрость, она способна противостоять «сильному полу» в физическом плане и в социальной иерархии.

Помимо метафорического проецирования исходного пространства «мужик», антропоморфность образов в русском сказочном дискурсе выражается и за счет слияния двух женских прототипов. Смысловая трансформация одних женских черт в другие проявляется в специфичном для русской сказочной традиции смешанном пространстве «женщина – Баба-Яга».

Образ Бабы-Яги, живущей глубоко в дремучем лесу, в русском сказочном дискурсе

ассоциируется с мотивом перехода героя в загробный мир, а сама Ягинишна является проводницей в мир мертвых (тридесятое царство), куда можно попасть только при совершении определенных ритуалов.

Женский образ Бабы-Яги связан с матриархальными представлениями об устройстве социального мира, когда глава (старейшина) общества была женщина солидного возраста, способная физически отстоять свое место в обществе, то есть баба. В славянской мифологии Баба-Яга ассоциировалась с хозяйкой леса и повелительницей его обитателей, хранительницей рода и древних традиций. Однако во времена принятия славянами христианского вероисповедания старые языческие божества подверглись гонению, им стали придаваться злые, демонические черты, уродливость внешнего вида и характера, злые намеренья. Так, образ Бабы-Яги в сказках стал восприниматься двойственно. Амбивалентность ее восприятия связана, во-первых, с образом хозяйки леса, которую надо задобрить, во-вторых с образом злого существа, сажающего детей на лопату для жарки. Последнее толкование исходит из функции жриц проводить подростков через обряд инициации [8. С. 83].

При матриархате право считаться взрослым зависело не от возраста, а от личных достижений. Испытывать юношей на взрослость являлось обязанностью женщин-жриц. Они уводили мальчиков 10–12 лет на некоторое время в лес и подвергали различным испытаниям.

В результате изменения социального устройства жрицы сами стали поселяться в лесах, где продолжали свою деятельность. Они следили за тем, чтобы мужчина умел охотиться, пасти скот, делать оружие и знать основы супружеского бытия.

Не случайно во многих сказках Баба-Яга предлагает герою взять в жены свою дочь (или разделить с ее дочерью ложе), применяя при этом особую хитрость. Данное качество в приведенном отрывке выражается, прежде всего, метафорой и использованием слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами:

«Жила-была старушка-княгиня; у нее росли сын да дочь – такие дородные, такие хорошие. Не по нутру они были злой ведьме: “Как бы их извести да до худа довести?” – думала она и придумала; скинулась такой лисой, пришла к их матери и говорит: “Кумушка-голубушка! Вот тебе перстенок, надень его на пальчик твоему сынку, с ним будет он и богат и то-

роват, только бы не снимал и женился на той девице, которой мое **колечко** будет по **ручке!**» («Князь Данила Говорила» [6. С. 329]).

В сказочном дискурсе сохранился и неизменный атрибут Бабы-Яги – дремучий лес, который традиционно описывается эпитетами «темный» и «таинственный». С одной стороны, сказочный лес отражает представления древних о необходимости проведения обрядов посвящения именно в лесу, а с другой стороны, он всегда ассоциировался с входом в царство мертвых.

Баба-Яга повелевает в лесу всем животным миром, она оказывается хозяйкой зверей и птиц. Дело в том, что у древних смерть понималась как переход в другое состояние, например, превращение в животных, а значит, именно хозяин животных должен охранять вход в царство мертвых. Так появились и сказочные мотивы, связанные с действиями Бабы-Яги: похищение детей птицами («Гуси-лебеди» [9. С. 332]), дарение волшебных птиц («Сказка о золотом, серебряном и медном царствах» [2. С. 224]) и животных герою («Звериное молоко» [1. С. 77]). Похищение и преподнесение волшебных даров открывает путь в тридцатое царство. Таким образом, Баба-Яга является «хозяйкой леса и его обитателей», а также «хранительницей загробного мира».

Избушка Яги, стоящая на границе двух миров, является вратами в мертвое царство. Даже ее внешние очертания в сказочном дискурсе напоминают о смерти: избушка весьма схожа с домовиной, имеет ярко выраженные зооморфные черты и всегда обнесена частоколом из человеческих костей и черепов. Домовины – домики, в которых хоронили умерших. Они расположены над землей на очень высоких пнях с выглядывающими из-под земли корнями, похожими на куриные ноги. Домовины ставились таким образом, чтобы отверстие в них было обращено в противоположную от поселения сторону, к лесу. Покойников хоронили ногами к выходу, и, если заглянуть в домовину, можно было увидеть только их ноги, — отсюда и произошло выражение «Баба-Яга костяная нога» [3].

Как пишет Б. А. Рыбаков, исследуя язычество Древней Руси: «Домовина с костями погребенных несомненно повлияла на известнейший фольклорный сюжет – «избушку на курьих ножках», в которой живет Баба-Яга – Костяная Нога, одно из олицетворений смерти» [10. С. 110].

Очертания жилища Бабы-Яги обычно передаются устойчивой метафорой: «**Стоит избушка на курьей лапке, на веретенной пятке, с востока на запад поворачивается**» («Иван меньшой – разумом большой» [9. С. 92]).

Вход в избушку открывается только после произнесения традиционных сказочных формул: «**Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом**» («Царевна-лягушка» [9. С. 199]); «**Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами!**» («Про Арапулку» [5. С. 286]). Владение Бабы-Яги стоит на какой-то невидимой грани, недоступной герою из мира живых, и является сторожевой заставой перед тридцатым царством. Пройти через эту грань можно только через избушку, повернув ее к «лесу задом» (что объясняется расположением домовин) и пройдя испытания хозяйки.

Внутри такой избушки Баба-Яга представляется как живой мертвец, и внешность у нее соответствующая. Для передачи внешности данного персонажа чаще всего используются развернутые метафоры: «**Там сидит одна старушка – языком в печи пашет, губами горшки отнимает**» («Марфа крестьянская дочь» [5. С. 333]).

При приходе героя Баба-Яга обычно лежит либо на печке, либо на лавке, но при этом она обязательно занимает всю избу, что, как правило, отражается на метафорическом уровне: «**Избушка остановилась, они взошли в нее, а там лежит Баба Яга: в одном углу ноги, в другом голова, губы на притолоке, нос в потолок уткнула**» («Звериное молоко» [6. С. 307]). Значит, избушка достаточно мала и невольно ассоциируется с местом захоронения покойников, а Баба-Яга – с мертвецом.

Передвигается Баба-Яга с бурей, погоняя железную или огненную ступу пестом/ толкачом, невольно ассоциирующимся с молнией, и заметая свои следы огненным помелом, имитирующим ветер. Описание полета сказочной героини всегда сопровождается динамикой и молниеносностью действий. Такой эффект достигается благодаря интенсивному использованию глаголов движения: «**Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу Баба-Яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замамет**» («Василиса Прекрасная» [5. С. 319]).

Из данных утверждений выводится другой элемент смешанного пространства – «повелительница мира природы».

Как правило, Баба-Яга обладает огромной «физической и духовной силой» (элемент исходного пространства «баба»). Она на равных бьется с богатырями («Сказка об Илье Муромце» [1. С. 354]; «Безногий и слепой богатыри» [1. С. 59]).

Рассмотрев основные атрибуты Бабы-Яги и внешние характеристики, отметим соответствующие черты внутреннего мира этого персонажа. В русском сказочном дискурсе Яга имеет противоречивую натуру. С одной стороны, она может быть предрасположена к герою или героине: приветливо их встречать, вкусно угощать, парить в баньке, давать мудрые советы, вручать волшебные дары за выполненные задания и по-матерински их оберегать, что символизирует проекцию таких сущностей, как «гостеприимство», «мудрость» и «материнские качества». Повсеместно встречающееся в сказках выражение *«напоила, накормила и спать положила»*, символизирующее гостеприимность старушки, передает условность сказочного хронотопа. Три глагола действия описывается относительно большой промежуток времени:

«Она ему говорит: “Сам бы туда шел, а сестру напрасно взял; она тебе много вреда сделает”. Напоила их, накормила и спать положила.» («Звериное молоко» [1. С. 83]).

В другой своей ипостаси Баба-Яга предстает как грубое, злобное демоническое существо, готовое погубить героя:

«Лишь только наступила ночь, Яга-Баба пошла по всем чуланам, и которую голову ощущает без колтака, то оную отрубала, и таким образом тридцать дочерей лишила голов» («Василий-королевич и Марья Ягинишна» [6. С. 204]).

Именно первый тип Бабы-Яги в русском сказочном дискурсе является более распространенным, несмотря на то, что чаще всего этот персонаж ассоциируется с негативными чертами.

На основе изложенного материала представим схему концептуальной интеграции, в результате которой создается смешанное пространство «женщина – Баба-Яга», но прежде определим сущности ментального пространства «баба», послужившего прототипом анализируемого бленда.

Баба – культурно-маркированное слово. Его первичное значение – «замужняя крестьянка; простая женщина не из образованных слоев населения» – устарело и в словаре В. В. Лопатиной и Л. Е. Лопатиной отмечается как просторечное [7. С. 12].

Данное слово несет в себе пренебрежительный или ироничный отзыв о женщине в целом и трактуется как: «1. *Трад.-нар.* Деревенская (обычно замужняя) женщина, крестьянка. 2. *Разг.-сниж.* О любой женщине. 3. *Разг.-сниж.* Женщина, находящаяся в интимных отношениях с кем-л.; жена [4. С. 53–54].

По свойствам баба – грубая, работающая, необразованная, простая женщина. По этим признакам сформировалась идиотническая характеристика исходного пространства «баба». В русском фольклоре в этом слове ярче отражается культурно-национальная оценка женщины.

По свойствам баба – грубая, работающая, необразованная, простая женщина. По этим признакам сформировалась идиотническая характеристика исходного пространства «баба». В русском фольклоре в этом слове ярче отражается культурно-национальная оценка женщины.

Относительно происхождения номинации «Яга» не существует единого мнения. В этимологическом словаре Н. М. Шанского слово «Баба-Яга» представлено как сращение двух элементов, из которых «яга» означает «злая», то есть Баба-Яга буквально – злая женщина, мучительница [11].

Предположим, что сема «Яга» является порождением сказочного контекста. Таким образом, в результате слияния двух прототипов «женщина» и «баба» получается ментальное пространство «женщина – Баба-Яга», где Яга – номинация, объединяющая только дополнительные контекстуально-дискурсивные элементы русского сказочного дискурса, не являющиеся результатом проекции сущностей исходных пространств.

Теперь выделим элементы, которые после проецирования из общего ментального пространства будут составлять часть смешанного. К ним относятся: общечеловеческие черты (характерная внешность, речевые способности, стихия обитания), половой критерий (женская особь, противопоставленная мужскому полу) и природное предназначение (источник жизни, материнские качества). Помимо перечисленных выше элементов, бленд «женщина – Баба-Яга» перенимает специфические свойства исходных ментальных пространств: мудрость, гостеприимство, хитрость и колдовство женщины; а также грубость и культурно-маркированную номинацию бабы. В то же время смешанное пространство приобретает свои уникальные черты, такие как роль в сказочном дискурсе, положительная или отрицательная коннотация, злые/ демонические черты, людоедство, безобразная внешность. Сюда же относятся функции хозяйки леса, повелительницы

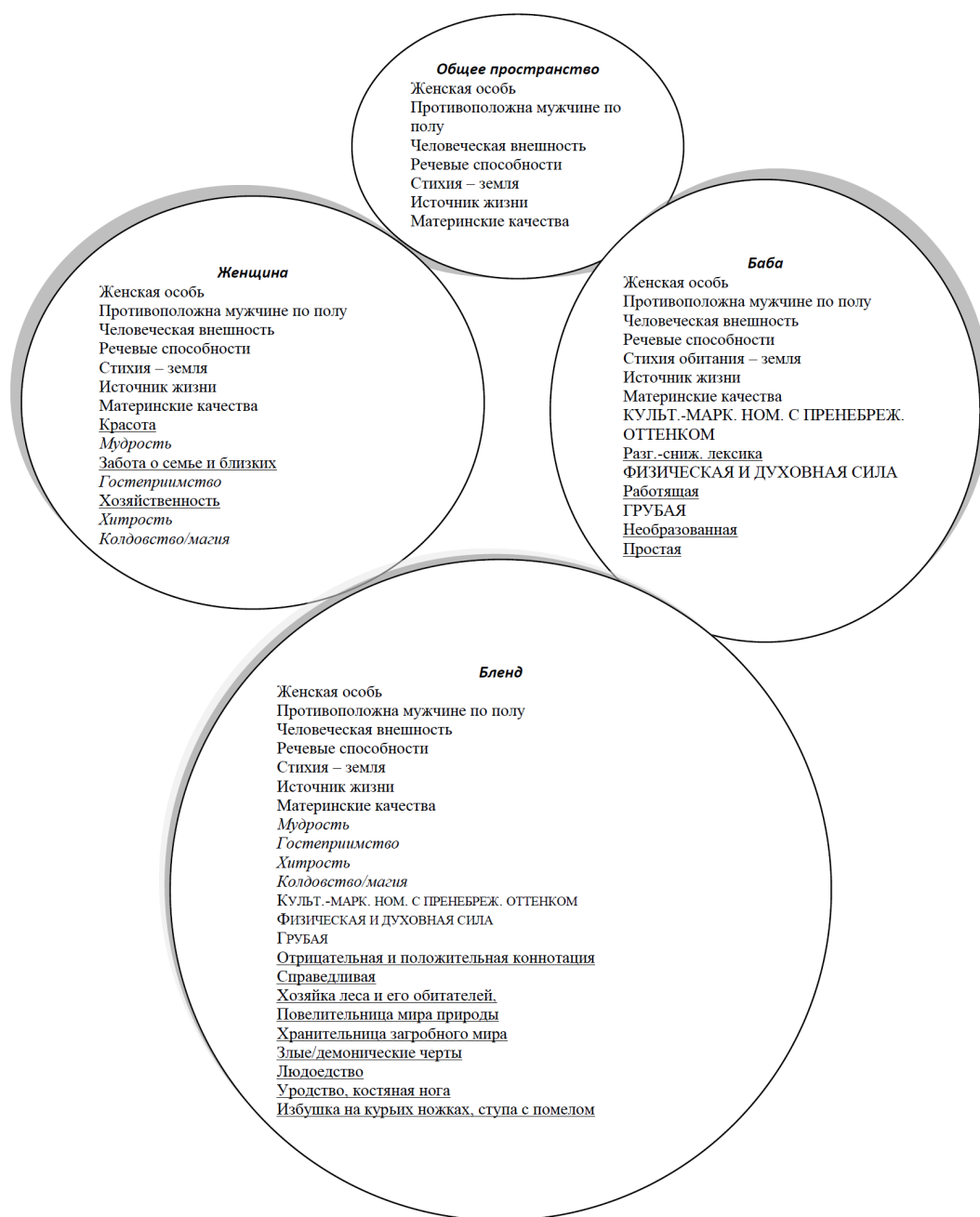

Рис. 3. Схема модели смешанного пространства «женщина – Баба-Яга»

мира природы и хранительницы загробного мира. Безусловно, отдельную группу существ бленда составляют ассоциативные сказочные атрибуты – избушка на курьих ножках, ступа с помелом и костяная нога (См. рис. 3).

Таким образом, концептуальная метафора, или смешанное пространство, «женщина – Баба-Яга» является многоаспектным, исторически сложившимся ментальным образованием с неоднозначной трактовкой. Данный бленд очень сложен и собирателен, поэтому его нельзя расчленивать на отдельные сущности, прояв-

ляющиеся в одной сказке. Этот абстрактный образ настолько укоренен в нашем сознании с детства, что при упоминании Бабы-Яги автоматически всплывает общее восприятие сказочного персонажа.

В заключение отметим, что «случайные» образы не фиксируются и не сохраняются в памяти народа, а закрепляются, прежде всего, те, которые связаны со значимой для общества деятельностью и ее целями. Поэтому символика обладает динамикой, то есть изменяется в зависимости от смены приоритетных

целей, видов деятельности и господствующей иерархии.

Таким образом, для формирования антропоморфных блендов большое значение имеют социально-психологические и культурные предпосылки. При этом следует подчеркнуть, что нередко бленд с исходным пространством «женщина» выстраивается на характеристиках, востребованных при господствующих в определенный момент социальных отношениях.

Список литературы

1. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки. М., 1985. Т. 2. 463 с.
2. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки. М., 1985. Т. 3. 495 с.
3. Баба-Яга. Википедия [Электронный ресурс] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Баба-Яга>.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. 1536 с.
5. Круглова, Ю. Г. Сказки. М., 1988. Кн. 1. 544 с.
6. Круглова, Ю. Г. Сказки. М., 1989. Кн. 2. 576 с.
7. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. 4-е изд., стер. М., 1997. 832 с.
8. Мифология. Энциклопедия / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 2003. 736 с.
9. Нечаев, А. Русские народные сказки / А. Нечаев, Н. Рыбакова. М., 1956. 543 с.
10. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. 783 с.
11. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. М., 1994. 400 с.
12. Fauconnier, G. Mappings in Thought and Language. Cambridge, 1997. 205 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 60–64.

Н. Н. Кошкарлова

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ КОНФЛИКТНОГО И КООПЕРАТИВНОГО ТИПОВ ДИСКУРСА

Анализируются диалогические жанры конфликтного и кооперативного типов дискурса. В качестве материала для анализа выбраны такие жанры, как политическое интервью, конфликтный диалог-интервью, пресс-конференция. Все анализируемые жанры обладают своими структурными особенностями, которые определяют функционирование в рамках конфликтного или кооперативного дискурса.

Ключевые слова: *диалогический жанр, конфликтный дискурс, кооперативный дискурс, политическое интервью, конфликтный диалог-интервью, пресс-конференция.*

Целью настоящего исследования является анализ диалогических жанров современной политической коммуникации, функционирующих в рамках конфликтного и кооперативного типов дискурса. Анализ проводится с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода, в интересах которого включен широкий круг вопросов, затрагивающий лингвистические и экстралингвистические факторы коммуникации. Рассматриваемые нами формы поведения (деструктивная и конструктивная) являются той сферой межличностных взаимоотношений, в которой конкретные прагматические условия интеракции детерминирует поведение

коммуникантов, и позволяют говорящим прогнозировать свои речевые действия и речевое поведение собеседника.

Подобная трактовка исследуемых конфликтного и кооперативного типов дискурса созвучна предложенной В. И. Карасиком [2] прагмалингвистической модели дискурса, когда анализируется способ общения в самом широком смысле слова. В цитируемой работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» известный волгоградский ученый противопоставляет такие виды общения, как серьезное – несерьезное, ритуальное – неритуальное, прямое – не прямое. Мы считаем необходимым

добавить в список общения тип дискурса в зависимости от его тональности и способности (неспособности) адресанта оказывать речевое воздействие на адресата и (или) целевую аудиторию в конструктивном или деструктивном плане. В соответствии с перечисленными критериями мы выделяем конфликтный и кооперативный виды дискурса, осуществление которых может иметь место в политической коммуникации (что является материалом нашего исследования), в педагогической среде, в научном собрании, в юридической сфере, в бытовом общении. В данном случае мы наблюдаем реализацию описанного В. И. Карасиком [2] социолингвистического подхода и можем говорить о конфликтном и кооперативном типах дискурса как институциональных формах общения. Такая двойственная природа анализируемых видов дискурса позволяет нам характеризовать их как гибридные речевые образования, а взаимосвязь дискурса вообще и его конфликтного и кооперативного типов в частности с социальными, психологическими и культурно значимыми условиями и обстоятельствами, а также прагматическая направленность языковых единиц в любой форме их реализации позволили нам дать следующие определения объектов нашего исследования. В настоящей работе конфликтный дискурс понимается как деструктивная деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание соответствующего поведения коммуникантов, в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением отношений определенной тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер). Под кооперативным дискурсом в настоящем исследовании понимается последовательность монологических и диалогических (в зависимости от жанрового измерения дискурса) единств позитивной направленности, в процессе реализации которых коммуниканты ведут беседу в русле кооперативного межличностного общения, демонстрируют сдержанное отношение к собеседнику, адекватно используют коммуникативные стратегии и тактики в случае угрозы возникновения конфликтного диалога (ссоры).

Как уже было сказано выше, материалом для исследования в настоящей работе послужили диалогические жанры политической коммуникации, к которым мы относим политическое интервью, конфликтный диалог-интервью и пресс-конференцию.

Не вызывает сомнения тот факт, что одним из самых продуктивных и традиционных диалогических жанров является интервью. В настоящее время политические деятели прибегают к такому способу общения с целевой аудиторией, как беседа с представителями зарубежных средств массовой информации. При этом беседу представителей зарубежных средств массовой информации с членами эшелона власти другого государства, а также зафиксированный результат такого разговора мы определяем как *политическое интервью межкультурного уровня*. Так, начиная с 2000 г. действующие руководители нашей страны (в разное время занимавшие посты как Президента, так и Премьер-министра) дали около 100 интервью зарубежным телеканалам, газетам, агентствам, радиовещательным корпорациям (телеканалу Блумберг ТВ; телеканалам Си-Эн-Эн, Си-Эн-Би-Си, Аль-Джазира; американским, немецким, французской газете; представителям иранских, азербайджанских, корейских, китайских, индийских СМИ – вот лишь неполный перечень зарубежных СМИ, представители которых встречались с В. В. Путиным и Д. А. Медведевым). По замечанию О. А. Плотниковой [4], в течение нескольких десятилетий, в период идеологической цензуры интервью были достаточно стереотипны, имели искусственные, заранее заданные формы; клишированные, типовые вопросы и типовые ответы заменяли живое, непосредственное общение. Е. И. Голанова [1] указывает, что эпоха гласности ознаменовалась тем, что на смену выражению официального единомыслия и соответствующим языковым стереотипам пришла возможность свободного обмена мнениями, отсюда – языковая раскрепощенность, раскованность, свобода в выборе формы и содержания. В контексте нашего исследования подобная идеологическая и языковая раскрепощенность проявляется в форме свободного общения представителей различных культур, которое не всегда характеризуется этикетными и кооперативными нормами, а часто приводит к сбоям и помехам в общении.

Современные средства массовой информации очень креативны и изобретательны в пла-

не создания новых жанровых разновидностей. Как следствие – появление нового типа диалогического жанра, а именно *Разговор с Президентом*, который, как показывает анализ языкового материала, обладает своими структурно-композиционными и языковыми особенностями. Анализ языкового материала показывает, что этот публицистический жанр является сочетанием слова как изобразительно-выразительного средства (или как содержания) и диалога (общения) как формы существования. Иными словами, *Разговор с Президентом* мы с полным основанием можем трактовать как разновидность интервью, но обладающую своей спецификой, которая, с одной стороны, позволяет нам приписать все характеристики жанра интервью этой форме диалогической интеракции, а с другой стороны, – выделить некоторые особенности, которые ставят жанр *Разговора с Президентом* в отдельную группу массовой и межличностной коммуникации. Мы рассматриваем беседы из цикла «*Разговор с Президентом*» (или их разновидностей – «Интервью телеканалам «Первый», «Россия» и НТВ», «*Разговор с Дмитрием Медведевым*. Интервью пяти телеканалам») как функционирующие в рамках кооперативного дискурса, что является следствием отсутствия столкновения национальных картин мира собеседников, так как и интервьюер, и интервьюируемый принадлежат к одной лингвокультуре. Беседы из цикла «*Разговор с Дмитрием Медведевым*» не являются ареной развертывания коммуникативного конфликта, так как они лишены языковых и культурных помех в общении. Последние, по нашему мнению, являются случаями проявления этнолингвокультурного сознания, под которым И. В. Привалова [5] подразумевает культурно обусловленный ин/вариантный образ мира, соотношенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии. Специфика сознания такого вида наиболее очевидна в процессе межкультурного общения, когда оно осуществляется в общественной и индивидуальной формах. Мы полагаем, что два уровня функционирования этнолингвокультурного сознания существуют как единое целое только в ходе реализации конфликтного дискурса по причине специфичности предметных значений, когнитивных схем общества в целом и отдельного индивида. Однако в любой разновидности дискурса всегда важна связь с прагматической ситуацией речи. Как известно, особенно ярко прагматическая направленность

языковых единиц проявляется в информационном диалоге, видом которого в данной работе признается беседа из цикла «*Разговор с Президентом*» (или ее разновидность «*Разговор с Дмитрием Медведевым*»). Не следует отрицать тот факт, что беседы из анализируемого цикла являются особым видом информационного диалога, однако с присущими этому жанру особенностями: – обмен репликами между коммуникантами; – трансформация информационного и эмоционального состояния адресата; – функционирование в качестве эффективного механизма воздействия на массовое сознание.

Когда взаимодействие участников интервью в ходе общения по линии «кооперативность-конфликт» развивается в сторону последнего, то возникает коммуникативный конфликт. В таком случае мы говорим о конфликтном диалоге-интервью. Методологической основой выделения данного типа диалогического жанра мы считаем феномен нарушения асимметрии коммуникативных ролей, когда не соблюдается нейтралитет интервьюера и он перестает выполнять свою главную функцию – начинать и завершать интервью, вводить и продолжать темы, задавать вопросы, основываясь на имеющихся у него данных. Интервьюер в данном случае становится полноправным участником разговора, который высказывает свое мнение по обсуждаемым вопросам, воздействуя на целевую аудиторию и собеседника в выгодном для него направлении, провоцируя интервьюируемого на деструктивное общение.

Вопросы интервьюера являются одним из самых главных (если не наиважнейшим) факторов провоцирования конфликтного речевого взаимодействия. Интервьюер при общении с политиками не только «провоцирует их мыслительную деятельность» [3], но и стремится к тому, чтобы интервью стало ареной для столкновения ценностей и убеждений, что делает беседу во многих случаях содержательной и привлекательной для целевой аудитории. Цель сделать интервью как можно более информативным достигается при помощи следующих функций вопросов в аспекте конфликтной коммуникации:

- 1) провоцирование интервьюируемого через цитирование мнения третьей стороны;
- 2) эксплицитное намерение адресанта вызвать у собеседника желаемое психологическое состояние (прямое провоцирование);
- 3) намек; запрос информации; создание ситуации, изначально выгодной для адресанта и адресата (косвенное провоцирование);

4) описание собственных чувств и эмоций как не совсем удовлетворяющих определенным стандартам;

5) критика действий своего собеседника и руководимой им страны.

Однако асимметричное распределение коммуникативных ролей может нарушаться в сторону использования вопросов не только интервьюером, но и интервьюируемым. На наш взгляд, в случае равноправия собеседников как представителей двух государств, когда асимметрия коммуникативных ролей нарушается в сторону интервьюируемого, речь идет не о конфликтном взаимодействии, а о кооперативном дискурсе. Языковой материал позволяет нам выделить несколько функций таких вопросов в тексте пресс-конференции, которая, на наш взгляд, является вторым по продуктивности (после интервью) диалогическим жанром, так как данный вид текста преследует вполне конкретную и реализуемую с разной степенью успешности цель – трансформацию информационного и эмоционального состояния адресата:

1) оценка проделанной работы, стремление привлечь внимание аудитории к успехам и неудачам в делах;

2) акцент на наиболее важных моментах, создание чувства сопричастности с аудиторией в решении наболевших проблем;

3) создание эмоционального контакта с аудиторией через беседу с интервьюером, когда интервьюируемый берет на себя функции первого;

4) уточнение деталей для более корректного ответа на вопрос интервьюера.

Пресс-конференция является традиционным жанром политической коммуникации, однако в современном пространстве политической и коммуникативной обстановки эта форма общения политических лидеров с аудиторией получает новые формы существования и нетрадиционные способы реализации. На наш взгляд, пресс-конференция является разновидностью интервью, что дает нам основание приписать все характеристики жанра интервью этой форме диалогической интеракции, а с другой стороны, выделить лингвостилистические (языковые) особенности этой формы межличностной и публичной коммуникации. Не вызывает сомнения тот факт, что в пресс-конференции как структурно-смысловом единстве в тесном взаимодействии находятся индивидуально-языковые особенности говорящих, лексико-словообразовательное наполнение,

синтаксические структуры. При этом текст пресс-конференции функционирует в рамках так называемого «языка политики», который, в свою очередь, Е. И. Шейгал [6] рассматривает как один из профессиональных подязыков – вариантов общенационального языка.

Пресс-конференция является особым типом информационного диалога, специфичность которому добавляет стремление сделать политический дискурс доступным и понятным как можно большему социальным кругам населения. В анализируемом тексте используются такие речевые формулы, которые добавляют определенную конфликтность процессу общения: *Вы правильно сказали, эта процедура не должна быть бессмысленной, она не должна быть обременительной, она не должна быть просто дурацкой, которая всех ставит в очень неудобное положение. <...> ... – я получаю информацию непосредственно от людей, через Сеть, через блоги, через Твиттер, через любые другие ресурсы. И, как вы знаете, там режут правду-матку.* (Пресс-конференция Д. А. Медведева, 18 мая 2011 г.). Создание такого специфического дискурса в рамках пресс-конференции влияет на общую тональность и риторику выступления, которые иногда могут носить деструктивный характер.

Таким образом, несмотря на постулируемое нами утверждение о функционировании текста пресс-конференции в рамках подязыка политики, в нем можно выделить большое количество выразительных средств для осуществления речевого воздействия на целевую аудиторию. Что касается жанровой принадлежности анализируемого материала, то его с полным правом можно охарактеризовать как разновидность информационного диалога. При этом каждый из анализируемых жанров обладает своими структурными особенностями, которые определяют его функционирование в рамках конфликтного и кооперативного типов дискурса, а процессы, происходящие в обществе, в свою очередь, находят отражение в языке и речи.

Список литературы

1. Голанова, Е. И. Устный публичный диалог: жанр интервью // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М., 2000. С. 427–452.

2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

3. Лукина, М. М. Технология интервью : учеб. пособие. М., 2005. 188 с.
4. Плотникова, О. А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 180 с.
5. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М., 2005. 472 с.
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 413 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335).
Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 64–66.*

А. В. Матвеева

МЕСТО РАДИОДИСКУРСА В ДИСКУРСИВНОМ МНОГООБРАЗИИ

Описываются характеристики радиодискурса как одного из типов устного дискурса, а также медиадискурса. Особое внимание уделяется специфике радиодискурса, который, несмотря на наличие универсальных характеристик, приобрел ряд отличительных особенностей, что позволило ему выделиться среди других видов дискурса и занять особую позицию в дискурсивном многообразии.

Ключевые слова: *дискурс, устный дискурс, медиадискурс, радиодискурс.*

Радиокommunikация в современном мире является одной из распространенных форм коммуникации, средством массовой информации и одним из основных каналов передачи информации наряду с Интернет и телевидением. Такое положение радиокommunikации привело к выделению радиодискурса из общего дискурсивного многообразия.

Актуальность исследования радиодискурса обусловлена активным бытованием радиокommunikации в жизни современного человека, становлением радио в качестве одного из основных каналов передачи информации и одного из средств массовой информации, участвующего в формировании картины мира человека. Кроме того, исследование особенностей радиодискурса и форм речевого воздействия, реализуемых в рамках этого типа дискурса, позволяют лучше понять функционирование медиадискурса и устного разговорного дискурса в целом.

Дискурс – широкое понятие, популярное в современной лингвистике, определение которого зависит от традиций и особенностей школ дискурсивного анализа, в рамках которых данное понятие трактуется с разных точек зрения. В самом общем виде можно определить дискурс как текст в совокупности с экстралингвистическими факторами его функци-

онирования, контекстом, коммуникативной ситуацией, как «речь, погруженную в жизнь». Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как связанный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; как текст, взятый в событийном аспекте; как речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). По мнению Н. Д. Арутюновой, дискурс – это речь, «погруженная в жизнь»¹. В. Е. Чернявская отмечает, что в современной лингвистике при подходе к вопросу о сущности понятия «дискурс» существенное значение имеет научная традиция, различные сложившиеся независимо друг от друга школы дискурсивного анализа, которые при разработке своих методологических и теоретических принципов акцентируют различные аспекты экстралингвистического характера, которые, по их мнению, являются дискурсообразующими². В. Е. Чернявская дает следующее определение дискурса: «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/ текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора,

взаимодействующего с адресатом. Дискурс, таким образом, характеризует коммуникативный процесс, который приводит к образованию определенной структуры, коей является текст³.

В современной лингвистике все еще отсутствует единая теория и типология, поэтому виды дискурса довольно разнообразны. Наиболее традиционным подходом является разделение дискурсов по модусу, жанру, типу отношений между участниками коммуникации, потребностям индивида и функциональному стилю. Радиодискурс признается одним из видов медиадискурса, который, в свою очередь, является типом устного дискурса. Будучи тесным образом связанным с медиадискурсом, радиодискурс вбирает в себя некоторые его характеристики, такие как динамичность языковой нормы, неподготовленность публичной речи, снижение нормы устного говорения выступающих, активное включение в речь иноязычных вкраплений, использование невузального словообразования и сниженной лексики, активизация механизмов свободного построения дискурса, изменение синтаксического построения речи, популяризация интонаций неофициальности, интимности.

Радио (от лат. *radio* – излучаю, *radius* – луч) – разновидность беспроводной связи, при которой в качестве носителя сигнала используются радиоволны, свободно распространяемые в пространстве. Также под радио в обиходе часто понимают радиовещание. Регулярные передачи по радио звуковых программ начались в 1920 г. в США, в Российской Федерации – в 1924 г. Широкое распространение в ряде стран получило многопрограммное проводное вещание (в Российской Федерации – трехпрограммное). История возникновения радио традиционно связывается с изобретением в 1895 г. радиоприемника русским ученым А. С. Поповым. В течение XX в. радио приобрело огромную популярность, в современном мире радио является одним из основных средств массовой информации и каналов ее передачи.

Многие исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой радиодискурс является частью, типом более широкого дискурса – медиадискурса, или дискурса средств массовой информации, который в свою очередь является одним из типов устного дискурса, что обуславливает специфику функционирования данных типов дискурса. СМИ в целом выполняют функцию посредника, поэтому не просто передают информацию о реальной дей-

ствительности, но и интерпретируют ее, формируя особую – публицистическую – картину мира⁴. Н. Г. Нестерова называет следующие характеристики современного медиадискурса: динамичность языковой нормы; неподготовленность публичной речи; снижение нормы устного говорения выступающих; активное включение в речь иноязычных вкраплений; использование невузального словообразования и сниженной лексики; активизация механизмов свободного построения дискурса; изменение синтаксического построения речи; популяризация интонаций неофициальности, интимности⁴.

Говоря об особенностях радиодискурса, стоит отметить некоторые экстралингвистические условия, в которых протекает радиокommunikация и которые обуславливают уникальность данного типа дискурса: дистантность, опосредованность, отсутствие визуализации, массовость аудитории слушателей, всеохватность, скорость передачи информации, связь со временем (одномоментность, необратимость, линейность, непрерывность). Радиодискурс неоднороден, что вызвано диалогичностью и интерактивностью, созданием текстов и использованием языковых средства, характерных для разных типов речи. Особенности радиодискурса также обусловлены жанровыми и целевыми установками, тематикой программы и форматом радиостанции в целом. В данном случае стоит различать информационный радиодискурс, характеризующийся такими свойствами, как установка на объективную позицию ведущего, спокойная тональность текстов, отсутствие ярких выразительных средств, ощущение сдержанности; и информационно-развлекательный дискурс, информационно-аналитический дискурс⁵.

Структурной единицей, организующей дискурс, можно считать эфирный час. То, на какие структурные блоки (реклама, информационные блоки, прогноз погоды, «стол заказов», спонтанные однократные реплики ведущих, сообщения о точном времени) он подразделен и как эти блоки соотносятся между собой, также определяет специфику радиодискурса. Данный тип дискурса также характеризуется интертекстуальностью и даже «гиперинтертекстуальностью», наличием ядра (радиоречь – речь ведущих и других участников коммуникативной ситуации) и периферии (всего прочего)⁶.

Пространство радиокommunikации не имеет реальных физических характеристик, «рисует» при помощи шумов, музыки и слов.

Наличием такого пространства объясняется специфика лексики радиоведущих, цель которых состоит в «материализации» виртуального пространства эфира и подчеркивания его уникальности. Специфическими лексическими средствами радиодискурса являются окказиональные единицы и метафоры, реализующие установку на креативность и спонтанность, которые являются коммуникативными тактиками установления и поддержания контакта с аудиторией слушателей. Диалогичность общения как одна из особенностей радиодискурса, направленная на взаимодействие с адресатом и привлечения внимания к сообщению и радиостанции в целом, достигается такими вербальными средствами, как спонтанно создающиеся «авторские» обращения, этикетные речевые формулы, обращенные к радиослушателям, конструкции, апеллирующие к ментальному опыту адресата⁷.

Таким образом, экстралингвистические условия, в которых протекает радиокоммуникация, типы взаимодействия участников радиокоммуникации, стремление в материализации радиопространства, структурная организация, тематическая разноплановость, особые языковые средства свидетельствуют о том, что ради-

одискурс, сочетая в себе универсальные черты медиадискурса, имеет свои отличительные особенности и имеет самостоятельный статус в общем дискурсивном пространстве.

Примечания

¹ Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.

² Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. М., 2006. С. 6.

³ Там же. С. 69.

⁴ Нестерова, Н. Г. Современный медиадискурс: в поисках подхода к изучению [Электронный ресурс] // Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации, центр теории и практики речевой коммуникации : материалы интернет-конф. 1 октября. Ярославль. URL: yspu.org/images/4/46.

⁵ Нестерова, Н. Г. Коммуникативно-прагматическая специфика спонтанного радиодискурса // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 318. Филология. С. 37–38.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Там же. С. 39.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 66–69.

Э. Ш. Никифорова

ОСНОВНЫЕ ТАКТИКИ СТРАТЕГИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АМЕРИКАНСКОМ СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Анализируются основные тактики стратегии эмоционального воздействия в американском судебном дискурсе, выделяются их наиболее характерные черты, обусловленные национальной и культурной спецификой. Среди рассматриваемых тактик особое внимание акцентируется на таких тактиках, как профессиональная самопрезентация, создание «круга своих», создание «круга чужих», комплимент, аналогия.

Ключевые слова: стратегия эмоционального воздействия, тактика, лингвокультура, судебный дискурс.

Оказывая коммуникативное воздействие на аудиторию, юрист преследует цели когнитивного и коммуникативного плана, реализуемые посредством стратегий коммуникативного воздействия.

Отметим тот факт, что профессиональные участники судебной коммуникации – проку-

роры и адвокаты – так или иначе оказывают эмоциональное воздействие через базовые стратегии защиты и обвинения, но, на наш взгляд, правомерно выделить и отдельную универсальную стратегию эмоционального воздействия, поскольку степень интерпретации фактов, на которые опирается юриспруден-

денция, определяется именно этой стратегией.

В свою очередь стратегия эмоционального воздействия рассматривается как совокупность тактик эмоционального воздействия. Остановимся на общих характеристиках некоторых из них.

Выделим тактику профессиональной самопрезентации, применение которой вызвано желанием участников судебной коммуникации позиционировать себя внутри профессионального сообщества, причем прямая самопрезентация состоит в том, что говорящий в эксплицитной форме дает себе комплиментарную характеристику, в то время как косвенная самопрезентация, к которой прибегают намного чаще, заключается в свободном владении юридической терминологией, ссылок на свою высокую квалификацию и богатый профессиональный опыт: «*And in doing so, in the exhaustive examination and cross-examination of all of the witnesses in this case and the exhaustive investigation and work that's been done, one thing is clear: This defendant has received the ultimate in a fair trial*» [3]. Многократно употребляя эпитет «*exhaustive*» в сочетании с собирательным обобщающим местоимением «*all*» (*exhaustive examination and cross-examination of all of the witnesses, exhaustive investigation and work*), прокурор подчеркивает тот факт, что ею была проведена большая работа, имплицитно указывая на свой профессионализм.

Тактики создания «круга своих» и «круга чужих» органично сочетаются друг с другом и основаны на общности ценностей и норм, принятых в данном социуме. При реализации данной тактики активно эксплуатируется противопоставление «свой – чужой», являющееся универсальным для любой культуры, поскольку человеку свойственно относить себя к той или иной социальной группе, противопоставляя эту группу другим группам, не разделяющим ценностные установки «своих»: «*And he rejoiced in the death and destruction, because he knew he had done his part to kill Americans, and that the plot had succeeded. Now, he caused the deaths by lying to federal agents about what he was doing in the U.S., and his lies permitted his al Qaeda brothers to go forward, and that's what they did*» [4]. Терроризм стал одной из самых актуальных проблем, с которой столкнулось американское общество, поэтому идея объединения общества в борьбе против терроризма необычайно популярна на сегодняшний день в США. В данном отрывке принадлежность подсудимо-

го к одной из террористических группировок переносит его в разряд «чужих», исключая из «круга своих». Идея чуждости реализуется при помощи ряда приемов: слов с семантикой «разрушение, смерть» (*death, destruction, kill*); оксюморона (*rejoiced in the death and destruction*); аллюзии (*his al Qaeda brothers*); эвфемизма (*to go forward*). Упоминание террористических заговоров против Америки и американцев (*he had done his part to kill Americans, the plot*) довольно часто эксплуатируется в американской лингвокультуре, причем в различных сферах жизни общества: политике, СМИ и даже в области права с целью привлечения представителей гражданского общества на свою сторону.

Тактики комплимента и имитированного диалога относятся к контактоустанавливающим и контактоподдерживающим тактикам. Так, тактика комплимента обычно помогает начать разговор, «*расстолкнуть лед*» (*break the ice*). По определению Л. С. Чернейко, она управляет межличностной дистанцией и является сигналом близости, причем основной функцией комплимента является установление контакта и поддержание дружеских отношений, когда задачей говорящего является расположение собеседника [2]. Стереотипные ситуации предопределяют как выбор комплиментов, так и реакцию на них: отклонение комплимента, благодарность, ответный комплимент, что диктуется, прежде всего, культурной моделью [1. С. 34]. Тактика комплимента, помимо этого, способствует созданию положительного эмоционального фона ситуации общения, снижает конфронтационность: «*We're a nation that's governed by laws and the Constitution. We try to provide equal justice to everyone. Our Constitution guarantees to all defendants the right to a jury trial. And that is why you are here, as a check against the abuse of government power, with roots in the law as far back as the Magna Carta. And for serving we all thank you and appreciate your time*» [4]. Юрист прибегает к развернутому многоплановому комплименту в сочетании с тактикой создания «круга своих».

Первый план – глобальный комплимент – комплимент всей нации, всему народу, реализуемый при помощи ряда аргументов:

1) *nation that's governed by laws and the Constitution* (опора на закон, подкрепленная ссылкой на Конституцию, а также апелляция к патриотизму);

2) *equal justice to everyone* (эксплуатация популярной идеи «*страны равных возможностей*»);

3) *Constitution guarantees... the right to a jury trial* (референция к Конституции, подкрепленная олицетворением, при котором Конституция уподобляется человеческому существу, способному гарантировать определенные права и свободы).

Второй план – локальный комплимент, направленный непосредственно на фактического адресата – присяжных, который также имеет сложную структуру и реализуется через набор импликатур:

1) *as a check against the abuse of government power* (апелляция к традиционной в американском обществе идее сдержек и противовесов, баланса властных полномочий, который обеспечивает справедливое рассмотрение всех важных вопросов);

2) *roots in the law as far back as the Magna Carta* (апелляция к традиционным в западной культуре ценностям, введение прецедентного имени *Magna Carta*, являющегося в западной культуре синонимом закона);

3) *we all thank you and appreciate your time* (подчеркнутое внимание к личности каждого, уважение к личному вкладу индивида в реализацию общей идеи правосудия). Кроме того, прокурор дает понять присяжным, что ценит их личное время, что крайне актуально в западной культуре, в которой время рассматривается как одна из основных ценностей.

Итак, юрист очень грамотно сочетает апелляцию к основным для западного общества ценностям (индивидуализму, пунктуальности, справедливости по закону, патриотизму) с обращением к традиции, бытующей в обществе.

Тактика комплимента, как правило, сочетается с тактикой имитированного диалога. Поскольку диалогическая форма общения является наиболее естественной для человека, тактика имитированного диалога обречена на успех: она позволяет в значительной степени влиять на ситуацию общения, направляя его при помощи ряда приемов, таких как риторические вопросы или вопросно-ответные комплексы, в нужное русло: «*Now, just crazy mistakes are made, really bizarre activities are done after that. Does it change the fact that the act was in self-defense? No. It's after the event. Does it change the fact that accident played a part in it? No. It's after the event. Is it bizarre? Is it grotesque? Yes. Is it explainable? Yes. And we will explain it to you*» [5]. Юрист прибегает к традиционному приему, реализующему тактику имитированного диалога – введению вопросно-ответного

комплекса, причем структура вопросов весьма примечательна: все они относятся к категории общих вопросов, то есть таких, которые предусматривают наличие кратких утвердительных или отрицательных ответов. Краткий ответ «*Yes*» или «*No*» является определенной вежливой ориентиром, привлекающим и акцентирующим внимание на наиболее важных моментах речи. Вопросы и ответы представляют собой последовательность взаимосвязанных, логически вытекающих одна из другой реплик. Таким образом, создается логическая цепочка, при помощи которой адвокат выстраивает рациональную аргументацию, апеллируя к здравому смыслу собеседника. Отсутствие специальных вопросов в приведенной цепи также неслучайно: автор не вводит дополнительной информации, чтобы она не мешала восприятию и осмыслению приведенной аргументации, не уводила в сторону. Большое количество эпитетов создает соответствующий образ странного, во многом случайного, происшествия (*crazy mistakes, bizarre, grotesque activities*). Но, при всей странности происходящего, юрист апеллирует к популярной в западном обществе вере в здравый смысл, рациональность, логику (*Is it explainable? Yes. And we will explain it to you*).

С тактикой имитированного диалога перекликается и тактика апелляции к жизненному опыту и здравому смыслу судьи и присяжных. Она позволяет смещать акценты в общении, делая реципиентов информации центром общения (их интересы, вкусы, ожидания, ценностные ориентации), тем самым способствуя результативности общения: «*Logic, common sense, it ought to be there. The DNA, the amplicons, those little things, they don't know where to go. Contamination is a random thing, happens willy-nilly. And what you have here is they're trying to get you to believe that only the killer's blood was contaminated, and it was consistently contaminated with only the defendant's blood type. Does this make any sense to you?*» [5]. В своей речи адвокат прямо апеллирует к здравому смыслу присяжных, реализуя свое коммуникативное намерение посредством комплекса приемов. В самом начале абзаца мы обнаруживаем прямую ссылку на логику и здравый смысл (*Logic, common sense, it ought to be there*). Далее приводится детальное обоснование выводов следствия с тем, чтобы присяжные смогли проследить всю логическую цепочку, проанализировать каждый этап аргументации и сделать единственно возможным, логически обоснованный вывод. При этом юрист излагает

свои мысли предельно понятным языком, ориентируясь на слушателя – среднестатистического американца, который далек от медицины или криминалистики. В данном случае прослеживается тенденция ориентированности представителей власти на простого человека, характерная для американской лингвокультуры: все должно быть просто, понятно, доступно. Желаемый эффект подкрепляется риторическим вопросом в конце абзаца (*Does this make any sense to you?*).

Тактика аналогии строится на механизме уподобления какого-либо нового явления, ситуации знакомым, привычным явлениям или ситуациям, тем самым облегчая восприятие и понимание непривычных образов и ситуаций: *«So why were these issues raised? Why were these questions raised? Well, they are all questions and issues that were raised as a distraction. There were roads raised, roads created by the defense to lead you away from the core truth and the issue that we are searching for the question - for the answer to - which is, who murdered Ron and Nicole? But these roads, ladies and gentlemen, these are false roads. They're false roads because they lead to a dead end»* [5]. Юрист прибегает к тактике аналогии, рассматривая судебное заседание как сеть дорог, из которых жизненно необходимо выбрать одну правильную. Сторона защиты создает эти «*дороги*», **уводящие от основной дороги** – от истины (*roads raised, roads created by the defense to lead you away from the core truth*). Образ дороги, приводящей к цели, либо уводящей прочь от нее, характерен для американской лингвокультуры, сложившейся благодаря перемещению и интеракции этносов (приведем для сравнения ряд англоязычных идиом, активно используемых американцами: *There are more ways to the wood than one; the road less travelled; get the show on the road; hit*

the road; one for the road). Кроме того, американцы ценят мобильность, свободу передвижения, для них свобода ассоциируется с дорогой. Поэтому, на наш взгляд, примененная аналогия вызывает множественные ассоциации и способствует лучшему пониманию и восприятию коммуникативной ситуации.

В заключение отметим тот факт, что для американской лингвокультуры, согласно нашим наблюдениям, характерно использование всех выделенных тактик как прокурорами, так и адвокатами, прибегающими к комбинации нескольких тактик для создания эффекта сближения с аудиторией.

Список литературы

1. Мосейко, А. А. Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 197 с.
2. Чернейко, Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2005. Вып. 30.
3. Excerpts from prosecutor Marcia Clark's closing arguments Sept. 26, 1995, in the O. J. Simpson murder case [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usatoday.com/news/index/nns28.htm>.
4. Opening Statement of U. S. Attorney Robert Spencer in the Zacarias Moussaoui Trial (March 6, 2006: P. 21–46 transcript) [Электронный ресурс]. URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/moussaoui/zmmacmahon.html>.
5. Statement for the defense delivered by defense attorney Dick DeGuerin at the Galveston County murder [Электронный ресурс]. URL: <http://www.criminaldefense.homestead.com/Durst.html>.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 69–72.

О. Д. Пастухова

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ДИСФЕМИЗМОВ И ПРИЧИНА ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается такое проблематичное явление политического дискурса, как использование дисфемизмов, которые по своему значению противоположны явлению эвфемии. Представлены четыре причины употребления дисфемизмов в политическом дискурсе.

Ключевые слова: *дисфемия, дисфемизм, политический дискурс, агрессия, эвфемизм.*

Явления эвфемизации и дисфемизации как часть становления и развития словарного состава обогащают язык и имеют слабую сигнификативную функцию. В социальной сфере эвфемизмы и дисфемизмы обладают качествами компенсации, тем самым восполняя эмоциональный дискомфорт говорящих.

Понятие дисфемии прямо противопоставлено понятию эвфемии, но, в отличие от второго, является малоизученным аспектом языка. Поэтому, несмотря на широкую представленность дисфемизмов в речевой практике, не рассматриваются такие аспекты, как функции дисфемизмов и причины их употребления в речи.

Рассмотрение основных функций дисфемизмов, причин их употребления является необходимым условием изучения дисфемии языка. Изучение материала позволило выделить следующие причины употребления дисфемизмов:

1. В политическом дискурсе наблюдается стремление отказаться от эвфемистических замен, что связано с сужением поля искусственных запретов в современном обществе. Возможно, употребление дисфемизмов заполняет пространство, которое освободилось в речевой практике¹. Поэтому в настоящее время слова с негативной коннотацией становятся распространенным явлением. Современная речь (разговорная, диалекты, жаргоны) характеризуется такими свойствами, как негативная экспрессия и агрессивность. Процесс вульгаризации, который затронул многие сферы общественной жизни, привел к увеличению употребления просторечных грубых слов и высказываний на лексическом уровне («deadneck» – «кретин»; «dim-wit» – «глупец»)². Причем подобные единицы отмечаются как в жанрах письменной и публичной речи, так и в устно-бытовой сфере и в речи известных политических деятелей. Бранные слова и обценая лексика часто используются в современных телевизионных передачах, фильмах, статьях в газетах и журналах. Политический дискурс не является исключением. Подобная лексика в последнее время употребляется даже высокопоставленными политическими лидерами, главами государств³.

Примером, иллюстрирующим сказанное выше, может служить употребление выражения «death tax» вместо «inheritance tax» или «estate tax».

*“The President’s budget calls for the largest increase in the **death tax** in U.S. history in 2010”⁴.*

Цитата демонстрирует, что говорящий пытается отобразить реалии жизни, не «вуалировать» свои слова, используя эвфемизмы.

2. Еще одна причина, приводящая к использованию дисфемии, – непринужденное психологическое состояние говорящего, что побуждает его идти наперекор жестким номинационным нормам и ограничениям. Важную роль среди психологических причин играет «фрустрация», являющееся фоновым психическим состоянием агрессии. Теорию, применимую к рассматриваемому явлению, в рамках бихевиористской психологии выдвинул А. Бандура.

Суть теории состоит в следующем: фрустрация может провоцировать агрессию в тех людях, которые обычно отвечают на унижительное обхождение с ними агрессивными установками и действиями⁵. Таким образом, выплескивая агрессию, индивид может испытывать позитивные эмоции, вызванные психологическим состоянием удовлетворения, самоутверждения, выполнения своего предназначения в обществе и демонстрации своего превосходства. На наш взгляд, данная причина употребления дисфемизмов прослеживается во время проведения политических дебатов. Приведем пример, демонстрирующий данное явление:

“McCain claimed that Obama’s health care plan would «force small businesses to cut jobs» and would put «a bureaucrat is between you and your doctor»”⁶.

В данном случае слово «bureaucrat» употреблено вместо «government official», тем самым отражается негативное отношение Джона Маккейна к программе Обамы в области здравоохранения, говорящий выражает свое превосходство перед соперником. В вышеописанном примере использование критики основано на процессе дисфемизации.

3. Современная общественно-речевая практика демонстрирует случаи намеренного использования дисфемизмов с целью дискредитации оппонента, привлечения внимания аудитории. Речь идет о популистской политике. Политические лидеры применяют различные речевые тактики и стратегии.

В последнее время ведется активная разработка отдельных способов и средств воздействия политических лидеров на коммуниканта. Таким образом, информационная функция в тексте, выступлении, лозунге в политической сфере становится вторичной и на первый план выходит задача воздействия, которая состоит в

стремлении говорящим внушить слушателям определенную оценку, сформировав при этом либо отрицательное, либо положительное отношение к действиям, предмету или объекту речи, явлениям. Поэтому в политическом дискурсе применяются различные речевые стратегии и тактики⁷.

Если рассматривать возникновение дисфемизмов, интересна будет стратегия дискриминации, которая реализуется через такие тактики, как обвинение, оскорбление и издевка⁸. На уровне языка носитель дискредитирующей речи высказывает свое негативное состояние и отношение к дискредитируемому объекту через свои действия и решения с пейоративной окраской (дисфемизмы), стремится разоблачить действия правительственных органов и политических деятелей. Тактика обвинения может выполнить данную задачу:

“But yesterday was one of the worst days of bloodshed since Baghdad fell”⁹.

При использовании дисфемизма «bloodshed» вместо «war» автор стремится показать реальную цену войны и разоблачить действия органов правительства. Важно обратить внимание на то, что лексика, описывающая военные действия и само слово «war» в Америке были заменены словами с нейтральной коннотацией, то есть эвфемизмами. Американское правительство, обладавшее столь высоким авторитетом в начале войны, согласно опросу, проведенному CNN и газетой USA Today, начало постепенно его терять. Это можно объяснить тем, что прямая лексика, описывающая войну и военные действия, начала возвращаться в словарь СМИ и, более того, заменяться выражениями и словами с резко отрицательной оценкой¹⁰.

Дисфемистические свойства могут приобретать вполне нейтральные лексические единицы, подвергшиеся изменениям в денотативном плане, вследствие чего происходят изменения и в коннотативном аспекте. Отрицательная оценочность приобретает такими единицами в условиях контекста. Например:

“A bill would then have been rammed through the Commons and would have been hacked about in the Lords”¹¹.

Выбор глагольных лексем «to ram» вместо «to pass» и «to hack» вместо «to reject» в качестве дисфемизмов объясняется намерением автора инкриминировать неспособность законодательных органов власти Великобритании быстро и правильно принять законопроект.

В следующих примерах также используется тактика обвинения правительства Великобритании посредством лексических единиц, обладающих дисфемистическими свойствами:

“Iraq Inquiry protest: Blair and Brown have blood on their hands”¹² – “to have blood on hands” вместо “to be guilty”.

Употребление прилагательного “expelled” вместо “deported”:

“One of those expelled yesterday, Hawar Ismail, told a UK-based refugee group he had been beaten”¹³.

Разновидностью тактики обвинения является тактика издевки, направленная на высмеивание предмета речи или действия объекта¹⁴.

Дисфемизмы и эвфемизмы, представляющие тактику издевки, обладают ироническим характером. Так, например:

“Labour really has become such a... sect that its members truly believe that the key to Britain’s problems is to get rid of Blair”¹⁵.

Слово “sect”, описывающее Лейбористскую партию, приобретает негативную коннотацию в контексте и является ироническим дисфемизмом.

В политическом дискурсе, кроме вышеуказанной функции разоблачения и высмеивания действий органов власти, реализуемой благодаря тактикам издевки и обвинения, дискредитирующая стратегия ставит перед собой задачу унижить и обвинить объекта дискредитации путем тактики оскорбления¹⁶. На уровне лексики оскорбление выражается в основном дисфемизмами. Например:

“The Senate ... cuts to Governor Ehrlich’s funding for the environment, health care and education. Ehrlich has staged a number of events. The events, Hogan said, were «a lousy way to govern»”¹⁷.

Тактика оскорбления представлена через описание действий политика, а именно, проведение ряда мероприятий, которые не дали желаемого результате, и в результате была сокращена программа по здравоохранению, образованию и окружающей среде. Слово “lousy” вместо слова “bad”, выступающий в качестве дисфемизма, придает дисфемистический характер всей фразе “a lousy way to govern” и может расцениваться как оскорбление, так как автор фактически называет политика “a lousy governor”.

4. Условием действенности дисфемизмов оказываются не только социокультурные, психолингвистические факторы, популистские

тактики, но и следование своеобразной речевой «модой»¹⁸. Политики придерживаются речевой «моды», порой содержащей негативные коннотации, с целью создания имиджа обычного человека, простого рабочего, говорящего на не вычурном языке, а на понятном для всего народа, порой и с грубыми выражениями. Данная функция прослеживается в выступлениях Уго Чавеса:

*“The devil came here yesterday”, Chavez said, referring to Mr. Bush’s address on Tuesday and making the sign of the cross. “He came here talking as if he were the owner of the world”*¹⁹.

Таким образом, дисфемизмы являются тактическими языковыми средствами, с помощью которых может быть достигнут желаемый эффект и осуществиться целенаправленное воздействие на массовую аудиторию в текстах СМИ, которое реализуется через речевые стратегии и речевые тактики, в частности, стратегию дискредитации.

Следует отметить, что предложенные функции не исключают друг друга, а, напротив, дополняют и усиливают эффект воздействия.

Примечания

¹ Ларин, Б. А. Об эвфемизмах. Проблемы языкознания. Л., 1961. С. 110.

² Вавилов, М. Г. Так говорят по-английски. М., 1996. С. 94.

³ Эпштейн, М. Н. Идеология и язык. Вопросы языкознания. М., 1991. С. 43.

⁴ Night of the Living Death Tax [Электронный ресурс]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB123846422014872229.html>.

⁵ Бандура, А. Социально-когнитивная теория личности. М., 1973. С. 58.

⁶ Allgaier, Randy. McCain Lies About Obama’s Health Plan- JUST THE FACTS! [Электронный ресурс]. URL: <http://alligatorreport.wordpress.com/2008/09/15/mccain-lies-about-obama’s-health-plan-just-the-facts/>

⁷ Паршина, О. Н. Стратегия и тактика речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань, 2004. С. 96.

⁸ Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999. С. 156.

⁹ Doran, J. US Support For War Fades As Casualties Mount [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalpolicy.org/component/content/article/167/35343.html>

¹⁰ Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 139.

¹¹ Hannan, Daniel. Make every vote a conscience vote [Электронный ресурс]. URL: http://blogs.telegraph.co.uk/news/danielhannan/3676761/Make_every_vote_a_conscience_vote/

¹² Iraq Inquiry protest: Blair and Brown have blood on their hands [Электронный ресурс]. URL: <http://merryabla64.wordpress.com/2009/11/24/iraq-inquiry-protest-blair-and-brown-have-blood-on-their-hands/>

¹³ Bowcott, Owen. Iraqis forcibly removed on overnight flights [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/uk/2005/nov/21/immigrationandpublicservices.iraq>

¹⁴ Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 141.

¹⁵ Comment is free [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/nov/26>.

¹⁶ Паршина, О. Н. Стратегия и тактика речевого поведения... Астрахань, 2004. С. 101.

¹⁷ Tallman, Douglas. What the Senate cuts, the governor adds [Электронный ресурс]. URL: http://ww2.gazette.net/stories/031706/polia%20s194214_31951.shtml.

¹⁸ Солганик, Г. Я. Стилистика текста. М., 1997. С. 197.

¹⁹ Chavez Calls Bush ‘The Devil’ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbsnews.com/news/chavez-calls-bush-the-devil>.

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ДИСКУРСА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Исследуется понимание дискурса в психолингвистическом аспекте. Важной задачей «психолингвистики текста» является построение интегративной модели понимания, разрабатываемой автором статьи. Другая проблема связана с экспериментальным изучением речевого воздействия с помощью названной модели. Результаты психолингвистических экспериментов с использованием метода «встречного текста» подтверждают гипотезу об «активном реципиенте», сознание которого сопротивляется вербальному воздействию в процессе дискурсивной деятельности.

Ключевые слова: понимание, дискурс, тип текста, смысл-содержание текста, «встречный текст», интерактивная модель понимания, речевое воздействие, «контртекст».

В теме, предлагаемой нами для обсуждения, обозначены две смысловые доминанты – понимание и дискурс. Несмотря на то, что на сегодняшний день по обеим проблемам немало сказано и написано, все еще остается множество аспектов, как теоретического, так и практического характера, требующих внимания и изучения в русле современных научных парадигм.

Нам представляется целесообразным, прежде всего, сказать несколько слов о том, что является для нас объектом понимания, то есть о дискурсе. В своих предшествующих работах мы обращались к проблеме определения дискурса с целью решения практических задач изучения различных типов текста, выявления их типологических характеристик и т. п. Необходимо отметить, что мы по-прежнему убеждены в том, что текст остается первичным по отношению к дискурсу, последний же представляет собой некоторую научную абстракцию, находящую воплощение в реальных «живых» текстах, реализующихся в самых разнообразных типах в различных сферах человеческой деятельности. Дискурс есть одновременно зафиксированный массив текстов и их динамичный поток в устной и письменной форме [11. С. 122]. Таким образом, под дискурсом нами понимается текст как продукт и как процесс в совокупности всех необходимых и неизбежных условий его существования на протяжении всех этапов «жизненного цикла», от порождения до понимания, от формирования замысла до постижения смысла.

В экспериментальных исследованиях механизмов и закономерностей понимания, располагая конкретным текстом в качестве объекта понимания для наших испытуемых, мы не можем не принимать во внимание целый ряд

параметров, от индивидуальных и общих особенностей субъекта понимания, реципиента, психологических, социо-культурных, гендерных, до специфики коммуникативной области, которой принадлежит воспринимаемый текст. Иными словами, всего того, что составляет в совокупности условия функционирования дискурса.

По справедливому замечанию Р. Солсо в современных исследованиях понимания число его теорий и моделей практически равно числу их авторов [16. С. 332]. Тем не менее, в настоящее время делаются попытки классифицировать их не только на основании принадлежности к тому или иному разделу науки о языке (синергетические, психолингвистические, когнитивные и т. п.). Так, на наш взгляд, интерес представляют «три парадигмы понимания», или три группы теорий понимания, выделенные Л. Г. Васильевым на основе отношений между субъектом и объектом изучаемого процесса. Автор сводит все множество моделей понимания к «объектным, субъектным и субъект-объектным» [1].

Для нас подобная классификация представляет особый интерес, поскольку, как мы отмечали выше, совокупность отношений, сопровождающих текст на протяжении его «жизненного цикла» и составляющих его «дискурсивность», представляет собой набор параметров, связанных, с одной стороны, с объектом понимания, а с другой – с субъектом этого процесса. Взаимодействуя между собой, эти составляющие понимания влияют как на процесс в целом, так и на отдельные его этапы.

Согласно Л. Г. Васильеву, в основе объектных теорий лежит структурно-семантический анализ, процесс понимания при этом сводится

к установлению значения языкового знака, т.е. его содержания, с помощью правил вывода и знаний в форме вербализуемой информации, концептов, концептуальных моделей, стереотипов и памяти. Процесс понимания в объектных моделях описывается посредством процедур концептуализации, когнитивного конструирования, схем, фреймов, планов, семантических сетей и т. п. К объектным моделям можно отнести теории понимания А. А. Брудного, Р. Шенка, М. Минского и др.

В «субъектных» теориях текст, объект понимания, рассматривается «как след деятельности другого субъекта», при этом основу понимания составляет фонд общих знаний и рефлексия, постижение смысла, оценка, самооценка, ценности реципиента. Процесс понимания в «субъектных» моделях часто описывается через различные процедуры создания информации о тексте, графическими средствами, например, посредством денотатного графа. Авторами «субъектных» моделей являются Г. И. Богин, Л. П. Добраев, Т. М. Дридзе и др.

Наконец, в «субъект-объектных» теориях в качестве объекта понимания выступают не только разные типы письменных и устных текстов от научной, учебной, научно-популярной литературы до художественных произведений и устных высказываний, но и дискурс.

В основе понимания могут лежать смысловые опорные пункты А. А. Смирнова, универсально-предметный код и внутренняя речь Н. И. Жинкина; предметно-схемный код, индивидуальная система знаний, модели ситуаций и смысловые доминанты А. И. Новикова; наконец, контекст, знания, цели и интересы, выделяемые У. Кинчем и Т. ван Дейком.

Процесс понимания в «субъект-объектных» моделях может описываться через когнитивные структуры (Дж. Лакофф), с помощью денотатных структур (Н. И. Жинкин), и денотатных графов (А. И. Новиков) [op.cit.].

Для нас наибольший интерес представляют «субъект-объектные» теории понимания, в полной мере отвечающие принципу интегративности, необходимому при изучении различных аспектов понимания, имеющего непосредственное отношение к проблемам междисциплинарного уровня. Таким теориям принадлежит и научная парадигма, известная как психолингвистика текста, составляющая методологическую основу наших теоретико-экспериментальных исследований.

Здесь необходимо сказать несколько слов о современной методологии исследования. Как известно, проблема поиска методологии возникает на каждом новом витке развития науки, когда накапливается большое количество фактов, объяснение которым невозможно дать, используя известные, устоявшиеся научные парадигмы.

По мнению отечественного философа М. А. Розова, в процессах научного познания действуют два вектора движения мысли. Один из них решает возникающие проблемы в русле известных теорий и накопленного практического опыта. В русле другого исследователи используют имеющиеся знания для разработки новых теорий и методов. Такой путь предполагает преодоление множества препятствий, но именно он и есть то, что называется «методологическим мышлением», под которым понимается «выход за рамки той или иной узкой специализации» [15. С. 24].

Таким образом, современное методологическое мышление «в принципе является междисциплинарным» [15. С. 25]. Для гуманитарных наук этот вывод имеет особое значение в силу ряда причин, но главная из них заключается в следующем. «Предметоцентризм» как методологический принцип в них не работает в принципе, вследствие того, что они «имеют дело с текстом, который надо читать и понимать ... что позволяет... относить их (*гуманитарные науки*) к особой группе наук, наук понимающих...» [15. С. 29].

Иными словами, текст как объединяющее начало всех гуманитарных наук не оставляет выбора своему исследователю, всегда склоняя весы в пользу междисциплинарности.

Здесь нельзя не вспомнить замечание А. И. Новикова о том, что уже в семидесятые годы прошлого века треть всех «текстовых» исследований была посвящена не формальной грамматике текста, а вопросам его понимания и порождения [7]. Новая, интегративная, парадигма, зародившаяся в недрах лингвистики текста, исходила из иных, сравнительно с традиционной, представлений о природе речевого произведения, о закономерностях его организации и функционирования.

На развитие этого направления значительное влияние оказали труды А. Н. Соколова, А. А. Смирнова, Н. И. Жинкина, А. А. Залевской, И. А. Зимней. А. И. Новиков вводит новый термин, отражающий специфику возникшей научной парадигмы, *психолингвистика текста* [7],

и одной из главных ее характеристик становится междисциплинарность, обусловленная самим объектом изучения.

Нужно сказать, что текст, являясь инструментом воздействия на сознание коммуникантов, сам по себе не предлагает исследователю ничего такого, что помогло бы не просто *описать*, но *объяснить* механизмы его понимания и воздействия на адресата. Анализируя его внешнюю вербальную форму и внутреннюю содержательную структуру, мы не можем достичь желаемого результата. Для того чтобы объяснить, как действуют упомянутые выше механизмы, нам необходимо *выйти за пределы* самого текста в самые разнообразные сферы жизни языка конкретного социума и его культуры, а также в смежные научные области, такие как психология и социальные науки, когнитология и прагматика и т. п.

Реализация подобного подхода возможна в русле «субъект-объектного» направления в самом широком его толковании. И, как мы уже отмечали, психолингвистика текста является воплощением междисциплинарной методологии «субъект-объектной» направленности.

Завершая обсуждение методологии исследований понимания дискурса, необходимо отметить еще один важный, на наш взгляд, момент. Одной из важных задач научной методологии становится изучение и моделирование механизмов познавательной деятельности человека, интегрированных в *повседневный опыт* личности [2. С. 629].

В связи с этой задачей разрабатываются принципиально новые методы, ориентированные на индивидуальный опыт участников различных видов деятельности, в том числе и познавательной. Как мы уже отмечали, в исследованиях проблем понимания именно таким методом, использующим индивидуальные знания и опыт реципиента, является метод «встречного текста» [6], представляющий собой инструмент выявления и объяснения целого ряда механизмов и закономерностей понимания разноплановых дискурсов, от научного и учебного, до художественного и библейского.

Перейдем к обсуждению некоторых проблем понимания, получивших новую интерпретацию благодаря применению обсуждаемой выше методологии и метода, ставшего ее воплощением. Поскольку рамки статьи имеют свои ограничения, мы рассмотрим два основных, на наш взгляд, круга вопросов. Первый

из них включает проблемы психолингвистической природы, второй – прагматическую направленности.

Одной из наиболее важных задач, связанных с проблемами первого круга, по-прежнему остается моделирование процесса в целом на основе обширного материала, полученного с использованием метода «встречного текста». Последний, как известно, в динамике представляет собой вербализацию реципиентом своих собственных реакций, возникающих в сознании в процессе восприятия и осмысления текстовой информации с опорой на предшествующие знания, практический жизненный опыт, ассоциации, воспоминания и т. п. Анализ «встречного текста» адресата как продукта позволяют исследователю «судить более полно и точно о внутренней стороне процесса восприятия» [6. С. 65].

Теоретико-экспериментальные исследования, осуществленные с использованием обсуждаемого метода, позволяют утверждать, что общая модель понимания текстов различных типов представляет собой определенную устойчивую комбинацию смысловых и содержательных реакций, составляющих ядро и периферийную часть в общем поле реакций.

Напомним, что в модели понимания любого типа текста ядерные реакции включают в себя виды, вместе составляющие более пятидесяти процентов от общего числа всех реакций «встречного текста», в сочетании с периферийными реакциями они обычно достигают, как минимум, восьмидесяти процентов от общего поля реакций.

На сегодняшний день разработаны частные модели понимания текста такого типа, как научно-популярный [4], научный [12], библейский [3]. Они являются составными частями общей интерактивной модели, отличаясь друг от друга, прежде всего, составом ядра, включающего доминирующие виды реакций, а также и компонентами сопровождающей его периферийной части.

Отметим еще раз, что интерактивный характер нашей модели связан с тем, что процедура описания и объяснения самого процесса понимания в ней осуществляется с использованием «диалогового режима», отражающего непосредственное взаимодействие сознания реципиента с содержанием и смыслом текста и через эти образования – опосредованное взаимодействие с сознанием автора воспринимаемого речевого произведения.

Вопрос о корреляции локальных моделей мы рассматривали достаточно подробно ранее [14], тем не менее, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что разработки частных моделей не означают окончательного решения проблемы.

Как мы уже отмечали, общая интерактивная модель понимания представляет собой открытую систему, поскольку по-прежнему остаются потенциальные возможности добавления в нее частных моделей понимания новых видов дискурса, возникающих по мере появления новых сфер деятельности человека.

Вопросы второго, но не менее важного, круга проблем включают исследования механизмов речевого воздействия посредством изучения механизмов понимания.

Мы полагаем, что проблемы вербального воздействия и манипулирования, получившие немало внимания со стороны исследователей-гуманитариев в последнее время, напрямую связаны с изучением закономерностей и механизмов понимания.

Следует отметить, что мы разделяем точку зрения, согласно которой «понять – не значит принять» [8]. Наши экспериментальные исследования с использованием упоминаемого выше метода также подтверждают, что «встречный текст» не всегда представляет собой добровольное движение сознания адресата навстречу информации, предлагаемой автором сообщения. Зачастую он превращается в «контртекст» частичного или полного несогласия.

Как известно, любая форма общения, непосредственного или опосредованного, через письменный текст, представляет собой взаимодействие его участников, связанное с односторонним или взаимным воздействием коммуникантов на сознание партнеров по коммуникации. По мнению психологов, в процессе общения осуществляется попытка перестроить категориальную структуру индивидуального сознания участников коммуникации, ввести в нее новые конструкты [10. С. 19].

Для нас интерес представляет модель «запуска» в сознании реципиента механизмов защиты от речевого воздействия в ситуациях восприятия текстов самых разных типов, не только активизирующих, каковыми являются рекламный и политический дискурсы, но и сообщений информирующих, принадлежащих научному и научно-популярному дискурсам.

Анализ всей совокупности реакций, составляющих «встречный текст», с точки зрения возможности воздействия информации на

сознание адресата, показывает, что среди них можно выявить две большие группы. Первая включает реакции, связанные с «принятием» информации, ее одобрением, позитивной оценкой. Вторая содержит реакции неприятия сообщения в целом или его отдельных фрагментов, негативной оценки. Мы обнаружили, что внутри «встречного текста» реципиента практически всегда выстраивается «контртекст», который можно охарактеризовать, с одной стороны, как текст несогласия адресата с автором, а с другой – как своего рода защиту от воспринимаемой информации.

Реакции «контртекста» представляют собой действие механизма отбора полезной информации и отсеивания фактов, ненужных или неинтересных адресату, в то же самое время они демонстрируют механизм защиты в действии, подтверждая, что сознание реципиента действительно включает «сигнал тревоги» [5] «навстречу» воспринимаемому тексту.

Мы уже отмечали, что метафора П. Б. Паршина о наличии «часового» в сознании адресата представляется нам очень верной. По его словам, человек окружает свое сознание барьером, защищающим его от чужого воздействия, и сам же является «часовым», охраняющим этот защитный барьер и контролирующим прохождение через него информации [9].

По нашим данным, наиболее частотными являются реакции прямого (открытого) несогласия и отторжения информации. Они обычно представлены в форме мнения или оценки: *«Я думаю, что это невозможно»*, *«Это нереально»*, *«Этого не может быть!»*, *«Считаю, что нет»*, *«Бедная, глупая Ева!»* и т. п.

Однако достаточно часто встречаются и реакции, в которых сомнение, недоверие, несогласие высказываются не столь категорично, или присутствует имплицитно. Например: *«Наверное, рано думать о черных дырах!»*, *«Это все сказки об иноземцах, звездных войнах»*, *«Ну, дешевые фильмы про зеленых человечков»*.

Сегодня мы можем подтвердить на более широком экспериментальном материале результаты статистической обработки данных, приводимые нами ранее и демонстрирующие значительную роль реакций, формирующих «контртекст» в общем «встречном тексте», при понимании научно-популярного дискурса [13. С. 170]. Привлечение к анализу данных, полученных на материале текстов других типов, позволяет утверждать, что при понимании

научного дискурса число реакций несогласия, составляющих «контртекст», может достигать 25 %; при восприятии художественной литературы и Библии количество подобных реакций колеблется от 20 % до 23 %; наконец, научно-популярные тексты вызывают реакции несогласия, достигающие 40 % и более.

Таким образом, можно видеть, что психолингвистическая интерактивная модель восприятия информации, основу которой составляет гипотеза активного реципиента, «работает» и при изучении прагматического аспекта понимания дискурса, связанного с проблемами вербального воздействия и, в конечном счете, с осуществлением успешной и эффективной коммуникации. Достижение последней, как нам представляется, невозможно без осмысления тех данных о формировании «контртекста» в сознании реципиентов, которые мы можем получить с использованием описанной выше психолингвистической технологии исследования нашего объекта.

Список литературы

1. Васильев, Л. Г. Три парадигмы понимания : анализ литературы вопроса [Электронный ресурс]. URL: <http://newasp.omskreg.ru/intellect/f54.htm>.
2. Грицанов, А. А. Методология // Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. Минск, 2003. С. 628–629.
3. Давлетова, Я. А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 19 с.
4. Кирсанова, И. В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 21 с.
5. Котов, А. А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
6. Новиков, А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопр. психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.
7. Новиков, А. И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. М., 2007. 224 с.
8. Панасюк, А. Ю. Психологические основы убеждающего воздействия в профессиональной деятельности: теория и технология М., 1992. 68 с.
9. Паршин, П. Б. Речевое воздействие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru>.
10. Петренко, В. Ф. Проблемы эффективно-го речевого воздействия в аспекте психолингвистики // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С.18–31.
11. Пешкова, Н. П. Типологическое исследование научного и делового дискурса: психолингвистический аспект // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования : материалы междунар. науч. конф. Самара, 2006. С. 121–127.
12. Пешкова, Н. П. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Н. П. Пешкова, А. А. Авакян, И. В. Кирсанова, И. Н. Рыбка ; под ред. Н. П. Пешковой. Уфа, 2010. 268 с.
13. Пешкова, Н. П. «Контртекст» реципиента при понимании сообщений информирующего типа // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты : материалы междунар. школы-семинара V Березинские чтения. М., 2011. С. 165–171.
14. Пешкова, Н. П. Психолингвистическая интерактивная модель понимания текста (на материале текстов различных типов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 5 (25). Филология. С. 48–54.
15. Розов, М. А. О соотношении естественно-научного и гуманитарного познания (проблема методологического изоморфизма) // Наука глазами гуманитария / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2005. С. 23–59.
16. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология. М., 1996. 589 с.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ТОК-ШОУ НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ США

Рассматриваются коммуникативно-прагматические особенности дискурса ток-шоу США. Ток-шоу – известный феномен современного общества, оказывающий значительное влияние на мировоззрение многих людей. Важно определить причину популярности ток-шоу и развить коммуникативные компетенции для анализа преподносимой информации. Представлен анализ методов достижения коммуникативного успеха на примере выдержек из ток-шоу США (например, «Шоу Опры Уинфри»).

Ключевые слова: коммуникативно-прагматические особенности, коммуникативный успех, ток-шоу.

Как известно, коммуникация – целенаправленная деятельность, выражаемая при помощи языковых средств (например, речи, текста) – подразделяется на два основных типа: информативную и регулятивную коммуникацию. Информативная коммуникация заключается в простой передаче информации; регулятивная же коммуникация направлена на имплицитное или эксплицитное воздействие на сознание и поведение адресата с целью принятия тем определенной социальной роли (например, принятие роли «подчиненный» по отношению к начальнику), вызова желаемой ответной реакции (например, при желании установить контакт) и так далее. Итогом коммуникации может стать коммуникативный успех или коммуникативная неудача – в зависимости от того, насколько полно была реализована интенция адресанта или адресантов. Именно достижением коммуникативного успеха и анализом коммуникативных неудач занимается коммуникативно-прагматический метод – междисциплинарная интеграция методик, приемов и процедур, используемых для изучения употребления языка говорящими в процессе коммуникации в единстве с прагматическими свойствами языковых единиц в связи с ситуацией общения для достижения успешности коммуникации и регулирования коммуникативного (речевого) поведения людей с целью координации все усложняющейся человеческой деятельности [3. С. 67].

Успех коммуникации зависит от многих факторов – как внутренних, так и внешних; как от речевых стратегий и тактик коммуникантов, так и от реальных условий коммуникации, таких как место, время и так далее. Говоря о дискурсе ток-шоу, мы понимаем, что ток-шоу – отнюдь не спонтанная ситуация общения. Безус-

ловно, здесь можно возразить, что речь участников ток-шоу спонтанна, и это будет верно, но лишь отчасти; на самом деле, проведенные нами исследования показывают, что в ток-шоу имеют место и импровизация, и подготовленность. Не стоит забывать и о том, что над каждым ток-шоу работает команда сценаристов, продюсеры, режиссер, дизайнеры – именно они задают внешние параметры общения. Ведущий же, в отличие от приглашенных гостей и зрителей студии, является работником телеканала, соответственно, его первоочередной задачей является проведение ток-шоу таким образом, чтобы оно было интересно зрителям, динамично и, желательно, выводило единственно «верную» точку зрения. Следовательно, цель ведущего и ток-шоу в целом – сугубо прагматическая.

Результаты исследования

Мы проанализировали более 60 часов видео 6 американских ток-шоу (*Around the Horn* («Разминка»), *Larry King Live* («Шоу Ларри Кинга»), *Late Show with David Letterman* («Позднее шоу с Дэвидом Леттерманом»), *The Best Damn Show Sports Period* («Самое лучшее спортивное шоу»), *The Jerry Springer Show* («Шоу Джерри Спрингера»), а также *The Oprah Show* (Шоу Опры Уинфри)) и выделили ряд коммуникативно-прагматических особенностей, присущих каждому из них:

1. Направленность не только на коммуникацию, но и на терапию, заключающаяся в предложении как минимум промежуточного решения. В *The Jerry Springer Show* оно даже выделено в отдельный блок *Final Thought* (Заключительная мысль): *You can also wind up shutting your family and friends; you have to make a heck a lot of money to ever make that worth it* (Можно докатиться и до того, что твои семья и

друзья не захотят с тобой общаться; нужно зарабатывать очень много денег, чтобы оно того стоило). В конце каждого выпуска *Late Show with David Letterman* мы неизменно в течение нескольких секунд видим заставку *There is no off position on the genius switch* (На пульте гения нет кнопки «Выключить») – в большинстве случаев именно она подытоживает все вышесказанное. Также можно привести в пример финальные слова Опры Уинфри в выпуске *The Oprah Show* с Леди Гагой: *It's not just about hair or make-up excess, it's about what you feel and are able to express being comfortable with yourself* (Дело не просто в прическе или куче косметике – дело в том, как ты себя чувствуешь и ведешь при этом, оставаясь в ладах со своим «Я»).

Наличие как минимум промежуточного решения в любой ситуации в конечном итоге приводит к реализации скрытых целей ток-шоу – поднятию рейтинга и продвижению идей в массы, благодаря тому, что вера во «всемогущество» ток-шоу делает людей более доверчивыми и восприимчивыми к идеям и поведению участников ток-шоу и повышает рейтинги.

2. Режим включенности аудитории в беседу. Может выражаться тремя путями:

2.1. Звонки в студию. Это, например, звонок в студию *The Oprah Show* во время беседы Опры Уинфри со Сьюзен Бойл: *We love you Susan, you are a living proof that miracles can yet happen, thank you!* (Мы любим тебя, Сьюзен, ты – живое доказательство, что чудеса все еще случаются, спасибо тебе!) Или звонок в студию *Late Show with David Letterman* в выпуске с участием Джонни Деппа: *Wow! It's fantastic, you got me right on, I like that!* (Вау! Фантастика, как вы меня четко подловили! Мне это нравится!)

2.2. Вопросы из зала. Это, например, вопрос из зала во время выпуска ток-шоу *The Jerry Springer Show* с участием Тэба Хантера: *As someone who has lived a double life in Hollywood and show business, how do you feel the political and social climate of being gay in Hollywood or music industry is?* (Как человек, который жил двойной жизнью в Голливуде и шоу-бизнесе, каким вы ощущаете политический и общественный климат для геев в Голливуде или музыкальном бизнесе?) Или выкрик из зала во время выпуска того же ток-шоу с участием Джулии Бонд: *I just want my Jerry beads* (Я просто хочу свои Джерри-бусы (карнавальные бисерные ожерелья, которые получает каждый, кто в прямом эфире *The Jerry Springer*

Show покажет свои неприкрытые грудь или ягодицы)). Это также может быть и признание, как, например, в ток-шоу *The Oprah Show*: *Hi! I would like to say that I'm 53 years old and I'm gay* (Привет! Я бы хотел сказать, что мне 53 года и я – гей).

2.3. Обращение к «народу». Это может быть как обращение за поддержкой: *Our tremendous audience is willing to say something!* (Нашим блистательным зрителям в студии не терпится высказаться!) (*The Oprah Show* с Леди Гагой), так и простое ожидание вопросов от аудитории: *Questions... Where do we find them?..* (Вопросы... Откуда нам их взять?..) (*The Jerry Springer Show* с Джулией Бонд).

Подобная включенность создает определенную доверительность как зрителей в студии, так и у экранов телевизоров, убеждает их в возможности принять участие в серьезном проекте, высказать свое мнение на всю страну, повлиять на ход событий на телеэкране.

3. Склонность к преуменьшению серьезности вопроса, четкому противопоставлению «добра» и «зла». Хорошим примером этой особенности мы считаем выпуск *Late Show with David Letterman* про Муаммара Каддафи. Это и открытое пренебрежение к источнику информации: *Now this is a nurse talking about Muammar Gaddafi to Newsweek Magazine* (Теперь у нас медсестры рассказывают журналу «Ньюсвик» о Муаммаре Каддафи), и сарказм: *Gaddafi often liked to pretend he was the nurse and she was the corrupt dictator!* (Каддафи часто нравилось играть в игру, когда он притворялся медсестрой, а она – коррумпированным диктатором!).

Ток-шоу настолько динамично, настолько быстро разворачиваются его события, что зачастую зрителям бывает трудно сконцентрироваться на обсуждаемой проблеме и в конечном итоге они примыкают к одному (чаще всего к тому, что продвигается) из двух мнений, пребывая в полной уверенности, что это их собственное мнение, либо это мнение полностью совпадает с их. Это происходит в связи с тем, что у любой проблемы изначально есть 2 максимально удаленных друг от друга объективных полюса – совершенно противоположные мнения на предмет, а для того, чтобы прийти к какому-то срединному мнению, необходимо время на размышление, которого формат ток-шоу своим зрителям не дает.

Так, каждое *The Jerry Springer Show* заканчивается длительной «закключительной мыс-

лю» ведущего, которую, по замыслу режиссера, зрителям нужно просто впитать. Здесь нет места дискуссии; это целенаправленное продавливание нужного мнения о чем угодно в массы: *You know, being a prostitute fails whatever moral test we apply to life and then turning around and handing all your money to a pimp fails any test of logic. Or does it? In most of these cases young women or girls turned to prostitution, because the situation has put them out in the street. They either ran away or are forced out and now they are alone and survival becomes the first requisite. Well, selling their body appears as the easiest way to make quick money. It's not moral, or legal, or safe of a feeling, but it does feed their stomachs and perhaps their habit that they've picked up along the way, so they do it. It's wrong, but they are not thinking right or wrong, they are thinking survival, and on a cold night alone on the streets they don't see a lot of other choices. But even if desperation chases them down this road, why the pimp? From the outside, this is obviously a horrible decision, but you can see why young girls fall for it. They've lost their real family, they are alone and scared and so a pimp suddenly appears to fill the void. He becomes her new family, he allegedly protects her, takes care of her, pretends to love her; it's a place to live, to eat – all she has to do is give him all money. "It's stupid", we say, "she's a slave!" Of course. But, believe, all the tough talk is simply a cry for a family. Misdirected and foolish, but clearly sincere.* (Знаете, проституция находится за гранью любой моральной планки, которую можно применить к жизни, а когда проститутки все деньги отдают своему своднику – это находится за гранью логики. Или нет? В большинстве случаев, девушки или девочки становятся проститутками только потому, что жизнь выкинула их на улицу. Они либо сбежали из дома, либо их оттуда выгнали, но теперь они одни, и их первоочередная потребность – выжить. А торговать своим телом кажется им простейшим путем быстро заработать денег. Это аморально, нелегально и небезопасно, зато они не голодны; к тому же, проституция может стать привычкой, поэтому они продолжают этим заниматься. Это неправильно, но они не думают, что правильно, а что – нет; они думают о выживании, а холодными ночами на улице, в одиночестве, выбора у них немного. Но даже если ситуация настолько тяжела, зачем им сводник? Со стороны, сводник – ужаснейшая мерзость; однако причина, по которой девушки

работают со сводниками, очевидна. Они потеряли свою семью, им одиноко и страшно, и тут неожиданно появляется сводник, чтоб заполнить пустоту. Он становится ее новой семьей, теоретически защищает ее, заботится о ней, притворяется, что любит; дает жилье, еду – все, что ей нужно делать – это отдавать ему все заработанные деньги. «Это глупо», говорим мы, «она – рабыня». Безусловно. Но, поверьте мне, эти действия суть не что иное, как желание обрести семью. И хоть человек ищет не в том направлении, ищет глупо, но абсолютно искренне)

4. Нагнетание драматизма – черта, присущая всем без исключения ток-шоу. Так, в выпуске *Late Show with David Letterman* с Алеком Болдуином мы слышим следующие слова Дэвида Леттермана: *There's no official government shutdown, but according to Alec, you wouldn't notice any difference in the Senate* (Официально, правительство продолжает работать. Однако, по словам Алека, в случае чего различия в Сенате мы не заметим). В другом выпуске того же ток-шоу, с участием Кармело Энтони, нагнетание драматизма происходит уже в начальном провокационном вопросе: *What are the New York Knicks chances in the NBA playoffs? And does he attend practice?* (Каковы шансы «Нью-Йорк Никс» в плей-офф НБА? И ходит ли он на тренировки?)

Эта черта, на наш взгляд, лучше всего характеризует максимализм и субъективизм суждений, высказываемых в ходе ток-шоу. Как уже было сказано выше, формат ток-шоу не подразумевает времени на размышление для зрителей, поэтому любое утверждение, вызывающее к эмоциям, найдет живой отклик среди зрителей и, скорее всего, они к нему присоединятся.

Практически полностью на драматизме построено *The Jerry Springer Show*. Так, в одном только выпуске с участием Джи-Джи Эллином мы слышим подряд следующие реплики: *And what do you do with your conscience?, Do you think it's perfectly okay to take a woman out of the audience and rape her?, Do you have a mother? – Yes. – And it's perfectly okay if somebody takes your mother and rapes her? (У вас есть совесть?, По-вашему это абсолютно нормально, взять сейчас девушку из студии и изнасиловать ее?, У вас мать есть? – Да. – По-вашему, это абсолютно нормально, если кто-то возьмет и изнасилует ее)* и так далее.

5. Речь участников ток-шоу отличается как импровизацией, так и подготовленностью, что

очень хорошо видно в выпуске *The Oprah Show* с Леди Гагой. В ряде моментов Леди Гага воспроизводит информацию будто наизусть – уверенно и без запинок: *24/7 you can also go onto ladygaga.com if you are not going to the Monster Ball and buy any merchandise on the web-site! (если вы не идете на the Monster Ball, то можете зайти на сайт ladygaga.com в любое время дня и ночи и приобрести все сопутствующие товары)*; в ряде других моментов она теряется в поисках ответа, например, после следующего вопроса Oprah Winfrey: – *You were eating fried chicken already this morning? – Mmm... Yes... I... I was... I mean... But it was so, I kinda... Mmm... I always have, you know, very tiring weeks in terms of, you know, my physical schedule... (Вы ели сегодня с утра жареного цыпленка? – Ммм... Да... Я... Я была... То есть... Но это было так, что я типа... Ммм... У меня всегда, вы знаете, очень изматывающая неделя в плане, знаете, физическом...)*

Подобное можно проследить и в речи Эммы Уотсон в *Late Show with David Letterman*: *Well, I hope not... I think that really would be... um... um... very depressive... yeah... yeah... and also I think... I think it... quite, you know... kind of millions, millions of fans who... (Ну, надеюсь, что нет... Думаю, это было бы действительно... ммм... ммм... очень депрессивно... да... да... я также думаю... думаю... ну, вы знаете, типа... миллионы и миллионы фанатов, которые...)* Ее положительное отличие от Леди Гаги в данном случае – полностью неподготовленная речь в формате реального времени. Следует также отметить, что это было не единственное ее интервью в те дни (Эмма Уотсон также приняла участие в *The Tonight Show with Conan O'Brien* в Нью-Йорке), и речь в обоих шоу шла о предстоящей премьере фильма «Гарри Поттер и Орден Феникса», и Эмма Уотсон сумела быстро ответить на однотипные вопросы (*Is it number 4, number 5?, It's number 5, isn't it? (Четвертый или пятый? Пятый, да?)*), не выказав никакого раздражения.

Эта особенность дискурса ток-шоу доказывает, что он отличен от, скажем, дискурса беседы тем, что не является полностью импровизированным. В связи с этим вероятность, что что-то пойдет не так во время ток-шоу (например, политическая игра, неподвижные и неожиданные вопросы и так далее) крайне мала.

Подводя итог данному пункту, мы бы хотели сказать, что чем искуснее оратор, тем незаметнее его (возможная) подготовленность к шоу, как и отсутствие таковой. Так, речь Барака Обамы на *Late Show with David Letterman* не производит впечатления подготовленной, хотя и запинок тоже не случается – это говорит лишь о его высоких ораторских качествах, и не более того.

Появившись более 40 лет назад, в 1967 г., в Соединенных Штатах Америки благодаря случаю, ток-шоу, несколько видоизменившись, стали одним из наиболее известных феноменов современного, информационно-медийного, общества и, как и любое другое средство массовой информации и коммуникации, оказывают значительное влияние на формирование мировоззрения большого количества людей, в том числе детей, в особенности на их родине, где количество подобных шоу уже давно перевалило за сотню. Именно поэтому сейчас столь важно определить, на чем построена популярность ток-шоу, и развить коммуникативные компетенции максимального числа людей, чтобы они были готовы анализировать поступающую с телеэкранов информацию, а не впитывать ее благодаря имплицитным тактикам продюсеров и режиссеров СМИ.

Список литературы

1. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.
2. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 25–33.
3. Комарова, З. И. Коммуникативно-прагматическая парадигма в дисциплинарно-методологическом пространстве современной лингвистики // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 1 (292). С. 66–71.
4. Late Show with David Letterman [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbs.com/late_night/late_show.
5. The Jerry Springer Show [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jerryspringertv.com>.
6. The Oprah Show [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprah.com/index.html>.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ КАТЕГОРИИ «ЧАСТЬ–ЦЕЛОЕ» В РЕКЛАМНОМ И ПЕСЕННОМ ДИСКУРСАХ

Рассматриваются рекламные тексты и тексты лирических песен, которые репрезентируют представления о части и целом и которые имплицитно содержат аксиологическую информацию. Устанавливается связь между вербальным и концептуально-ментальными уровнями рекламных текстов и текстов лирических песен, содержащих лексемы, в значении которых присутствует семантический признак «часть» или «целое».

Ключевые слова: часть, целое, дискурс, рекламный текст, текст лирической песни, способы репрезентации в языке, аксиологические коннотации.

Наше исследование текстов рекламного и песенного дискурсов выполнено на пересечении лингвокультурологического и когнитивного направлений современной лингвистики, что позволяет проследить процесс взаимодействия языка, культуры и человека как носителя данного языка и данной культуры, поскольку «языковые знаки способны выполнять функцию «языка» культуры, что выражается в способности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [5. С. 30]. Объектом исследования в данной статье являются тексты рекламного и песенного дискурсов, под которыми мы понимаем вербальный компонент рекламного сообщения и песни. Мы считаем, что сопоставительный анализ рекламных и песенных текстов, несмотря на их принадлежность к разным видам институционального дискурса (по классификации В. И. Карасика) – рекламному и песенному соответственно, имеет следующие основания:

1) современная песня, генетически восходящая к народной песне, отражает традиционную народную культуру, описывает сферы как личной, так и общественной жизни человека, регламентирует жизненный уклад народа через зафиксированные в песне представления о системе ценностей и стереотипах поведения [2]; общеизвестно, что в рекламных текстах, которые хотя и считаются элементами современного информационно-коммуникативного пространства, для решения прагматических задач активно используются наработки и достижения, сделанные в области культурологии, риторики, психологии, в том числе объективируются национальные ценностные архетипы менталитета, «ценностная память», следовательно, анализ рекламных и песенных текстов позволит реконструировать представления о национальных ценностных приоритетах;

2) и рекламные, и песенные тексты, на наш взгляд, выполняют две взаимосвязанные функции:

– эмоционально-воздействующую функцию (рекламные сообщения и песни создаются для того, чтобы вызвать отклик получателя информации, а значит, затронуть его эмоционально-чувственную сферу);

– резонансно-интерпретативную функцию (содержание рекламного сообщения и песни интерпретируется адресатом, способно вызвать у него эмоциональный отклик, актуализировать в его внутреннем мире чувства и переживания, связанные с конкретными событиями его жизни или соответствующие определенному его настроению);

3) тексты (в нашем случае рекламные и песенные) вслед за Н. А. Мишанкиной понимаются нами как одна из трех составляющих модели дискурса: коммуникативный акт – формация текстов – тип миропонимания [6. С. 98]. Рекламный и песенный дискурсы являются разновидностями институционального дискурса, который строится по определенному шаблону и представляет собой специализированную клишированную разновидность общения, осуществляющуюся между представителями той или иной социальной группы [4. С. 234]. Следовательно, рекламный и песенный дискурсы характеризуются определенной долей стереотипности, а значит, могут быть источником достоверной информации о характерных для данной культурной общности ценностях и приоритетах.

Таким образом, новизна нашего исследования заключается в том, что тексты песенного и рекламного дискурсов как носители национально-культурной аксиологической информации рассматриваются в сравнительном аспекте и сквозь призму онтологической категории

«часть–целое». Предметом исследования выступает имплицитное аксиологическое содержание текстов рекламных сообщений и песен, репрезентирующих представления о части и целом.

Отношения по типу «часть–целое» являются одним из видов многообразных отношений, в которых находятся друг с другом все предметы реального мира. Они считаются универсальными, так как характеризуют и пронизывают все формы бытия. Особенность отношений «часть–целое» заключается в том, что они имеют двуединую сущность, поскольку онтологические категории часть и целое определяются посредством друг друга: «часть – это элемент некоторого целого; целое – то, что состоит из частей» [7. С. 343].

Рассмотрим основные способы языковой репрезентации отношений «часть – целое» в рекламных и песенных текстах (Далее в тексте статьи примеры рекламных текстов будут отмечены знаком ♦, примеры песенных текстов – ●), которые отражают двуединую природу онтологической категории «часть–целое» и соответственно могут быть разделены на две группы – репрезентация представлений о целом и репрезентация представлений о части.

Для репрезентации представления о *целом* используются лексические единицы, в значении которых в разной степени (по шкале непосредственности/ опосредованности) присутствует холическая сема:

1) инвариантная лексема *целое* – «нечто единое, нераздельное» [3. С. 1459], которая может выступать как в качестве субстантива, так и в качестве адъектива, а также ее синонимы: *весь* (и его грамматические формы *все, вся, все*) [1. С. 546], *полный один, без остатка, до дна, до конца, всегда, везде, всюду*, например:

● И когда, прильнув к твоим губам / Я всего себя тебе отдам (исп. Е. Анегин); Мы друг в друге растворялись *без остатка* (исп. Д. Маликов);

♦ *Вседорожная мужская обувь* («Ralf Ringer»); Сбербанк. *Всегда* рядом («Сбербанк России»); Лечение гриппа и простуды в *полном* объеме! Эргоферон (лекарственное средство «Эргоферон»);

2) лексемы, в значении которых семантический признак «целое» присутствует имплицитно и указание на него осуществляется путем отсылки к лексемам, характеризующимся большей или меньшей степенью актуализации семы «целое» (лексемы данной группы отстоят от инвариантной лексемы или ее синонима на

расстоянии одного и более шагов в родо-видовой цепочке): *вместе* (вместе ← соединение ← целое), *коллекция* (коллекция ← собрание ← соединение ← целое), *комплект, круглосуточно, навсегда, пара, собрание*, например:

● Мы будем *вместе*, я знаю / Таких, как я, не бывает (исп. И. Билык); Знаю я, что ты меня найдешь / Знаю я, что ты меня поймешь / Что под этой вечною луной / Лучшей *парой* станем мы с тобой (исп. Е. Анегин);

♦ *Коллекция* лучшего (агентство недвижимости «GUILD Group»); Полное *собрание* низких цен (Дом для дома «Леруа Мерлен»);

3) глаголы с холической семантикой (имеют обобщенное значение «соединение, объединение, включение в состав целого»): *слепить, сложить, собрать, раствориться*, например:

● Я его *слепила* из того, что было (исп. А. Апина); Я *растворюсь* в тебе / Соленую слезой (исп. Т. Повалий);

♦ Все части целого *собираются* здесь! («Леруа Мерлен»); С нами все *складывается* (рекламное агентство «Вавилон», Омск); *Найди* свою пару! Скидка 30 % на обувь женской коллекции RALF RINGER (обувь «Ralf Ringer»).

Таким образом, если проанализированные песенные тексты рассмотреть с точки зрения событийно-тематического уровня, то можно отметить, что холические лексеммы активно участвуют в развитии такой темы лирических песен, как «Счастливая любовь», и ее микротем – «Единение с любимым человеком», «Счастливое прошлое или будущее с любимым человеком», «Любовь – чувство, создающее ощущение гармонии».

Что касается рекламных текстов, объективирующих представление о целом, то с помощью холических лексем, с одной стороны, передается эксплицитная гиперболизированная информация, которая подчеркивает особые свойства объекта, его почти нереальную исключительность, с другой стороны, актуализируется имплицитный смысл, непосредственно не репрезентированный в тексте, например: Сбербанк. *Всегда* рядом («Сбербанк России»), импликатура – «банк предоставляет такой пакет финансовых услуг, что воспользоваться ими можно при любых обстоятельствах и в любых ситуациях, следовательно, банк заботится о клиентах». Таким образом, имплицитный смысл рекламного текста позволяет решить ряд задач: от позиционирования товаров и услуг до формирования положительного имиджа организации.

Для объективации представления о *части* используются лексемы с партитивной семантикой, в значении которых в разной степени (по шкале эксплицитность/ имплицитность) присутствует партитивная сема, а именно:

1) лексема *часть*, которую мы рассматриваем как инвариантную, так как именно она дает представление о части в наиболее простом и объективном виде:

- Я и ты / Мы разбили наше хрупкое счастье / Вдруг на *части* (исп. группа «Челси»); Мир / В котором я живу / Не делится на *части* / Пока в нем есть любовь (исп. В. Брежнева);

- ♦ По нашим наблюдениям, лексема *часть* в рекламных текстах не используется.

2) лексемы, в значении которых семантический признак «часть» присутствует имплицитно и указание на него осуществляется опосредованно, через ссылку на инвариантную лексему или на один из лексико-семантических эквивалентов инвариантной лексемы «часть» (лексемы этой группы отстоят от инвариантной лексемы на расстоянии одного и более шагов в родо-видовой цепочке): *ингредиент* (ингредиент ← часть), *клячья* (клок ← обрывок ← кусок ← часть), *обломок* (обломок ← кусок ← часть), *осколок* (осколок ← кусок ← часть), *вдребезги*, *половина*, например:

- Где-то там за чертой / Я оставлю *осколки* обид / И тревожные сны / И до боли холодные ночи (исп. Н. Басков); *Пополам* небеса, *пополам* земля / *Пополам* я сама не случайно (исп. Л. Долина);

- ♦ В формулу нового тонирующего лосьона для тела из серии Avon Body входят растительные *ингредиенты* и экстракты морских водорослей <...> Благодаря содержанию светоотражающих *частиц* кожа после применения лосьона выглядит здоровой и сияющей («Avon»); Ералаш. Здоровая *порция* юмора (творожные сырки «Ералаш»); Царицыно. Толстому *ломтику* и рот радуется! (мясные продукты «Царицыно»);

3) глаголы с партитивной семантикой: *состоять* (*состоящий*), в том числе глаголы с *деструктивной* партитивной семантикой (имеют обобщенное значение «выведение из состава целого, разрушение целого»): *делить* (*поделить*, *разделить*), *колоть*, *разбить*, *разлететься*, *разорвать*, *расколоть*, например:

- *Колется* сердечко, на кусочки, на осколки / Где мое колечко? У тебя лежит на полочке (исп. Глюкоза); Бог тебя выдумал для

двоих, видимо / *Разделил* пополам, словно реку берегам (исп. дуэт «Не пара»);

- ♦ Каффетин. Не дай боли *расколоть* себя (лекарственное средство от боли «Каффетин»).

Итак, с точки зрения событийно-тематического содержания песенных текстов партитивные лексемы актуальны при развитии темы «Несчастливая любовь» и ее микротем – «Безответная любовь», «Утраченная любовь вследствие расставания», «Любовь – чувство, приносящее душевные страдания и боль», «Пребывание в одиночестве». В песенных текстах лексемы с партитивной семантикой создают хотя и стереотипные, но более интересные образы. Так, при использовании лексемы *осколки* актуализируются семы «острый» и «необратимость»; лексемы *клячья*, *обрывки*, *обломки* называют части, отделяемые от целого механическим путем, что позволяет материализовать ощущение душевной боли и придать ей силу физической.

При анализе рекламных текстов обращает на себя внимание отсутствие в них инвариантной лексемы *часть*. По всей видимости, образ части противоречит общей информационно-эмоциональной концепции рекламной модели мира, суть которой заключается в том, что рекламное пространство является носителем положительной эмоционально-оценочной информации, характеризуется отсутствием проблем и дискомфорта. Представление о части, которая является всего лишь долей целого по сравнению со всем целым, препятствует актуализации положительных впечатлений адресата. Что касается других партитивных лексем, то они по сравнению с последними в песенных текстах (*осколки*, *обломки*, *развалины*, *вдребезги*) либо вовсе лишены оценочной коннотации (*ингредиент*, *частица*, *порция*), либо имеют положительный знак оценки (*ломтик*).

Анализ рекламных и песенных текстов с партитивно-холическими лексемами позволяют сделать вывод об аксиологических коннотациях, имплицированных в них: целостное состояние чего-либо имеет положительный потенциал и стереотипно воспринимается носителями русского языка как более правильное, гармоничное и ценное. Образ разделения чего-либо на части, дискретное состояние препятствует актуализации положительной информации, применительно к личностной сфере человека является повторяемым и устойчивым при передаче таких чувств, эмоций и состояний, как страдание, душевная боль, одиночество и др.

Список литературы

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : практ. справ. М., 2001. 568 с.
2. Андронаки, Г. Д. Опыт лингвокультурологического анализа: песенный текст [Электронный ресурс] / Г. Д. Андронаки, В. В. Васильева // URL: <http://psujourn.narod.ru/lib/vasilyeva1.htm>.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000. 1536 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 390 с.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М., 2001. 208 с.
6. Мишанкина, Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса : дис ... д-ра филол. наук. Томск, 2010. 409 с.
7. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 4 / под ред. В. С. Стёпина. М., 2001. 605 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335).
Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 85–88.*

И. В. Сибиряков

ФЕНОМЕН КОГНИЦИИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Анализируются центральные категории когнитивной науки, даются их логико-гносеологические определения.

Ключевые слова: *когниция, дискурс, понятие, определение, речевая деятельность, языковое мышление.*

Сегодня в когнитивной науке не имеется всеми признанных общенаучных определений центральных категорий предлагаемой работы: *когниции* и *дискурса*. Этот факт говорит об особой актуальности заявленной темы исследования. Ретроспективный анализ научных публикаций в их различных подходах к определению когниции выявляет пеструю и довольно противоречивую картину. Так, например, А. В. Кравченко связывает определение когниции с *интуицией* [5. С. 60], Е. С. Кубрякова – с *обыденным сознанием* [6. С. 30–31], В. М. Лейчик – с *научным познанием* и углублением знания [7. С. 67]. **Столь широкая палитра разноречивых** взглядов на феномен когниции свидетельствует, с одной стороны, о глубоком интересе исследователей, а с другой – о необходимости интегративного подхода к анализу данного явления совместными усилиями различных наук.

Проведенное логико-гносеологическое исследование феномена когниции показало, что указанные выше противоречия упираются в различных подходах к проблеме сознания. Если сознание определяется как «восприятие и понимание окружающей действительности, свойственное человеку, способность

осмысленно воспринимать окружающее» [11. С. 184], то под такое понимание сознания можно подвести любое основание для **когниции**: не только интуицию, обыденное сознание или научное познание, но и предсказание, гадание и так далее, поскольку и предсказание, и гадание входят в «восприятие и понимание окружающей действительности, свойственное человеку».

Другой подход предлагает Л. С. Выготский: «Сознание своих переживаний и означает не что иное, как имение их (переживаний – *И. С.*) в качестве объекта (раздражителя) для других переживаний. Сознание есть переживание переживаний..., – неоднократно подчеркивал ученый. – Но именно способность рефлекса (переживания предмета) быть раздражителем (предметом переживания) для нового рефлекса – этот механизм сознательности и есть механизм передачи рефлексов из одной системы в другую... сознание есть взаимодействие, отражение, взаимовозбуждение различных систем рефлексов. Сознательно то, что передается в качестве раздражителя на другие системы и вызывает в них отклик. Сознание всегда эхо, ответный аппарат» [2. С. 88–89]. Понимание

сознания как «переживания переживаний» дает ключ к определению когниции, поскольку «переживанием переживаний» может быть и *интуиция* (знание без доказательства), и *сознание*, и *мышление*. Следовательно, *когниция есть категория для обозначения всей совокупности психической активности познающего субъекта по обработке и репрезентации поступающей информации*. А поскольку *когниция* есть категория, следовательно, это – научная абстракция. В силу своей абстрактности понятие *когниции* относится не к какому-то конкретному факту или уровню познания, например, интуиции, сознания или мышления, а ко всему их множеству в целом [10. С. 71].

Аналогичная ситуация наблюдается и применительно к определению понятия *дискурс*. Так, например, Т. В. Матвеева дает этому феномену следующее определение: «ДИСКУРС... – связная речь в совокупности с лингвистическими обстоятельствами ее протекания, речь во взаимосвязи с живой жизнью: ее событийным контекстом, социокультурными, прагматическими, психологическими характеристиками говорящих. Термин Д. подразумевает речевое общение как взаимодействие в определенных условиях. Кроме того, в нем подчеркивается процессуальность явления, Д. – это поток речевых действий. Текст является результатом этого процесса, хотя к готовому тексту возможно применение дискурсивного подхода... Д. – это последовательность речевых актов, сложный процесс речевого поведения, опирающийся на опыт общения в данной сфере деятельности (социальные коды общения) и направляемый установками, мотивами и целями коммуникантов. Д. выражается вербально (словесно), а в устной речи еще и паралингвистически: в мимике, жестах, пространственных сигналах, акустических знаках (интонации, громкости голоса), паузировании. Д. бывает диалогическим и монологическим» [8. С. 92–93]. Итак, автор изложенных выше слов утверждает, что дискурс – «это поток речевых действий», что дискурс «выражается вербально», «хотя к готовому тексту возможно применение дискурсивного подхода». Подобные тезисы вызывают гораздо больше вопросов, чем дают убедительных и однозначных ответов. Каким же образом «к готовому тексту возможно применение дискурсивного подхода», если дискурс «выражается вербально»? Это что же, чтоб к тексту применить дискурсивный подход, его следует проговаривать вслух, чтобы

быть твердо уверенным, что текст «выражается вербально»? А как же быть с глухонемыми, которые, за редким исключением, не могут выражать свои мысли вербально? Владеют ли они связной речью, то есть дискурсом? А ведь если признать, что жестовый язык глухонемых является дискурсом, то как же утверждение, что дискурс «выражается вербально»? Тогда существующие определения дискурса, которые повсеместно распространены, будут являться научной ошибкой.

Изложенные выше сомнения подтверждаются анализом исследований в других областях научного знания. Так, например, профессор К. Н. Суханов пишет по поводу дискурса следующее: «Дух философии математики логицистов противоположен кантовской философии математики, поскольку математические понятия здесь трактуются не созерцательно, интуитивно, а *дискурсивно* (курсив наш – И. С.), как “вытекающие” из понятий логики» [12. С. 43]. Отчетливо видно, что профессор связывает понятие дискурса с категориями логики: понятиями, суждениями и умозаключениями.

Интерес представляет также статья С. В. Борисовой, которая утверждает: «Четкого и общепризнанного определения “дискурса”, которое могло бы охватить все случаи его употребления, не существует... Сами по себе лингвистические употребления термина “дискурс” – весьма разнообразны, хотя в целом за ними просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий речи, текста и диалога. С одной стороны, дискурс – речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с *речевой деятельностью* (курсив наш – И. С.) индивида... С другой стороны, реальная практика современного (с середины 1970-х гг.) дискурсивного анализа связана с исследованием закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации, осуществляемого прежде всего через обмен репликами; таким образом реально описывается некоторая структура диалогового взаимодействия» [1. С. 315]. Привлекает внимание также следующее замечание Борисовой: «Следовательно, термин “дискурс”, как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию “текст”, при этом подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения. В противоположность этому, текст мыслится преимущественно как

статический объект, результат *языковой деятельности* (курсив наш – И. С.). Иногда “дискурс” понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс *языковой деятельности* (курсив наш – И. С.), вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (то есть текст) (следует отметить, что именно такое понимание является предпочтительным)» [1. С. 315].

Кроме перечисленных подходов к пониманию сущности дискурса можно дополнительно указать на такие его разновидности как социальный дискурс, политический дискурс, научный дискурс и ряд других, причем каждый из них представлен своими собственными отличительными характеристиками. Но даже и перечисленных выше достаточно для вывода, что необходимо искать для определения дискурса такие подходы, которые могут быть использованы и для анализа текста, и для речевой деятельности, и для диалога, включая, разумеется, определение, что язык является знаковой деятельностью.

В свете сказанного хотелось бы еще раз обратить внимание читателя на выделенные курсивом цитаты С. В. Борисовой, где речь идет о *языковой деятельности*. В своей статье автор неоднократно подчеркивает, что основными характеристиками дискурса является вербальный характер его выражения. А это значит, что более подходящим в данном контексте будет употребление категории *речевая деятельность*. И такая категория действительно подвергалась анализу в отечественной науке. Предпосылки для такого подхода создает, например, категория «речевая деятельность» в психолингвистике.

Теоретическое обоснование зарождения психолингвистики как науки легко обнаружить в трудах известных ученых. Отечественный философ Э. В. Ильенков считал, например, что и речь, и мышление представляют собой всего лишь две одинаково односторонние абстракции, а то, что выражается в совокупном единстве языка и мышления, есть уже нечто третье, что само по себе ни мышлением, ни языком уже не является. Соответственно такому подходу и логика (как наука о мышлении), и лингвистика (как наука о языке во всем его объеме) являются всего лишь аспектами абстрактного рассмотрения этого третьего, реального, конкретного явления, которое и проявляет себя только в контексте неразрывного единства языка и мышления. Отсюда следует вывод,

что ввиду своей односторонности и абстрактности ни логика, ни лингвистика не в состоянии дать научного отображения этого третьего, конкретного явления, которое ни языком, ни мышлением назвать уже нельзя. Исходя из сказанного, философ предлагает объявить всю предшествующую историю и логики, и лингвистики лишь предысторией новой науки. В рамках этой новой науки должны найти свое научное переосмысление все специальные абстракции с соответствующей этим абстракциям категориальной системой: «В ней с самого начала ни мышление не рассматривалось бы само по себе, то есть в отвлечении от языковой формы его осуществления и выражения, – пишет Э. Ильенков, – ни язык не рассматривался бы иначе, как естественная, абсолютно необходимая и потому единственная форма, не выливаясь в которую мышление вообще не может ни осуществляться, ни представляться, ни мыслиться» [4. С. 270].

Психолингвистика уже на начальном этапе своего становления столкнулась с необходимостью свести в единое целое *речь и язык*. Доминантой, позволяющей обобщить специальные абстракции обеих наук и свести их системы понятий к одному знаменателю, и является категория «*речевой деятельности*». Конечно же, Э. В. Ильенков писал о неразрывном единстве логики и лингвистики, а в данном случае речь идет о психолингвистике. Этот факт не следует рассматривать как подмену понятий, поскольку в данном случае более всего акцентируется внимание на мысли Э. Ильенкова, что речь и мышление представляют собой две одинаково односторонние абстракции, которые, взятые в неразрывном единстве, ни языком, ни мышлением уже не являются. Таким образом, речь идет в первую очередь не о взаимодействии логики и лингвистики, а о проблеме возникновения новой науки, которая и изучала бы то нечто третье, которое выражает совокупное единство языка и мышления. Как известно, такой наукой и явилась психолингвистика, потому что аналогичная единая наука на базе логики и лингвистики так и не появилась.

Параллельно с Э. Ильенковым проблему «речевой деятельности» исследовал и Л. С. Выготский в своих работах «Мышление и речь», «Лекции по психологии», но он определил эту категорию как «*речевое мышление*». «Главнейший итог работ, – неоднократно подчеркивал Л. С. Выготский, – **установление того, что речевое мышление – это сложное образование**

неоднородного характера. Вся осмысленная речь в функционально развитом виде имеет две стороны... Это то, что принято называть... фазической стороной речи, имея в виду ее вербальную сторону, то, что связано с внешней стороной речи, и *семической* (или семантической) стороной речи... которая заключается в наполнении смыслом того, что мы говорим, в извлечении смысла из того, что мы видим, слышим, читаем» [3. С. 409]. Отсюда следует, что внешняя, фазическая сторона речи есть знак, а внутренняя сторона является носителем значения. Это значит, что каждая отдельная словоформа или лексема представляет собой единицу речевого мышления, потому что она есть знак и значение в одно и то же время.

И все же категория «речевое мышление» не исчерпывает собой все многообразие употребление языка. Гораздо перспективнее здесь будет категория «языковое мышление», поскольку язык есть знаковая система, а знак, как известно, обязательно включает в себя и значение. Такая категория позволяет охватить собой все многообразие дискурса: текст, речевую деятельность, диалог, монолог, политический дискурс, социальный, научный дискурс и др. *Дискурс*, таким образом, *есть связная совокупность языкового мышления*. Здесь, как и у Л. С. Выготского, имеются как фазическая, так и семантическая стороны языкового мышления, которые могут функционировать только в единстве. «Но ведь слово – это же знак, а его употребление в языке есть деятельность, и не просто деятельность, но деятельность целеполагающая. Целеполагающую деятельность принято называть *функцией*, – утверждает Д. И. Сибиряков. – Отсюда неумолимо следует вывод, что значение слова есть *функция* знака: значение слова (знака) и *функция* слова (знака) выступают как синонимы. Но каждый знак (слово) в зависимости от способа употребления выступает в различных значениях, то есть функциях: следовательно, значение многофункционально. Это и есть основы принципиально новой, *функциональной* теории значения» [9. С. 130], идеи создания которой давно витают в научном сообществе. Важнейшими функциями языка, как известно, являются *коммуникативная* и *когнитивная*, на базе которых формируются остальные функции: *номинативная, референтная, индикативная, эмотивная, синтагматическая, парадигматическая* и ряд других. Понимание дискурса как языкового мышления позволяет значительно рас-

ширить границы когнициии как категории для обозначения всей совокупности психической активности познающего субъекта по обработке и репрезентации поступающей информации.

Список литературы

1. Борисова, С. В. **Понятие дискурса в лингвистике** // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : сб. ст. / отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 315–317.
2. Выготский, Л. С. **Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии** / под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. М., 1982. 488 с.
3. Выготский, Л. С. **Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии** / под ред. В. В. Давыдова. М., 1982. 504 с.
4. Ильенков, Э. В. **Соображения по вопросу об отношении мышления и языка. Философия и культура**. М., 1991. С. 270–274.
5. Кравченко, А. В. **О профессиональной и языковой компетенции в журнальных публикациях по когнитивной лингвистике** // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред.-сост. Е. И. Голованова. Челябинск, 2007. Т. 1. С. 59–63.
6. Кубрякова, Е. С. **Что может дать современная лингвистика исследованию сознания и разума человека** // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов, 2006. С. 26–31.
7. Лейчик, В. М. **Языки профессиональной коммуникации лингвистов** // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред.-сост. Е. И. Голованова. Челябинск, 2007. Т. 1. С. 63–68.
8. Матвеева, Т. В. **Полный словарь лингвистических терминов**. Ростов н/Д., 2010. 562 с.
9. Сибиряков, Д. И. **Игра в когнитивной деятельности сознания** // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 31 (322). **Филология. Искусствоведение**. Вып. 84. С. 128–130.
10. Сибиряков, И. В. **Логико-гносеологический анализ феномена когнициии** // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 31 (322). **Филология. Искусствоведение**. Вып. 84. С. 69–72.
11. **Словарь русского языка** : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1988. 800 с.
12. Суханов, К. Н. **Критический очерк гносеологии интуиционизма**. Челябинск, 1973. 228 с.

СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Рассматривается проблема эффективного речевого воздействия и аспект реализации коммуникативной стратегии самопрезентации в педагогическом дискурсе. Предметом обсуждения являются основные особенности стратегии самопрезентации в педагогическом дискурсе: вопрос определения понятия «стратегия самопрезентации», ее тактики, приемы и стили.

Ключевые слова: речевое воздействие, коммуникативная стратегия самопрезентации, тактики, стили стратегии самопрезентации.

В настоящее время актуальным становится анализ эффективности и неэффективности речевого воздействия в рамках педагогического дискурса. Основным аспектом эффективности речевого воздействия является достижение поставленных целей и сохранение баланса отношений с собеседником, избегание возможной ссоры. Известно, что целями речевого воздействия являются фатические (установление, возобновление, поддержание, развитие, сохранение контакта), предметные (получение или дача чего-либо) и информационные (сообщение или получение информации).

Речевое воздействие принято рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле – это произвольная и непроизвольная передача информации в процессе речевого общения в устной и письменной формах. Осуществляется при помощи лингвистических, паралингвистических, нелингвистических символических средств и определяется интенциями адресата и целями коммуникации – предметной, коммуникативной или информационной, а также пресуппозициями и конкретной знаковой ситуацией¹. Речевое воздействие в узком смысле – это влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств, отличающееся особыми предметными целями говорящего, которые включают изменение личностного смысла для реципиента, изменение поведения или психического состояния².

В профессиональную компетенцию преподавателя несомненно входит владение стратегиями и тактиками речевого общения, что безусловно ведет к более успешному и эффективному общению и, в результате, достижению глобальной цели коммуникации. Говоря о коммуникативных стратегиях и тактиках

речевого воздействия, ученые отмечают отсутствие на данный момент полного перечня коммуникативных стратегий и тактик, поэтому исследование механизмов речевого воздействия, основных стратегий и тактик педагогического дискурса, может внести определенный вклад в развитие данного типа дискурса.

Итак, большинство исследователей сходятся во мнении, что коммуникативная стратегия – это комплекс речевых действий, направленных на достижение глобальной коммуникативной цели, зависящих от личности коммуникантов, отношений между ними и условий между ними. Коммуникативная цель реализуется в определенной коммуникативной (речевой) стратегии, подчиняющей себе процесс речевой коммуникации, в процессе которой автор текста решает ряд практических задач, имеющих промежуточную цель. Данные коммуникативные цели осуществляются с помощью коммуникативных (речевых) тактик, представляющих собой несколько речевых действий, способствующих реализации стратегического замысла автора³. Это приводит к необходимости выбора, который касается не только семантического содержания, но и прагматических, стилистических, риторических аспектов речевых действий. Реализация такого выбора имеет место в совокупности речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего. Коммуникативные стратегии и тактики воздействуют на определенные аспекты картины мира адресата, его эстетическое, этическое, культурологическое, психическое восприятие реальности.

Коммуникативная стратегия самопрезентации состоит в создании определенного впечатления о говорящем и, в основном, поддержании его положительного имиджа. Для обозначения стратегии самопрезентации (self-

presentation) используются следующие термины: управление впечатлением (*impression management*) и управление атрибуцией. В основе самопрезентации лежат потребность в одобрении, мотив власти, стремление к превосходству, потребность в уважении, мотив привлечения к себе внимания и так далее⁴.

Американский социолог И. Гоффман впервые полно описал феномен самопрезентации и утверждал, что социальное поведение подразумевает попытку одного человека (*the actor*) повлиять на восприятие его другим человеком (*the target*). Окружающих интересует разнообразная информация о человеке, влияющая на впечатление о нем – социальный статус, финансовый статус, компетентность, установки. По его мнению, человек, выступающий перед аудиторией, активизирует возможность производить впечатление с целью соответствовать своей социальной роли и ожиданиям слушателей. Невозможно произвести должного впечатления на аудиторию, не соблюдая норм общения, определенных обществом⁴. Самопрезентация – это не только управление впечатлением, но также и самовыражение – представление своего мнения, опыта, ценностей, характера и т. д.

Самопрезентация – это своего рода создание имиджа. Существует множество определенных имиджа, самое широкое – целенаправленное формирование образа, набор определенных качеств, ассоциируемых с определенной личностью.

По мнению А. Ю. Панасюк, в русском языке термину «имидж» соответствует *мнение* как суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к чему-либо⁵. Имидж отражает основные черты портрета человека, это символический образ, оформляемый при помощи языка.

Говоря о содержании имиджа, выделяют его следующие структурные компоненты: индивидуальные характеристики, личностные качества, коммуникативные особенности, деятельностные и внешнеповеденческие характеристики.

Самопрезентация очень важна, особенно в момент формирования первого впечатления. Феномен первого впечатления в большинстве случаев определяет дальнейшее развитие процесса взаимодействия с аудиторией. Первое впечатление формирует устойчивый стереотип восприятия педагога и его последующего воздействия на слушающих.

По Т. А. ван Дейку, стратегия самопрезентации должна блокировать отрицательные вы-

воды, связанные с оценочными суждениями, что приводит к созданию аргументированных последовательностей, делающих оценки справедливыми и социально приемлемыми⁶.

Аудитория делает выводы о говорящем по его поведению, внешности, известной о нем информации, стереотипам, предположениям и домыслам. Находясь же перед аудиторией, говорящий позволяет слушающим сформировать определенное впечатление о нем по тому, как он говорит и ведет себя. Целью стратегии самопрезентации является благоприятное впечатление окружающих. Коммуникативные тактики и ходы, используемые при реализации стратегии самопрезентации предназначены для следования правилу: «Что бы я не говорил, слушающий не должен думать обо мне плохо»⁷.

Для поддержания положительного образа необходимо избегать слов и действий, которые могут привести к конфликту (проявление агрессии, превосходства, грубости, насмешек, хвастовства, навязывания, обмана и т. п.).

Составляющими приемами самопрезентации являются драматизация и идеализация. Драматизация состоит в демонстрации окружающим тех фактов, которые необходимо акцентировать и донести до слушающих. Принцип идеализации заключается в выполнении норм поведения данного социума⁴.

Е. Джонс и Т. Питман выделяют следующие тактики стратегии самопрезентации:

- заискивание (*ingraditation*),
- самопродвижение (*self-promotion*),
- запугивание (*intimidation*),
- пояснение примером (*exemplification*),
- мольба (*supplication*)⁸.

Тактика «заискивания» состоит в демонстрации доброжелательного, мягкого отношения к собеседнику, похвалу, согласию с ним и т. п. Ее цель в удовлетворении других, причем акцент делается на быстрый результат. Данная тактика проецирует желательное для данной ситуации поведение, которое часто не совпадает с реальными взглядами и мнением говорящего. Эта тактика распространена в организациях с высокой иерархией власти и дает возможность «выжить» в условиях конкуренции. Тем не менее, тактика «заискивания» может быть как успешно применена, так и привести к неудачной коммуникации, наигранной и неестественной.

Тактика «самопродвижения» предполагает демонстрацию своих знаний, достижений, опыта с целью выглядеть компетентным в глазах окружающих. Данная тактика часто де-

лится на тактику «достижений» (entitlements), «развития» (enhancement), «преодоление трудностей» (overcoming obstacles).

Тактика «запугивания» заключается в формировании страха у слушателей в том, что объект потенциально опасен и с ним лучше не портить отношения. Данная тактика чаще всего применяется руководством по отношению к подчиненным.

Тактика «пояснение примером» предполагает демонстрацию своих достоинств для того, чтобы быть достойным подражания. Но при использовании этой тактики есть опасность прослыть высокомерным или лицемерным.

Тактика «мольбы» предполагает демонстрацию слабости, беспомощности, зависимости, что ведет к получению власти сострадания⁸. Демонстрируя свою несостоятельность, говорящий приводит в действие норму социальной ответственности, которая состоит в помощи нуждающимся. Несмотря на обоснованность и логичность данной таксономии, она не дает четкого представления о том, в каких ситуациях они приведут к положительному или отрицательному результату.

Р. Чалдини предлагает две техники управления впечатлением: «наслаждение отраженной славой» (basking in reflected glory), и «причинение вреда» (blasting). Техника «наслаждения отраженной славой» заключается в использовании чужого успеха в целях самопрезентации. Говорящий выбирает популярную личность с положительным имиджем и прямо или косвенно говорит об отношениях с этим человеком, что оказывает нужный эффект на аудиторию. Тактика «причинения вреда» реализуется в намеренном принижении достоинств какого-либо человека в глазах аудитории, для создания на этом фоне более выигрышного образа говорящего⁹.

Стратегия самопрезентации может реализовываться разными стилями, выделяют следующие: убеждающая самопрезентация (assertive self-presentation), оскорбительная самопрезентация (offensive self-presentation), защитная самопрезентация (protective self-presentation), оборонительная самопрезентация (defensive self-presentation).

Убеждающая самопрезентация состоит в создании благоприятного образа за счет приятного внешнего вида и доброжелательного поведения. *Оскорбительная* самопрезентация состоит в принижении достоинств других. *Защитная* самопрезентация подразумевает жела-

ние хорошо выглядеть, избегая произведения отрицательных впечатлений. *Оборонительная* самопрезентация – желание хорошо выглядеть с помощью защиты от негативных оценок⁸.

Каждый из приведенных выше стилей самопрезентации реализуется, соответственно, при помощи разных тактик. *Убеждающая* самопрезентация использует тактику «заискивания», желания понравиться (комплименты, уступчивость, сговорчивость), «приведение примера» (exemplification), «самореклама» (self-promotion)⁸.

Оскорбительная самопрезентация заключается в принижении достоинств других, критике, нападках.

Защитный стиль самопрезентации состоит в избегании неловких ситуаций, в осторожном описании событий.

Оборонительный стиль самопрезентации используется, если личность находится под угрозой, и тактика, используемая в данном случае, – «мольба», изображение беспомощности, объяснение ситуации¹⁰.

Итак, стратегия самопрезентации может быть отнесена к стратегиям эффективной коммуникации, которая обеспечивает решение проблем благодаря установлению контакта и взаимопониманию между партнерами. Доказано, что присутствие аудитории влияет на стиль самопрезентации человека, в основе чего лежит различная мотивация, основанная на управлении впечатлением. В рамках педагогического дискурса коммуникативная стратегия самопрезентации играет ключевую роль, влияя на эффективность учебного процесса и реализацию целей и задач обучения. Эффективность и результативность речевого воздействия зависит от правильности выбора языковых и неязыковых средств. Тем не менее, кроме общего имиджа, существуют и более дифференцированные образы, связанные с уровнем оценки профессионализма преподавателя, которые тоже могут быть объектом изучения лингвистов.

Примечания

¹ Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. С. 36–37.

² Там же. С. 37.

³ Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006. С. 110.

⁴ См.: Гофман, И. Представления себя другими в повседневной жизни. М., 2000.

⁵ Панасюк, А. Ю. Я – Ваш имиджмейкер и готов помочь сформировать Ваш профессиональный имидж. М., 2003. С. 11.

⁶ Dijk, T. A van. Kintsch, W. Strategies of discourse comprehension / T. A. van Dijk, W. Kintsch. Academic press, 1983. С. 375.

⁷ Там же. С. 397.

⁸ См.: Jones, E. E. *Toward a general theory of strategic self-presentation* / E. E. Jones, T. S. Pittman // *Psychological perspectives on the self*. 1982. № 1.

⁹ См.: Cialdini, R. B. *Two direct tactics of impression management: basking and blasting* / R. B. Cialdini, K. D. Richardson // *Journal of personality and social psychology*. 1980. № 39.

¹⁰ См.: Tedeschi, J. T. *Impression management and influence in the organization* / J. T. Tedeschi, V. Melburg // *Research in the sociology of organizations* / S. B. Bacharach and E. J. Lawler. 1984. № 1

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 92–95.

М. Б. Талапина

ДИСКУРСИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КАРТИН МИРА

Описывается развитие цветовой семантики фразеологических единиц русского языка с компонентом «белый». ФЕ рассматриваются как средства манифестации ахроматического концепта «белый» в языке и дискурсе. Выявляются потенциальные семы прилагательного «белый» в составе ФЕ, что позволяет определить периферийные признаки соответствующего концепта. Делается вывод о значимости варьирования семантики ФЕ как средства концептуализации индивидуального знания.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, картина мира, коллективное знание, индивидуальная картина мира, концепт, ахроматический цвет, фразеологическая единица, символическое значение, речевое варьирование, потенциальная сема.

Особенной чертой современной лингвистики является синтез когнитивного и дискурсивного подходов к явлениям языка. Интерес к изучению когнитивного пространства обуславливает внимание к фразеологии как к ценному источнику информации о коллективном знании, репрезентированном в языке, поскольку фразеологизмы аккумулируют сведения о наивной картине мира всей языковой общности.

Настоящая статья посвящена исследованию развития цветového значения фразеологических единиц русского языка с компонентом «белый», которое проявляется в реализации потенциальных сем ФЕ, не зафиксированных в словарях. Фразеологические единицы с компонентом «белый» рассматриваются как средства вербализации признаков соответствующего ахроматического концепта в языке и речи. Актуализация новых смыслов прилагательного *белый* в составе ФЕ позволяет выявить пери-

ферийные признаки цветového концепта *белый* в индивидуальных картинах мира.

Цвет является важной частью концептуальной картины мира, что обусловлено первичностью чувственно-образной формы построения мира и способностью цвета влиять на физическое и психо-эмоциональное состояние человека.

Значимость категории *белого* цвета для концептуализации наивной картины мира подтверждается активностью соответствующего цветообозначения в образовании фразеологических единиц (не менее 20 ФЕ в русском языке). Интерес к ахроматическим цветообозначениям, в том числе *белому*, обусловлен тем, что семантическая оппозиция *белый/черный* носит универсальный характер, что подтверждается на материале 98 языков в исследовании, проведенном Б. Берлином и П. Кеем [14. С. 1969]. Особый статус прилагательного *белый* объясняется тем, что он является основным, архети-

пическим и «обладает особой когнитивной выделенностью, будучи ядром категории цвета» [13. С. 15].

Анализ ФЕ с компонентом *белый* проводится, во-первых, на материале лексикографических источников, отражающих современный этап развития русского языка. Исследование осуществляется с опорой на словари символов [1 ; 5 ; 12], что позволяет выявить этносимволические значения изучаемого цвета. Анализ речевого варьирования семантики ФЕ проводится на материале Газетного корпуса Национального корпуса русского языка, представляющего собрание текстов печатных газет и электронных агентств 2000-х гг. Такое дискурсивное исследование позволяет обнаружить признаки концепта *белый*, которые не зафиксированы в словарях в виде узуальных значений, и проследить развитие окказиональных сем, манифестирующих признаки концепта в индивидуальных картинах мира.

В первую очередь, необходимо отметить, что при анализе фразеологизмов с ахроматическим компонентом *белый* в русском языке выделяются два направления семантизации ФЕ: а) при сохранении цветового значения цветообозначения (*белый, как стена; белое безмолвие* и др.), б) при глубоком переосмыслении значения цвета, когда семантика ФЕ наполняется этнокультурными смыслами (*белая эмиграция, белая кость* и др.).

Рассмотрим случаи речевого варьирования ФЕ с семантизацией первого типа, для которых главным оказывается цветовое значение прилагательного. Такие смыслы могут быть порождены естественными ассоциациями, обусловленными отнесенностью цвета к объекту действительности.

Прежде всего, рассмотрим случаи актуализации цветового признака в сравнительных фразеологизмах: *белый, как мел; белый, как снег* («чисто белый») и др.

При речевом употреблении сравнительных ФЕ, помимо закрепленного в словарях значения ФЕ, связанного с цветовым значением прилагательного *белый*, проявляются потенциальные семы. Так, наиболее часто актуализируется ценностный смысл, сопряженный с идеей чистоты и святости. Приведем пример: *Но маленькое неудобство стоило того: там, под белыми, как снег сверкающими сводами, гостей ожидало настоящее чудо.* [Корец Марина. Волшебное эхо // Труд-7, 2004, 13 окт.]. В предложении происходит семантический

сдвиг при актуализации синкретичного «светоцветового» признака, который был особенно значимым в период исторической семантики прилагательного [9. С. 112].

Среди близких потенциальных сем, актуализируемых в речевом употреблении данного ФЕ, можно выделить сему «радость», неотделимую от смыслов «святости» и «духовности»: *И он приходит как радость, даже день с ним светлеет и кажется чуть длиннее. Говорят «белый, как снег». Он действительно белый* [Василий Песков. Белая радость // Комсомольская правда, 2001, 07 дек.]. Можно отметить, что речевое варьирование ФЕ данного типа демонстрирует значимость положительных символических значений, закрепленных за *белым* цветом в русской культуре. Потенциальные семы, не зафиксированные в словарях для данного ФЕ, проступают в речевом употреблении благодаря контексту и подтверждают тезис о ядерном характере положительных символических значений белого цвета, таких как «невинность», «духовность», «святость», «радость» [8. С. 53].

Рассмотрим сравнительные ФЕ, в которых манифестируется значение прилагательного *белый* «имеющий очень светлую кожу». Нужно отметить, что данное нейтральное значение переосмысливается в сравнительных ФЕ русского языка в отношении эмоционального или физического состояния человека, причем ФЕ начинает актуализировать негативное словарное значение прилагательного *белый* «побледневший от страха, испуга, болезни»: *белый, как полотно; белый, как мел; белый, как стена* («очень бледный, побелевший»).

Так, среди потенциальных смыслов ФЕ *белый, как снег* выделяется сема с негативной коннотацией «страх». Приведем пример: *Впрочем, когда в 2001 г. я приехала на мировое первенство в Фукуоку, у меня ноги от страха подкашивались. Ходила по бассейну белая, как мел.* [Дарья Сребницкая. Станислава Комарова: Поменяла баян на купальник // Советский спорт, 2004, 19 июл.].

Развитие негативных коннотаций у ФЕ, в особенности *белый, как мел*, объясняется соответствующим семантическим потенциалом самого прилагательного *белый*, для которого семы с негативными коннотациями «страх», «смерть» являются продуктивными в речи [10].

Перейдем к рассмотрению речевого варьирования ФЕ с компонентом «белый», в которых цветовое значение обусловлено отнесенно-

стью цвета к природному объекту. В языковой семантике таких ФЕ *белый* цвет ассоциируется с явлением природы, которое данным цветом обладает: *белая олимпиада* («зимние олимпийские игры»), *белое безмолвие* («о большом пространстве, покрытом снегом и лишенном признаков жизни»), *белые мухи* («снежинки»).

При исследовании употребления данных ФЕ в дискурсе выявлены случаи семантического развития на базе семантического переноса. В частности, происходит метонимическое переосмысление сочетаний *белое безмолвие* и *белые мухи*.

Так, при речевом употреблении ФЕ *белое безмолвие* происходит метонимическое переосмысление словарной семантики, когда доминирующей становится сема «молчание», напрямую не связанная с узуальным значением – «пространство, покрытое снегом». Приведем пример: *На дверце – дисплей, откроешь – пиццит. Кухонный «полюс хо-лода» вовсе не хранит белое безмолвие.* [Юлия Смирнова. Говорит и показывает холодильник // Комсомольская правда, 2007, 22 авг.]. Семантическое варьирование с переносом по модели «Пространство → Процесс» сопровождается появлением в дискурсе несвойственной для данного ФЕ сочетаемости: *нарушить белое безмолвие*, а также *хранить белое безмолвие*. Подобный процесс метонимического переноса характерен и для ФЕ *белые мухи*. Например: *В прошлом году в одном из панинских хозяйств до белых мух ждали разрешение* [Михайлов Николай. Совсем не сладко // Труд-7, 2003, 29 окт.].

Кроме того, для ФЕ *белые мухи* выявлен случай семантического развития, связанного с переносом по метафорической модели «Природное явление → Болезнь» на основе ассоциации по формальному признаку. Так, прилагательное *белый*, использующееся в фразеологизмах *белые мухи* и *белая горячка*, служит базой для семантического переосмысления первого ФЕ, использующегося в значении второго: *Доведенный до белых мух, кто-то идет к экстрасенсу, кто-то – в общество анонимных алкоголиков, а еще кто-то к иконе «Неупиваемая чаша»* [Юферова Ядвига участник парламентских слушаний. Чудо на трезвую голову // Труд-7, 2000, 07 июн.]. Данный способ семантического варьирования ФЕ с компонентом *белый* представляет собой единичный случай и может быть использован для характеристики индивидуальной картины мира автора текста.

Рассмотрим ФЕ, которые обозначают природные ресурсы, вещества и материалы соответствующего цвета, например, *белое золото* («хлопок»), *белый уголь* («энергия воды»), *белое оружие* («не огнестрельное оружие»). Данные ФЕ оказываются наименее продуктивными с точки зрения семантического развития. Наблюдается один случай актуализации негативной потенциальной семы для ФЕ *белое золото* под влиянием сопутствующего в данном контексте ФЕ *белая смерть*: *Здесь «белое золото» стало «белой смертью» для обнищавших крестьянских хозяйств* [Лариса Саенко. Волна самоубийств захлестнула один из аграрных районов Индии // РИА Новости, 2006, 10 июл.]. Актуализируемый смысл «смерть» эксплицитно признает концепта *белый*, находящийся на крайней периферии.

Таким образом, дискурсивное исследование ФЕ с компонентом «белый» демонстрирует значимость варьирования семантики фразеологических единиц для концептуализации индивидуального знания. В речевом употреблении ФЕ при сохранении цветового значения прилагательного *белый* происходит семантическое переосмысление двух типов: семантический сдвиг и перенос семантики.

По пути семантического сдвига происходит смещение семантики, когда значение ФЕ изменяется в пределах одной концептуальной сферы при актуализации потенциальных сем, находящихся на крайней периферии. Продуктивность смыслов «невинность», «духовность», «святость», «радость» обусловлена их особой когнитивной выделенностью для концепта *белый*, что связано, прежде всего, с символическим значением данного цвета для русской христианской нравственной культуры. Среди негативных потенциальных сем, актуализирующихся в семантике ФЕ под влиянием контекста в дискурсе, выделяются «страх» и «смерть».

Семантический перенос в дискурсивном употреблении ФЕ с компонентом «белый» происходит на основе взаимодействия разных понятийных сфер. Так, продуктивным способом семантического преобразования ФЕ оказывается семантический перенос по метонимической модели «Пространство → Процесс», что сопровождается появлением в дискурсе несвойственной для данного ФЕ сочетаемости.

В целом исследование русских фразеологизмов с компонентом «белый» в когнитивно-дискурсивном аспекте демонстрирует значимость

символических значений *белого* цвета. При этом отмечаются отдельные признаки данного концепта, не обладающие когнитивной выделенностью в русской языковой картине мира и характеризующие индивидуальные картины мира, которые могут «быть подвержены гораздо более быстрой изменчивости, чем картины мира группы людей» [4. С. 12].

Список литературы

1. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов. М., 1996. 335 с.
2. Большой академический словарь русского языка : в 17 т. Т. 1. М.–СПб., 2004. 736 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов, СПб., 2001. 1536 с.
4. Горобец, А. Ф. Языковая и культурная картины мира: современный подход к проблеме // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 1 (26). С. 11–13.
5. Керлот, Х. Э. Словарь символов / пер. с англ. М., 1994. 608 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999.
8. Талапина, М. Б. Белый и черный цвета как символы // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2011. № 2. С. 51–56.
9. Талапина, М. Б. Историческая семантика прилагательных *белый/ черный* и *white/ black* как основа для их исторического развития // Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура : сб. ст. Екатеринбург, 2009. С. 111–114.
10. Талапина, М. Б. Синтагматические отношения как фактор экспликации картины мира // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект : материалы IX Международ. конф. 22–24 сент. 2011 г. Владимир, 2011. С. 106–113.
11. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Ушакова. М., 1996.
12. Трессидер, Дж. Словарь символов. М., 1999. 448 с.
13. Фрумкина, Р. М. Цвет. Смысл. Сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984. 175 с.
14. Berlin V. Basic Color Terms: their universality and evolution / V. Berlin, P. Kay. Berkeley; Los Angeles, 1969. 150 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 95–98.

А. М. Чащина

КОММУНИКАТИВНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИКА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Коммуникативная эффективность в политическом дискурсе рассматривается через стратегию убеждения. В пределах стратегии убеждения, в зависимости от коммуникативной цели политика, анализируются следующие коммуникативные тактики: тактика обоснованных оценок, контрастного анализа, иллюстрирования, обещания, призыва. В ходе исследования изучены основные вербальные средства реализации стратегии. В результате самыми частотными в рамках стратегии убеждения оказались аргументативная (56 %) и агитационная (44 %) стратегии.

Ключевые слова: коммуникативная эффективность, политический дискурс, политическое интервью, стратегия убеждения, аргументативная стратегия, агитационная стратегия, контрастивный анализ.

В современном обществе возрастает значимость политической коммуникации, поэтому возникает вопрос о ее успешности и эффективности. В ряде исследований коммуникативная эф-

фективность принимается в качестве ключевого показателя качества устных выступлений: коммуникативно эффективное выступление эквивалентно хорошему, успешному выступлению.

По мнению К. Е. Калинина, коммуникативная эффективность речи достигается не только за счет ее продуманного построения, композиционного и стилистического оформления или информативности как письменного текста. Ключевым способом обеспечения успеха выступления является воздействие на эмоциональную сторону восприятия адресата, что достигается в ходе презентации перед аудиторией, при этом решающую роль может сыграть множество различных факторов, например, внешний или внутренний контекст. Он использует адресат-ориентированный подход для выявления факторов успеха коммуникативных стратегий. При рассмотрении речевого воздействия в перцептивном ключе в процессе актуализации сообщения его формальный компонент оказывает влияние, главным образом, на эмоциональную сторону восприятия адресата, а содержательный, соответственно, на рациональную. В ситуации убеждения содержательная сторона устного выступления, являясь важным фактором убеждения, может как способствовать, так и препятствовать ассимиляции идей оратора адресатом [2].

Политическое общение имеет цели, которые обуславливают стратегии в политическом дискурсе. Как правило, политик желает:

а) побудить адресата проголосовать на выборах за определенного кандидата, партию, блок, движение и т. п.;

б) завоевать авторитет или укрепить свой имидж, «понравиться народу»;

в) убедить адресата согласиться с говорящим, его мнением, принять его точку зрения (о том, что правительство работает плохо, или что реформы идут успешно);

г) создать определенный эмоциональный настрой, вызвать определенное эмоциональное состояние адресата;

д) дать адресату новые знания, новые представления о предмете речи, информировать адресата о своей позиции по какому-либо вопросу [4].

В связи с этим на первый план выходит стратегия убеждения (авторитарная, манипулирования, доминирования, принуждения). Она встречается во всем жанровом своеобразии политического дискурса, в том числе в политическом интервью. П. Г. Крючкова исследует авторитарные коммуникативные стратегии на двух уровнях. На первом уровне в зависимости от эксплицитного коммуникативного намерения адресанта выделяются следующие

стратегии: 1) **эксплицитная стратегия коммуникативного создания отношений** зависимости будущей деятельности коммуникатора от результатов соответствующей деятельности реципиента, создание коммуникативного впечатления референтности между ними; 2) **стратегия скрытого коммуникативного влияния** на цели реципиента. На втором уровне в соответствии с иллюкутивной целью коммуниканта авторитарные стратегии распределяются на 1) **авторитарное доминирование**, 2) **авторитарное давление** и 3) **авторитарное манипулирование** [3].

О. В. Гайкова анализирует манипулятивные и аргументативные стратегии предвыборного дискурса США [1].

К. Е. Калинин в пределах убеждения выделяет следующие стратегии.

1. **Стратегия презентации: тактика обещания**, пример личного опыта, индукция позитивного эмоционального состояния.

2. **Стратегия призыва: ссылки, аллюзии, реитерации**, уверенная презентация, искренность оратора.

3. **Стратегия самопрезентации: критика, дискредитация оппонентов, реитерации, аллюзии, закрепление позитивного образа**, использование ключевых фраз, параллелизм, рамочная конструкция, эмоциональный призыв.

4. **Стратегия дискредитации оппонента: тактика логической аргументации, демонстрация, подбор информации и ее интерпретация** в необходимом свете, призыв, создание негативного образа, постулирование авторитетного мнения [2].

О. Н. Паршина предлагает разделение стратегии убеждения на аргументативную и агитационную стратегию [4]. Для реализации данных стратегий интервьюируемый (политик) использует определенные вербальные средства.

Аргументативная стратегия

Аргументативная стратегия включает в себя тактику обоснованных оценок, контрастного анализа, иллюстрирования. Мы исключаем тактику указания на перспективу, которая встречается у некоторых лингвистов, так как она в основном выражена в тактике контрастного анализа, а также в пределах агитационной стратегии в тактике обещания. Часто аргументация включает в себя сразу несколько тактик, например, обоснованной оценкой может выступать иллюстрирование, или контрастный анализ. Но тем не менее, в основе раз-

деления тактик лежит ведущее направление в речи политика.

а) Тактика обоснованных оценок

– *But you are not already released the reserves yet?*

– *The reserves, I think, are something that we've got to be very careful about. Typically were used during disruptions. For example, during Hurricane Katrina when refineries just shut down. And what we don't want to do is catch ourselves in a situation, particularly when things are uncertain in the Middle East, where we're using it now and it turns out we need more later [5].*

Политик доказывает и объясняет, почему правительство не может использовать запасы нефти для снижения цен на бензин в стране.

– *Why should Americans reelect you?*

– *...not only have we been able to yank this economy out, to stabilize the financial system and get the economy to grow again, not only have we now produced over 1,8 million jobs... we still have to put more people back to work, we got to bring the deficit down: I think I'm equipped to finish the job [5].*

Уже на синтаксическом уровне можно проследить перечисление аргументов «за», выраженных однородными дополнениями. Эмфатическая конструкция *not only*, по своей функции акцентирующая внимание, усилена повтором. По смыслу высказывание разбито на две логически взаимосвязанные группы аргументов: что политиком было сделано, и что необходимо предпринять в будущем. Фактическая информация (1,8 million jobs) подчеркивает доказательность, убедительность. Обоснованная оценка здесь так же выражена логическим выводом.

б) Тактика контрастивного анализа

Сравнение прошлого и настоящего помогает показать достижения политика за время президентства в следующей реплике.

– *Here's what I think is true. Over the first two years of my presidency, we had a complete disaster. Right? We had a complete crisis. The financial markets were breaking down. We were slipping into a Great Depression. And we had to take a bunch of extraordinary steps in order to make sure that the economy was growing again, which it is now, growing. Making sure that the private sector was creating jobs again. It's now doing that. And now our focus is not on refighting the battle of the last two years... [6]*

В следующем примере показано сравнение времен великой депрессии и кризиса в настоя-

щий момент.

– *People are comparing this to 1932. Is that a valid comparison, do you think?*

– *Well, keep in mind that 1932, 1933 the unemployment rate was 25 percent, inching up to 30 percent. You had a third of the country that was ill housed, ill clothed, unemployed. We're not going through something comparable to that. But I would say that this is as bad as we've seen since then. And if we don't take some significant steps then it could get worse [7].*

в) Тактика иллюстрирования

– *People don't like war, but what they should be angry about is the fact that there's a brutal dictator there that had destroyed lives and put them in mass graves and had torture rooms. Listen! I wish they could have seen the seven men that came to see me in the Oval Office. They had their right hands cut off by Saddam Hussein because the currency had devalued when he was a leader, ok. And guess what happened? And Americans saw the fact that they had their hands cut off and crosses or Xs carved in their forehead. And he flew them to America and they came to my office with a new hand, grateful for the generosity of America and with Saddam Hussein's brutality in their mind [8].*

С помощью данного примера жестокости и беспощадности, политик аргументирует необходимость войны против террористов.

Агитационная стратегия

Агитационная стратегия представлена тактиками обещания и призыва. В отличие от агитационных речей, от предвыборных тезисов, в политическом интервью данная стратегия выражена не так ярко. Мы не часто наблюдаем восклицательные предложения, усилительные прилагательные и наречия. В основном политик использует будущее время, личные местоимения, параллельные синтаксические конструкции.

а) Тактика обещания

В пределах стратегии используются повторы «I will, we will», модальные глаголы, будущее время, утвердительные предложения.

– *Once you become president, are there things that you'll change?*

– *Well, you know I think we still have to see how this thing unfolds over the next couple of months. One area that I'm concerned about, and I've said this publicly, is we have not focused on foreclosures and what's happening to homeowners as much as I would like. We have the tools to do it. We've gotta set up a negotiation between banks and borrowers so that people can stay in*

their homes. **That is gonna have an impact on the economy as a whole. And, you know, one thing I'm determined is that if we don't have a clear focused program for homeowners by the time I take office, we will after I take office** [9].

– Are those things that you plan to take early action on?

– Yes. I have said repeatedly that **I intend to close Guantanamo, and I will follow through on that. I have said repeatedly that America doesn't torture. And I'm gonna make sure that we don't torture. Those are part and parcel of an effort to regain America's moral stature in the world** [9].

Будущее время и модальные глаголы передают запланированное действие, обещание, намерение. На синтаксическом и лексическом уровне повторы усиливают воздействие.

б) Тактика призыва

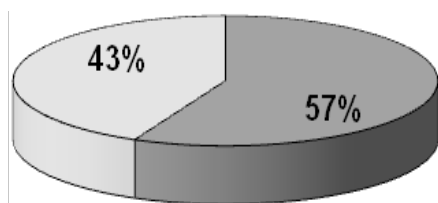
– **We want to eliminate this problem of childhood obesity in a generation. We want to get that done. We want our kids to face a different and more optimistic future in terms of their lifespan** [10].

Несмотря на то, что призыв не выражен напрямую (**let's, I ask**), **параллельные конструкции** придают речи убедительность, местоимение “we” выполняет важную функцию: политик обращается ко всему народу, говорит о себе как об одном из этого народа, а значит, побуждает к единению, к действию, к поддержке.

В следующем примере призыв выглядит особо убедительным на фоне неудовлетворительного (**never make any progress**) положения дел на настоящий момент. Призыв выражен модальным глаголом долженствования **have to**, конструкцией **it's time to**.

– And, as a consequence, we **never make any progress. That has to be broken. Now is the time to break it.**

Таким образом, стратегии убеждения, которые осуществляются политиком с помощью соответствующих тактик, распределены по частоте употребления в Диаграмме 1.

Стратегии убеждения

- Аргументативная стратегия
- Агитационная стратегия

В пределах стратегий убеждения мы видим, что аргументативная стратегия превалирует над стратегией агитационной. Политик в большинстве случаев стремится к логичному обоснованию своей позиции в ходе интервью.

Сложно однозначно определить и описать принципы речевого воздействия в ситуациях убеждения. При рассмотрении устных интервью анализа письменного текста речи бывает недостаточно для понимания причин, вызвавших известный коммуникативный эффект. По мнению К. Е. Калинина, это связано с тем, что письменный текст отражает лишь содержательную сторону произнесенной речи, в то время как эффект убеждения производится благодаря действию формальных средств. Поэтому для оценки требуется максимально полно представить, во-первых, контекст, а во-вторых, аудиовизуальные характеристики, что предполагает привлечение как широкого фактического материала, описывающего событийный контекст, так и аудио- и видеозаписей, способствующих воссозданию изначальных интенций, помогающих сформулировать критерий успешности коммуникативных актов убеждения.

Список литературы

1. Гайкова, О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 211 с.
2. Калинин, К. Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н Новгород, 2009. 187 с.
3. Крючкова, П. Г. Авторитарный дискурс (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2003. 21 с.
4. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань, 2004. 196 с.
5. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=pTemjAtVGU&feature=related>
6. URL: NFL on FOX_ O'Reilly interviews Obama.
7. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=pTemjAtVGU&feature=related>
8. URL: BANNED Pres. Bush Interview 0:52.
9. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=pTemjAtVGU&feature=related>
10. URL: <http://abcnews.go.com/GMA/Health/michelle-obama-childhood-obesity-initiative/story?id=9781473>.

ДИСКУРСИВНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА КОМПАНИИ «КНАУФ»

Рассматривается одно из наиболее эффективных средств управления информационными потоками в коммуникационном менеджменте – PR-дискурс, отражающий деятельность организации и способствующий созданию репутации у общественности, на примере инновационных средств компании «КНАУФ», которые используются для увеличения конкурентоспособности компании на рынке строительных материалов.

Ключевые слова: коммуникационный менеджмент, PR-коммуникация, PR-дискурс, пресс-релиз.

Высокая конкуренция на рынке строительных материалов в России способствовала развитию инновационных средств коммуникационного менеджмента в продвижении данной продукции. Специалисты международных и российских компаний используют не только классические технологии продажи строительных материалов, но и ставят более перспективные задачи, укрепляющие нематериальные активы, в том числе формируют успешную репутацию на конкурентном рынке.

Одной из лидирующих международных компаний, формирующих репутацию на рынке строительных и отделочных материалов в России, является компания «КНАУФ» (Knauf).

Известный российский маркетолог А. П. Панкрухин рассматривает репутацию как общее мнение о достоинствах и недостатках субъекта; совокупность мнений заинтересованных сторон (сотрудников, инвесторов, кредиторов, аналитиков, властей, СМИ и так далее) о достоинствах и недостатках компании, влияющих на принятие решений, касающихся субъекта. Будучи составляющей имиджа, репутация отличается от него тем, что складывается из реальных действий и фактов [8. С. 186]. Корпоративная репутация представляет собой приобретенную компанией общественную оценку ее деятельности и достижений, товаров или услуг, а также общественное представление о достоинствах и недостатках фирмы [7. С. 191]. Репутация организации, в том числе компании «КНАУФ», охватывает и производство, и финансы, и экономику, и инновации, и кадры, и экологию, и отношения с государственными и контролирующими органами, участие в социальных проектах. Все это способствует идентификации и оказанию определенного влияния на мнение о компании у инвесторов и потребителей, повышает ее капитализацию, позволяет

увеличить доход, обеспечивает более сильные позиции при выходе на новые рынки, а также укрепляет доверие и уверенность в надежности организации.

Механизм формирования корпоративной репутации – это довольно сложный и длительный процесс, включающий множество компонентов. Изучением данной проблемы активно занимается коммуникационный менеджмент.

В. Е. Рева считает, что коммуникационный менеджмент представляет собой совокупность накопленных в мировой практике принципов, методов, средств и форм влияния коммуникаторов на содержание потоков информационного взаимодействия людей, их групп, общественных и политических формирований в процессе общения с целью решения тактических и стратегических задач по управлению общественными отношениями [10. С. 25].

Одна из задач коммуникационного менеджмента – управление репутацией, то есть поддержание доброго имени фирмы, коммуникационная реакция на оценку фирмы со стороны потребителя, представление партнеров о фирме, благоприятствующее ее деятельности. Репутацию невозможно сформировать на пустом месте. Компания должна обладать действительно значимыми достижениями и преимуществами. Процесс формирования репутации должен быть непрерывным, системным, комплексным и технологичным, требующим длительного времени и значительных денежных вложений.

В связи с этим, разделяя точку зрения Адреса П. Мюллера и Альфреда Кизера в книге «Организационная коммуникация», мы прослеживаем междисциплинарную связь между менеджментом организации и лингвистикой.

По мнению Т. Н. Персиковой, организационная коммуникация – это составная часть самой организации: «...она по сути дела опре-

деляет и формирует организацию, ее подразделения и функции» [9. С. 82].

Коммуникация является одним из основных элементов организационной культуры. Это акт общения, связь между двумя или более индивидами, с помощью которого происходит обмен информацией между собственно сотрудниками, а также сотрудниками и руководством, а также осуществляются связи с общественностью, способствующие управлению репутации.

Объектом организационной лингвистики мы считаем языковую среду организации, поскольку наличие языковых средств и концептуальных понятий группы является необходимым условием для достижения консенсуса и для обеспечения надлежащей внутригрупповой коммуникации. Предмет изучения – дискурс организации, отражающий ее культуру, процесс взаимодействия и взаимовлияния сотрудников, результатом которого является совместный труд и его осмысление, а также изменение самих участников процесса.

Язык и культура неразрывно связаны, поэтому изучение организационной культуры немислимо без изучения языка, который приобретает в организации следующие функции:

- 1) **структуризация коммуникативного пространства;**
- 2) **формирование и поддержание позитивного имиджа;**
- 3) **паблисити (создание известности) организации;**
- 4) взаимодействие с органами управления;
- 5) взаимосвязь с партнерами (поиск форм сотрудничества; обмен информацией; реализация совместных проектов и программ);
- 6) **работа с клиентами (реальными и потенциальными);**
- 7) **работа с персоналом (командный дух, понимание и поддержка политики руководства)** [12. С. 92].

Именно вербализация позволяет овнешнить те ценности, реалии, идеалы, которые приняты в организации и определяют поведение сотрудников. В отдельно взятой организации система корпоративных ценностей закрепляет правила поведения сотрудников с внешними и внутренними клиентами, определяет фокус внимания при работе и служит средством управления репутации.

Одной из коммуникативных технологий, способствующей управлению коммуникационного менеджмента и реализующейся в организационной лингвистике, является **Public Re-**

lations. Паблисити, или известность, выступая одной из функций организационной лингвистики, представляет собой вид PR-технологии, способствующей формированию, управлению и поддержанию репутации коммуникативными средствами.

PR-коммуникация представляется единой системой управления информацией (в т. ч. социальной), если под управлением понимать процесс создания информационных поводов и информации заинтересованной в ней стороной. PR-коммуникация служит инструментом распространения готовой информационной продукции для целенаправленного формирования желаемого общественного мнения.

С управленческой точки зрения PR-коммуникацию можно рассматривать как подсистему, способствующую развитию и поддержанию взаимоотношений между организацией и окружающей ее средой, а более конкретно – между организацией и различными группами общественности. Сотрудники, которые являются специалистами по связям с общественностью, взаимодействуют с внешней средой, собирают, отбирают, предоставляют информацию руководству организации для проведения дальнейшего анализа и выработки стратегии функционирования. Таким образом, PR-коммуникация действует как механизм связи между компанией и различными внешними группами и лицами, при этом внося вклад в поддержание деятельности других подсистем организации [3. С. 29].

Целью PR-коммуникации, реализуемой через СМИ, является информирование аудитории, рассчитанное на массовость. Одним из средств PR-коммуникации является PR-дискурс, который представляет собой единую знаковую систему, изучающую комплекс высказываний, выполняющих определенные прагматические, социокультурные, психологические коммуникативные задачи посредством целенаправленного социального действия в рамках взаимодействия индивидуумов, оказывающих влияние на формирование когнитивных процессов социума [6. С. 385].

Основными властно-стратегическими целями **PR-дискурса** выступают **доверие, лояльность, благоприятный имидж и репутация**. Иначе говоря, в основе коммуникативно-управленческой функции **PR-дискурса** лежит социальная стратегия, формирующая и транслирующая социальные блага, скрепляющие связи организации с общественностью.

С семиотической точки зрения PR-дискурс – это динамически активная знаковая система, формирующая единое смысловое поле в коммуникативном пространстве между организацией и группами общественности. В ходе конструирования данного смыслового поля посредством PR-дискурса задаются определенные матрицы ценностных ориентаций, значений слов и образов, складываются мифологемы и ритуалы. PR-дискурс формирует смысловые поля социальной коммуникации и участвует в настройке ментальных структур общественных групп в соответствии с поставленными стратегическими целями.

Для проведения грамотного дискурс-анализа PR-коммуникаций необходимо первоначально осуществить структурно-коммуникативный анализ как PR-дискурса вообще, так и его конкретных воплощений. Иначе говоря, следует обратиться к вопросу об основном структурно-коммуникативном компоненте PR-дискурса, которым является PR-текст.

Под PR-текстом понимается вербальный текст (то есть состоящий из языковых единиц):

- функционирующий в пространстве публичных коммуникаций;
- инициированный базисным субъектом PR;
- направленный одной из групп целевой общественности;
- содержащий PR-информацию;
- распространяемый при непосредственном устном контакте с представителями группы целевой общественности либо через СМИ, посредством прямой или личной доставки;
- обладающий скрытым или мнимым авторством [5. С. 199].

Пресс-релиз традиционно считается наиболее распространенной формой PR-текста, простым и эффективным средством передачи точной и оперативной информации о базисном субъекте PR, а также установления контактов с общественностью. Пресс-релиз определяется как сообщение, подготовленное специалистами службы PR, содержащее важную или полезную информацию для широкой аудитории или как небольшой, предназначенный для прессы организационный документ, содержащий актуальное сообщение [4. С. 124].

Все выше перечисленные лингвистические средства активно используются международной компанией «КНАУФ» на российском рынке, что позволяет наиболее эффективно создавать и управлять репутацией. PR-дискурс

компании обеспечивает эффективный диалог между организацией и ее целевыми аудиториями, формируя и поддерживая репутацию организации.

Пресс-релизы компания «КНАУФ» предназначены для информирования прессы (журналистов) и создания оптимальной коммуникационной среды между организацией и общественностью. С помощью пресс-релиз компания сообщает о произошедших событиях, о новых достижениях и успехах, например, «*группа КНАУФ в России добилась в 2012 г. двузначных показателей роста продаж*».

Все пресс-релизы компании «КНАУФ» можно разделить на четыре группы:

- события (дни рождения, награждения и пр.) – «*группа КНАУФ отметила 20-летие работы в России*», «*Менеджеры КНАУФ в ТОПе рейтинга 1000 российских менеджеров*»;
- новинки – «*В России началось производство плит КНАУФ-Акустика с рассеянной перфорацией*»;
- объекты, выполненные строительными материалами КНАУФ – «*Крупнейший выставочный центр Петербурга утеплен пенополистиролом KNAUF Therm Roof*», «*Строительные отделочные материалы КНАУФ на Олимпийских стройках*»;
- социальные проекты – «*КНАУФ поддерживает «Санкт-Петербургскую Лигу жизненной помощи людям с проблемами развития*», «*Группа КНАУФ СНГ стала партнером Четвертого международного фестиваля инновационных технологий в архитектуре и строительстве «Зеленый проект*»».

Данные группы пресс-релизов компании «КНАУФ» представляют собой наиболее распространенную форму передачи информации прессы, а разнообразная тематика способствует всестороннему освещению деятельности организации, создавая благотворный информационный климат и положительный контекст. Все вышеперечисленное позволяет нам сделать вывод, что компания, заботясь о своей репутации, контролирует информационные материалы и отслеживает реакцию на них общественности.

Таким образом, одним из эффективных лингвистических средств коммуникационного менеджмента компании «КНАУФ», формирующих и поддерживающих репутацию для СМИ и целевой общественности, является PR-дискурс, а его наиболее распространенной формой представлен пресс-релиз.

Список литературы

1. Горин, С. В. **Деловая репутация организации**. Ростов н/Д., 2006. 252 с.
2. Даулинг, Г. Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности. М., 2003. 368 с.
3. Королько, В. Г. **Основы публичных рилейшнз**. М., 2000. 528 с.
4. Кривоносов, А. Д. **PR-текст в системе публичных коммуникаций**. 2-е изд., доп. СПб., 2002. 288 с.
5. Кривоносов, А. Д. **Основы теории связей с общественностью** / А. Д. Кривоносов, О. Г. Филатова, М. А. Шишкина. СПб., 2010. 384 с.
6. Оломская, Н. Н. Соотношение понятий «медиадискурс» и «PR-дискурс». Краснодар, 2012. 419 с.
7. Орлов, А. С. **Введение в коммуникационный менеджмент**. М., 2005. 197 с.
8. Панкрухин, А. П. **Маркетинг : большой толковый словарь**. М., 2008. 261 с.
9. Персикова, Т. Н. **Межкультурная коммуникация и корпоративная культура : учеб. пособие**. М., 2002. 224 с.
10. Рева, В. Е. **Коммуникационный менеджмент**. Пенза, 2003. 38 с.
11. Русакова, О. Ф. **PR-Дискурс : теор.-методол. анализ** Екатеринбург, 2008. 340 с.
12. Харченко, Е. В. «**Организационная лингвистика**»: миф или реальность? / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 17 (155). **Филология. Искусствоведение**. Вып. 32. С. 90–94.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 102–106.

Л. А. Шкатова, Е. В. Харченко

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И ПРИЕМЫ ОБОЛЬЩЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ (на примере дискурса почтовых отправок коммерческих организаций)

Рассматриваются языковые средства и приемы воздействия на российского потребителя. Материалом для исследования послужили письма от коммерческих организаций, торгующих товарами по почте. В результате анализа были выявлены языковые средства, влияющие на выбор клиента: параграфемные средства, имитация документов, использование элементов официального-делового стиля, интимизация и другие.

Ключевые слова: *теория языка, организационная лингвистика, дискурс коммерческих организаций, речевое воздействие, языковые средства и приемы.*

Последние годы россияне страдают от активности мошенников, навязывающих покупку по почте залежавшихся товаров с помощью приманки – обещания крупной денежной выплаты. Эта деятельность широко распространена на Западе, а в США почтовое мошенничество является очень распространенным правонарушением.

Нами проанализировано более двухсот писем, посланных одному потенциальному клиенту (назовем его Иван Иванович Иванов) в 2013 г. следующими адресантами: ЗАО «ДМСР», «Здоровье и комфорт», «Книжный салон», «Наш дом», «Пост шоп», «Русьбюти», – чтобы выявить языковые средства и приемы вовлечения потенциальных клиентов в

процесс бесконечного приобретения товаров, предлагаемых указанными фирмами в ходе переписки с адресатами, якобы во имя получения покупателями в будущем солидной денежной выгоды.

Цель инициаторов переписки понятна: прельстить как можно больше покупателей с помощью обольщения их предполагаемой большой денежной выплатой. Тактики определяются отношением к партнеру по общению как к средству, объекту, орудию достижения своих коммерческих целей и являются манипулятивными. Под манипуляцией обычно понимается один из видов психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша. Для нее характерно от-

ношение к партнеру по взаимодействию как к «вещи особого рода», игнорирование его интересов и намерений. Воздействие это скрытое, с опорой на автоматизмы и стереотипы, когда один человек стремится уподобить чувства или действия другого своим планам, замыслам, желаниям, чувствам или действиям¹. Манипуляция подразумевает навязывание субъектом послания своей воли адресату в форме скрытого воздействия. Жертва манипуляции, как правило, не осознает самого факта оказанного на нее влияния: «Это вид психологического воздействия, используемого для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий»².

Какие же приемы и средства используют почтовые коммерсанты для обольщения обывателей? Один из приемов – красочное оформление «писем счастья». Манипулятивный потенциал параграфемных средств заключается в том, что графически выделенный элемент текста прочитывается первым и влияет на восприятие оставшейся части публикации. Шрифтовые и цветовые выделения позволяют дезориентировать адресата в пространстве материала, а также программировать читательское восприятие информации, сообщаемой прямо на конверте. Российским почтовым отправлениям они не свойственны: вербальной информацией являются лишь адреса отправителя и получателя, оборот же конверта остается незаполненным. Анализируемые письма обращают на себя внимание тем, что их конверты содержат сообщения, которые могут привлечь внимание не только получателя, но и сыграть роль рекламы. Вербальные и невербальные средства манипулирования эффективно используются в заголовочном комплексе конвертов и на межтекстовом уровне, в результате чего воздействие на адресата осуществляется даже при беглом знакомстве с письмом.

В этом плане показателен креолизованный текст на конверте ООО «Почта Сервис» от 21.11.13, который содержит фотографию сейфа и сообщение белыми буквами на красном фоне со стрелкой-указателем: **В ЭТОМ СЕЙФЕ ЛЕЖАТ ВАШИ ДЕНЬГИ! ОТКРОЙТЕ СЕЙФ И УБЕДИТЕСЬ САМИ** (см. шифр доступа внутри конверта).

На обороте конверта помещен следующий текст: **Внимание! В целях конфиденциальности сумма Главного приза не разглашается. Право вскрыть конверт и узнать размер вы-**

платы принадлежит только получателю данного конверта. [КОНФИДЕНЦИАЛЬНО] Вы тот, чье имя указано в адресном окне? Поздравляем! Вы – единственный получатель шифра доступа к сейфу, в котором лежат Ваши деньги! (Текст на белом фоне выделен красным). **Для Вашей же безопасности мы не указываем на конверте сумму, которая Вам полагается!**

К параграфемным средствам относится и использование, вопреки правилам русской орфографии, заглавных букв в словах, включающих семантическое ядро «деньги»:

М.Ф.Д.В. Центральное агентство

Президент Комиссии Е. Стоун

Уважаемый клиент, Резолюция ответственного лица

Документ, подтверждающий Окончательную Выплату, напечатанный на Ваше имя, официально свидетельствует, что Ваш Выигрышный Счет получил положительный остаток и что мы должны приступить к Денежному Переводу Эксклюзивно на Ваше имя! (Фирма «ДМСР»).

Сами письма представляют собой «эпатажный», по классификации Е. А. Репиной, то есть вызывающий, текст, который нацелен на то, чтобы вызвать желаемую реакцию³. Лексико-семантический, стилистический и синтаксический анализ текстового пространства коммерческого дискурса позволяет обнаружить заданные автором структуры, направляющие эмоциональную реакцию индивида при его восприятии:

Среди 650 000 клиентов каталога со всей России именно Вы, *Иванов Иван Иванович*, были выбраны Главным победителем Специальной акции «ТВ-2013», и в качестве награды за победу Вы получаете Главный приз – 2 000 000 рублей! Торжественная церемония награждения и вручения Вам 2 000 000 рублей пройдет 13.12.2013 на одном из центральных каналов ТВ.

Иван Иванович, Вас покажут по телевидению!

Иван Иванович, Вы прославитесь на всю страну!

Иван Иванович, Ваш триумф будет незабываемым!

(ООО «Русбьюти»)

Эмоциональная насыщенность, претенциозность, красочность, динамичность отличают данный текст как в плане лексики, так и в плане синтаксиса и стиля. Он представляет собой не

«унылые» рассуждения о том, что и как нужно делать, а чисто театральное, художественное, динамичное описание. К тому же для создания иллюзии достоверности послания может использоваться прием персонализации:

Дорогой Иван Иванович! У меня для Вас есть две очень срочные и важные новости!... Эти деньги уже Ваши! Не правда ли, это замечательно?

Я сразу хочу отметить, что такие преданные нашему каталогу клиенты, каким, безусловно, уже 23 месяца являетесь Вы, не могут остаться без выигрыша.

Поэтому я всегда стараюсь лично награждать наших лучших клиентов, с которыми мы интенсивно и долговременно сотрудничаем!

С наилучшими пожеланиями и самыми искренними извинениями, Валерий Александрович Синицин, директор каталога «Лучшие товары со всего света».

Обращает на себя внимание и лексика, используемая для привлечения потенциального покупателя. Обширный текст содержит, например, конверт фирмы «Наш дом», присланный 08.10.13: ПОЧЕТНЫЙ СПИСОК ПОБЕДИТЕЛЕЙ. ВАЖНОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ СООБЩЕНИЕ. Письмо высокой степени важности – обязательно вручить победителю, чье имя указано на обороте. Лексемы почетный, победителей, высокой степени важности призваны повысить социальный статус адресата в его собственных глазах и у тех, кто имеет доступ к письму.

Внутри конверта может оказаться и привлекательная картинка «Так выглядят 1 700 000 рублей», и риторический вопрос: «1 700 000 рублей. Вы решили, что будете делать?» с заманчивыми предложениями: Купите машину. Постройте дачу. Инвестируете в образование. Положите в банк под проценты – и соблазнительными фотографиями (Каталог «Лучшие товары со всего света»). Однако на внутренней стороне конверта может оказаться очень мелким шрифтом написанный текст, в котором указываются, например, Условия проведения маркетинговой акции, ограничивающие права сделавшего заказ.

Значимыми являются слова и словосочетания, определяющие сокращение времени для принятия решения: Скорее откройте конверт!!!

Ваша личная привилегия – Вы получите 1 800 000 рублей буквально через 48 часов. ОТКРЫТЬ НЕМЕДЛЕННО! ВРЕМЯ НЕ ТЕРПИТ! Время пошло! Момент получения

1 800 000 рублей неумолимо приближается! Вы готовы взять в руки 1 800 000 рублей? («Здоровье и комфорт»)

Последнее напоминание! (ЗАО «ДМСР»)

ОЧЕНЬ СРОЧНО! Я жду с нетерпением Вашего ответа! («ПОСТ ШОП»).

Иван Иванович, поторопитесь: У Вас осталось совсем немного времени, чтобы успеть вовремя ответить и 17 декабря получить 1 800 000 рублей! (ООО «Русбьюти»).

Лексика официально-делового стиля и имитация документов призваны придать «посланиям» весомость и достоверность:

Важное административное сообщение: Вы официально признаны Главным победителем и получателем 1 700 000 рублей (цифры выделены желтым), а Ваше имя внесено в Почетный список Главных победителей!

Прочитано и одобрено!

(подпись) Михаил Сергунин, финансовый контролер «НА ДОМ»

(«Наш дом»)

ОФИЦИАЛЬНОЕ БАНКОВСКОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

СРОК ДЛЯ ОТВЕТА – 3 ДНЯ

(«Книжный салон»)

ОФИЦИАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

(ООО «Русбьюти»).

Каталог «Лучшие товары со всего света» присылает Административный документ, который оказывается Страховым сертификатом «Официальная гарантия выплаты», который гарантирует выплату 1 800 000 рублей. Правда, вверху «документа» мелкими буквами написано: в случае признания вас главным победителем мы можем сообщить следующее.

Каталог «Здоровье и комфорт» высылает УВЕДОМЛЕНИЕ О ВРУЧЕНИИ 1 700 000 рублей и Персональный Выигрышный Сертификат, которые будут действовать ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ РЯДА УСЛОВИЙ.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет смешение атрибутов официально-делового стиля (включая и визуальные элементы: подписи, печати, название отделов организации и должностей пишущих) и элементов глубоко личного взаимодействия, использование которых мы назвали интимизацией.

Согласно словарям иностранных слов, интимный (фр. intime от лат. intimus *самый глубокий, внутренний*) – глубоко личный, сокровенный; душевный. Под интимизацией мы понимаем использование в деловой сфере речевых стратегий (оборотов) и тем, свойственных

сугубо личному взаимодействию, общению с близкими людьми.

Интимизация взаимодействия основывается на архетипах русской культуры, носители которой предпочитают доверительное межличностное общение, о чем свидетельствует сохранившаяся система связей, поиски через знакомых «своего» специалиста, предпочтении неофициальных отношений официальным даже в деловой сфере⁴. Мы считаем, что именно это сочетание вызывает эффект фасцинации, то есть особого восприятия получаемой информации или «обольщения», поскольку большинство россиян привыкли доверять официальным организациям и близким.

Имитация деятельности организации создается благодаря перечислению должностей: директор, финансовый директор; названий документов и использования лексики официально-делового стиля: *я, нижеподписавшийся Джеймс Мортен, занимающий пост финансового директора, подтверждаю, что баланс счета настоящего Бенефициария стал положительным..., Соблюдайте Упрощенную Административную Процедуру, чтобы получить Ваш Трансфер в течение 72 часов и воспользоваться всеми привилегиями, которые Вам предлагает «Контракт Первого Класса»..., Вам необходимо прочитать Административный документ... процедура выплаты 1 800 000 рублей может быть осуществлена только после получения Вашего Запроса выплаты.* Можно встретить и имитацию деловых бумаг, например, распоряжения, в котором формально присутствуют все необходимые реквизиты и даже есть резолюция, сделанная вручную синими чернилами и подпись. Содержание этого распоряжения, адресованного начальнику Службы вручения призов *Анне Павловой от директора каталога «Лучшие товары со всего света» Валерия Синицина*, также поддерживает официальную тональность: *«Прошу Вас проконтролировать отправку специального подарка стоимостью 100 000 рублей утвержденному победителю в благодарность за заказ на сумму от 1 099 рублей. Отправку разрешаю сразу после получения ответа от победителя. В случае если ответ не поступит в течение 10 дней, прошу разобрать посылку и ждать моих дальнейших распоряжений».* Все это создает ощущение работы серьезной организации, что должно усилить воздействие на адресата за счет повышения доверия.

Интимизация достигается вследствие использования местоимения Я: *«Уважаемый Иван Иванович! Я пишу Вам от чистого сердца и надеюсь, что мое письмо поможет Вам сделать правильный выбор!»; «Я даже не сомневаюсь, что Вы прямо сегодня отправите нам все необходимые документы. Совсем скоро конверт с Вашим ответом будет лежать у меня на столе, я наберу Ваш номер телефона и скажу Вам: «Да, Иван Иванович, Вы можете прямо сейчас идти в банк и снять 1 800 000 рублей с вашего расчетного счета!»; проявления заботы: «Мы настоятельно просим Вас подойти со всей ответственностью к письму, которое Вы держите в руках, так как оно действительно представляет ценность для Вас по двум причинам...»; обращения как к другу: «Дорогой Иван Иванович! Если бы Вы только знали, как я рад сообщить Вам эту приятную новость!»; «Иван Иванович, отправив Вам это письмо, я нарушил одно из главных правил проведения акций: я уведомил Вас заранее о Вашей победе, чего не имел права делать. Но я очень хочу, чтобы у Вас сложилось, так как за Вашей клиентской историей я слежу с первого Вашего заказа и не могу не отметить Ваш интерес к нам. А это очень важно для меня как для директора по проведению маркетинговых акций».* Все это создает ощущение личного участия и заинтересованности в благополучии получателя письма.

Дискурс-анализ показывает также, что целью переписки может стать стремление вызвать тревогу и беспокойство: **ВНИМАНИЕ! КТО-ТО ОПЕРЕДИЛ ВАС!**⁵. В таком случае адресат выступает спасителем: *Но ситуацию еще можно исправить! В конверте – важная информация о том, как исправить сложившуюся ситуацию и получить заслуженные Вами 2 500 000 рублей!*

Таким образом, оформление и содержание почтовых отправлений в дискурсе российских торговцев направлено на то, чтобы манипулировать сознанием потребителей, используя особые приемы воздействия и возможности отечественного языка.

Примечания

¹ См.: Стратегии и тактики влияния и манипулирования [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com>.

² См.: Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 2000. С. 86.

³ См.: Репина, Е. А. *Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат*. М., 2012.

⁴ См.: Харченко, Е. В. *Интимизация взаимодействия в деловой сфере // Языковое сознание:*

парадигмы исследования. М. ; Калуга, 2007. С. 332.

⁵ «Здоровье и комфорт», конверт от 14.10.13.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 106–110.

В. В. Юркевич

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВИДЫ ДИСКУРСА: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Приводится краткий сравнительный анализ политического и художественного дискурсов. Определяются собственно политический и художественный дискурсы, выделяются их основополагающие функции. Проводится сопоставительный анализ характеристик обоих видов дискурса.

Ключевые слова: *политический дискурс, художественный дискурс.*

В настоящее время политика стремительно входит в жизнь каждого человека, проникая во все сферы его жизни. Все чаще политический дискурс включается в художественный, и ряд ученых начинает говорить о появлении политического художественного дискурса¹.

Учитывая возникающую тесную взаимосвязь между двумя дискурсами, мы считаем целесообразным рассмотреть оба типа дискурсов, остановившись подробнее на точках соприкосновения и основных различиях политического и художественного дискурсов.

Мы полагаем, что решение данного вопроса следует начинать непосредственно с определения понятия «дискурс». На данный момент не существует единого, общепринятого определения данного термина. Дискурс принято рассматривать как междисциплинарную категорию, поэтому в целях данного исследования будем исходить из понятия «дискурс», принятого в литературоведении.

В литературоведческом аспекте понятие «дискурс» рассматривали зарубежные ученые М. Фуко, Ц. Тодоров, Р. Барт, а также отечественные – Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, В. И. Тюпа, Ю. Руднев и др.

В целях данного исследования мы будем придерживаться подхода, разделяемого В. Е. Чернявской, которая отмечает, что «дискурс» описывает способ говорения, то есть нас интересует не дискурс в целом, а его отдельные, конкретные разновидности. Таким образом, на

передний план выходит стилистическая специфика текстов. По мнению В. Е. Чернявской, к дискурсу следует относить совокупность текстов, объединенных одной темой. Ю. С. Степанов уточняет, что дискурс выражает, передает особую ментальность², детерминированную коммуникативными установками автора, в то время как ряд лингвистов называет дискурс «речью, погруженной в жизнь»³. И, следовательно, анализ дискурса позволяет увидеть за текстом (дискурсом) фрагмент ментального мира и воспроизвести его особенности⁴. Таким образом, лингвистическое выражение определенного вида дискурса соотносится с картиной мира отправителя текста.

Согласно мнению В. З. Демьянкова, во время интерпретации дискурса «реконструируется» мысленный мир, в котором описываются реальные и нереальные события, даются характеристики действующих лиц, событий, а также домысливаемые интерпретатором детали и оценки⁵. В теории литературы понятие дискурса охватывает как лингвистические модели дискурса, так и его идеологические, политические, философские аспекты.⁶

Начнем с рассмотрения понятия политического дискурса. Исследованию политического дискурса посвящены работы таких российских ученых, как Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, Э. В. Будаев и др.

С политическим дискурсом мы сталкиваемся практически ежедневно, ведь чем более от-

крыто и демократично общество, тем больше внимания в нем уделяется языку политики.

В. А. Маслова отмечает, что в лингвистической литературе термин «политический дискурс» употребляется в двух смыслах: узком и широком. В широком смысле он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс – это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти⁷.

Иной подход к определению политического дискурса предлагает **А. И. Соловьев**. Не разделяя понятие политического дискурса на узкий и широкий смыслы, он делает акцент на социальности политического дискурса, в качестве критерия которого выступает «“ответ” реципиента, то есть появление “вторичной информации”, вызванной к жизни посланием коммуникатора и устанавливающей осмысленный контакт между ним и реципиентом». Таким образом, политическую коммуникацию можно идентифицировать как «форму общения, установленную на основе направленной передачи информации, породившей осмысленный ответ реципиента на вызов коммуникатора»⁸.

Тем не менее, недостатком этого определения, на наш взгляд, является отсутствие указания на манипуляцию общественным сознанием как основную функцию политической коммуникации.

По мнению **В. Белл**, политический дискурс можно рассматривать, по меньшей мере, с четырех точек зрения:

1) собственно политологической – на основании интерпретации текста с этой точки зрения приходят к выводам политологического характера;

2) чисто филологической – с этой точки зрения может рассматриваться любой текст, но, когда мы говорим о филологической интерпретации политического дискурса, исследователь опирается на идеологические и политические концепции мира интерпретатора;

3) социопсихолингвистической – данная точка зрения применяется для измерения явных и скрытых политических целей адресата;

4) индивидуально-герменевтической – используется для выявления личностных смыслов автора и интерпретатора политического дискурса при различных обстоятельствах. Та-

ким образом, **Белл** делает вывод, что исследование политического дискурса находится на стыке нескольких дисциплин⁹.

Одной из таких дисциплин является политологическая филология. Она рассматривает политические факты через призму языковых особенностей поведения собеседников, а также интерпретацию их речи. В свою очередь политическая филология подразделяется на два вида.

1. Политологическое литературоведение изучает политический дискурс с помощью литературоведческого инструментария (макроуровень).

2. Политологическая лингвистика – изучение микроуровня: синтаксиса, семантики и прагматики политических текстов¹⁰. И главным инструментом исследования для обеих ветвей политологической филологии является интерпретация текста.

Если говорить о дискурсе художественного текста, то под художественным текстом принято понимать фиктивное изображение реальной действительности, созданное автором, в котором четко отображается авторское мировоззрение и мироощущение, его фоновые знания и опыт¹¹.

В свою очередь художественный дискурс понимается как совокупность художественных произведений (текстов), созданных в результате взаимодействия целей и намерений автора, разнообразия возможных реакций читателя, а также текста, выводящего художественное произведение в пространство семиосферы (под семиосферой **Н. С. Олизько** понимает совокупность используемых человеком знаковых систем: текст, язык и культуру в целом)¹².

По мнению **Т. А. ван Дейка**, художественные тексты не следует рассматривать как определенный набор нескольких дискурсов, которые отличаются лишь своими лингвистическими характеристиками¹³. **Т. А. ван Дейк** отмечает, что современные художественные произведения мало отличаются либо вообще не отличаются от других дискурсов по своим семантическим и грамматическим признакам. В связи с этим исследователь предлагает обращаться к прагматическим функциям художественного дискурса. Он понимает художественный дискурс как коммуникативный акт, чьей основной характеристикой является стремление писателя при помощи своего произведения воздействовать на внутреннее, духовное пространство читателя, на его систему

ценностей, верования и стремления с тем, чтобы изменить их¹⁴.

С этой точкой зрения соглашается и Н. Л. Галеева, которая отмечает, что художественный текст пробуждает в читателе рефлексию, которая фиксируется в виде неких духовных сущностей (смыслы, идеи), которые могут также обогатить духовный мир, духовное пространство читателя. Под духовным пространством исследователь понимает совокупность смыслов, идей, чувств, ценностей, веры, знаний, а также общекультурных феноменов¹⁵.

Рассмотрев вкратце понятие политического и художественного дискурсов, перейдем к их сравнительной характеристике.

К самым кардинальным различиям между политическим и художественным видами дискурса, несомненно, можно отнести различия в их функциях.

Известно, что основополагающей функцией художественного дискурса является эстетическая, основная же функция политического дискурса исходит из его главной цели, состоящей в «борьбе за власть», овладении ею, ее сохранении, реализации, стабилизации и перераспределении, а также убеждении аудитории в «правильности» представленной автором картины мира. Таким образом, основополагающей функцией политического дискурса является функция манипуляции общественным сознанием¹⁶.

Согласимся с мнением Т. В. Гуляевой, которая отмечает, что средства, используемые в художественных и политических текстах, также серьезно различаются: в то время как художественный текст «креативен», политический текст основан, скорее, на стереотипах (языковых и ментальных)¹⁷.

Рассмотрим политический и художественный виды дискурсов с точки зрения анализа художественной литературы.

Вслед за Т. В. Гуляевой мы полагаем, что основными понятиями при литературном анализе данных видов дискурса будут три: дискурсивное пространство, нарратив и идентификация.

В качестве дискурсивного пространства выступает модель мира с ее собственными законами времени, представлениями о прошлом и будущем и так далее.¹⁸

Если применить данное понятие по очереди к политическому и художественному дискурсу, складывается следующая картина:

В художественном дискурсе, как полагает В. В. Зверева, представляется не объективное

отражение реальной действительности, а изображение, в основе которого лежит авторская интерпретация и требования формата¹⁹. В то же время в политическом дискурсе, по мнению Т. В. Гуляевой, для анализа дискурса абсолютно не важно соблюдение объективности, честности, правдоподобности и т. п. Эти параметры, как отмечает исследователь, выносятся за рамки анализа, а целью же анализа становится воссоздание ментального мира, возникающего в данном дискурсе.

Для художественного произведения характерен нарратив – повествование, за счет которого строится сюжет произведения. В свою очередь, сюжет не мыслится без конфликта, напряженности. А это является также и отличительной чертой политического дискурса. Задача автора политического текста – захватить и удержать внимание аудитории – решается с помощью представления информации в форме повествования²⁰.

Тем не менее, А. П. Чудинов отмечает, что (в отличие от нарратива художественного дискурса) нарратив политического дискурса характеризуется широким использованием стереотипов, выражающихся в таких оппозициях, как «свет-тьма», «правда-ложь», «добро-зло» и так далее. Чаще всего объектом подобной стереотипизации становятся группы (люди, явления, политические направления и т. п.), которые воспринимаются как «свои» и «чужие»²¹.

И это несмотря на использование принципа политкорректности в политическом дискурсе. На деле политкорректность реализуется лишь на вербальном уровне, в то время как глубинная структура текста основывается на архетипических бинарных оппозициях.

Несмотря на то, что, по мнению Т. В. Гуляевой, стереотипность политического дискурса отличает его от дискурса художественного текста²², причины такого широкого использования стереотипов объединяют два вида дискурса:

Художественное произведение не мыслится без напряженного динамичного сюжета, поскольку в противном случае оно бы не смогло привлечь внимание публики. То же характерно и для политического дискурса, для которого нужна интрига. Соответственно, автор политического текста стремится организовать свой дискурс таким образом, чтобы он представлял из себя захватывающий сюжет, в развитии которого аудитория принимает активное участие.

Участие аудитории также является фактором, сближающим два вида дискурса.

Т. В. Гуляева говорит о тенденции к идентификации, характерной для художественного и политического дискурсов²³.

По мнению Е. И. Ляпушкиной, по мере восприятия художественного текста читатель перестает ощущать дистанцию между собой и текстом, воспринимая мир художественный как мир реальный, и может даже начать отождествлять себя с героями художественного произведения²⁴.

Для политического дискурса также характерна идентификация, но с некоторым отличием: если в художественном дискурсе читатель сам погружается в мир художественного произведения, в политическом дискурсе все происходит наоборот: автор стремится построить текст таким образом, чтобы возник общий для него и реципиентов «ментальный мир», который реципиенты рассматривают как свой собственный. Данная особенность политического дискурса исходит из его основной функции – манипуляции общественным сознанием. Согласно мнению Е. Л. Доценко, манипуляция предполагает скрытое внедрение в психику реципиента не совпадающего с ней ментального мира отправителя текста с целью побуждения адресата к выбранным манипулятором действиям²⁵. В результате чего адресант «навязывает» свой ментальный мир реципиенту.

Е. Ю. Глотова отмечает, что для художественного текста характерно наличие не только прямой, но и неявной информации, распознавание и осознание которой зависит от фоновых знаний и способностей адресанта¹.

Наличие скрытой информации характерно и для политических текстов. Часто чтобы звучать «объективно», добиваться необходимого эмоционального состояния адресата, отправители сообщений меняют эксплицитные формы выражения оценки на имплицитные, прямые средства воздействия – на косвенные, тем самым воздействуя на общественность сильнее, чем те политики, которые предпочитают использовать привычные прямые формы выражения своих оценок²⁶.

Кроме того, по мнению Т. В. Гуляевой, одна из основных общих черт политического и художественного дискурсов состоит в том, что они оба отражают картину мира, индивидуальную для автора текста. Она отмечает, что дискурсивное пространство образуется в воображении его создателя, при этом реальная действительность отражается в нем лишь косвенно²⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на очевидные различия, есть немало черт, объединяющих политический и художественный виды дискурса, среди которых основными являются представление не реальной, а субъективной картины мира, детерминированной внутренним миром и целями автора текста, нарратив как средство «захвата» и сохранения внимания аудитории, тенденция к идентификации.

Выделение общих черт двух видов дискурса в дальнейшем будет способствовать изучению такого зарождающегося явления, как политический художественный дискурс.

Примечания

¹ См.: Глотова, Е. Ю. Художественный политический дискурс и критерии его выделения. СПб., 2008. С. 154–158.

² См.: Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX в. М., 1995. С. 38–43.

³ См.: Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. М., 2006.

⁴ См.: Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. М., 2000. С. 16.

⁵ См.: Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. С. 33.

⁶ См.: Кенжегараев, Н. Д. Особенности дискурсивного анализа художественного текста // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 228–231.

⁷ См.: Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? Екатеринбург, 2008. С. 43–48.

⁸ См.: Соловьев, А. И. Политология: политическая теория, полит. технологии. М., 2006.

⁹ См.: Bell, V. Negotiation in the workplace: The view from a political linguist // The discourse of negotiation : Studies of language in the workplace. Oxford, 1995. P. 46

¹⁰ См.: Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии... С. 35.

¹¹ См.: Гафарова, А. С. Художественный текст vs художественный дискурс. Тверь, 2012.

¹² См.: Олизько, Н. С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста. Челябинск, 2011. С. 164–166.

- ¹³ См.: Dijk, T. A. van. *Studies in The Pragmatics of Discourse* // *Janua linguarum. Series Maior*; 101. Hague–Paris–N.-Y., 1981. P. 247.
- ¹⁴ Там же ; См.: Dijk, T. A. van *Cognitive Processing of Literature Discourse* // *Poetics Today*. 1979. Vol. 1, № 1–2. P. 151.
- ¹⁵ См.: Галеева, Н. Д. *Параметры художественного текста и перевод*. Тверь, 1999. С. 8–9.
- ¹⁶ Михалёва, О. Л. *Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия*. Иркутск, 2005. С. 40–41 ; См.: Чудинов, А. П. *Политическая лингвистика*. М., 2008. С. 7–8.
- ¹⁷ См.: Гуляева, Т. В. *Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения*. Пермь, 2009. С. 36.
- ¹⁸ Там же. С. 36–37.
- ¹⁹ См.: Зверева, В. В. *Репрезентация и реальность* [Электронный ресурс] // *Отечеств. зап.* 2003. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2003/4>.
- ²⁰ См.: Гуляева, Т. В. *Политический и художественный дискурс...* С. 37.
- ²¹ См.: Чудинов, А. П. *Политическая лингвистика*. М., 2008. С. 70–71.
- ²² См.: Гуляева, Т. В. *Политический и художественный дискурс...* С. 38.
- ²³ Там же. С. 39.
- ²⁴ См.: Ляпушкина, Е. И. *Введение в литературную герменевтику*. СПб., 2002. С. 71.
- ²⁵ См.: Доценко, Е. Л. *Психология манипуляций*. М., 1996. С. 60.
- ²⁶ См.: Пильгун, М. А.. *Речевые особенности политической коммуникации*. Казань, 2010. С. 237–238 ; См.: Dent, Susie. *The Language Report*. Oxford, 2003. P. 38–41.

КОГНИТОЛОГИЯ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА XXI ВЕКА

С. В. Балакин

КОГНИТИВНЫЙ СИНКРЕТИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ (на примере терминов железнодорожного транспорта)

Рассматриваются когнитивные основы формирования терминологии железнодорожного транспорта. В качестве метода анализа был выбран пропозициональный подход, который лучше всего показывает те элементы концептуальных характеристик, которые задействуются при терминологическом образовании. Как показало исследование, основными концептуальными характеристиками, лежащими в основе формирования терминов, являются объект, предикат и различного рода сир-константы, которые имеют онтологическое свойство и носят универсальный характер.

Ключевые слова: *термин, концептуальная деривация, концепт, пропозиция, объект, предикат, синкретизм.*

На современном этапе своего развития лингвистическая наука приобрела отчетливую тенденцию к изучению познавательных процессов, вербализующихся в языке, к изучению ментальных структур, стоящих за языковыми структурами на фоне общих системных установок науки на антропоцентризм, эксплаторность и экспансионизм¹. Многообразие исследований когнитивных свойств языка на сегодняшний день привело к формированию аксиом, на основе которых когнитивная наука прочно укоренилась и переродилась в целое направление. Исследователь пытается выяснить, какое влияние на выбор способов номинации объектов окружающей действительности оказывают когнитивные процессы концептуализации и категоризации, какие процессы лежат в основе образования и функционирования концептуальных структур в различных областях деятельности человека.

Дериватология и словоизменение, имеющие когнитивную природу, не стали исключением. В целом деривационные процессы на концептуальном уровне, называются концептуальной деривацией. По нашему мнению, судя по основным магистралям исследования, концептуальная деривация развивается в двух направлениях – на собственно когнитивное и языковое, отражающее концептуальный уровень. Если первое направление изучает формирование различных концептуальных структур, например, концептов различного вида, то второе – языковое – пытается исследовать когнитивные основы деривации единиц различной

сложности (от словообразовательных элементов до сложных синтаксико-морфологических структур).

Оба направления неразрывно связаны. Однако языковой уровень зависит от собственно когнитивного, так как деривационные процессы, имеющие место на когнитивном уровне, отражаются и на языковом. Когнитивный же уровень не имеет такой зависимости от языкового, так как вновь образованные концептуальные структуры под влиянием экстралингвистических факторов могут быть не вербализованы или вербализованы частично. Поэтому одна из главных задач исследования – изучить деривационный потенциал как на когнитивном, так и на языковом уровнях и выявить закономерность их взаимодействия.

Центральным и исходным понятием когнитивной науки выступает концепт и его подвиды, которые представляют «единицы осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности»². Концепт обладает множественными свойствами, одно из которых – способность перестраиваться во вторичную единицу или создаваться заново на основе уже существующих концептуальных характеристик посредством когнитивного механизма профилирования. Данный механизм предполагает выделение (фокусирование) отдельного элемента, в результате чего имеет место контрапность, основанная на вы-

делении профиля и базы³. При изучении концептуальной деривации следует подчеркнуть переход от статического описания концептуальных структур к динамическому: «механизмы концептуальной деривации позволяют показать не только результат – концептуальную структуру, возникшую в результате взаимодействия двух, трех и более исходных концептуальных структур, а процесс ее появления»⁴.

При изучении концептуальных основ деривации наибольшее распространение получили так называемые концептуально-сложные концепты: фреймы и пропозиции. Во-первых, как фреймы, так и пропозиции отражают естественный ход изменения концептуальных структур и категоризации в целом. И, во-вторых, пропозиционально-фреймовые структуры отражают все необходимые компоненты, участвующие в деривационных процессах.

В настоящей статье при исследовании терминообразования предлагается пропозициональный метод, так как пропозицию считают универсальной единицей человеческого сознания, которая втянута в процесс обеспечения нормального функционирования и развития языка на различных уровнях: «от единиц словообразовательного уровня до наиболее крупных единиц»⁵. Функционирование пропозиции соотносится с логикой человеческого мышления, так как характеризует взаимоотношения человеческого мира и, по словам Л. А. Манерко, обладает онтологическим характером, что отличает ее от фактов, которые «не являются онтологическими единицами»⁶.

Пропозициональная структура всецело детерминирована объективной действительностью, и при производстве/ воспроизводстве языковых единиц происходит подсознательное выделение и развитие пропозиции, то есть «в основу семантики производного слова и формы ее представления ложится особая сформированная в голове человека (или формируемая по мере необходимости в ходе протекания акта номинации) пропозициональная структура»⁴. Пропозиция в таком случае выступает в качестве когнитивной основы развития системы языка, это, как замечает Е. С. Кубрякова, ступень, а точнее, уровень, через который проходит замысел говорящего, прежде чем перейти к внешней речи⁴.

Как показало исследование, формирование терминологического аппарата, в частности, терминов железнодорожного транспорта осуществляется по общим процессам челове-

ческого мышления, то есть на основе концептуализации и последующей категоризацией. Частным для терминологической среды оказывается тот факт, что категоризация, то есть соотнесение сформировавшихся концептов будет иметь профессионализирующий характер.

При изучении терминологического аппарата Н. С. Каленик указывает на тесную связь терминов с объектами экстралингвистической реальности, то есть на сильную привязку к денотативам, и приходит к выводу о том, что термины, в противовес общественно-политической лексике, образуют не лексико-семантические поля, а терминосистему⁷.

Построенная категория, однако, имеет не жесткую структуру, так как термины железнодорожного транспорта можно поделить на три подкласса: 1) общеупотребительные (поезд, рельсы, купе, железнодорожный сервис и пр.), 2) общетехнические (электронная аппаратура, энергоснабжение, пневматическое оборудование и пр.), 3) узкоспециализированная терминология железнодорожного транспорта (танк-паровоз, манометр тормозной системы, линейный инжектор для нагревания пара, рукоятка клапана свистка и пр.).

По словам М. М. Русаковой исследование терминосистемы любой науки и отрасли сводится к двум аспектам: статическому и динамическому. Первый – статический – аспект представлен устойчивыми терминами, которые в течение довольно длительного времени не подвергались каким-либо структурным и семантическим изменениям⁸. Второй – динамический – аспект исследует механизм терминообразования и делится, по словам автора, на изучение двух процессов: терминогенеза (создание термина) и его адаптации (ассимиляции) в языке-реципиенте⁸.

При исследовании субъекта профессиональной деятельности Е. И. Голованова приходит к выводу, что способы концептуализации профессиональной деятельности формируются на основе первичных или примарных концептов, носящих универсальный характер для всех языков. Это суть объект, процесс, инструмент, продукт деятельности; автор причисляет и такие онтологические концепты, как место и пространство⁹.

Исследование когнитивных основ формирования терминов железнодорожного транспорта подтверждает этот факт. Если представить деривационную модель в виде пропозиции, то терминообразующими элементами будут вы-

шеуказанные концептуальные характеристики. Ср.:

МОДЕЛЬ: ОБЪЕКТ + ЦЕЛЬ: *Механизм (*субъект*), вырабатывающий (*предикат*) пар (*объект*) для собственного движения (*сирконстант*) = паровоз / *locomotives à vapeur* (русский язык / французский язык);

МОДЕЛЬ: ПРЕДИКАТ + ОБЪЕКТ: *Механизм (*субъект*), всасывающий (*предикат*) пар (*объект*) = паросборник (русский язык);

МОДЕЛЬ: СУБЪЕКТ + ОБЪЕКТ: *Механизм (*субъект*), всасывающий (*предикат*) пар (*объект*) = *collecteur à vapeur* (французский язык);

МОДЕЛЬ ОБЪЕКТ + ЦЕЛЬ *Прибор (*объект*), служащий (*предикат*) для тушения (*сирконстант*) искр (*объект*) = искротушитель / *grille à flammèches* (русский язык / французский язык);

МОДЕЛЬ ОБЪЕКТ + ЦЕЛЬ: *Прибор (*объект*), служащий (*предикат*) для очищения (*сирконстант*) воздуха (*объект*) = воздухоочиститель / *filtre à air* (русский язык / французский язык).

Вышеперечисленные онтологические концепты могут быть включены в состав пропозициональной структуры и соединены особым родом отношения – предиката.

Предикат представлен в качестве функции, которую исполняет какой-то глагол. Глагол, которым именуют предикат, по словам Е. С. Кубряковой, несет «прототипический образец простейших операций», так как «существуют некие атомарные предикаты, аксиоматические сущности»¹⁰. Поэтому предикат представляет собой функцию, обозначаемую глагольной формой, поставленной в инфинитив и не осложненной формальными (грамматическими) признаками.

Глубинная падежная грамматика Ч. Филлмора показывает, какие взаимоотношения могут возникать между элементами, связанными предикативными отношениями: кто-то (что-то) каузирует кого-то (что-то); кто-то ощущает кого-то; кто-то движется; кто-то находится в определенном состоянии; кто-то владеет кем-то; кто-то изменяет состояние (местонахождение) кого-то; кто-то претерпевает изменение состояния или местонахождения; кто-то оказывает влияние на кого-то¹¹.

Таким образом, возникает субъектно-предикатно-объектная структура (термин А. В. Бондарко), где центральным элементом является предикат. Предикат как связующее звено меж-

ду двумя противоположными частями единого целого, с одной стороны, связан с объектом, с другой – не только связан, но и влияет на объект¹².

Количество пропозициональных структур, участвующих в образовании терминологии, в частности терминологии железнодорожного транспорта, сводится к определенному конечному числу. На этот факт также указывает Е. И. Голованова: «неограниченное количество способов функционирования человека в совокупном производственном организме общества сводится к ограниченному числу языковых моделей»¹⁰.

В данном случае возникает когнитивный синкретизм, который заключается в том, что пропозициональная структура (и/ или какой-нибудь один из ее элементов) может быть вербализована посредством различных морфолого-синтаксических конструкций. С другой стороны, синкретизм пропозициональной структуры также подтверждается тем фактом, что профилирование того или иного универсального для многих языков элемента для каждой лингвокультуры будет носить индивидуальный характер. Синкретизм может быть прослежен и в диахроническом плане. Опосредованным примером могут служить результаты исследований, проведенных В. Г. Гаком. Ученый приводит пример замены корня *cheval-* на префикс *auto-* для терминов, обозначающих передвижение¹³. При пропозициональном анализе оба языковых элемента вербализовали концептуальный признак *объект*. Ученый приводит другой пример с элементами *tété-* и *radio-*, которые заменили в современном французском языке корень *coq(n)-* для обозначения передачи сообщения на расстоянии¹³. В данном случае следует говорить о профилировании такого участка пропозиции, как *сирконстант пространство*. Таким образом, выбор той или иной части пропозициональной структуры зависит от множества факторов, самыми мощными из которых можно считать экстралингвистический фактор, в особенности временной.

Таким образом, терминологический аппарат железнодорожного транспорта формируется за счет общепринятых концептуальных признаков, носящих онтологический характер. Универсальной деривационной единицей при терминообразовании является пропозициональная структура с центральным предикатом, связывающим эти концептуальные признаки. Деривации обладает синкретизмом, который

выражается в многократном профилировании того или иного концептуального признака при формировании различных терминов.

Примечания

¹ См.: Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца XX в.* / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 144–238.

² Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка // *Когнитивные исследования языка*. Вып. 4. Концептуализация мира в языке. М.; Тамбов, 2009. С. 25–77.

³ См.: Langacker, W. R. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin–N.-Y., 1991. 395 p.

⁴ Бабина, Л. В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи : монография. Тамбов ; М., 2003. 246 с.

⁵ Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.

⁶ Манерко, Л. А. Пропозиция – конструкт знания // *Лингвистика, литературоведение : тез. междунар. конф. «Когнитивная парадигма»*. 27–28 апреля 2000 г. Пятигорск, 2000. С. 109–111.

⁷ См.: Каленик, Н. С. Диахронический аспект исследования терминологии (на примере банковской терминологии французского языка) // *Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та*. 2009. № 561. С. 269–279.

⁸ См.: Русакова, М. М. Динамика развития медицинской терминологии на современном этапе (на примере медицинской и стоматологической терминологии) // *Вестник Челяб. гос. пед. ун-та*. 2012 № 11. С. 300–307.

⁹ См.: Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2004. 51 с.

¹⁰ Кубрякова, Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // *Логический анализ языка. Модели действия*. М., 1992. С. 84–90.

¹¹ См.: Филлмор, Ч. Дело о падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 10. М., 1981. С. 496–530.

¹² См.: Бондарко, А. В. Субъектно-предикативно-объектные ситуации // *Теория функциональной грамматики*. СПб., 1992. 304 с.

¹³ См.: Гак, В. Г. Языковые преобразования. Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX в. От ситуации к высказыванию // *Гак, В. Г. Из лингвистического наследия*. М., 2009. 368 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335).
Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 114–118.

Н. Н. Белозерова

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ

На примерах классических текстов рассматриваются случаи преодоления логической схемы концептуальной оппозиции «Свой/ чужой» и определяются когнитивные механизмы ее преодоления.

Ключевые слова: *концептуальная оппозиция, «свой/ чужой», субституция, деноминация, метафоризация, эмуляция.*

Концептуальная оппозиция «Свой/ чужой» по своей природе является архетипичной и естественно-обусловленной. Она принадлежит к 50 семантическим примитивам, выделенным А. Вежбицкой, и фиксируется как среди субстантивов (*i, you, someone*), так и среди детерминативов (*this, the same, other*) [10. С. 3–27].

В ее основе лежит страх отдельного человека перед непознанным окружающим миром, который инстинктивно ощущается как враждебный. Эта архаичная концептуальная оппозиция с самых ранних времен социального устройства человеческого общества постоянно эксплуатируется макиавеллистами различных

рангов в политических и личных целях. Изучению ее природы, структуры, функциональных характеристик, а также реализации на уровне языка и дискурса посвящено немало работ [см., например, 1 ; 2]. Ее доминирование характерно для всех современных коммуникативных сред, включая социальные сети Интернет. Воспользуемся диаграммой семантической структуры знака, разработанной в рамках парижской семиотической школы А. Греймасом и Ж. Курте [5], чтобы понять логику проявления оппозиции «свой/ чужой» при сопоставлении мира реального и мира виртуального.

MP/MB

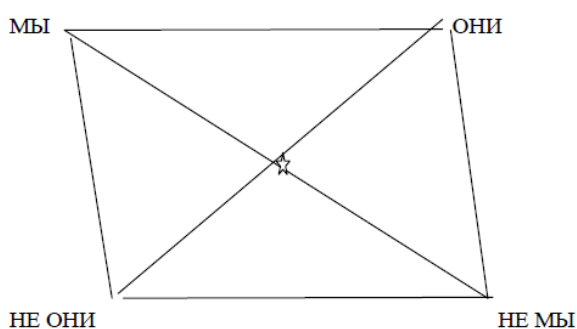

Рис. 1. Семантико-логические отношения «Свой/ чужие» сопряжения

На рисунке **МЫ** – пользователи социальных сетей, блоггеры, комментаторы, координаторы, моберы.

ОНИ – профаны виртуального мира, случайные посетители, «КУЗМИЧИ» (случайные наблюдатели по терминологии «Флэшмоба»)

Отношения противоположности: «мы/ они» «не мы/ не они». Общим в данной оппозиции является не только принадлежность к роду homo sapiens, но и возможность перехода из категории *своих* (наших) в категорию *чужих* (не наших) и наоборот. Грамматически эти отношения объединены категорией лица и категорией множественного числа; в данном случае наблюдаются отношения эквиполентности.

Отношения противоречия: «мы/ не мы», «они/ не они». Классические отношения «свой/ чужой» Традиционно выражается отношением «наши/ не наши». Концептуальная основа для гражданских войн и революций. В виртуальном мире концептуальная основа сайтов для избранных различного толка.

Отношения комплементарности «мы/ не они», «они/ не мы». В сети выражается следующими наименованиями социальных сетей,

претендующими на воплощение идеи соборности: Вконтакте, Одноклассники. Отметим, что социальные сети Facebook и Twitter также реализуют отношения комплементарности при использовании иной метафоры. Отметим, что основным механизмом выражения отношений комплементарности стали так называемые «лайки» и различного рода «эматиконы».

★ **Точка семантического пересечения:** фактически, десигнат в полученных треугольниках из семиотического квадрата. Если мы будем выстраивать сигнификативные признаки *наших* или *своих* и сигнификативные признаки *не наших* или *чужих* (например, принадлежность к определенному сообществу, к этнической, возрастной, гендерной или социальной группе...), то увидим, что отличаться они будут только точкой зрения. Даже в этом случае и интегральные семы, и дифференциальные семы будут полностью совпадать.

Таким образом, видно, что уже сама логика семиотических отношений предполагает возможности преодоления концептуальной оппозиции «свой/ чужой». Далее рассмотрим несколько известных случаев ее преодоления и попытаемся определить когнитивные механизмы преодоления (vehicle).

Часть первая. Замещение или субституция (новозаветные притчи)

Остановимся на двух новозаветных притчах: о «Милосердном Самаритянине» (Евангелие от Луки, гл. 11) и о «Блудном Сыне» (Евангелие от Луки, гл. 15) [9]. В первой притче оппозиция «свой/ чужой» проявляется на уровне нескольких персонажей: (1) **некий человек** (путник)/ разбойники, которые ограбили и избили его; (2) путник/ священник и левит, которые по сану были обязаны помочь ему, но перешли на другую сторону; (3) **Еврей/ Самаритянин**, представитель презируемой этнической группы, который оказался единственным, кто помог избитому и ограбленному путнику. В притче о «Блудном Сыне» концептуальная оппозиция проявляется (1) **через противопоставление** своего и чужого пространства (дом и поля отца – чужая сторона), (2) **через противопоставление** блудного младшего сына и послушного старшего сына, который обиделся на отца за горячую встречу беспутного брата. В этих притчах концептуальная оппозиция «Свой/ Чужой» перекрывается (замещается) концептами *любви к ближнему (агана)* и *прощения*. Механизмом (vehicle) концептуального преодоления и *замещения* или *субституции*

становится *наррация*, то есть простые истории, рассказанные Христом для объяснения сложных абстрактных понятий. Все это полностью согласуется с общеновзаветным представлением о связи слова и абстрактных представлений. Согласно начальным главам Евангелия от Иоанна новозаветное Слово является одновременно Логосом и Богом, оно способно стать плотью. Слова, обретающие плоть – это самые сложные абстрактные понятия *милосердия* или *любви к ближнему* и *прощения*. Простые истории (наррация, обозначающее), понятные неискушенному слушателю, концептуализируют эти сложные абстрактные понятия и способствуют замещению концептуальной оппозиции «Свой/ чужой» концептами *Любви к ближнему* (агапа, милосердие) и *Прощения*.

Часть вторая. Деноминация, или отказ от обозначающего

Таблица 1

Шекспир «Ромео и Джульетта. Текст 1

Ромео и Джульетта	У. Шекспир
<i>JUL. Go ask his name. - If he be married, My grave is like to be my wedding-bed.</i>	<i>JUL. 'Tis but thy name that is my enemy; Thou art thyself, though not a Montague.</i>
<i>NURSE. His name is Romeo, and a Montague, The only son of your great enemy.</i>	<i>What's Montague? It is nor hand nor foot, Nor arm nor face, [nor any other part] Belonging to a man. O, be some other name!</i>
<i>JUL. My only love sprung from my only hate! Too early seen unknown, and known too late! Prodigious birth of love it is to me That I must love a loathed enemy.</i>	<i>What's in a name? That which we call a rose By any other word would smell as sweet; So Romeo would, were he not Romeo call'd, Retain that dear perfection which he owes Without that title. Romeo, doff thy name, And for thy name, which is no part of thee, Take all myself.</i>
<i>JUL. O Romeo, Romeo, where- fore art thou Romeo? Deny thy father and re- fuse thy name; Or, if thou wilt not, be but sworn my love, And I'll no longer be a Capulet.</i>	<i>ROM. I take thee at thy word. Call me but love, and I'll be new baptiz'd; Henceforth I never will be Romeo. [William Shakespeare: The Tragedy of Romeo and Ju- liet... Shakespeare-River- side, 1956. P. 1068]</i>

Концептуальная оппозиция «свой/ чужой» в романтической трагедии Шекспира представлена враждою двух знатных домов, приведшей к гибели их детей, полюбивших друг друга (A pair of star-cross'd lovers). Смежной концептуальной оппозицией являются «любовь/ ненависть», представленная отношением *эмуляции*, или взаимопоглощения (*My only love sprung from my only hate! I must love a loathed enemy*). Лингвистическим механизмом концептуального преодоления является деноминация, требование отказаться не только от ненавистных родовых имен Монтеки (Ромео) и Капулетти (Джульетта), но и отказаться от личных имен. Этот механизм полностью согласуется с тем, как герои Шекспира представляют себе звуковую оболочку слова (обозначающее). Поиск, который мы провели при помощи поисковой системы, встроенной в электронную библиотеку собрания (корпусов) всех текстов Шекспира и вариантов их переводов на русский язык [8], помог выявить определенные закономерности в представлении структуры слова Шекспиром. В строку поиска были введены лексемы Word (ед. число *слово*) и Words (мн. число *слова*). Всего было обнаружено 524 случая (конкордансов) употребления лексемы Word (ед. число *слово*) и 450 случаев употребления лексемы Words (мн. число *слова*). Для употребления этой лексемы в значении единицы языка (38 случаев), а не дискурса, характерна деноминация, то есть восприятия обозначающего в отрыве от обозначаемого, что видно из следующей таблицы.

Таблица 2

Деноминация лексемы Word (Words)

деноминация	
	<i>Submission, Dolphin? 'tis a mere French word; We English warriors wot not what it means (1H6)</i>
<i>Hanging is the word, sir. If you be ready for that, you are well cook'd. [William Shakespeare: Cymbeline</i>	<i>Why, sir, her name's a word, (12N)</i>
<i>slaying is the word, It is a deed in fashion (JC)</i>	<i>only "cover" is the word. [William Shakespeare: The Merchant of Venice]</i>

<i>That which we call a rose By any other word would smell as sweet; (R.J)</i>	<i>What do you read, my lord? I.HAM. Words, words, words. POL. What is the matter, my lord? [William Shakespeare: The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark</i>
<i>What is honor? A word. What is in that word honor? What is that honor? Air (2H4)</i>	<i>Conscience is but a word that cowards use (R3)</i>

Слова у Шекспира обладают способностью становиться односторонним знаком, то есть отрываться от плана содержания (например, во второй части хроники «Генрих Четвертый» Фальстаф рассуждает о чести «*Что есть честь. – Слово. Что есть в этом слове – Воздух; а Гамлет на вопрос Полония «Что Вы читаете, милорд, морочит ему голову – Слова, слова, слова»*). В любом случае отказ от имени ради сохранения любви, деноминация становится еще одним механизмом концептуального преодоления. Сама же концептуальная оппозиция «свой/ чужой» перекрывается концептом *любовь* (эрапе или эрос).

Часть третья. вытеснение, метафоризация (John Donne, Meditation 17)

Текст 2.

John Donne. Meditation 17, Devotions upon Emergent Occasions

“No man is an island, intire of it selfe; every man is a peece of the Continent, a part of the maine; if a clod bee washed away by the Sea, Europe is the lesse, as well as if a Promontorie were, as well as if a Mannor of thy friends or of thine owne were; any mans death diminishes me, because I am involved in Mankinde; And therefore never send to know for whom the bell tolls; It tolls for thee...” [http://en.wikiquote.org/wiki/John_Donne]

В этом тексте Джона Донна, послужившем эпиграфом к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол», концептуальная оппозиция «свой/ чужой» представлена имплицитно как основа для установления подобия типа отталкивания [4]. Она полностью вытеснена концептуальной метафорой *человечество – это континент* и смежным метонимическим концептуальным комплексом «каждый человек есть часть человечества = часть материка». Семантика этих концептуальных метафор полностью исключает реализацию концептуальной

оппозиции «свой/ чужой», что представлено в метонимико-метафорическом выражении *never send to know for whom the bell tolls; It tolls for thee* (никогда не спрашивай по ком звонит колокол; он звонит по тебе).

Часть четвертая. Элиминация. вербализация подсознания (Джеймс Джойс «Улисс», «Finnegans Wake»)

Текст 3.

– *History, Stephen said, is a nightmare from which I am trying to awake.*

... What if that nightmare gave you a back kick?

[7]

Текст 4 (Finnegans Wake)

The first leal ribber-robber that ever had her ainway everybuddy to his lovesaking eyes and everybilly lived alove with everybiddy else... [6]

Джеймс Джойс, который построил свой роман «Портрет художника в юности» на оппозициях (тепло/ холодно, жизнь/ смерть, зов жизни/ зов церкви, правильно/ неправильно, грех/ неприятие греховности) [см. подробнее 3. С. 57–65] также представил концептуальную оппозицию «свой/ чужой» имплицитно. Чужое, как греховное, для героя романа в результате сомнения становится привлекательным, зовом жизни. В романе «Улисс» оппозиция концептуальная оппозиция «свой/ чужой» проходит на уровне противопоставления трех персонажей (Стивен Дедалус, Леопольд Блум, Мэрион), чье сознание открыто, и остальных персонажей, чьи поступки только отражаются в сознании первых. Из них только два чужака: это высокомерный англичанин Хэйн, и антисемит директор колледжа. Вся история как результат действия оппозиции «свой/ чужой» сравнивается с кошмаром. Выстраивается метафора история *есть кошмар, от которого можно освободиться только при пробуждении* (from which I am trying to awake). **Процессу пробуждения** от кошмара истории Джойс посвящает свой последний роман *Finnegans Wake*, известный в России под искаженным переводом названия «Поминки по Финнегану». В заглавии у Джойса апостроф отсутствует, оно представляет собою не номинативную группу, а предложение. Поэтому более точным переводом будет «Финнеганы пробуждаются». Поэтому представляя в романе сознание героя в пограничном состоянии, используя все возможности английского языка и 22 иных языков, Джойс возрождает Виконианскую исходную архетипичную ситуацию, которая полностью контрастирует с реальным опасным миром, в преде-

лах которого зародилась оппозиция «свой/ чужой». В сказке, которая включена в первую главу романа, эта ситуация определяется фразой «*everybilly lived alove with everybiddy else*», которую можно передать как «каждый билли жил в состоянии влюбленности с любым бидди». Иными словами, при пробуждении ситуация кошмара истории, основанного на реализации оппозиции «свой/ чужой» преобразуется в ситуацию вселенской влюбленности. Концепт *любви* полностью уничтожает (элиминирует) концептуальную оппозицию «свой/ чужой». Механизмом у Джойса становится прием «вербализации подсознательной деятельности».

Проведенный анализ показал, что уже в логической схеме концептуальной оппозиции «свой/ чужой» заложена возможность ее преодоления. Обращение к классическим текстам, созданным в период наивысшего социального напряжения, показало, что способы и механизмы преодоления могут быть различными. Этот парный концепт чаще всего замещается концептом любви (*агана*, *эрапе*, реже *филео*). Механизмом преодоления становятся субституция, наррация, деноминация, метафоризация, вытеснение, элиминация, вербализация.

Список литературы

1. Алиева, Т. В. языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе

[Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. URL: www.mgimo.ru/files2/y03_2013/.../autoref_alieva_10_04_13.doc.

2. Антонова, М. Б. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» как концептуальное основание семантики английских прилагательных // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2013. Вып. 2. С. 66–72.

3. Новокрещенных, Е. В. Концепт «грех» в романе Дж. Джойса «A Portrait of the Artist as a Young Man»: концептуальные инверсии / Е. В. Новокрещенных, Д. Дж. Кокси // *Вестн. Тюмен. гос. ун-та*. 2014. № 1. Филология. С. 57–65

4. Фуко Мишель. *Слово и вещи*. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 407 с.

5. Greimas, A. J. *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage* / A. J. Greimas, J. Courtés. Paris, 1993. 454 p.

6. Joyce, J. *Finnegans Wake*. Faber and Faber, 1939.

7. Joyce, J. *Ulysses*. Annotated Students' edition with an introduction and notes by Declan Kiberd. London, 1992. 1195 p.

8. Shakespeare. Шекспир. Полное энциклопедическое собрание сочинений [Электронный ресурс]. 2003.

9. The Holy Bible. London, 1955. 1226 p.

10. Wierzbicka, A. *Semantics, Culture, and Cognition : Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford, 1992.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335).
Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 118–122.

Н. Н. Болдырев

РОЛЬ КОГНИТИВНОГО КОНТЕКСТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИРА И ЗНАНИЙ О МИРЕ

Исследование выполнено в рамках базовой части госзадания Министерства образования и науки РФ № 2014/285 (проект № 2013).

Анализируются два типа интерпретации: первичная интерпретация мира на когнитивном и языковом уровнях и вторичная интерпретация знаний о мире в языке. В качестве когнитивных контекстов рассматриваются концептуально-тематические области и категории, раскрывается их роль в реализации обоих типов интерпретации, формировании и передаче вторичных (интерпретирующих) значений языковых единиц.

Ключевые слова: когнитивный контекст, интерпретация, концептуально-тематическая область, лексическая категория, интерпретирующая функция.

Современные подходы к исследованию языка с когнитивных позиций предполагают разграничение ментального и языкового уровней представления знаний в целях определения их взаимодействия в процессах формирования смысла. На ментальном уровне знания репрезентируются в виде осмысленных единиц – концептов – разного уровня обобщения и сложности (ограниченный объем статьи не позволяет останавливаться на этих вопросах подробнее, тем более, что они рассматривались нами ранее, см. концептуально-простые и концептуально-сложные форматы знания, тематические и операционные концепты¹). На языковом уровне знания представлены в виде разных типов языковых значений: лексических, грамматических, словообразовательных. При этом сами типы концептов и языковых значений уже являются не только определенными способами репрезентации, но и интерпретации мира и знаний о мире. Знание выступает как человеческая интерпретация мира, подчеркивала А. Вежбицка².

Практически всеми представителями разных лингвистических направлений и подходов также безоговорочно признается особая роль контекста в порождении и понимании языковых выражений, несмотря на то, что трактоваться данное понятие в разных исследованиях может по-разному. Для ученых, работающих в рамках структурного направления, контекст ограничен сферой языка и его использования. Это, прежде всего, языковой контекст, парадигматические и синтагматические связи языковых единиц, влияющие на формирование и интерпретацию их значений. В когнитивной лингвистике разрабатывается многоуровневая теория значения – когнитивная семантика, предполагающая выход за рамки собственно языковых значений и обращение ко всему объему знаний говорящего, знаний об окружающем мире, человеке, языке. Соответственно, для когнитологов контекст – это структуры знаний, лежащие в основе формирования и интерпретации языковых значений.

Контекст знаний, отражающий весь познавательный опыт человека как отдельной личности (индивидуальный опыт познания мира) и как представителя определенных социума и культуры (коллективный опыт познания мира), выполняет двоякую функцию в любой деятельности человека. С одной стороны, он выступает в качестве тех коллективных и индивидуальных когнитивных схем, с помощью

которых человек воспринимает и интерпретирует мир (ср. с понятием апперцепции у А. А. Потебни³). С другой стороны, весь контекст знаний о мире обеспечивает вторичное осмысление отдельных его единиц в процессах интерпретации, вторичной концептуализации и вторичной категоризации.

В качестве когнитивных схем, выполняющих функцию «предзаданного» восприятия мира, в частности, выступают концептуально-тематические области, отражающие различные сферы опыта человека, его взаимодействия с миром, физическую структурированность мира и социальной сферы, структуру различных функций и видов деятельности человека в этом мире и в обществе (необходимость наличия «предзаданной» гипотезы устройства мира в процессах его восприятия и осмысления утверждают психологи⁴). Глубина знаний человека о мире обуславливает степень внутренней структурированности концептуально-тематических областей, их количество и число внешних связей друг с другом. При этом заметную роль в расширении концептуально-тематических областей, их большей структурированности играет язык. Он позволяет манипулировать уже имеющимися вербализованными знаниями с целью получения новых знаний, как отмечал Р. И. Павиленис⁵. Язык способен также создавать новые концептуальные сущности на основе вторичного осмысления и интерпретации полученных знаний о мире, их систематизации и обобщения. В этом своем качестве концептуально-тематические области выполняют определенную интерпретирующую функцию в процессах формирования новых смыслов, выступая как области их определения, то есть как когнитивный контекст.

Структура и содержание концептуально-тематических областей, естественно, зависят также от социокультурного опыта конкретного человека: места, времени его рождения, среды обитания, индивидуального круга общения, общего образования, профессиональной среды, возраста, гендерных особенностей, уровня жизни, культуры, социального статуса и так далее. Рассказывая, например, о каком-либо университете, студент, преподаватель, выпускник, житель города, архитектор, водитель общественного транспорта, пенсионер, мужчина, женщина, ребенок, скорее всего, акцентируют внимание на разных его характеристиках и взаимосвязях: зданиях и их исторической ценности (архитектор), инфраструктуре, качестве,

стоимости обучения (студент), достижениях (преподаватель), ценности диплома, памятных моментах (выпускник), остановках, схемах проезда (водитель), различных организуемых мероприятиях (ребенок). Концептуально-тематические области в этом случае будут выступать в качестве индивидуальных когнитивных схем структурирования мира и знаний о нем, которые использует человек в процессах восприятия и интерпретации объектов, событий и их взаимосвязей.

Языковой опыт освоения знаний о мире представлен в когнитивной системе человека как его языковая картина мира. Важно подчеркнуть, что ее элементы и их взаимосвязи не являются прямым отражением структуры мира и человеческого общества в силу антропоцентричности языка как когнитивной способности. Языковая картина мира передает специфику восприятия человеком объектов и явлений, структуры мира, выделения конкретных аспектов и характеристик, то есть того, как человек конструирует (а не просто отражает) окружающий мир в своем сознании. В этом заключается **главная особенность языковой картины мира**, которая обеспечивает возможность порождения множества смыслов на основе структурирования и переструктурирования полученных знаний, выбора другой перспективы, иной точки отсчета, особого акцента в репрезентации объектов и событий на основе выбора разных языковых средств, то есть обеспечивает выполнение языком его одной из главных, интерпретирующей функции. Можно, следовательно, утверждать, что **языковая картина мира – это определенная его интерпретация и интерпретация знаний о мире в сознании человека**.

Примером реализации двоякой функции интерпретации (мира и знаний о мире) структурами языкового знания могут служить лексические категории, которые объединяют языковые единицы, обозначающие объекты, признаки или события одной предметно-тематической области, то есть служат языковым аналогом концептуально-тематических областей, например категория птиц, точнее категория названий птиц. Своим составом и внутренней структурой эти категории реализуют принцип единства многообразия, передавая разнообразие сходных объектов и событий и их отличительные характеристики одновременно.

Разнообразие объектов, их характеристик и отношений обуславливает необходимость

разнообразия форм их передачи в языке, что и получает свое отражение в структуре и составе концептуально-тематических областей и лексических категорий. Объекты объединяются нашим сознанием в категории на основе общих, сходных характеристик, но при этом не утрачивают своих отличительных признаков, которые служат основой внутренней организации категорий и их внутреннего структурирования. Соответственно эти отличительные характеристики приобретают категориально-значимый статус, на чем и основана **функция интерпретации мира** элементов лексических категорий. Другими словами, **интерпретирующие возможности лексических единиц проявляются именно на уровне их объединения в категории**, а также во внутренней структуре самих этих категорий.

Контекст знаний о мире, о его конкретных объектах и событиях, лежащий в основе формирования лексических категорий, создает основу для использования элементов этих категорий в **функции интерпретации знаний о мире** по отношению к другим предметным областям в рамках других – модусных категорий. **Интерпретация мира** и его объектов, представленная в лексических категориях, как бы создает основу для **интерпретации знаний о мире** в рамках модусных категорий (о модусных и других типах категорий⁶), формируя интерпретационный потенциал лексических категорий. Основой вторичного интерпретирующего потенциала лексических категорий, следовательно, становится сам принцип организации, объединения лексических единиц в категории, который базируется на единстве многообразия, отражающем многообразие мира, наличие черт сходства и отличия между разными объектами. Категориальный уровень реализации является, в свою очередь, главным основанием и достаточным аргументом для выделения самой интерпретирующей функции языка, поскольку язык – образование, прежде всего, категориальное.

Лексические категории, таким образом, интерпретируют мир в его разнообразии объектов, передавая их различия, например, в отношении птиц: *воробей, соловей, курица, гусь, павлин* и так далее (сравните словарные дефиниции этих и других слов из той же категории). Это отражается в самой структуре лексических категорий, в которой выделяются разные группы объектов, обнаруживающие единство в отличительных признаках по отно-

шению к другим группам: длинная шея (*гусь, цапля, страус, аист* и др.), красивое оперение (*попугай, павлин, петух, синица* и т. п.), умение красиво петь (*соловей, жаворонок, канарейка*), умение/ неумение летать и так далее. Эти признаки становятся основой другого типа интерпретации – вторичной интерпретации знаний о мире, о наличии разнообразия, черт сходства и различия в любой группе объектов.

Дифференциация естественных объектов, знание признаков, по которым осуществляется эта дифференциация, позволяет дать им дополнительную характеристику за счет обращения к другим концептуально-тематическим областям, другим лексическим категориям на основе межконцептуальных связей между ними. Соотношение концептуально-тематических областей и категорий и установление межконцептуальных и межкатегориальных связей базируется на аналогии принципов объединения и дифференциации объектов в разных областях и категориях, то есть на аналогии объединения и дифференциации объектов по внешней форме, внутренней структуре, функции и так далее. Данная аналогия прослеживается и в структуре концептуально-тематических областей и в структуре лексических категорий. Соответственно лексическая категория, репрезентирующая одну концептуально-тематическую область, может использоваться для интерпретации элементов другой области или категории: *поет как соловей, ходит павлином, выглядит попугаем, надутый индюк* и так далее.

Использование лексических единиц в функции вторичной интерпретации, интерпретации знаний о мире служит источником расширения границ модусных категорий в их периферийной части, в основе формирования которых лежит аналогичная интерпретирующая функция: интерпретация внешнего вида, поведения и так далее. При этом можно говорить об определенном вторичном интерпретирующем потенциале конкретной лексической категории, основанном на перечне выделяемых межкатегориальных (*важная птица, не человек, а машина, каменное сердце, жалкое насекомое*) и внутрикатегориальных различий (*заливается соловьем, наезжает танком, изумрудное море, для него это комариный укус*).

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в целом интерпретирующий потенциал лексической категории проявляется как на системном, так и на функциональном уровнях. На системном уровне это потенциал, связан-

ный с интерпретацией мира, первичный интерпретирующий потенциал. Он обнаруживается в объединении слов в их первичных, основных значениях, вторичные значения при формировании лексических категорий не учитываются. На функциональном уровне интерпретирующий потенциал лексической категории проявляется во вторичной интерпретации, интерпретации знаний о мире. Он обусловлен возможностью соотнесения лексических единиц с модусными категориями на основе их вторичных значений, развивающихся на основе их основных, первичных значений, которые для модусных категорий не столь существенны.

Лексические единицы в своих вторичных (интерпретирующих) значениях отдельных модусных категорий, как правило, не образуют (ср. ?* категория слов для обозначения человека «павлин»). Они включаются в состав модусных языковых категорий (категорий слов) в качестве периферийных элементов, поскольку их вторичные, интерпретирующие функции проявляются только в контексте этих модусных категорий, в интерпретирующем, оценочном контексте, например, слова для оценки умственных способностей человека: *умный, способный, гениальный, глупый ... Ломоносов, Эйнштейн, недалекий, тупой, дуб* и так далее.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что интерпретация заложена в самой системе языка и проявляется в его структуре, в его категориальной организации и в его когнитивном основании (структурах передаваемых им знаний), которое выступает, в частности, в качестве когнитивного контекста реализации интерпретирующей функции языка. **Первичная интерпретация** мира на когнитивном и языковом уровнях представлена в концептуально-тематических областях и лексических категориях. Аналогия в организации концептуально-тематических областей и лексических категорий из разных предметных сфер создает основу для развития у языковых единиц вторичных (интерпретирующих) значений и обеспечивает возможность использования их по отношению к разным предметным сферам с целью **вторичной интерпретации** знаний о мире.

Примечания

¹ Болдырев, Н. Н. : 1) Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : колл. моногр. М. ; Тамбов, 2009. С. 25–77 ; 2) О

метаязыке когнитивной лингвистики: *концепт как единица знания* // Когнитив. исслед-я языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур : сб. науч. тр. М. ; Тамбов, 2011. С. 23–32.

² Wierzbicka, A. *The Semantics of Grammar*. Amsterdam–Philadelphia, 1988.

³ Потебня, А. А. *Мысль и язык*. Киев, 1993.

⁴ Ушаков, Д. В. *Когнитивная система и развитие* // Когнитивные исследования: пробле-

ма развития : сб. науч. тр. Вып. 3. М., 2009. С. 5–14.

⁵ Павленис, Р. И. *Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка*. М., 1983.

⁶ Болдырев, Н. Н. *Категориальная система языка* // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: колл. моногр. М. ; Тамбов, 2012. С. 17–120.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 122–125.

Е. И. Голованова

ОБРАЗ, ПОНЯТИЕ, ГЕШТАЛЬТ КАК ФОРМАТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Обсуждается проблема представления профессионального знания в виде определенных форматов. Утверждается, что выбор формата для концептуализации фрагмента профессионального знания зависит от характера профессиональной деятельности. В центре внимания статьи находятся три основных формата профессионального знания: образ, понятие и гештальт, которые анализируются на конкретных примерах.

Ключевые слова: *профессиональное знание, формат знания, образ, понятие, гештальт.*

В настоящей статье под форматом знания будем понимать способ организации знания, который обусловлен характером деятельности субъекта или шире – характером взаимодействия субъекта с окружающей действительностью.

Основные форматы знания представлены известными разновидностями концепта: мыслительная картинка (конкретно-чувственный образ), схема, фрейм, понятие, сценарий, гештальт. Каждый из этих форматов хранения и организации знаний соответствует определенным уровням категоризации. Так, например, на базовом уровне категоризации знания преимущественно представлены гештальты, фреймы и сценарии. Иными словами, большая часть знаний в голове человека (включая обыденные) организована как структурированное (фрейм, сценарий) или неструктурированное (гештальт) знание.

При этом на базовом уровне структурированные концепты представляют собой относительно простые по организации образования (см. об этом: [1 ; 2. С. 27 и послед.]). Более сложные, разветвленные структуры знаний (концептуальные структуры) представлены на

субординатном и последующих уровнях – тематическом, субтематическом (см.: [3]) и связаны со специальными видами деятельности человека.

От того, какой деятельностью занимается человек – практической или теоретической, – также зависит упаковка знания в те или иные форматы. В частности, для практической деятельности характерно оформление знания в виде гештальтов, то есть образований, в которых целое преобладает над отдельными частями. Теоретическая деятельность характеризуется прежде всего такими форматами знания, как понятия, фреймы, категории. В чистом виде практическая или теоретическая деятельность существует редко. Чаще мы имеем дело с совмещением этих типов. Например, для большинства людей, занимающихся профессиональной деятельностью, актуален этап формального обучения в вузе или среднем специальном учебном заведении, благодаря чему они обладают определенным набором теоретических знаний, которые хранятся в их голове в виде понятий, фреймов и категорий. Самообучение (когда главным оказывается прин-

цип «делай, как я») для современной эпохи не характерно, находится на периферии системы.

Обратимся к тем форматам знания, которые, как показывают наши исследования [4 ; 5], являются значимыми для сфер профессиональной деятельности.

Два из выбранных нами для анализа форматов знания, а именно образ и понятие, составляют между собой оппозицию по ряду признаков. Если понятие легко разложимо на базовый, с одной стороны, и дифференциальный, с другой стороны, признаки, то образ такому структурированию не поддается. Понятия относительно легко можно выстраивать в системы, цепочки, ряды по определенным основаниям. Образы во многом уникальны, хотя и их можно объединять в группы, например, по каналу получения информации: визуальные (чаще всего пространственные или цветовые), вкусовые, а также обонятельные, осязательные, слуховые. Поскольку в основе образа лежит отождествление познаваемого предмета с каким-либо иным, ранее познанным субъектом, возможно группировать их и по источнику концептуализации. Например, это могут зооморфные, антропоморфные, механистические, акциональные и др. образы.

Итак, образ применим для концептуализации, хранения, обработки и передачи знания, основанного на общности признаков предметов при их сравнении, но предметов, как правило, находящихся в сознании человека в разных системах координат. В отличие от образа, понятие позволяет выявить и зафиксировать общность предметов, включенных в одну и ту же систему координат, обладающих при этом общим категориальным статусом, но имеющих дифференциальные (различительные) признаки.

Выбор образа в качестве формата знания характерен для тех случаев, когда у познаваемого предмета трудно выделить какой-то один отличительный признак, в силу этого он воспринимается целостно, а для его идентификации необходим другой, известный субъекту познания объект, соотносимый с познаваемым по значимой совокупности признаков [7. С. 31].

Гештальт как формат знания представляет собой неразложимое единство чувственных и рациональных характеристик объекта. Иными словами, в нем сочетается и образное, и понятийное в их единстве.

Все эти форматы знания актуальны для сфер профессиональной деятельности. О концептуализации профессионально значимой

информации об объектах, процессах, их свойствах и отношениях в том или ином формате мы можем судить по языковой форме соответствующего наименования.

Рассмотрим ряд терминов: *оперативный прогноз – краткосрочный прогноз – среднесрочный прогноз – долгосрочный прогноз – дальнесрочный прогноз*. В этих метеорологических наименованиях, созданных по одной и той же модели, четко вербализована соответствующая структура специальных понятий. Категориальным признаком всех понятий является «научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем», а основанием для разграничения выступает срок действия прогноза: до месяца – от месяца до года – от года до 5 лет – от 5 до 15 лет – свыше 15 лет. Общий и дифференциальный признаки каждого понятия вербализованы в дефинициях данных терминов, построенных на регулярной основе. В каждом определении содержится стандартная формулировка, например: «оперативный прогноз – прогноз с периодом упреждения до месяца» [6].

Аналогичным образом построены следующие совокупности терминов: *ивовый торф – березовый торф – еловый торф* (основание для разграничения – тип фитоценоза, ивовый, березовый или еловый); *газовый лазер – жидкостный лазер – твердотельный лазер* (основание разграничения видов лазера – вид активного элемента). В дефиниции последних, например, терминов содержится однотипная конструкция: лазер «с газовым активным элементом», «с жидким активным элементом», «с твердотельным активным элементом».

Как видим, языковая форма понятия предполагает высокую степень мотивированности. Не случайно для обозначения понятий чаще всего используют производные наименования. При этом наиболее точным является такой термин, в дефиницию которого входят (полностью или частично) производящие его термины или терминологические элементы. Например: *алгоритмическая схема* – графическое изображение алгоритмической структуры; *нормальное сечение зуба* – сечение зуба плоскостью, нормальной к оси зуба; *изотермическая поверхность* – поверхность, во всех точках которой температура одинакова; *прозрачная среда* – среда, полностью пропускающая любое падающее на нее излучение.

Между тем немалая часть понятий в профессиональных языках обозначается немоти-

винованными наименованиями, и тогда вступает в действие принцип конвенциональности. Для нас важным является то, что логическая сущность понятия определяет его типичную языковую форму, обеспечивающую такую системность, при которой «зная термин, можно определить его место в системе».

Различие между понятием и гештальтом легко продемонстрировать на следующих примерах. Возьмем два словосочетания: *образовательные услуги* – услуги, связанные с образованием (начальным, средним, высшим); *мужское вращение* – вращение, преимущественно выполняемое мужчинами. В каждом из этих словосочетаний четко раскрывается концептуальная значимость отдельных элементов, что проясняется в дефиниции. Один из элементов словосочетания указывает на категориальный признак понятия (*услуги, вращение*), второй выявляет место этого понятия в классификационном ряду (*образовательные, мужское*).

Сравним приведенные выше словосочетания с профессионализмом «тяжелый файл», функционирующим в речи верстальщиков. На основе инференции можно дать следующее определение: *тяжелый файл* – это файл, обладающий большим (больше нормы) объемом, который сложно копировать и пересылать. Обычно такой файл содержит цветные изображения, сложные схемы и т. п. Как видим, в данном определении вербализуются как понятийные элементы («файл», «копировать», «схемы», «изображения»), так и чувственно-перцептивные («тяжелый», «большой»). При этом нет точных указаний на размер (объем) файла, на количество рисунков, схем и пр., да и само представление о «норме» размыто. В центре внимания говорящего находится файл как целое, без детализации частностей (которые вербализуются, но находятся при этом на периферии концепта).

Другой пример взят из речи железнодорожников. *Бархатный путь* – это профессионализм, используемый для обозначения бесстыкового высокоскоростного пути. Специальное знание представлено в данном случае в формате гештальта. С одной стороны, в сознании профессионала четко определено, что это путь, или точнее, «часть железнодорожного полотна», но при этом внимание концентрируется на том, что поездной состав проходит его *бесшумно*, словно по *бархатной дорожке*, поскольку отсутствуют стыки между рельсами. Как видим, понятийная информация соединя-

ется здесь с чувственно-перцептивным знанием. При этом целое преобладает над отдельными деталями.

В речи преподавателей мы тоже можем обнаружить гештальты. Например, «защита диссертации». Безусловно, мы можем дать рациональное объяснение этой процедуре, протяженной во времени, при этом в представлении большинства сотрудников вузов защита диссертации – это некое жизненное испытание, связанное с большими эмоциональными, энергетическими затратами. «Кафедра» – тоже гештальт. Сравните: *у нас сегодня кафедра (заседание кафедры); отчитаться на кафедре, обсудить на кафедре; после кафедры, до кафедры, на кафедре; зайдите на кафедру, оставлю на кафедре*. Итак, кафедра – это и место, и метонимически связанные с ним определенные отрезки времени, объединенные отношением к профессиональной деятельности преподавателя, а также все относящиеся к названным объектам концептуализации чувственно-перцептивные и рациональные характеристики. Гештальтами для вузовских преподавателей являются и такие концепты, как *учебная нагрузка, отработка, должник, открытая лекция, посвящение в студенты, сессия*. Это вовсе не исключает того, что соответствующие языковые обозначения (например, *учебная нагрузка, открытая лекция, сессия*) могут служить средством выражения понятий. Однако последнее характерно, скорее, для вузовских менеджеров, оперирующих в своей ежедневной деятельности иными концептуальными структурами, по сравнению с преподавателями. Общими для тех и других будут такие понятия, как «практическое занятие», «семинарское занятие», «лекция»; «учебно-методический комплекс», «рабочая программа»; «контрольная работа», «самостоятельная работа»; «учебная практика», «производственная практика» и др.

Использование образов в качестве формата профессионального знания наиболее типично для сфер практической деятельности. Так, например, в технических видах спорта, в различных областях промышленного производства, широко используются образные наименования, за которыми стоят соответствующие концептуальные структуры.

Например: *бабочка* (в фигурном катании) – не получившийся сложный прыжок (тройной, Сальхов), ср. там же: *дорожка шагов, ребра, двоекки, троекки; кормить* (в лыжном спорте) – подавать напитки спортсмену на трассе во

время соревнований, там же: *сидеть* – катиться с горы в положении сидя, *плужить* – утопать лыжами в снегу; *лимон*, *помидор* (в керлинге) – названия желтого и красного камней соответственно; *домик* (в хоккее) – положение вратаря при проходе шайбы в ворота; *работа швейной машины/синдром Элвиса* (альпинистск.) – о дрожи в ногах у альпиниста; *спортивная злость* (общеспорт.) – нацеленность спортсмена на победу. В производственной коммуникации широко представлены наименования типа *галстук*, *звездочка*, *карандаш*, *портянка*, *рукав*, *весло*, *рогатый*, *кишка*, *лягушка*, *пушка*, *пистолет*, *семечки*, *клопы*, *чемодан*, *балда*, *ползун*, *бегунок*, *пиявка* и пр. (подробнее см.: [4]).

Образ как формат профессионального знания востребован и в других сферах деятельности, выступая универсальным обозначением, понятным для неспециалистов: *демократизатор* (правоохр.) – резиновая дубинка; *золотой парашют* (эконом.) – денежная компенсация для уволенных топ-менеджеров или чиновников и др. Близкая нам вузовская среда также дает примеры упаковки профессионального знания в виде образов, например: *окно* – свободный временной интервал в расписании занятий преподавателя, равный одному (реже более) занятию; *мигалка* – поочередность проведения занятий в один и тот же день недели (в соответствии с чередованием четных и нечетных недель), *холодный профессор* – профессор, получивший ученое звание (или работающий в этой должности) без защиты докторской диссертации, *чернильная мама* – научный руководитель диссертации (обычно кандидатской), *кирпич* – полный текст диссертации, *мокрая печать* – полученная естественным путем (а не с помощью принтера или факсимиле) печать на документе и пр.

В заключение отметим, что каждый из рассмотренных форматов знания выполняет определенные функции в сфере профессионального знания. Понятия служат для ориентации в логических структурах знания, то есть таких, которые преимущественно связаны с прямо не наблюдаемыми объектами, являющимися результатом сложных ментальных операций.

Образ востребован во всех сферах деятельности как универсальный формат знания, дающий целостное представление об объекте, его связях и отношениях. Специфика образа в профессиональных сферах деятельности обусловлена его связью с обыденным познанием, а потому образ оказывается форматом знания, доступным и понятным даже неспециалисту. Гештальт представляет собой формат знания, совмещающий характеристики образа и понятия. Это формат знания, связанный с базовым уровнем категоризации, который востребован как на этапе профессиональной социализации человека, так и на этапе усвоения и применения необходимых специалисту концептуальных структур.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке : сб. науч. тр. Тамбов, 2007. С. 12–28.
2. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : колл. моногр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. М. ; Тамбов, 2009. С. 25–77.
3. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. 304 с.
4. Голованова, Е. И. Профессиональная когниция как разновидность интерпретирующей деятельности // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 28–32.
5. Голованова, Е. И. Когнитивно-историческое терминоведение: предмет, проблематика, инструментарий // Вопр. когнитив. лингвистики. 2008. № 2. С. 51–54.
6. Прогностика. Терминология / под ред. В. И. Сифорова. М., 1978. 32 с.
7. Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992. 148 с.

РЕЛЯЦИОННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В КОГНИТИВНОМ РАССМОТРЕНИИ

Рассматриваются теоретические аспекты изучения реляционных речевых актов в рамках когнитивной парадигмы. Автор предлагает расширить существующие процедуры когнитивного моделирования путем использования метода реляционных трансформаций. Особое внимание уделяется анализу перцептивных и процедурных характеристик реляционных речевых актов и функциональному аспекту категоризации пространственных отношений.

Ключевые слова: *реляционный речевой акт, когнитивное моделирование, метод реляционных трансформаций, пространственные отношения, предлог, категоризация, концептуализация, вербализация.*

Одним из постулатов когнитивной лингвистики является идея о том, что языковые данные играют существенную роль в выявлении фундаментальных моделей мышления, а различия в восприятии, категоризации и оценке явлений действительности получают свое отражение в фактах языка. Среди методов когнитивного анализа особое место отводится когнитивному моделированию, которое, на наш взгляд, является весьма перспективным способом изучения ментальной и языковой репрезентации пространственных отношений, рассматриваемых в рамках реляционного речевого акта.

Под реляционным речевым актом мы понимаем речевую деятельность, результатом которой является порождение или восприятие высказывания, номинирующего реально существующие пространственные отношения. При этом в качестве базового определения речевого акта служит толкование, приведенное А. А. Леонтьевым: речевой акт или, вернее, мыслительно-речевой акт рассматривается как процесс, порождением которого является речевой материал, и который исследуется как система речевых действий, речевая деятельность [6]. Термин «реляционный» (англ. *relation* – отношение) определяется как «входящий в категорию отношений».

Лексический состав высказывания, получаемого в результате реляционного речевого акта, имеет следующую минимальную структуру: лексема, номинирующая референт, + предлог + лексема, номинирующая релятум. В данном случае референт – объект, пространственное положение которого определяется относительно другого объекта, а релятум – объект, являющийся ориентиром, относительно которого определяется положение референта (термины *релятум* и *референт* встречаются в

ряде работ, посвященных изучению предложной семантики, например, [10]).

В современной науке исследователи оперируют следующим определением понятия «модель»: объект, артефакт, служащий для имитации (или презентации) объектов реальности и отражающий неполный набор признаков реальных объектов, зависящий от задач, решаемых исследователем [8]. Моделирование, в свою очередь, означает: 1) создание имитационных моделей реально существующих предметов и явлений; 2) построение аналитических моделей гипотетических объектов для прогнозирования их функциональных признаков [7].

Проблемы изучения когнитивной деятельности человека, реализующейся в языковых структурах, и построения соответствующих моделей находятся в центре внимания отечественных и зарубежных ученых (Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, М. Джонсона, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, А. А. Леонтьева, А. Н. Леонтьева, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, Я. Г. Неуймина, Дж. Миллера, М. Минского, Л. Талми, Ч. Филлмора, Ж. Фоконье, А. Д. Шмелева и др.) уже не один десяток лет. Однако, как показал проведенный анализ (см. подробнее [2 ; 3], предлагаемые лингвокогнитивные модели реляционных пространственных концептов носят статический характер, в то время как моделирование ментальной и языковой репрезентации пространственных отношений как реляционного речевого акта, по нашему мнению, должно отражать динамику процессов концептуализации, категоризации и вербализации пространственных отношений и быть основано на эмпирических данных, полученных от носителей языка. Как представляется, указанная проблема может быть решена, если традиционные способы

лингвокогнитивного моделирования будут дополнены экспериментальными методами анализа, предлагаемыми современной психолингвистикой (см., например, [4 ; 9 и др.].

О взаимосвязи двух научных парадигм, когнитивной и психолингвистической, А. А. Леонтьев писал следующее: «...Применительно к психолингвистике когнитивный подход – это такой подход, при котором мы изучаем роль познавательных процессов в речевой деятельности» [5. С. 106–107]. По нашему мнению, комплексное моделирование реляционных речевых актов как речевой деятельности подразумевает обращение к анализу процессов, которые происходят в сознании носителей языка в ходе осуществления речевых действий производства и восприятия пространственных высказываний. Целостное изучение речевого акта невозможно без учета перцептивных, концептуальных и процедурных характеристик образов сознания. Образ сознания, как отмечает Е. Ф. Тарасов, представляет собой совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний индивида об объекте реального мира, необязательно «овнешненных» средствами языка [12].

Представляется, что проблема комплексного моделирования реляционного речевого акта и построения его динамической модели может быть решена путем использования в качестве составной части общенаучного метода лингвокогнитивного моделирования *метода реляционных трансформаций*. Указанный метод, на наш взгляд, позволяет восполнить существующий пробел в исследовании языковой и ментальной репрезентации пространственных отношений и изучить не только концептуальные, но и перцептивные и процедурные характеристики образов сознания.

В состав данного метода предлагается включить оригинальные экспериментальные методики, направленные на: 1) выявление связей между базовыми геометрическими схемами пространственных отношений и их языковым описанием; 2) исследование взаимоотношений между пространственным положением/ расположением объекта и выбором средств вербализации; 3) сопоставительное исследование способов концептуализации пространственных отношений и объектов в различных языковых картинах мира, включающее в себя изучение связи между пространственными предлогами и базовыми ассоциативными типами отношений, а также анализ вариативности концептуализа-

ции пространственных отношений; 4) изучение способов вербализации зрительных образов пространственных сцен в различных языках; 5) использование визуализации как способа исследования ментальной репрезентации пространственных отношений (см. подробнее [3]).

Важно подчеркнуть, что в предлагаемых экспериментальных методиках в качестве стимулов возможно использование не только лексических выражений, но и изображений (рисунков, фотографий, видеофрагментов) пространственных отношений. В данном случае мы опираемся на мнение Ю. Д. Апресяна о том, что материалом для реконструкции языковой картины мира могут служить как факты языка, так и «любые тексты культуры в самом широком смысле этого слова» [1. С. 34]. Очевидно, что визуальное восприятие пространственных сцен максимально приближает ситуацию к восприятию человеком реально существующих пространственных отношений и позволяет проследить процесс порождения реляционного высказывания.

Указанные экспериментальные методики базируются на основных положениях когнитивной лингвистики, связанных с проблемами лингвокогнитивного моделирования, а также психолингвистических концепциях, включая основные теоретические положения психолингвистических экспериментов. При этом учитывается тот факт, что большинство лингвистических исследований, связанных с проблемами моделирования, посвящено построению и анализу лингвистических моделей значения лексических единиц, однако, с точки зрения психолингвистики, значение как лингвистический объект и значение как психологически реальное состояние сознания реального индивида – явления нетождественные. По мнению В. А. Пищальниковой, «психологически реальное значение, обладающее сложной природой и структурой, может быть представлено разными моделями, акцентирующими те или иные признаки его как реального объекта» [9. С. 65]. Выявление параметров психологически реального значения лексических элементов реляционного речевого акта невозможно без обращения к сознанию носителей языка посредством эксперимента.

Исходя из понимания того, что предлоги, являясь одним из основных средств вербализации пространственных отношений в рамках реляционного речевого акта, еще не получили достаточного описания с точки зрения психо-

логически реального значения, мы говорим о необходимости построения такой модели значения пространственных предлогов, которая бы существенно дополнила имеющиеся знания не только о семантических и концептуальных характеристиках данных лексических единиц, но и представила бы недостающие знания о перцептивных и процедурных характеристиках образов сознания, об используемых в естественных речевых произведениях стратегиях и опорах концептуализации и вербализации пространственных отношений. Существенную роль в таком изучении значения пространственных предлогов играет выявление субъективного значения на основе вербально-ассоциативного опыта индивида через актуализацию определенного ассоциативного признака значения. Этот признак становится структурообразующим признаком актуального для индивида «здесь и сейчас» в условиях данной конкретной ситуации значения [4].

С этой точки зрения, значение – функциональное образование с динамической структурой, способной выстраивать иерархию своих элементов в зависимости от целей и условий говорения. Под условиями говорения понимается целый ряд характеристик коммуникации, среди которых важное место отводится *опыту взаимодействия индивида с окружающим миром*. При этом важен как *индивидуальный опыт, так и знания, накопленные всем языковым сообществом*. По мнению Э. Сепира, значение является «условной оболочкой мысли, охватывающей тысячи различных явлений опыта и способной охватывать еще новые тысячи» [11. С. 35]. Иными словами, значение – некий когнитивный механизм обработки индивидуального опыта. Когнитивная модель значения отражает представление о значении как познавательной структуре, компоненты которой отражают представления и знания индивида о мире. Любой из компонентов может стать структурообразующим признаком значения.

Связь когнитивной модели значения и психологически реального значения заключается, с нашей точки зрения, в том, что *когнитивная модель* позволяет выявить существенные познавательные признаки, отраженные в семантике языковой единицы, вербализующей пространственные отношения, а *психологически реальное значение* дает возможность установить структурно доминирующий признак пространственной ситуации в условиях данной речевой деятельности. Именно этот признак

и лежит в основе процесса концептуализации, что, в свою очередь, влияет на способ номинации сегментов реального мира. Таким образом, построение когнитивной модели значения пространственного предлога и выявление доминирующего познавательного признака его психологически реального значения дает возможность определить особенности категоризации, концептуализации и вербализации пространственных отношений.

Как показывает наш исследовательский опыт, *функциональные характеристики* отношений между пространственными объектами могут становиться доминантным, структурообразующим компонентом семантического и концептуального содержания пространственного предлога и находить свое отражение в перцептивных, концептуальных и процедурных характеристиках соответствующих образов сознания. Под функциональными подразумеваются такие характеристики отношений между референтом и релятумом, которые не только указывают на геометрические и топологические параметры пространственной сцены, но и свидетельствуют о некотором взаимовлиянии или взаимодействии между референтом и релятумом. В большинстве случаев имеется в виду возможность/невозможность выполнения участником ситуации какой-либо из своих функций по отношению к другому объекту.

Так, например, выражение *отойди от меня* указывает на определенные пространственные параметры сцены, в частности, расстояние от референта до релятума. Данное выражение возможно только в такой ситуации, когда расстояние между референтом и релятумом достаточно для того, чтобы два объекта могли взаимодействовать или оказывать взаимное влияние, физическое, эмоциональное или вербальное. В случае если расстояние между референтом и релятумом выходит за границы области, в которой человек может осуществлять свои функции, указанное выражение невозможно. Нельзя сказать собеседнику *отойди от меня* тогда, когда он находится на расстоянии, например, 5-6 метров и более. Таким образом, предлог *от* указывает на область функционального воздействия референта и релятума. Размер данной области определяется исходя из знаний человека о функциональных возможностях участников пространственной сцены, знаний, которые носят эмпирический характер.

В качестве референта в таких ситуациях могут выступать не только люди, но и другие объ-

екты окружающего мира. В приведенном ниже примере предлог *от* указывает на отношения между референтом (бекас) и релятумом (одностволка) в пределах области, размер которой определяется функциональными возможностями последнего, то есть дальностью стрельбы одноствольного ружья.

Действительно, в передней уже стояла его одностволка, от которой не ушел еще ни один бекас, несмотря на то, что вблизи дула она была украшена несколькими оловянными заплатами, наложенными в тех местах, где ржавчина и пороховые газы проели железо (А. И. Куприн).

Один из важных, на наш взгляд, выводов о специфике концептуализации пространственных отношений заключается в том, что функциональные характеристики, которые выражаются пространственными предложениями, являются не просто компонентами семантики данных лексических единиц, а имеют более глубокие корни и демонстрируют использование функционального (эмпирического) принципа концептуализации.

Таким образом, процесс лингво-когнитивного моделирования реляционных речевых актов может быть оптимизирован за счет привлечения экспериментальных методов и методик, как традиционно используемых в современной психолингвистике, так и разработанных с учетом специфики исследования реляционных речевых актов (метод реляционных трансформаций). При этом лексические единицы, вербализующие пространственные отношения (например, предлоги), изучаются как слова, включенные в познавательный процесс, который является одновременно и перцептивным, и когнитивным, и аффективным, вербальным и невербальным.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 129–132.

М. С. Герасимчук

«ЧЕЛОВЕК» КАК ОБЪЕКТ В КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РАССКАЗАХ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Описывается концепт «человек», репрезентации которого могут выступать в качестве объекта в когнитивной модели зрительного восприятия. Выявляются лексемы поля «человек» как объекты зрительного восприятия, анализируются синтаксические модели, в состав которых входят эти реализации, указываются особенности некоторых из них.

Ключевые слова: *объект восприятия, синтаксическая концепт «зрительное восприятие», когнитивная модель, зрительный образ человека.*

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. и др. Русская языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. 912 с.
2. Бороздина, И. С. Категоризация, концептуализация и вербализация пространственных отношений и объектов. Курск, 2009. 197 с.
3. Бороздина, И. С. Лингво-когнитивное моделирование пространственных отношений и объектов: экспериментальное исследование. Курск, 2011. 135 с.
4. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. 560 с.
5. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики : учебник. 4-е изд., испр. М., 2005. 288 с.
6. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. 214 с.
7. Лосев, А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968. 294 с.
8. Неуймин, Я. Г. Модели в науке и технике: история, теория, практика / под ред. Н. С. Соломенко. Л., 1984. 189 с.
9. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики : курс лекций : в 2 ч. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М., 2007. 228 с.
10. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике. М., 2004. 960 с.
11. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
12. Тарасов, Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 24–32.

Материалом для исследования мы выбрали рассказы современных писателей: Юрия Буйды, Бориса Екимова, Николая Кононова, Ильи Кочергина, Александра Кузнецова, Романа Солнцева, Евгения Шкловского, Евгения Гришковца, Андрея Столярова¹. Из 364 контекстов, полученных из разных произведений методом сплошной выборки, 124 составляют примеры, в которых объектом зрительного восприятия является человек, его части тела или одежда.

При этом в 95 случаях ситуация заключена в рамках простого предложения и может быть проанализирована как *синтаксический концепт*². «Синтаксический концепт – это выражаемая структурной схемой предложения и представленная в виде типовой пропозиции (структурированной совокупности смыслов) информация о типе ситуации (совокупности предметов и связывающего их отношения), к которому мышление человека относит наблюдаемый фрагмент действительности»³. Описывая ситуации зрительного восприятия, мы можем свести огромное количество текстовых фрагментов к кратким моделям типа «кто смотрит на кого/ что», при этом их классификация будет опираться как на лексический показатель (предикат с семантикой зрительного восприятия), так и на грамматическую структуру (морфолого-синтаксические характеристики). Принимая во внимание когнитивный аспект теории визуального восприятия, можем заметить, что «любой когнитивный контекст <...> можно представить в виде определенной модели знания, определенным образом структурирующей результаты человеческого познания»⁴.

Человек попадает в поле зрения героя произведения при взаимодействии и во время диалога, например:

1. *Мальчуган подбегает на зов, подозрительно смотрит на Деда Мороза и тут же уносится прочь, не проявив ни малейшего интереса* (Шкловский, Е. Грибница.).

2. – *Я никогда не умру. Ты тоже.*

Она сидела прямо и в упор смотрела на него своими синими глазами.

– *Лиза!*

Она встрепенулась:

– *Я сейчас.* (Буйда, Ю. У кошки девять смертей. Повествование в рассказах).

Человек может быть отдаленным объектом восприятия, например:

Возле самого хутора, на льду, увидел я человека. Когда подошел, он уже заканчивал свои труды.

– *Рыбалим? – спросил я* (Екимов, Б. Житейские истории).

Наиболее часто для названия человека как объекта зрительного восприятия используются местоимения (36 контекстов), то есть объект восприятия упоминается не впервые, а акт восприятия выполняет выделительную функцию: *Смушка недоверчиво посмотрела на нее, но промолчала* (Буйда, Ю. У кошки девять смертей). Автор обращает внимание читателя на ту или иную черту персонажа, его слова и поступки, и делает акцент на реакции другого героя на них. Это немаловажно, так как «главная идея антропоцентрической лингвистики, лежащая в основе современных исследований, – это обнаружение проявлений личности говорящего в коммуникативных единицах языка: предложении, сложном синтаксическом целом и тексте как результате взаимодействия этих единиц»⁵. Характеристика объекта восприятия напрямую зависит от субъекта. Относительно него «то или иное событие локализуется справа или слева, спереди или сзади, ближе или дальше, в собственном организме, на его поверхности или вне его, воспринимается раньше или позже, оценивается как яркое или тусклое, неподвижное или движущееся, горячее или холодное, мягкое или плотное»⁶. Такая субъектоцентричность еще раз подтверждает ведущую роль языковой личности автора и персонажа в тексте литературного произведения. Номинация человека по имени собственному в выделенных нами контекстах встретила всего 11 раз: *Дымов не видно. Печи уже протопили. Зимний покой. Тихий мир. Ни движенья, ни звука. И лишь по льду к тому берегу подбираются дровами груженные сани. Мишку не вижу. Но Бог ему в помощь* (Екимов, Б. Житейские истории.). Также в тексте произведения были отмечены номинации человека по следующим критериям оценки: по гендерному признаку – 6 контекстов, по профессии – 9 контекстов, по возрасту – 1 пример, по родству – 6 контекстов, по деятельности – 3 контекста, по отношениям между людьми – 4 контекста. Допустим, характеристика по родству: *Девушка посмотрела на тетку, но та лишь пожала плечикам* (Буйда, Ю. У кошки девять смертей).

Иногда персонаж обращает внимание не на человека в целом, а на какую-то часть тела (16 контекстов) или предмет одежды (2 контекста), например: *Он вперял грозный взгляд в бесстрастное лицо Свинцеревой* (Буйда, Ю. У кошки девять смертей). *Ага, вот вы где! – Он*

взмахнул рукой. – *Итак, антре ан данс!* – После паузы, **разглядев новый наряд Свинцеровой**, он слотнул и со вздохом сказал: – Пусть так. Но ботинки придется снять (Там же).

При анализе синтаксических моделей, в которых человек явился объектом восприятия, было выяснено, что наиболее часто используемые модели:

а) «кто смотрит на кого/ что» (41 контекст) Пр.: *Она присаживается на корточки возле забора, смотрит на играющего в песочнице посреди сада малыша* (Шкловский, Е. Гибница). *Хотя, может быть, так казалось потому, что его внутренний мир, те невидимые мне ландшафты, которые он в себе созерцал, не позволяли ему расслабляться. Он и на нас смотрел словно через жалюзи: что там у него, по ту сторону? Бог его знает.* (Кононов, Н. Воплощение Леонида);

б) «кто видит кого/что» (37 контекстов) Пр.: *Миновал реку, я поднялся на берег в займище, густо заросшее тополем, вербой, осиной, а чуть подалее дубком да вязом. И здесь, в безветрии, услышал, а потом увидел человека, который занимался дровами* (Екимов Б. Житейские истории). *Они пожали друг другу руки. Через пять минут Дима увидел своего знакомого с двумя большими чемоданами в руках, за ним шла статная женщина в светлом платье. Знакомый шел и улыбался сам себе* (Гришковец, Е. Спокойствие).

Это объясняется тем, что предикаты, составляющие ядро этих конструкций, являются семантическим центром в концептуальной структуре поля глаголов зрительного восприятия. «Видеть – семантически наиболее нейтральное слово ряда, обозначающее любой акт зрительного восприятия в любых условиях»⁷. В целом глаголы **смотреть** и **видеть** связаны между собой как деятельность и результативное состояние.

Небольшое число примеров построено по следующим моделям:

1) «кто смотрит во что» (4 контекста) Пр.: *Может, даже совсем противоположное. Да и всматриваться в них никто не отваживается* (Шкловский, Е. Гибница).

2) «кто следит за кем/ чем» (4 контекста) Пр.: *Молодые люди с интересом наблюдали за женщиной в свитерке и мини-юбке, которая, слегка пошатываясь, вышла на середину зала и что-то прошептала* (Буйда, Ю. У кошки девять смертей).

3) «кому вспоминается/ чудится что» (4 контекста) Пр.: *Ему вдруг снова вспомнились за-*

дрожащее лицо матери и отец, внезапно вставший и пошагавший по картофельному полю, и снова мать – высокая, красивая, улыбающаяся, прижимающаяся грудью к Шеберстову – там, в саду, – и в полном отчаянии, со слезами на глазах, он уткнулся лицом в подушку... (Буйда, Ю. У кошки девять смертей).

Во всех вышеперечисленных примерах предмет восприятия в предложении выполняет роль дополнения.

Зрительный образ человека может возникнуть ментально, то есть в воспоминаниях или во сне. Пр.: *Лицо Вики всплыло перед глазами – чуть раскосые длинные темные глаза, роскошные темные волосы, тонкий стан (в прошлом гимнастка, кандидат в мастера спорта), что говорить, эффектная барышня* (Шкловский, Е. Гибница). В данном примере, который является трансформацией модели «кто видит кого/ что», происходит *диатеза с наблюдателем*⁸ и объект восприятия становится на место подлежащего.

Особый интерес представляют предложения, в которых визуальный предикат выражен возвратным глаголом: **Мрачноватые братья с улыбкой переглянулись** и залпом выпили коньяк из чайных стаканов (Буйда, Ю. У кошки девять смертей). **Женщины переглянулись** (Там же). В этом случае подлежащее выражено существительным во множественном числе, и оба участника действия являются как субъектами, так и объектами зрительного восприятия.

Таким образом, человек становится объектом восприятия другого в результате взаимодействия, в текстах литературных произведений автор при помощи ввода таких ситуаций зрительного восприятия выражает оценку тех или иных реплик, действий, поступков персонажей. Наиболее часто в конструкциях с семантикой зрительного восприятия используются местоимения, реже имена собственные и другие определения человека по возрасту, профессии, родству и так далее. Самыми распространенными синтаксическими моделями со значением зрительного восприятия, в которых в качестве объекта выступает человек, являются «кто видит кого/ что» и «кто смотрит на кого/ что». Объект восприятия может быть выражен как дополнением (в большинстве случаев), так и подлежащим при диатезе с наблюдателем. Существуют особые конструкции с возвратными глаголами, которые используются для обозначения ситуации взаимного обмена взглядами, то есть оба участника действия

являются как объектом, так и субъектом восприятия.

Примечания

¹ См.: Новый мир : журнал [Электронный ресурс]. 2000–2008 гг. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi.

² См.: Волохина, Г. А. Синтаксические концепты русского предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. Воронеж, 1999. 196 с.

³ Кузьмина, С. Е. Понятие «синтаксический концепт» в лингвистических исследованиях // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 17 (271). Филология. Искусствоведение. Вып. 66. С. 90.

⁴ Ремхе, И. Н. Статус модели в лингвистических науках и ее реализация в когнитивном моделировании языка // Вестн. Челяб. гос. ун-та.

2007. Филология. Искусствоведение. № 8 (86). С. 97.

⁵ Герасименко, Н. А. Соотношение объективного и субъективного компонентов смысла в бисубстантивных предложениях [Электронный ресурс] // Вестн. Моск. гос. ун-та. 2012. № 4. С. 177–181. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/245>.

⁶ Барабанщиков, В. А. Психология восприятия: организация и развитие перцептивного процесса. М., 2006. С. 71.

⁷ Апресян, Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская и др. ; под общ. руковод. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 92.

⁸ См.: Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. 607 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 132–135.

З. М. Дударева

КОНЦЕПТ ЦЕНА В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Рассматриваются вопросы исследования рекламных текстов с точки зрения использования понятия *цена*. Ценовой фактор является важным компонентом рекламы как мотив преимущества считается одним из наиболее значимых с точки зрения обычного покупателя. Приводятся примеры, которые демонстрирует убедительный потенциал рассматриваемой концепции.

Ключевые слова: *реклама, концепт, метафора в рекламе, прагматический потенциал метафоры, аргументация, языковая игра.*

Лингвистика рекламы – одно из ярких и плодотворно развивающихся направлений современных языковедческих исследований.

Развитие рекламоторчества способствует формированию особой сферы коммуникации, где функционирует своеобразный русский язык и используются специфические принципы коммуникации.

Анализ работ, в центре внимания которых находится собственно лингвистика рекламы, позволяет выделить самые различные аспекты в указанном плане: общая организация языкового материала в рекламном тексте; особенности функционирования языковых средств в рекламном тексте; специфика композиции рекламных текстов, исследуемая как совокупность соответствующих; язык рекламы на лексическом, синтаксическом, стилевом уровнях; тенденции

развития престижных компонентов рекламы, в особенности рекламных слоганов; попытки классификации рекламных текстов в зависимости от стратегии рекламы; анализируются языковые особенности различных типов рекламы: торговой, политической, социальной и т. п. [1].

Многочисленность и многоаспектность исследований рекламы в языковом аспекте позволяет исследователям говорить о новом направлении в лингвистике – рекламоведении [1].

Совершенно естественно, что основная цель рекламы – продвижение товара на потребительском рынке, для чего сознанием аудитории должна завладеть идея необходимости или престижности товара. При этом в рекламном дискурсе практически в чистом виде реализуется одна из важнейших функций языка – функция воздействия на адресата.

Таким образом, в сфере рекламы язык служит инструментом коммуникации, цель которой – побудить адресата к потребительскому поведению. Не секрет, что рекламная кампания осуществляется в условиях жесткой конкуренции, в ситуации недоверия, а порой и негативного отношения со стороны адресата, что стимулирует рекламодателей к поиску экономичных языковых «сигналов» привлечения внимания потенциальных покупателей.

Поскольку немаловажное значение для потенциального потребителя рекламируемого товара имеет его цена, обратимся именно к этой позиции рекламного текста. Вполне оправдано, что рекламодатели стремятся учитывать мотив выгоды, обусловленный стремлением человека приобрести дешевый, но, по возможности, качественный товар. И в этом случае концепт *цена* в структуре рекламы становится одним из ключевых элементов языкового манипулирования.

Создание грамотной рекламы требует учета психологии личности как потенциального потребителя и умения использования языковых средств аргументации, приемов убеждения. Именно по этой причине из всей массы определений понятия «концепт» остановимся на психолингвистической его мотивировке, принадлежащей А. А. Залевской, согласно которой концепт – это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [1].

Для того чтобы реклама была действенной, ее создатели должны учитывать многие факторы и в том числе мотив выгоды, весьма немаловажный для большей части населения нашей страны.

Мотив выгоды напрямую реализуется в словосочетаниях «низкие цены» и «выгодные цены», например: *Предлагаем выгодные цены на автомобиль*. Однако чаще рекламодатели «усиливают» представленный мотив выгоды различными способами, и в этом случае потребитель встречает рекламу вроде следующей: *Окна СОК. Грандиозно выгодные цены; Раствор, бетон любых марок по очень выгодным ценам*. Словосочетание «низкие цены» даже в сочетании с каким-либо наречием («безумно низкие», «скандално низкие», «невероятно

низкие», «действительно низкие») считается проблемным клише, и его использование признается неэффективным [3. С. 102]. И все же в рекламе это словосочетание используется довольно часто, например: *Самые низкие цены в городе; Последние очень низкие цены в Cres-side; Забери электронику по абсурдно низким ценам; В М-Видео рекордно низкие цены; Бешено низкие цены на всю электронику; Вся электроника по ошибочно низким ценам; Неделя жестко сниженных цен в Эльдorado*.

Стремление продавцов заявить о себе в лучшем виде приводит к появлению рекламы, суть которой заключается в «отказе от прибыли», так как товар обещают продавать по цене изготовителя: *Заводские цены; Фабричные цены; Товары по закупочным ценам; Товары по ценам производителя; и даже Наши цены ниже, чем у производителя*.

К этой же группе, видимо, можно отнести и следующий пример рекламного текста, гласящий: *Товары по своей цене*.

В погоне за потребителем рекламодатели готовы даже принять цену покупателя, предлагая: *Назови свою цену; Товары по вашей цене*.

А чтобы покупатель не сомневался в искренности продавца, реклама утверждает: *Устанавливаем цены как для себя*.

Чтобы привлечь внимание потребителя к рекламируемому товару, создатели рекламы акцентируют внимание на процессе снижения цен, что также является ориентацией на мотив выгоды. В большинстве случаев реклама подобного рода носит ярко выраженный манипулятивный характер: *Режем цены пополам; в «Спортмастере» цены пополам; Все товары за полцены*.

Магазины объявляют не просто о снижении цен, они гиперболизируют эту кампанию, ср.: *Обвал цен на дубленки и шубы; Грандиозный обвал цен на Ивановский текстиль*.

Подобные заявления могут быть красиво обыграны. Так, посетители парикмахерского салона с юмором реагируют на объявление *«Стрижем цены»*. В то же время следует отметить, что использование деструктивной лексики вносит определенный диссонанс в восприятие рекламного обещания снижения цены. О. А. Феофанов приводит в качестве примера рекламу *«Наш магазин взламывает цены»* [3].

В нашей выборке представлен следующий рекламный текст фирмы «Атланта»: *«Убиваем цены на хозяйственные товары»*.

Для продвижения товара на рынок рекламодателям важно подчеркнуть их близость к

основным группам потребителей, учет их покупательской способности, что ярко выражено в рекламе: *Народная цена на продукты; В нашем магазине самые демократичные цены.* Для людей не самого юного возраста выездная торговля предлагает купить шубы по *советским ценам.*

Один из способов эффективного воздействия на потребителя базируется на использовании в рекламном тексте языковой метафоры, что предполагает апелляцию не столько к рациональному, сколько к эмоциональному уровню потенциального покупателя. Именно в рекламе наглядно представлен прагматический потенциал метафоры, позволяющий воздействовать на адресата, настроить его на необходимый поведенческий тип.

Сезонное снижение цен метафорически обыгрывается в рекламе, где цена соотносится с определенным временем года. В отдельных случаях этот прием оправдан спецификой самого товара, ср.: *Цены на весь ассортимент абсолютно летние* (речь идет о распродаже шуб); *Зимняя обувь по летним ценам; Обувь зимняя натуральная – цены летние Монреальные.* В последнем случае удачно использовано окказиональное прилагательное *Монреальные*, связанное с наименованием магазина «Монро».

Сезонное снижение цен связывается с весенней приметой таяния снега: *Цены тают.* В осенний период ценопонижение связывается в одну картину с опаданием листвы: *Осень начинается, цены осыпаются;* и с отлетом птиц в теплые края: *Цены полетели!* В зимнее время рекламодатели привлекают потребителя, обещая ему *Ценопотепление* и даже *Глобальное потепление цен.*

Жаркое лето, напротив, требует некоторого «похолодания», что также используется в рекламном тексте: *«На улице жаркое лето, а у нас в «Алтынай» ледяной водопад цен».* Кроме того, лето – это пора цветения, что также берется на вооружение создателями рекламы, так реклама фотоаппаратов утверждает: *«В июле расцветают специальные цены».*

В нашей выборке широко представлены рекламные тексты, в которых реализуется метафора «Цена – праздник», например: *Новогодние цены на технику; Обычные цены меняются на новогодние.* Сюда же можно отнести рекламу, где цена объявлена юбилейной: *Торопитесь приобрести Липтон-Айс-Ти по юбилейной цене.* Праздничная нота содержится в

рекламе новых моделей женской одежды, где обещается *Фейерверк суперцен.*

Салоны по продаже автомобилей широко используют рекламу, в которой представлены спортивные метафоры: *Железная схватка: битва с ценой во всех салонах Nissan; Автомобили Nissan одерживают верх над ценами; Цены в нокауте.*

Языковеды отмечают, что в поисках новых средств выражения оригинальности, экспрессивности рекламных текстов, их создатели используют различные способы и приемы языковой игры, в частности, каламбуры, совмещение лексики разных стилей, иноязычные вкрапления, окказиональные новообразования, сознательное нарушение норм орфографии, графики, пунктуации, игровая цитация, реминисценции и так далее.

Одним из действенных приемов воздействия на потребителя является повтор в рекламе, способствующий запоминанию информации. Анализ подобных рекламных текстов свидетельствует, что в этом случае цена на товары воспринимается весьма положительно, так как характеризуется так же, как и сам товар. Так реклама туши-стимулятора роста ресниц утверждает: *Невероятная длина – невероятная цена.* Обратим внимание, что эпитеты в данном случае имеют антонимичное значение. Невероятная длина предполагает нечто большее, чем обычно, в то время как словосочетание *невероятная цена* должно восприниматься как цена ниже обычной. Рекламные повторы часто встречаются для характеристики косметических товаров, приведем еще пример рекламы геля для душа: *Сочный уход – сочная цена.* Однако не менее интересными являются и другие примеры: *Детские товары по детской цене; Честная обувь по честным ценам; Нет сияющих витрин – есть сияющие цены.* В последнем случае речь идет о возможности приобретения товаров в Интернет-магазине, где отсутствуют витрины.

Отметим также, что салоны, специализирующиеся на продаже компьютерной техники, вполне естественно используют в рекламе своих товаров соответствующую лексику: *Интернет-цены в Эльдorado; Распродажа по Интернет-ценам; Перезагрузка цен.* Ориентация этих салонов на учащуюся молодежь прослеживается в рекламе следующего плана: *Умным – отличные цены; Распродажа. Цены – на отлично; Зачетные цены для студентов.*

К разряду окказиональных можно отнести образование термина микроцена в рекламе: *У нас установлена микроцена на товары для дома*. Частным случаем окказиональных инноваций является, на наш взгляд, использование в рекламе новообразований *шок-цена* и *стоп-цена* в магазине детских товаров: *В нашем магазине стоп-цена на детские коляски*.

Реклама не чуждается использования разговорной лексики: *Цены дали деру*. Несовременная орфография представлена в названии магазина «*Грошь-цена*». Такое название само по себе служит рекламой заведения. Используются рекламистами и прием сознательного нарушения правил орфографии. Владельцы салона кожи и меха заявляют: «*В Крессиде с-умасшедшие цены*».

Отметим, что в разговорном языке эпитет «сумасшедший» по отношению к цене товара имеет негативный характер, так говорится о высокой цене, и по этой причине подобная реклама вряд ли может рассчитывать на успех.

Креативная реклама использует ценовую характеристику в стилистике предлагаемого товара, повышая тем самым его привлекательность. С нашей точки зрения, примером удачной рекламы могут быть тексты следующего содержания: *Мы предлагаем легкие цены на*

кожаную обувь; Обувь из кожи по натуральной цене. Покупатель понимает, что кожаная обувь высокого качества не может быть дешевой, однако представленная характеристика цен как легких и натуральных находится в одной плоскости с качеством товара и не противоречит ему.

Таким образом, концепт *цена* в составе рекламного текста обладает ярко выраженным прагматическим потенциалом, что предъявляет повышенные требования к его использованию.

Список литературы

1. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : науч. изд. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 36–44.
2. Зирка, В. В. Языковая парадигма манипулятивной игры в рекламе [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук. Днепропетровск, 2005. URL: <http://www.twirpx.com/file/45965>.
3. Феофанов, О. А. Реклама: новые технологии в России [Электронный ресурс]. СПб., 2000. URL: <http://www.twirpx.com/file/52427>.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 135–139.

Г. И. Исина

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Исследуются механизмы создания образной фразеологической картины мира, что способствует проникновению в тайны когнитивной деятельности человека по творческому освоению мира, уточнению функциональной значимости фразеологических единиц и их места в осуществлении коммуникации.

Ключевые слова: *когнитивная фразеология, концепт, моделирование, сознание.*

Язык является формой существования знания в виде системы определенных моделей. Однако знания, используемые при его декодировании, отнюдь не ограничиваются знаниями о языке. В их число входят также знания о мире, социальном контексте высказываний, умение извлекать хранящуюся в памяти информацию, планировать и управлять дискурсом и многое

другое. Только изучение способов взаимодействия и организации всех типов знаний приближает нас к пониманию сути языковой коммуникации. Изучение знаний, используемых в ходе языкового общения, рассматривается как одно из ведущих направлений когнитивной науки.

Фундаментальной частью наших знаний о мире являются представления об отношениях

между концептами – об их сходствах и различиях, об их отношениях – член класса, часть – целое и т. п. Эти представления в норме формируются через язык. Язык их фиксирует и транслирует, отражая динамику нашего познания [5. С. 40]. Разнообразие типов концептов, их структуры и содержания предполагает соответственно и многообразие видов и способов их репрезентации в системе языка, а концепты, представленные в них, называются лексическими, фразеологическими и так далее. В нашем случае нас интересуют именно фразеологические концепты.

Перевод исследования фразеосочетаний в когнитивное русло обусловлен всем ходом развития научной мысли в современной лингвистике. Когнитивная лингвистика позволяет анализировать процессы, осуществляемые при фразеологизации, то есть образовании фразеологических концептов, и обозначить механизм соотношения языковых и когнитивных аспектов во фразеологии. Когнитивная фразеология «фокусирует свое внимание на ментальных сущностях, которые обеспечивают осознание, идентификацию ФЕ, извлечения их из памяти при организации и восприятии речи, на знаниях, лежащих в основе формирования ФЕ, их переработки в сознании, мышлении, на понятии концептов» [2. С. 10]. Фразеологические единицы, как и слова, обладают способностью отражать и представлять объективный мир в обобщенной форме и выступать как средства обобщенной номинации и как собственная основа организации и реализации мыслительной, познавательной, коммуникативной и речевой деятельности [3].

В качестве основы формирования ФЕ и фразеологической семантики всегда выступают лингвокультурологические и культурологические факты, ситуации и события, содержащие культурно-информационную ценность, которую и перерабатывает этническое сознание, формируя фразеологическое значение, но не в чисто информационном плане, а вкупе с ассоциативными созидательными процессами фразеологической концептуализации. Иными словами, содержание языковых знаков формируется не только механизмом его семантической мотивации, но и переработкой исходного опыта на более высоких когнитивных уровнях.

Во внутренней форме большинства фразеологизмов содержатся смыслы, придающие им некий культурно-национальный колорит. Семантику таких фразеологических единиц мож-

но интерпретировать с позиции ценностных установок и стереотипов, свойственных ментальности этноса. Культура присутствует в нашем сознании в виде ментальных образований-концептов. Концепт предстает как глобальное многомерное образование со сложной структурой, вбирающее в себя обобщенное содержание множества форм выражения в естественном языке и тех сферах человеческой жизни, которые предопределены языком. Оно включает в себя не только «понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики» [4. С. 46]. Концепт в нашем понимании – это универсальная единица мыслительного поля человека, многоуровневая совокупность знаний о каком-либо фрагменте действительности.

Каждый народ по-своему воспринимает мир и формирует свою картину, используя разные инструменты концептообразования. На наш взгляд, представленные в работе компаративные фразеологические единицы (КФЕ) служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно ее оценивания в образах-эталонах, совокупность которых формирует некоторую стабильную языковую картину мира отражения объективной действительности. Последняя является своего рода реакцией на практические потребности человека, как необходимая ему когнитивная основа адаптации к миру. Со всей яркостью отражая особенности менталитета нации, компаративные фразеологические единицы концептуализируют существенный объем знаний человека об окружающей действительности, а также участвуют в трансляции национальных эталонов и стереотипов от поколения к поколению.

Как известно, существуют различные типы когнитивных структур – схема, фрейм или сценарий, картинка или мыслительный образ, скрипт и так далее. Однако общим для них является то, что они представляют собой совокупность хранимой в памяти информации, обеспечивающая когнитивную обработку стандартных ситуаций.

Хотя фразеологические единицы в целом носят «картиночный» характер, среди них мы выделяем картинки, схемы, фреймы и сценарии.

I. Мыслительные картинки. В качестве «картинок», вызываемых фразеологизмами, рассмотрим следующие примеры:

1) *(as) gaudy as a peacock* «разодетый в пух и прах». Внутренняя форма фразеологизма рисует образ расфранченного человека, сравнивае-

мого с павлином. В словаре Мериам-Вебстера дается следующее толкование объекту сравнения: *a peacock – the male peafowl having long tail coverts which can be spread at will displaying brilliant colors*. Перед нами предстает картинка разряженного, кричаще и безвкусно одетого человека.

2) *(as) slippery as an eel* «скользкий как угорь, изворотливый», «голыми руками не возьмешь». Концепт-картинка вырисовывается из следующего («зрительно-считываемого») определения: *an eel – a snakelike fish with a smooth slimy skin*. В результате мы получаем картинку-образ человека, напоминающего извивающуюся змееподобную рыбу со слизистой (без чешуи) и скользкой кожей. Например:

I am morally certain he uses money to get what he is after as freely as a fireman uses water. He's as slippery as an eel. (Th. Dreiser, The Titan, ch. XXVI)

Будьте уверены, мистер Каупервуд не жалует денег, когда ему нужно чего-нибудь добыть. Пронырливый и скользкий, как угорь.

3) *to grin like a Cheshire cat*. Данная ФЕ, содержащая в качестве компонента субстантивный оборот с целостным значением *a Cheshire cat* «бессмысленно улыбающийся во весь рот» проявляет в сознании мыслительную картинку человека с «вечно ухмыляющейся физиономией» Например:

Mama is smiling with all her might. In fact Mr. Newcome says... 'that woman grins like a Cheshire cat'. Who was the naturalist who first discovered that peculiarity of the cats in Cheshire? (W. Thackeray, 'The Newcomers', part I, ch. XXIV)

А мама улыбается во весь рот. Мистер Ньюком говорит...: «Как ухмыляется эта женщина: ни дать, ни взять – чеширская кошка». Хотел бы я знать, какой естествоиспытатель впервые подметил эту особенность в кошках Чешира?

Мыслительными картинками представляются такие фразеологические единицы *(as) dry as a tummy* «высохший как мумия», *(as) graceful as a swan* «изящный как лебедь», *(as) motionless as a carving* «неподвижный как изваяние». Мыслительные картинки в выше указанных примерах выявляются в процессе сопоставления с реальными примерами окружающего нас мира.

Среди КФЕ встречаются и концепты-мифемы, построенные на человеческой фантазии. В языке существуют имена, не имеющие денотатов в окружающей нас действительности. Такие единицы языка являются фактами вооб-

ражения, вымыслом. Воображение рассматривается не только как деятельность сознания, оно вместе с тем – результат этой деятельности, выражающейся в формировании образов, которые не имеют соответствующего «оригинала» в реальной действительности.

Яркими наглядными примерами концептов-мифем являются компаративные единицы: 1) *(as) proud as Lucifer*, где в качестве «фигуры» воображения выступает вымышленное мифологическое существо в образе дьявола-Сатаны; 2) *to look like a ghost* «краше в гроб кладут», буквально выглядеть как призрак. По словарю Мериам-Вебстера *a ghost – the soul of a dead person believed to be an inhabitant of the unseen world or to appear in bodily form to living people (призрак – душа умершего, обитаемого в «ином мире» и появляющегося в телесном облици)*.

Несмотря на то, что в объективной действительности вышеуказанные реалии отсутствуют, в нашем сознании, тем не менее, существуют мыслительные «картиноподобные образы».

II. Концепт-схема, выраженная фразеосочетанием, во многом напоминает мыслительную картинку, но как метафорический эталон «мер и весов» фразеосочетания употребляются для образных, с одной стороны, весьма приближенных, а с другой – довольно точных (в результате «картиночного» представления) оценок предметов и явлений окружающего мира по их параметрам, открытым для сравнения и сопоставления [1. С. 86–87].

Примером концепта-схемы является КФЕ *as tall as a maypole* «высокого роста». *(A maypole – a tall flower – wreathed pole forming a centre for May Day dances «украшенный цветами высокий столб, вокруг которого танцуют 1 мая в Англии» [6].* Данное фразеологическое сравнение более четко определяет понятие высоты (по сравнению с прилагательным *tall* «высокий») вследствие формирования соответствующей мыслительной картинки. ФС *as tall as a maypole* означает не просто высокий, а очень высокий (актуализируется пространственная сема). Образ склонен больше к схеме, чем к картинке, так как понятие «очень высокий» является условным, неопределенным для каждого человека. Пространственная сема включена также в семантику фразеологического значения *(as) rabbits in a warren* «как сельди в бочке», характеризуя избыток предметов, обусловленный ограниченностью занимаемого ими пространства.

Образцом фразеологического концепт-схемы является также ФС *as big as a barn* (*a barn – a building used especially for storing hay and grain, and for housing livestock*) [6]. Образ сравнения выступает в качестве объемной мерки, в результате чего весь оборот означает «очень большой, огромный».

Пространственные семы, или семы меры, включаются и в семантику таких фразеологических сравнений, как *as numberless as the sands* «бесконечные как песчинки», «видимо-невидимо»; *as old as the hills* «очень старый, древний»; *(as) long as one's arm* «очень длинный»; *(as) near as a toucher* «почти, чуть-чуть не».

1) *...the old ponny's teeth were as long as your arm* (K. S. Prichard, 'Haxby's Circus, ch. XIX). У старого пони были длинющие зубы.

2) *Fifty-five must seem as old as the hills to a girl like you* (Wilson, 'Anglo-Saxon Attitudes', part I, ch. I). Такой молоденькой девушке, как вы, мужчина пятидесяти пяти лет кажется древним стариком.

3) *... she's a fine woman. Heart big as a barn.* (Capote, 'In Cold Blood', part III)... Она прекрасная женщина. Человек большой души.

III. Концепт-фрейм. Слова образуют группы, каждую из которых лучше изучать как единое целое, потому что каждая группа является лексическим представителем некоторой единой схематизации опыта или некоторого знания. Знание, которое лежит в основе значений каждой группы, постигается как целостная сущность. Такие группы слов удерживает вместе то, что они определяются и структурируются связанными схематизациями опыта, для которых можно использовать общий термин «фрейм».

В качестве концепт-фрейма выступает фразеологизм *(as) fickle as a fortune* «непостоянный как фортуна». По словарю Мериам-Вебстера *fortune* означает: 1) *an apparent cause of smth that happens to one suddenly an unexpectedly: chance, luck*; 2) *what happens to a person: good or bad luck*; 3) *fate, destiny*; 4) *riches, wealth*. Концепт-фрейм сводит отдельные «кусочки» знаний в одно целое. За фреймом, с точки зрения словарных толкований, стоит архисема, оформляемая рядом лексико-семантических групп. Напр.:

She's as fickle as a fortune, it's one favourite today and another tomorrow with her (DEI). Она непостоянна как фортуна: сегодня один любимец, завтра другой.

Концептом-фреймом объективируется в сознании фразеологизм *as safe as a bank* «абсолютно надежный, безопасный», где в качестве объекта сравнения выступает слово *a bank*, ассоциируемое со следующими понятиями: 1) *an establishment concerned especially with the custody, loan, exchange or issue of money, the extension of credit and the transmission of funds*; 2) *a stock of or a place for holding something in reserve*.

Концепт-фрейм имплицитно включает комплексную ситуацию, его можно сопоставить с «кадром», в рамки которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств.

Своеобразный «образ» концепт-фрейма предстает в ФС *(as) sober as a judge* «серьезный, здравомыслящий»; как результат определенных ассоциаций со словом *a judge*: 1) *a public official authorized to decide questions brought before a court*; 2) *umpire*; 3) *one who gives an authoritative opinion: critic*.

Таким образом, фрейм – это совокупность хранимых в памяти ассоциаций. Фрейм представляется как структура данных для представления некоторого концептуального события. Человек воспринимает ту или иную языковую структуру как фрейм, если он владеет знаниями о реалии, обозначенной словом. Фрейм можно рассматривать как объективацию социального опыта человека, это – «голографическая картинка» в коллективном сознании говорящих субъектов.

IV. Концепт «сценарий» – это особый вид концепта, реализующий в плане сему движения, идею развития. Сценарий носит всегда сюжетный характер. Сема движения и действия включается в состав семантических компонентов таких фразеологических компаративных единиц, как *swing like pendulum* «качаться как маятник»; *go off like hot cakes* «раскупаться, идти нарасхват»; *fall from smb. like a garment* «улетучиться, пройти (о чувствах)»; *burn like a match* «быстро и дотла сгореть»; *go up like a rocket and come down like a stick* «взлететь как ракета, а упасть как хворостина».

Некоторые фразеологические концепты-сценарии предполагают действие ролевого принципа: *watch smb. like a hawk* «зорко следить за кем либо»; *avoid smb. like a leper* «обходить за версту», «избегать кого-либо как чумы»; *fling smb. aside like an old glove* «выбросить кого-либо как старую перчатку».

«Процессуальные» фразеологизмы актуализируют «схему» сценария, которая обогаща-

ется факультативным содержанием в каждом конкретном случае, фиксируя вписываемые в схему «сценария» детали и подробности.

1) *Freeman... If he came across a woman tomorrow out of whom he could do a little better than out...of you he'd fling you aside like an old glove. (S. Maugham 'Smith', act II)*

Фримен... Если Алдисси завтра вступится женщина, с которой выгоднее иметь дело, чем... с вами, он выбросит вас как старую перчатку.

2) *Henry's only consolation was the thought that? Without question, Nye and his colleagues were spending money like water. (A. J. Cronin, 'The Northern Light', part I, ch. 7)*

Генри утешала только мысль, что Ной и его коллеги тратят бешеные деньги.

Таким образом, перед нами – концепты, которые выражаясь фигурально, можно «потрогать на ощупь» [1. С. 41]. Это идеальные образцы, выстроенные в сознании, и в буквальном смысле не отягощенные отношением связи между «вне нас» существующим предметом и его репрезентацией «внутри нас». Остается спроецировать на карту человеческого сознания такие ассоциаты (мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии) от реально существующих в окружающем мире предметов и явлений для того, чтобы осознать: концепт – это целостное идеальное содержание разной степени яркости и четкости, в котором так или иначе отражаются знания человека о фактах материального и духовного бытия.

Важно отметить, что между концептами разных типов не существует резко очерченных границ. Они обладают относительной подвижностью, способны стираться со временем и формироваться заново. Коллективный характер концептов объясняется единством мира, постигаемого индивидуальным сознанием носителей языка, хотя формирование того или иного типа концепта в сознании человека зависит от уровня его знаний конкретного предмета мысли.

Список литературы

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 104 с.
2. Исабеков, С. Е. Некоторые особенности современной фразеологии // Жалпы жэне салғастырмалы фразеологияның езекті мәселелері. Алматы, 2003. 5–13 б.
3. Карлинский, А. Е. Фразеология как наука о сочетаемости лексем // Вестн. Казах. унта междунар. отношений и мировых языков. 2004. №3 (9). Филология. С. 108–121.
4. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004. 256 с.
5. Фрумкина, Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Науч.-техн. информ. 1992. № 3. Сер. 2. С. 3–29.
6. The Merriam – Webster Dictionary. N.-Y., 2004. 849 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 139–143.

Е. М. Какзанова

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ОПИСАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Рассматривается фреймовая структура математического текста, дается сравнение математических текстов на русском и немецком языках. Выявленные фреймы помогают смоделировать принципы структурирования математического текста. Еще одним аспектом лингвокогнитивного описания математического текста является категоризация терминологии, описываемая на примере математических терминов-эпонимов.

Ключевые слова: *фрейм, термины-эпонимы, язык науки, математика, категоризация, категории математических терминов-эпонимов.*

В основе языка как знаковой системы лежит система знаний о мире – концептуальная

картина мира, которая формируется в сознании человека в результате его познавательной де-

тельности; языковой знак при этом изучается не как статичная единица, а с позиции его функционирования в дискурсе, в котором он используется [9. С. 460, 461], в нашем случае в научно-математическом дискурсе.

В свое время Д. Дидро, указывая на абстрактный экспериментирующий характер математической науки, подчеркивал ее гносеологически-методологическую проблематику. Он писал: «Область математики есть мир умозрительный; иными словами, истины, принимаемые за строжайшие, безусловно, теряют это преимущество, когда их переносят на нашу землю». Он прогнозировал: «Не пройдет ста лет, как нельзя будет назвать и трех крупных геометров в Европе. Эта наука остановится на том уровне, на который ее сегодня подняли Бернуллы, Эйлеры, Мопертюи, Клеро, Фонтены, Д'Аламберы и Лагранжи. Они как бы воздвигли Геркулесовы столпы. Дальше этого идти некуда. Их труды будут жить в веках, как и египетские пирамиды, громады которых, испещренные иероглифами, вызывают у нас потрясающее представление о могуществе и силе людей, их воздвигших» [4. С. 213].

Дж. Лакофф говорит о том, что математики обычно рассматривают математику как «платоновский идеал» – единственную в своем роде совокупность абсолютных истин, имеющих место во вневременном царстве математических объектов, не зависящих от понимания каких-либо существ [10. С. 538].

Первый период нового естествознания, закончившийся Исааком Ньютоном, характеризуется большими достижениями не только в области математики, но и в развитии языка математической науки, хотя нельзя не отметить, что язык математических научных текстов крайне редко является самостоятельным предметом исследования лингвистов. В настоящее время значение математики чрезвычайно возросло. Математика стала применяться там, где не применялась раньше.

Учитывая тот факт, что проблема знания является одной из важнейших составляющих в проблематике языка для специальных целей и его главной лингвистической составляющей – терминологии [11. С. 89], мы решили выявить лингвокогнитивные особенности научного математического дискурса на материале его текстового компонента.

Известно, что интеллектуальный уровень автора текста связан с его способностью овладевать определенными когнитивными опера-

циями (сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация и обобщение). Чем яснее и точнее автор может облечь свои представления в языковые структуры, тем систематичнее протекают мыслительные процессы. При этом формы и категории мышления не следует смешивать с языковыми структурами. Научное мышление понимается как особая форма мышления, направленная на решение теоретических явлений, лишь опосредованно связанных с практикой. Таким образом, научное мышление охватывает способность человека достичь познания, которое недоступно чувственному восприятию или доступно лишь опосредованно. Тем самым, как известно, становится возможным научное предвидение (на уровне гипотез, теорем и т. п.).

При рассмотрении особенностей представления знания в математических научных текстах необходимо обратиться к понятию «фрейм». В когнитивной лингвистике под фреймом понимается организованное определенным образом в памяти человека знание. По мнению В. И. Карасика, фреймы – это модели для измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей. Поскольку мир многомерен, в памяти хранятся совершенно различные образы существующих для людей фрагментов мира. Фрейм имеет спиралевидный характер, утверждает В. И. Карасик [8. С. 127, 128]: человек вспоминает о чем-либо, вовлекая в исходный образ весь свой жизненный ассоциативный опыт, который как бы раскручивается по спирали. В принципе, фрейм может включать любой эпизод знания, считает Н. Н. Болдырев, каким бы причудливым он ни казался, лишь бы его разделяли достаточное количество людей [Болдырев 2004:30]. Фрейм помогает нам дорисовывать в уме то, что мы не видим, но что должно иметь место [5. С. 49]. Если фрейм отражает знания, известные большинству членов данного научного сообщества (например, математического), то он должен включать в себя устойчивые признаки, способствующие легкому и быстрому узнаванию фрейма любым членом сообщества [14. С. 237]. Многолетние исследования математического текста позволили нам представить его в виде иерархии фреймов ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ТЕОРЕМА, ЛЕММА, ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, ПРИМЕР, СЛЕДСТВИЕ, ЗАМЕЧАНИЕ, отражающей закономерности структуры математического текста и распределения информации.

В немецком математическом тексте вместо немецкого аналога слова ОПРЕДЕЛЕНИЕ используется латинский термин DEFINITION. С точки зрения точности различают строгие дефиниции, которые имеются только в математике. Среди свойств какого-либо математического объекта или явления имеются существенные и несущественные для его определения. В содержание понятия о каком-либо математическом объекте входят много различных существенных свойств этого объекта. Указание этих существенных свойств объекта, которые достаточны для распознавания этого объекта, называется определением понятия.

Всякое определение математического понятия строится обычно так: сначала указывается название этого понятия, затем перечисляются его существенные свойства.

Например, определение параллелограмма: «Параллелограммом называется четырехугольник, противоположные стороны которого параллельны». Как видим, это определение построено так: сначала указано название определяемого понятия – параллелограмм, затем указаны его существенные свойства: 1) параллелограмм – это четырехугольник; 2) противоположные стороны параллельны.

ТЕОРЕМА – это математическое утверждение, в истинности которого убеждаются при помощи доказательства. Теорема может быть как математическим, так и философским понятием, представляющим собой доказанное предложение некоторой дедуктивной теории. В немецком математическом тексте вместо греческого слова ТЕОРЕМА (THEOREM) используется немецкий синоним SATZ. В отличие от греческого синонима существительное Satz является полисемантическим: толковый словарь Дуден выделяет 12 самостоятельных значений [18. С. 1293] (электронные словари гораздо больше). В двух значениях эти лексемы совпадают – «философское положение» и «математическая теорема». В остальном семантический объем немецкой лексемы охватывает как общее значение «предложение, высказывание», так и специальные значения из области полиграфии («набор»), музыки («период»), финансов («ставка»), рыболовства («стая»), обработки данных («блок»), спорта («серия»), «партия», «сет»), кондитерского производства («карамельная масса»), металлургии («колоша»), хлебопекарного производства («засевные дрожжи»), языка охотников («помет, приплод»). Таким образом, используемая в немец-

ком математическом тексте лексема обогащена обширной иерархией смыслов в отличие от ее синонимического интернационализма.

Дж. Лакофф полагает, что явление полисемии тесно связано с концептуальной организацией в целом, а структура полисеманта являет собой не просто некую категорию, а категорию прототипического характера [10. С. 323]. В. И. Заботкина и Е. Л. Боярская утверждают, что каждое отдельное значение слова представляет собой отдельный фрейм, соотносящийся с определенной концептосферой. По мере развертывания дискурса активизируется один из фреймов концептуальной структуры этого слова [6. С. 66], в научно-математическом дискурсе фрейм полисеманта Satz – «математическая теорема».

ЛЕММА в математике – это вспомогательное предложение, употребляемое при доказательстве одной или нескольких теорем. Значение немецкой лексемы LEMMA такое же – вспомогательная теорема.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО в математике – это система умозаключений, путем которых выводится новое положение [12. С. 175]. Значение немецкого понятия BEWEIS толкуется в электронном словаре Дуден как совокупность подтвердившихся обстоятельств, выводов [19].

Для лексемы ПРИМЕР толковый словарь С. И. Ожегова выделяет три значения, одно из которых – математическое: ПРИМЕР – это математическое упражнение, требующее некоторых действий над числами [12. С. 592]. Хотя в немецких математических текстах существительное BEISPIEL является фреймовым, специальное математическое значение в электронном словаре Дуден не выделяется. Судя по всему, оно входит в значение «выборочно выхваченный, типичный единичный случай (как объяснение определенного явления или определенного процесса)» [19].

Лексема СЛЕДСТВИЕ рассматривается в толковом словаре С. И. Ожегова не как полисемантическая, а как омонимичная, причем каждый омоним моносемантивен. Значение первого существительного СЛЕДСТВИЕ – общеупотребительное: это «то, что следует, вытекает из чего-либо, результат чего-либо, вывод» [12. С. 727]. Именно в этом значении лексема СЛЕДСТВИЕ употребляется и в математических текстах. Значение второго существительного СЛЕДСТВИЕ – юридическое: «выяснение, расследование обстоятельств, собиранье и проверка данных, связанных с преступлением».

Двузначная лексема ЗАМЕЧАНИЕ употребляется в математических текстах в значении «краткое суждение по поводу чего-либо» [12. С. 214]. В таком же значении – «краткое суждение» – встречается и немецкое существительное BEMERKUNG.

Во всех перечисленных лексемах так или иначе встречается сема «рассуждение», ведь именно для математики характерна композиционная речевая форма «рассуждение», с помощью которой, по мнению Ю. А. Васильева [3. С. 6], получают информацию о скрытых связях и зависимостях реальных объектов. Е. С. Троянская отличает математику от всех остальных научных дисциплин потому, что в ней сильно увеличивается частотность употребления одного из функционально-смысловых подтипов рассуждения, а именно подтипа, в котором посылка представляет собой допущение [16. С. 99].

Выявленные фреймы помогают смоделировать принципы структурирования математического текста, будучи форматированными в самостоятельные абзацы.

Проанализировав около 20000 страниц математического текста, мы пришли к выводу, что практически в каждом математическом научном тексте встречается большое количество терминов с ономастическим компонентом, или терминов-эпонимов.

Эпонимом называется термин, который содержит в своем составе имя собственное (антропоним, топоним или мифоним), а также имя нарицательное в обозначении научного понятия (*хопфова группа/ Hopfsche Gruppe/ Hopf group*). Также термин-эпоним может быть образован безаффиксным способом от имени собственного (антропонима, топонима или мифонима) путем метонимического переноса (*Ампер*). Третью группу составляют аффиксальные производные от имени собственного (антропонима, топонима или мифонима) (*якобиан, улексит*).

При выделении категорий математических терминов в качестве основных апеллятивов методом сплошной выборки были выбраны лексемы, которые вошли в отобранные нами математические термины-эпонимы [см.: 7]. По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина [13. С. 127], понятие категоризации относится к центральным, основополагающим понятиям когнитивистики в целом и когнитивной лингвистики в особенности. Категоризация, или классификация сущностей мира, – это важнейшая

мыслительная операция, необходимое условие систематизации мира в сознании. Категоризация, считает Л. А. Манерко, представляет собой тот аспект мыслительной деятельности, который непосредственно связан с функционированием человеческой личности в обществе, освоением окружающего мира и умением не просто классифицировать окружающие явления на какие-то классы, но и воплотить через это умение свое понимание и объяснение действительности. Е. С. Кубрякова определяет категоризацию как главный способ придать восприятию мира упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других.

Общий исследуемый массив приблизительно в 5000 математических терминов-эпонимов оперирует всего 433 апеллятивами. Чтобы установить, к какой категории относится тот или иной термин-эпоним, мы проанализировали значения всех отобранных терминов-эпонимов (более 400 единиц). При этом, поскольку за основу бралось в первую очередь математическое описание соответствующего термина-эпонима, учитывалось профессиональное мышление специалистов-математиков. Таким образом, при выделении категорий мы применяли дефиниционный анализ для каждого термина-эпонима. Результат выделения категорий математических терминов-эпонимов связан с пониманием того, что автор исследования понимает под соответствующим термином-эпонимом. Речь идет только о *когнитивном образном компоненте концепта* (по терминологии З. Д. Поповой и И. А. Стернина), который формируется посредством метафорического осмысления соответствующего предмета или явления (в отличие от перцептивного образа, включающего зрительные, тактильные, вкусовые, звуковые и обонятельные образы). Были выделены следующие 14 категорий немецких математических терминов-эпонимов, часть из которых (9) подпадает под универсальные суперклассифицирующие признаки (по терминологии З. Д. Поповой и И. А. Стернина), а часть (5) присуща только математическим терминам:

1. **Категория ПРОСТРАНСТВА** (для математических терминов заложена в самом определении математики как науки о пространственных формах действительного мира) – *пространство*: пространство Минковского – всего 16 апеллятивов, входящих в состав терминов-эпонимов.

2. **Категория СОВОКУПНОСТИ** (связана с представлением математических элементов как множества, относительно которого выводятся определенные закономерности) – *когомологии*: когомологии Вейля, *компакт*: евклидов компакт, *комплекс*: комплекс Козюля – всего **64** аппелятива.

3. **Категория ЧАСТИ** (часть определяется как отдельные единицы, на которые подразделяется целое) – *дифференциал*: дифференциал Абеля, *элемент*: элемент Коксетера – всего **14** аппелятивов.

Нельзя не упомянуть о том, что существует раздел математики, изучающий свойства отношений между математическими объектами, не зависящие от внутренней структуры объектов,

который называется теорией категорий. Примером категорий данного раздела является, в частности, категория множеств. Объектами в этой категории являются множества. Для любого частично упорядоченного множества можно построить малую категорию, объектами которой являются элементы множества. Во избежание когнитивного диссонанса при выделении таких категорий, как категории *величин, образа, фигуры* и *выражения*, было принято считать их *морфизмами* математической категории множества, поскольку все они так или иначе служат для отображения множеств. В предложенной классификации назовем их подкатегориями парных категорий совокупности и части.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335).
Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 143–146.*

А. Д. Каксин

ОСОЗНАНИЕ И ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ОЧЕВИДНОСТИ И ПОНЯТНОСТИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА (на примере разноструктурных языков)

Содержатся размышления о наличии и развитии в языках разной структуры определенных, когнитивных и «когнитивно мотивированных», фрагментов, что подтверждает возможность адекватного отражения некоторых важных для этого этноса сторон действительности. В частности, осознаваемое всеми этническими сообществами представление (понятие) об очевидности и понятности окружающего мира анализируется на примере фраз и предложений хакасского и хантыйского языков (и их переводов на русский язык).

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, восприятие окружающего мира, отражение в языке, очевидность, эвиденциальность, средства вербализации, языки разной структуры.*

Лингвисты, всегда много занимавшиеся такой разноплановой, сложной языковой категорией, как модальность, в определенный момент «вычленили» из нее и стали изучать отдельно категорию эвиденциальности, или засвидетельствованности. В содержании этой категории определяющим является указание на источник, свидетельствующий о некотором событии, факте. Термин появился в известной статье Р. Якобсона 1957 г., в русском переводе этой статьи в 1972 г., а после прочно вошел во многие лингвистические работы. Другие понятия этого же ряда – пересказывательность, очевидность/ неочевидность (заглазность), миратив, адмиратив (Миратив – неожиданное обнаружение некоторого явления или факта, адмиратив

– крайняя степень неожиданности; изумление, восхищение, сопровождаемое соответствующим восклицанием). Мы предполагаем в дальнейшем использовать термин *эвиденциальность* в качестве родового, разумея, что все остальные вышеназванные соотносятся с ним как видовые: они обозначают разновидности эвиденциальности и, в свою очередь, являются родовыми для терминов, представляющих собой дефиниции более частных значений.

Поскольку когнитивная лингвистика предполагает описание языковой семантики в понятиях/ терминах, характеризующих мышление (сознание), думаем, полезно будет обратиться к особенностям человеческого мышления при описании семантики категории эвиденциальности.

Выявлено уже достаточно много частных значений засвидетельствованности, пересказывательности, очевидности/ неочевидности (заглазности), миративности. Например, в работе Баджанлы Эйюпа речь идет о более чем двадцати значениях и прагматических коннотациях сферы эвиденциальности¹.

Но, обращаясь сейчас к мышлению людей, являющихся представителями малочисленных (редко – больших по численности) этносов Сибири, мы попытаемся обрисовать тот фрагмент их мышления (сознания), доминирование которого с необходимостью ведет к появлению в языке форм, выражающих «первое» значение из числа эвиденциальных, именно – значение *очевидности*. Имея в виду охват языков, можно добавить, что в данном контексте речь идет о разноструктурных языках (ненецком, мансийском, хантыйском, селькупском, эвенкийском, якутском, долганском, шорском, хакасском, тувинском и некоторых других).

Мышление представителей северных народов (возьмем их в качестве типичных) часто называется созерцательным и памятьным. Возможно, это действительно так. Но мы занимались языком (или языками) этих народов и не придавали особого значения этому обстоятельству².

Но теперь, обращаясь пристальнее к семантике эвиденциальности, мы понимаем, что есть и другая сторона мышления северного человека: его практицизм, сосредоточенность на деталях, доскональное знание окружающей природной среды, стремление замечать только устойчивость своей культуры³.

Ранее мы не заостряли внимание, в частности, на следующем факте: значение засвидетельствованности, выражаемое, например, в хантыйском языке формами *неочевидного* наклонения, очень часто реализуется в варианте рассказа об *очевидности*, понятности, предсказуемости окружающего мира (в целом и отдельно по элементам). Теперь же именно этот оттенок эвиденциальности (очевидность окружающего мира, осознаваемая человеком) мы склонны рассматривать как прототипический для всего спектра эвиденциальных значений. Полагаем, что эту искомую сему (то есть оттенок значения) можно вербализовать и так: это обычная (утилитарная по результату) очевидность, понятность и даже предсказуемость. Конкретное языковое выражение рассмотрим на примере хантыйского и хакасского языков.

Впрочем, отталкиваться можно от выразительных высказываний русского языка, которые призваны передать по-русски речь, к примеру, северного человека, рассказывающего о том, что он видит (или *что произошло когда-то*; и даже *что будет с ним впереди*). Почему-то кажется, что наиболее адекватное слово русского языка в этих случаях – *однако*. Вот, к примеру, отрывок из рассказа о своей жизни среди эвенков известного поэта, барда Александра Городничского:

Перемещались мы [геологи] в основном с помощью оленей на нартах, даже летом. Помогали нам каюры-эвенки, дети тайги и тундры. Вот едешь на нартах, сидит впереди Мишка Давендук и вроде поет о чем-то. Я говорю: «О чем поешь, Мишка?» Он говорит: «Ну как, о чем пою, вон сосна, вон лес...» Потом какие-то другие нотки в песне, я говорю: «Что, опять лес?» А он: «Совсем глупый ты, однако... Какой лес? Видишь, вон, за лесом дым показался – чум скоро. Это я о доме уже пою»⁴.

Надо сказать, что это слово (*однако*), действительно, очень удобно для передачи определенных эвиденциальных значений. К примеру, с его помощью можно адекватно передать прототипический эвиденциальный смысл предложений хантыйского языка, содержащих формы соответствующего наклонения – эвиденциалиса (то есть формы на *-m*, *-t* и *-ti -t*):

Nāŋ śi tāta lol'-m-en! Muj ān ūvatsen ħvttī? «Ты ведь здесь *стоял, однако!* Почему не крикнул ему?»

Šāŋka śi jūv-m-al, vūlet pešilał piła pirum evałt ħ'ūk tāχetn χāhatijl-t-el «Жарко *стало, однако*, олени с телятами от оводов в чаще *прячутся, очевидно*».

Śi kŭtn jām kem ar vońsumat ākat-m-an! «Все же вы двое достаточно ягод *набрали, однако!*».

Tum joχlan iśi tiv vevemijl-m-el «Те люди тоже сюда *наведывались, однако (=это видно)*».

Śiti, śiti, mojlum śuχrenan χōlum χō imiłał alaŋ sata χuł vel-m-el «Так и так, подаренным тобой ножом трое мужчин жен своих утром *убили их, однако*».

Ješavōł pa śi kasupsijŋ ħuχŋ χōχal-m-al! «Скоро опять на соревнованиях на лыжах *побежит, однако!*»

Χōltemn, mułti śi pūsijl. Ampem χūvan-vanan pārsen χota vūrat-m-al! «Слышу: что-то *сопит!* Собака моя давно ли, недавно ли в палатку *залезла, однако!*»

Χānum, nāŋ ar moś vō-t-en, tāj-t-en. Mońša sa, at āł muj kaśn χułał «Кум, ты, *однако*, много ска-

зок *знаешь, имеешь*. Рассказывай-ка, глядишь, между делом и ночь пройдет».

Определенные лексические средства в хантыйском языке тоже есть, но служат в качестве дополнительных (вспомогательных) средств по отношению к глагольным формам на *-m*, *-t* и *-ti -t*.

Pa oł tuɣtaŋ ɣopat tiv latijl-ti ši pit-t-el! «На следующий год самолеты здесь *приземлятся уже будут, однако!*»

Min pełama ľiv ľik añ tāj-m-ał, ľiv sāmł tula-t-ał ši vi «На нас он не гневался, его сердце *оттаяло, однако*».

Ľiv nānti tātaŋ ɣātł vjš lawat-ma-l! «Он тебя в течение всего дня, *однако, ждал!*»

Multi vörn nāj sora-sora sit ɣōɣat' u-m-en šiv! «Каким-то образом ты быстро-быстро, *однако, сбежал туда!*»

Ľiv, šop, tām māratn kōrteva juɣat-m-el! «Они, *однако (поди)*, за это время в нашу деревню *приехали!*».

Ješavōł poɣrat punš-t-el ɣurasup «Скоро *созреют* кедровые шишки, *однако*».

Далее, имея в виду материал другого языка, мы провели небольшое исследование определенного характера. Сначала предложили носителю хакасского языка перевести на родной язык русские фразы (предложения), построенные с использованием слова *однако*. Полученный материал мы проанализировали на предмет того, какими средствами хакасского языка передано искомое значение (точнее, нюансы этого значения, то есть семы одной и той же семантемы). Затем выбрали из текстов художественных произведений (на хакасском языке) множество предложений с выявленными средствами. Сравнение двух рядов предложений позволило уточнить формулировку разбираемой семантемы, а также сформулировать и отдельные семы, ее составляющие. Не будем приводить все записанные нами примеры, а лишь некоторые. Предварительно можно сказать только, что выявленные нами семы значения очевидности (приведены в конце статьи), судя по формулировке, совпадают с тем, что в других работах по эвиденциальности (особенно явно – в упоминавшемся труде Б. Эйюпа) называется *прагматическими коннотациями*. Итак, для иллюстрации вышеизложенных положений воспроизведем небольшой ряд высказываний на хакасском языке.

Танда наңмыр чағар, *неке* «Завтра дождь будет, *однако*».

Син мині алаахтырказың, *неке* «Ты меня обманываешь, *однако*».

Че аалчы парарга сағынминчатхан, *осхас!?* «Гость и не собирается уходить, *однако!?*»

«Пу хуу, ах парча тӧзелген осхас чазыларда суғ даа учураадағ *осхас пӧлдӧрбеен*»⁵ = «В этой голой, словно белым шелком покрытой, степи, *однако, трудно встретить* воду». Или: «В этой голой, словно белым шелком покрытой, степи *не похоже, чтобы встретилась* вода».

Кӧйтӧк *полчатнастар ба...* Палалығ, тартынчахтығ кӧзее чӧгленӧс чоғыл нооза⁶ = «Так они *же, хитрые, однако...* К человеку с ребенком и обозом нет ведь подозрения».

Таким образом, эвиденциальность (в нашем смысле – очевидность) окружающего мира, осознаваемая человеком, является очень важным компонентом (результатом) мышления, и эту эвиденциальность представителям многих народов необходимо так или иначе выражать языковыми средствами. Много и частных проявлений (прагматических коннотаций) этого эвиденциального значения, и три из них наиболее часто реализуются в языках народов Сибири: это обычная (по результату, по «следу») очевидность, очевидность «по логике» и утилитарная предсказуемость.

Примечания

¹ См.: Баджанлы, Эйюп. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте: в сопоставлении с алтайским языком : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 32 с.

² См.: Каксин, А. Д. Модальность, эвиденциальность и миративность как семантико-грамматические категории одного уровня (на примере хантыйского языка) // Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI в. : материалы междунар. науч.-практ. конф., 5–7 октября 2009 г. / РГПУ им. А. И. Герцена; СПбГУ. СПб., 2009. С. 69–70 ; Каксин, А. Д. Категория эвиденциальности в хантыйском языке (к вопросу об «эвиденциальном поясе Старого света») // Историко-культурное наследие Хакасии : материалы Междунар. науч. конф. 20–21 октября 2011 г. Абакан, 2011. С. 240–241.

³ См.: Головнев, А. В. Сон принца Ичи // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур : тез. Междунар. науч. конф. 26–30 июня 1995 г. Т. II: Археология. Этнография. Новосибирск, 1995. С. 103 ; Кулемзин, В. М. К вопросу об устойчивости и изменчивости культуры // Аборигены Сибири... Т. II: Археология. Этнография. Новосибирск, 1995. С. 150.

⁴ Городницкий, А. *Кругосветная жизнь* // *Огонек*. 2011. № 8 (5166). С. 36–37.

⁵ Доможаков, Н. *Ыраххы аалда / В далеком*

аале : роман : на хакас. и рус. яз. / пер. Г. Ф. Солятина. Абакан, 2010. С. 12.

⁶ Там же. С. 38.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 146–150.

С. С. Калинин

О ПРИМЕНЕНИИ ТЕОРИИ РАСПРЕДЕЛЕННОЙ КОГНИЦИИ ДЛЯ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБРАЗНОСТИ

Описывается применение методов теории распределенной когниции для анализа образов-символов на материале такого памятника древнеисландского языка, как эддическая песнь «Речи Высокого». Показывается важность анализа структуры образов-символов как основы для моделирования древнегерманского языкового сознания.

Ключевые слова: *теория распределенной когниции, концепт, геиштальт, образ-символ, концептуальные смыслы, древнеисландский язык, Старшая Эдда.*

Одним из направлений в современной когнитивной науке «третьего поколения» (этот термин принадлежит А. В. Кравченко [7. С. 16–17]) является теория распределенной когниции. Данный подход базируется на биологической теории когниции У. Матураны [15], согласно которой «когнитивная система – это система, организация которой определяет область взаимодействий, где она может действовать значимо для поддержания самой себя, а процесс познания – это актуальное (индуктивное) действие или поведение в этой области» [7. С. 265]. А. В. Кравченко также пишет об этом следующим образом: «Живые системы – это когнитивные системы, а жизнь как процесс представляет собой процесс познания... Нервная система расширяет когнитивную область живой системы, обеспечивая возможность взаимодействия с «чистыми отношениями»; познания она не создает» [7. С. 265]. Из этого высказывания естественным образом следует вывод о том, что разумность не заключена исключительно в пределах телесной оболочки организма, ментальные процессы не ограничены исключительно пределами организма, а сознание познающего субъекта не локализовано исключительно в пределах мозга. Э. Томпсон говорит об этом следующим образом: «Сознание отдельного человека не заключено в голове, оно простирается через все живое тело и включает мир, находящийся по другую сторону биологической мембраны организма, в

особенности межличностный, социальный мир себя и других» [23. С. 2]. В этом и состоит основная идея теории распределенной когниции.

Следуя теоретическим построениям А. В. Кравченко, мы можем сказать о том, что распределенная модель языка – это «модель, в которой язык, отнюдь не являясь однородным внутренним кодом, описывает разнородный набор артефактов и практик» [7. С. 268]. Из данного утверждения естественным образом следует вывод о том, что когнитивное освоение окружающего мира может производиться как с помощью поликодовых систем языка, так и с помощью предметов и явлений окружающей действительности. В частности, Э. Кларк и Д. Чалмерс в своей работе [21] выдвигают идею «расширенного сознания», заключающуюся в том, что артефакты внешнего мира расширяют наши мыслительные возможности и когнитивные способности [7. С. 271]. Э. Хатчинс в своем труде [22] пишет о том, что различные виды человеческой деятельности, такие, как человеческие практики, различные артефакты и народные верования оказывают существенное влияние на формирование когнитивных задач. По словам А. В. Кравченко, «когниция распределена в культуре» [7. С. 272]. Влияние экстралингвистических процессов на процесс языковой концептуализации мира отмечает и М. М. Маковский [12. С. 21–24]. В частности, он рассуждает о том, что значения многих общеиндоевропейских лексем и соответству-

ющие концептуальные смыслы возникли в результате ритуальных практик древних язычников, в частности, приношений жертвенных животных и возлияний божествам [12. С. 23–24].

Результатами концептуализации мира являются различные типы структур знания. Такими являются, преимущественно, концепты. Согласно положениям современной модусно-гештальтной теории концепта, выдвигаемой, в частности, в работах В. И. Карасика [5], А. П. Мартынюк [14], Л. О. Чернейко [19 ; 20], С. Х. Ляпина [10], концепт проявляет себя в различных типах дискурса в виде так называемых гештальтов. Л. О. Чернейко метафорически описывает основное свойство гештальтов как «маску, которую язык надевает на абстрактное понятие» [20. С. 24]. В качестве гештальтов могут выступать различные элементы «промежуточного языка» (термин Ю. Н. Караулова [6. С. 184–189]), например, понятия, образы (в том числе и образы-символы), символы, концептуальные метафоры [14]. В то же время, согласно утверждениям Л. О. Чернейко [20. С. 24], концептуальные метафоры структурируют отношения между системой гештальтов определенного концепта, в таком случае гештальт выступает как «имплицитный вспомогательный субъект метафоры...» [20. С. 24], сочетающийся с «эксплицитным основным субъектом метафоры» [20. С. 24]. Но гештальты функционируют не только в собственно языковой среде, согласно теоретическим положениям Дж. Лакоффа они являются структурами «используемыми в процессах – языковых, мыслительных, перцептуальных, моторных или других» [8. С. 360]. Ю. Н. Караулов утверждает, что гештальты являются универсальными структурами, с помощью которых «организованы мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторная деятельность и язык» [6. С. 191]. Таким образом, о гештальтах можно сказать, что они имеют двойственную природу (как писал об этом Ю. Н. Караулов, гештальты обладают «двуликостной природой» [6. С. 191]). С одной стороны, они являются результатом языковой концептуализации мира, несущим в себе информацию, «квант знания» об объективной реальности и служащим связующим звеном между «значениями и их коррелятами в действительности» [6. С. 191]. С другой стороны гештальты сами участвуют в процессе неязыковой концептуализации мира, с их помощью организованы внеязыковые человеческие обряды, ритуалы и

практики [6. С. 191]. Данная особенность гештальтов позволяет определить их как структурный элемент, с помощью которого осуществляется процесс распределения когниции.

Как уже говорилось несколько выше, в качестве гештальтов могут выступать образы, образы-символы и собственно символы [14]. Несмотря на то, что данные понятия широко употребляются в лингвистическом языке, до сих пор не существует общепринятых определений образа и символа. Существует несколько различных подходов к определению данных структур. Так, в частности, С. С. Аверинцев, представляющий «литературоведческий» подход к определению символа, дает следующее его определение: «В широком смысле можно сказать, что символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемостью образа. Всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ); но категория символа указывает на выход образа за собственные пределы, на присутствие некоторого смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного. ... Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немислимые один без другого (ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты), но и разведенные между собой и порождающие между собой напряжение, в котором и состоит сущность символа. Переходя в символ, образ становится “прозрачным”; смысл “просвечивает” сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива, требующая нелегкого “вхождения” в себя» [1]. Образ же сторонники данного подхода определяют через четыре основных его свойства, по словам М. Б. Храпченко, «четыре определяющих “стихий” художественного образа, или... сферы его раскрытия»: «а) отражение и обобщение существенных свойств, черт действительности, представлений человека о мире, раскрытие сложности духовной жизни людей; б) выражение эмоционального отношения ко всему тому, что служит объектом творчества; в) воплощение идеала, совершенного, красоты жизни, природы, создание эстетически значимого предметного мира; г) внутренняя установка на восприятие читателя, зрителя, слушателя, присущая образному творчеству и связанная с этой установкой потенциальная сила эстетического воздействия, которое отдельный образ

и искусство в целом всегда оказывали и оказывают на его «потребителей» [18. С. 66–67]. А. Ф. Лосевым дается следующее определение символа: это «идейная, образная или идейно-образная структура, содержащая в себе указания на те или иные отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком» [9. С. 51]. Н. Д. Арутюнова пишет о сложных соотношениях между образом и символом, которые, по ее словам, «вступают между собой в отношения стабилизации» [2. С. 313]. В. П. Москвин, являющийся сторонником семиотического подхода к исследованию образов, утверждает, что основой для их создания служит дескриптивная лексика, подвергшаяся процессу метафорического переосмысления [17. С. 68–70]. Такая лексика характеризуется Н. Д. Арутюновой как несущая в себе большой потенциал для «развертывания» в полноценный образ, именно поэтому она именуется данным лексический класс как «слова с портретным значением» [2. С. 253].

Сторонником психологического подхода к исследованию образов является Ю. Н. Караулов [6. С. 189]. Согласно его теоретическим выводам, образы являются элементами промежуточного языка, «языка мысли» [6. С. 191]. Они характеризуются наглядностью, синтетичностью, синкретизмом, недискретностью, известной схематичностью [6. С. 191]. В каком-то смысле, как это подчеркивается Ю. Н. Карауловым, образ является менее абстрактной и обобщенной структурой знания, чем гештальт [6. С. 189–191]. Образы (и образы-символы, в том числе) соотносятся со структурами окружающей действительности и являются, таким образом, элементами «универсального предметного кода» [6. С. 191] (данный подход был предложен еще Н. И. Жинкиным [4. С. 26–39]). Следовательно, эти структуры являются также одними из инструментов осуществления процесса распределения когниции, поскольку соотносятся с предметными кодовыми системами реального мира.

Символы же Ю. Н. Караулов трактует как структуры, занимающие промежуточное положение между знаком и образом [6. С. 202], также являются элементами промежуточного языка мысли, но, в отличие от образов, не являющиеся самостоятельными единицами [6. С. 203]. Ю. Н. Караулов определяет основную особенность символа как набор признаков, который при определенных условиях может проявиться у любых единиц промежуточного

языка [6. С. 203]. Таковым является способность символа быть «знаковым опосредователем мышления» и знаковым средством языка мысли [6. С. 202]. С точки зрения цитируемого нами исследователя, символ является функцией тех или иных элементов промежуточного языка, обладающей двойственной – знаковой и образной одновременно – природой [6. С. 202]. В связи с этим для нашего дальнейшего изложения важным будет являться установленный Ю. Н. Карауловым факт, что большое количество слов является символами [6. С. 205], то есть они выступают «в качестве символа для большого семантического комплекса» [6. С. 205]. В дальнейшем исследоваться будут именно вербализованные образы-символы, выступающие в качестве гештальтов определенного концепта.

На примере древнегерманского лингвокультурного концепта «священное знание» мы рассмотрим методику анализа системы гештальтов концепта с учетом процесса распределения когниции. Выбранный нами для анализа концепт объективируется в одном из фрагментов эддической песни «Речи Высокого» (дисл. *Navamal*). Данный фрагмент представляет собой фрагмент аутентичной древнегерманской культовой поэзии. Фабула данного фрагмента заключается в том, что верховный бог древних германцев Один принес в жертву себя самого, повесившись на Мировом Древе – ясье Иггдрасиль (дисл. *Yggdrasil*), с целью обрести руническую письменность, что и произошло в дальнейшем. По мнению Е. М. Мелетинского, данная фабула имеет отношение к шаманским сакральным практикам («шаманской экстатичности», выражаясь его собственными словами) и практике инициаций [16].

Для более глубокого анализа вербальных проявлений различных гештальтов концепта «сакральное знание» целесообразно воспользоваться методами лингвистической генетики [11. С. 3–171]. Языковые гены являются своеобразными лексико-семантическими отражениями элементарных концептуальных смыслов [11. С. 14–16], образующих структуру гештальтов, в нашем случае образов-символов, вербализуемого концепта. Языковые гены и более сложные структуры, которые возможно из них составить, также выступают в качестве элемента распределения когниции, поскольку какие-либо изменения в генетической структуре языка, называемые чаще всего мутациями, влияют на окружающую языковую среду

[11. С. 15–16]. М. М. Маковский так пишет об этом: «Языковой ген... не представлен в языке в виде конкретных материальных единиц и обнаруживается косвенным путем – лишь по своим проявлениям в языке» [11. С. 17]. В процессе этого распределения ведущую роль принимает на себя слово как основной носитель и основное «хранилище» генетических структур языка, поскольку оно «наиболее полно отражает в себе все генетические процессы, в частности, доминантность и рецессивность» [11. С. 25], соотносимые, в свою очередь, по М. М. Маковскому, с процессами перераспределения так называемой языковой энергии [11. С. 24], которая по своей природе есть «энергетический потенциал, поток сознания» [11. С. 171], энергия нейронных сетей головного мозга.

Даже при поверхностном взгляде на вышеупомянутые несколько строф можно заметить несколько различных гештальтов, вербализующих концепт «священное знание»: «руны» (дисл. *runar*), «слово» (дисл. *ord*), «знаки» (дисл. *stafi*), «песня» (дисл. *fimbulljóð*), причем в семантике последнего вербализованного символа подчеркивается именно сакральная, сверхъестественная сила песни, с помощью которой можно управлять стихиями в окружающем мире. Также интересным представляется гештальт в виде концептуальной метафоры «мед, что в Одрёрир налит» (дисл. *mjóðr ausin Óðrerí*), символизирующей знание, в том числе и сакральное, и восходящая к известному мифу о добыче Одином меда поэзии, рассказ о котором также присутствует в «Речах Высокого».

Вербализатор *ord*, в частности, соотносится с генетической формулой «вокалическое ядро + d» [11. С. 122–123], с которой соотносится большой пласт индоевропейской лексики с семантикой огня (например, да. *ad* «огонь»), воды (латыш. *udens* «вода», «жидкость»), пищи и кормления (например, англ. *food*) и продолжения рода (гот. *fitan*, шв. *föda* «рожать») [11. С. 122–123]. Согласно данным, приведенным в работе [13] М. М. Маковского, вода в индоевропейских языках символизировала продуцирующее начало, что соотносится с концептуальной стороной анализируемых строф, которые выражают процесс получения, «продуцирования» знания.

Вербализатор *ljóð* соотносится с генетической формулой «l + вокалическое ядро + d» [11. С. 131–133], с которой соотносятся, например, латыш. *lieta* «вещь», нем. *loder* «пылать», нем. *Lied* «песня», да. *hlud*, *hlyd* «голос»,

русс. диал. луд «ослепительный свет», русс. лад, плод, лат. *ludus* «игра» (более подробно о связи игры с культовыми действиями см. в [11. С. 136]), дисл. *id* «действие», «волшебство» [11. С. 131]. Компонент же *fimbul*, входящий в состав сложного вербализатора *fimbulljóð*, соотносится с генетической формулой «b + вокалическое ядро + l» [11. С. 147–148]. С этой же формулой соотносятся, например, др.-инд. *balam* «сила», латыш. *balls* «голос», др.-рус. балий «заклинатель», «чародей» [11. С. 147]. Таким образом, в данном гештальте концепта «сакральное знание» подчеркивает связь сакральной поэзии с голосовым ее исполнением и священной песней (в первую очередь, с магической силой пения и песни), а также прочими священными действиями.

Вербализованный образ-символ *runar*, имеющий форму множественного числа в анализируемом фрагменте, соотносится с генетической формулой «вокалическое ядро + m» [11. С. 150–151]. С ней же соотносятся такие лексемы как, например, др.-инд. *uma* «блеск», *ota* «успех», лит. *umas* «ум», «дух», «смысл», «понимание», русс. *ум* [11. С. 150]. В данном гештальте можно обнаружить актуализацию признаков, связанных с мышлением и пониманием, которые заложены в исходный концепт.

В свою очередь, вербализованный образ-символ *staf* соотносится с генетической формулой «s + вокалическое ядро + d» [11. С. 135–136], с которой соотносятся, например, др.-инд. *suddha* «чистый», «яркий», «светлый», *sidhyati* «удаваться», дисл. *seið* «волшебство», лат. *sidus* «звезда» [11. С. 135–136]. Таким образом, данный гештальт также отражает сакральную ценность концепта «священное знание», вкладываемое в него носителями германо-скандинавской лингвокультуры.

Вербализатор *mjóðr*, входящий в состав концептуальной метафоры *mjóðr ausin Óðrerí*, соотносится с генетической формулой «m + вокалическое ядро + d(t)» [11. С. 133–134], которая соотносится с такими лексемами, как, например, др.-инд. *mudra* «знак», *medhah* «священная жертва», *madama* «любовь». *manta* «имущество», «богатство», алб. *madh* «большой», «огромный», лат. *mundus* «чистый», «священный» [11. С. 133], галл. *meidos* «слава», *medo* «освящая» [11. С. 134], то есть вообще с лексикой с положительными коннотациями. Непосредственная связь данного гештальта с отражаемым им концептом «священное знание» очевидна, поскольку данный лексико-семан-

тический пласт несет в себе лексемы, которые, так или иначе, имеют коннотации, связанные с сакральной сферой.

Таким образом, мы дали структурный анализ всех гештальтов концепта «священное знание», объективированного в одном из фрагментов «Речей Высокого», и показали все возможные концептуальные смыслы, содержащиеся в них. Помимо этого, мы обосновали, что в процессе концептуализации мира сознанием человека происходит процесс распределения когниции, зависящий как от лингвистических, так и от экстралингвистических факторов, и отражаемый, в том числе, и на лексико-семантическом и концептуальном уровне языка. Основными «средствами» лингвистического отражения процесса являются, в данном случае, системы гештальтов определенного концепта. В нашем случае это древнегерманский лингвокультурный концепт «священное знание», о чем уже упоминалось выше. Представляется вероятным, что дальнейшее применение понятийного аппарата теории распределенной когниции и соответствующих методик анализа позволит выявить более глубокие особенности древнегерманской концептосферы, а также древнегерманского мировидения и миропонимания.

Список литературы

1. Аверинцев, С. С. Символ [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/simv.php.
2. Арутюнова, Н. Д. Синтаксические функции метафоры // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37, № 3. С. 251–262.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
4. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопр. языкознания. 1964. № 6. С. 26–39.
5. Карасик, В. И. Языковые ключи. М., 2009. 406 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 8-е изд. М., 2013. 264 с.
7. Кравченко, А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М., 2013. 388 с.
8. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 350–369.
9. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001. 558 с.
10. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центрконцепта. Вып. 1. Архангельск, 1997. С. 11–35.
11. Маковский, М. М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. 208 с.
12. Маковский, М. М. Удивительный мир слов и значений: иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. 2-е изд., стереотип. М., 2005. 200 с.
13. Маковский, М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. М., 2004. 632 с.
14. Мартынюк, А. П. Опыт модусного моделирования концепта (на примере концепта *celebrity*/ *знаменитость*, актуализированного в англоязычном газетном дискурсе) [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no1-2010/martynuk-a-p>.
15. Матурана, У. Биология познания // Язык и интеллект / сост. В. В. Петров. М., 1996. С. 95–142.
16. Мелетинский, Е. М. Скандинавская мифология как система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky10.htm>.
17. Москвин, В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. 4-е изд., испр. и доп. М., 2012. 200 с.
18. Храпченко, М. Б. Горизонты художественного образа. М., 1982. 334 с.
19. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. 2-е изд., перераб. М., 2010. 272 с.
20. Чернейко, Л. О. Имя *судьба* как объект концептуального и ассоциативного анализа / Л. О. Чернейко, В. А. Долинский // Вестн. Моск. ун-та. 1996. № 6. Сер. 9. Филология. С. 20–41.
21. Clark, A., The extended mind / A. Clark, D. Chalmers // Analysis. 1998. № 58 (1). P. 7–19.
22. Hutchins, E. Cognition in the Wild. Cambridge, 1995. 381 p.
23. Thompson, E. Empathy and consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2001. № 8 (5–7). P. 1–32.

ПЕРСПЕКТИВЫ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДИСКУРСА

Представлены возможности и перспективы когнитивных исследований дискурса. Дискурс рассматривается как специфичная реальность языка, характеризующаяся целым рядом когнитивных свойств, каждое из которых может выступать отдельным предметом исследования.

Ключевые слова: *дискурс, когнитивно-коммуникативное взаимодействие в дискурсе, субъект дискурсивной деятельности.*

Когнитивные исследования языка на современном этапе развития лингвистического знания немыслимы без обращения к дискурсу, охарактеризованному Е. С. Кубряковой как особая реальность языка. Данная реальность чрезвычайно сложна и многопланова. Она не укладывается в рамки какого-либо отдельного направления, не моделируется, если принимать во внимание только некоторые аспекты ее проявления. Все вышесказанное приводит к тому, что в когнитивных исследованиях дискурса на данный момент больше вопросов, чем ответов. Тем не менее, без всестороннего понимания данного явления сущность языка долго останется неразгаданной. И вклад когнитивной парадигмы исследований языка в этом смысле необходим.

Когнитивный подход к дискурсу, как представляется, должен основываться на следующих теоретических положениях:

1. Дискурсивная деятельность – важный, отдельный и специфичный вид деятельности человека. Одновременно она является неотъемлемым, сопутствующим компонентом других видов деятельности человека. Следовательно, дискурсивная деятельность выступает сущностью человека.

2. Соотношение «дискурс – когниция» дихотомично. Будучи тесно связан с деятельностью человека и выступая ее продуктом, дискурс неотделим от человеческой когниции. Именно дискурсивная деятельность обеспечивает реализацию целого ряда когнитивных возможностей и способностей человека, прежде всего таких, как восприятие, память, прогнозирование, ментальное соотнесение событий, выстраивание ассоциативных связей, установление причинно-следственных закономерностей и др. В свою очередь, когниция дискурсивна, имея дискурс своим источником проявления.

Основываясь на вышеизложенных когнитивных характеристиках дискурса, представляем оправданным исходить из того, что

дискурс так же когнитивен, как и коммуникативен. Соответственно когнитивная составляющая данной языковой реальности не должна игнорироваться в лингвистических исследованиях. При этом исследователи, несомненно, должны осознавать, что когниция и коммуникация в дискурсе неотделимы друг от друга. Следовательно, нужно всегда отдавать себе отчет в том, что сущность дискурса не может быть объяснена только действием определенных когнитивных механизмов, прежде всего в силу того, что одновременно задействуются и механизмы коммуникативные, и наоборот. Соответственно, направленность всех когнитивных исследований дискурса должна способствовать выявлению его когнитивной сути как одного из необходимых условий существования и проявления рассматриваемой языковой реальности. Именно когнитивный аспект рассмотрения дискурса, на наш взгляд, сохраняет и усиливает актуальность многих его исследований, так как направлен на решение целого ряда задач, среди которых:

- выявление когнитивных оснований данной языковой сущности;
- описание собственно когнитивных характеристик дискурса и особенностей их интеграции с характеристиками коммуникативными;
- анализ специфики дискурсивной репрезентации различных когнитивных механизмов и языковых структур;
- понимание особенностей дискурсивной репрезентации субъекта познания и др.

В рамках настоящей статьи хотелось бы обозначить некоторые перспективы исследований дискурса, вытекающие непосредственно из специфики дискурсивной деятельности как деятельности когнитивной.

1. Когнитивный статус дискурса не оспаривается, прежде всего, потому, что дискурсивная деятельность неотъемлемо связана переработкой информации и представлением знаний. Данный процесс имеет свои особенно-

сти, так как предполагает особый ракурс восприятия мира и его познания. Продуцирование дискурса – это всегда сложная и многосторонняя интеграция процессов и систем восприятия действительности (первичных (эмпирических) и вторичных (интерпретативно-оценочных)) и языкового представления результатов работы данных систем. Это когнитивный процесс, предполагающий особый ракурс познания мира и его языковой репрезентации. Иными словами, это динамичный и активный вывод из памяти различных структур знания. До того, как быть переданной в рамках коммуникативного акта от одних участников другим, необходимая информация предварительно подвергается определенной концептуально-категориальной обработке и получает определенную концептуально-категориальную конфигурацию, новое знание. На эту специфику переработки информации в дискурсе указывала и Е. С. Кубрякова, выделяя данную когнитивную характеристику дискурса как дискурсообразующую (ср. «по самой своей сути дискурс – явление когнитивное, то есть имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний (выделено автором – О. М.)»¹).

Следовательно, важной исследовательской задачей должны стать описание и анализ данного знания. Особенно интересно, на наш взгляд, выяснить, каким образом происходит конфигурация знаний в дискурсе как в рамках своего формирования, когда происходит извлечение имеющегося знания и его качественная переработка в знание новое, так и в рамках интеграции (встраивания) сформированного знания в конкретный акт коммуникации.

2. Выступая особым способом конструирования мира, дискурс представляет собой особую структуру знания. Она многокомпонентна и обязательно включает в себя как минимум две системы знаний: знаний о правилах коммуникации и знаний о мире. Именно эти системы делают дискурс «сложным единством языковой формы, знания и действия»². Первая система знаний коммуникативно ориентирована. Она представлена знаниями об участниках коммуникации, знаниями о коммуникативной ситуации, конкретных прагматических условиях ее порождения и др. Она обуславливает особенности интеграции сформированного знания, предназначенного для передачи другим участникам, в собственно акт коммуникации. Система знаний о мире –

это сформированное и передаваемое знание, то знание, ради которого предназначен тот или иной акт коммуникации. Эта система знаний ориентирована на восприятие и понимание мира относительно сложной системы культурно-обусловленных, национальных, социальных, профессиональных, возрастных, гендерных и др. характеристик познающего субъекта. Она очень сложна, иерархична, обусловлена целым рядом когнитивных возможностей, способностей и потребностей индивида. Понимание того, как формируется целостный блок знания в дискурсе, представляет собой еще одну проблему когнитивный исследований языка.

3. В основе формирования, а также концептуальной, структурной и коммуникативной организации дискурса как когнитивно-коммуникативной структуры знаний лежит особая система антропоцентрических координат, выступающих отдельными неотъемлемыми характеристиками дискурса. Система координат связана с участниками дискурсивной деятельности и обязательно включает в себя две ведущие роли функциональной представленности человека в языке – говорящего и субъекта познания. Говорящий с присущим ему знанием языка и правил коммуникации выбирает необходимые языковые единицы в соответствии с коммуникативной ситуацией, тем самым придавая дискурсу конкретную форму речевой манифестации. Субъект познания, в свою очередь, с присущей ему концептуальной системой и способностями членения и переработки информации и формирования знания выступает в качестве координаты, формирующей особое знание о мире, которое является предметом коммуникации и предполагает специфическую языковую репрезентацию³.

Учет двух антропоцентрических координат, ставший возможным вследствие разграничения когнитивных и коммуникативных возможностей, способностей и потребностей человека, как это становится очевидным, позволит вывести исследования дискурса на новый уровень. Так, ставшее уже классическим высказывание Н. Д. Арутюновой о том, что «дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”»⁴, в свете когнитивных исследований языка может получить более точную интерпретацию, так как появится особый акцент на многомерной деятельности человека, обязательно включающей деятельность когнитивную, которая делает речь возможной и актуальной.

4. Сложность когнитивно-коммуникативного взаимодействия в дискурсе обуславливает необходимость рассматривать данную реальность языка как особый языковой конструкт, репрезентирующий особый способ конфигурации знаний, который, в свою очередь, интегрирует все типы концептуализации и категоризации знаний и задействует все когнитивные механизмы (как механизмы переработки информации, так и механизмы ее дискурсивной организации). Иными словами, дискурс – это online-манифестация накопленного опыта когнитивной и языковой переработки знания. Соответственно, это такое явление в языке, которое, в свою очередь, позволяет извлекать сведения как о самом языке, так и о человеке в рамках функциональной представленности в нем.

5. Обращая особое внимание на субъект познания как одну из основных координат дискурсивной деятельности, необходимо отметить, что в дискурсе не только интегрируются основные функции представленности субъекта познания в языке (субъект эмпирического (первичного) познания, субъект базового (понятийного) познания, субъект интерпретативно-оценочного (вторичного) познания⁵), но также появляется новая, собственно дискурсивная форма проявления данной антропоцентрической координаты. В нашей терминологии это субъект дискурсивной деятельности.

Субъект познания как субъект дискурсивной деятельности имеет разные формы своего проявления в дискурсе. Во-первых, он выделяет себя в качестве особого участника концептуализируемого фрагмента реальной действительности и выступает субъектом знания, понимания, мнения, предположений и догадок, выводов и заключений, эмоционального отношения к происходящему, отграничения своего мнения и знания от мнения и знания других. Это актуализируется ментальными глаголами, вводными словосочетаниями с указанием на наличие знания и мнения, отдельными средствами категорий модальности, эвиденциальности, а также словосочетаниями и предложениями, содержащими ссылки на мыслительную деятельность других лиц. В качестве субъекта организации дискурсивной деятельности он соединяет различные события и их характеристики в единое целое, которое он воспринимает и понимает, прежде всего, в рамках логических и причинно-следственных связей, противопоставленности, особой логической выделенности в ходе следования мысли. Во-вторых, субъект в рам-

ках дискурсивной деятельности осуществляет дискурсивную организацию знаний. Это, прежде всего, проявляется в том, что он логично выстраивает целостный и объемный фрагмент реальной действительности. Для этого он представляет его как определенную взаимосвязь между субъективно выбираемыми отдельными событиями и их участниками. Данная сторона функциональной представленности субъекта познания в языке до сих пор не изучалась и представляет отдельный интерес.

Принимая во внимание перечисленные когнитивные характеристики дискурса, можно говорить о необходимости и правомерности исследования дискурса как особого способа конструирования мира. Особенность данного конструирования заключается, прежде всего, в том, что конструирование происходит online и стремится к целостности как в отношении представления событий с вовлеченными в них участниками и объектами, так и в отношении когнитивных действий, направленных на установление и обеспечение данной концептуальной целостности как воспринятой и осмысленной в определенном концептуально-категориальном ракурсе. Соответственно, дискурсивное представление знаний предполагает специфическое оперирование когнитивными структурами, репрезентированными языковыми знаками различных уровней. При этом необходимо отметить, что под специфичностью здесь понимается не столько особый статус когнитивных структур и, соответственно, репрезентирующих их языковых единиц, сколько то, какие именно структуры выбираются при построении дискурса (когнитивный аспект дискурсивной деятельности) и в каком виде они используются (коммуникативный аспект дискурсивной деятельности). Иными словами, в ходе дискурсивной деятельности происходит активизация определенной части знания субъекта, вывод необходимой информации в рамках коммуникативной ситуации для ее передачи другим участникам.

Таким образом, перечисленные перспективы когнитивных исследований дискурса во многом отвечают описанной Е. С. Кубряковой ситуации, сложившейся в лингвистической науке: «Наступил момент подойти с точки зрения коммуникативно-когнитивного подхода и к понятиям текста и дискурса, а значит, в известном смысле пересмотреть их место в иерархии лингвистических единиц, причем как по той роли, которую они выполняют в про-

цессах когниции, с одной стороны, так и по их назначению в коммуникации, с другой»⁶. Когнитивный подход видится здесь необходимым, очень плодотворным и позволяющим продвинуться чуть дальше в понимании того, что такое дискурс, и, шире, в решении проблем человека в языке и языка в человеке.

Примечания

¹ См.: Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С. 23.

² См.: Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 121.

³ См.: Магировская, О. В. Система антропоцентрической организации языка // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2008. Т. 6, вып. 2. С. 71–77.

⁴ См.: Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М., 1990. С. 136.

⁵ См.: Болдырев, Н. Н. Языковая репрезентация основных уровней познания / Н. Н. Болдырев, О. В. Магировская // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2009. № 2. С. 7–16.

⁶ См.: Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 521.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 154–158.

О. А. Максимчик

ИСТИНА КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена проблеме взаимодействия человека, языка и культуры. Каждый национальный язык, являющийся средством восприятия объективного мира, отражает реальность, создавая при этом языковую картину мира определенной нации. При осмыслении лингвокультурного концепта «истина», являющегося значимым как для общечеловеческой, так и национальной культуры, универсальные характеристики сосуществуют с идиоэтническими, присущими национальному языку и этнокультуре.

Ключевые слова: *языковая картина мира, концепт, универсальный концепт, концепт «истина».*

Естественный язык есть средство описания и объяснения сложного процесса интерпретации человеком окружающей действительности. В результате переработки информации об отражении реального мира в сознании субъекта возникает *картина мира* – «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека»¹; совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслительной деятельности². Полученные знания, опыт, результаты познания человеком окружающего мира организованы в виде наиболее абстрактных, обобщенных понятий, так называемых *концептов*³. Мы полагаем, что отражение картины мира в языке происходит следующим образом: окружаю-

щая действительность → отображение этой действительности в сознании человека → актуализация/ вербализация этого отражения в виде так называемой языковой картины мира. Для исследователя-лингвиста, занимающегося этноспецификой определенной лингвокультуры, важным является осознание того, что реконструкция концептуальных структур, находящихся отражение в языке, дает возможность восстановить картину мира носителей данного языка.

Будучи мыслительной единицей, находящийся в фокусе нашего внимания, концепт *истина*⁴ является частью общей картины мира и имеет специфическую репрезентацию в языке на современном этапе его развития. Представ-

ления об истине как отражении объективной действительности существуют в общественном сознании с древнейших времен, в языковом сознании истина представляет собой обыденный аналог соответствующего логического понятия: *истинно то, что соответствует объективной действительности*. Планом содержания концепта является совокупность знаний о данном явлении, а планом выражения – различные проявления феномена истины, реализованные в естественном языке. Подробное описание исследуемого концепта возможно только при его рассмотрении в тесной связи с категорией оценки. Установление истинности/ ложности высказывания (то есть соотносительности высказывания с действительностью) не может составлять цель лингвистического анализа. На языковом уровне мы имеем дело с той оценкой действительности, которая устанавливается говорящим в результате осознанного отражения реального объективного мира.

Как известно, субъект взаимодействует со средой путем ее восприятия, осмысления и интерпретации. Познавая окружающий мир, он не только отражает, но и оценивает его. В отражении фиксируются признаки, присущие предметам, наличие некоторого факта, ход событий. В оценке основным является компонент ценностной ориентации: она меньше

зависит от объективной действительности и ориентирована на субъективные потребности индивида. В процессе взаимодействия человека с реальным миром, в результате познания и мышления формируются различного рода представления, служащие основой суждений, а также знания и мнения. Оценка представляет собой основание мнения, которое характеризует уровень познанный и степень достоверности того, о чем говорится. Итогом вынесения истинностной оценки является формирование высказывания, где отражаются связи и отношения объективного мира, какими они представляются индивиду.

Вышесказанное позволяет построить гипотетическую модель процесса отображения действительности (объективного мира) в сознании познающего субъекта, результатом которого служит вынесение истинностной оценки, находящей свое отражение в языке (Рис. 1). Схема раскрывает суть сложного взаимодействия индивида, объективной реальности и естественного языка, выражающегося в триаде: человек – язык – мир.

В нашем понимании основные концепты (то есть концепты, являющиеся центральными в системе ценностей и системе знаний, наиболее полно отражающие особенности национального характера) связаны с жизнедеятельностью

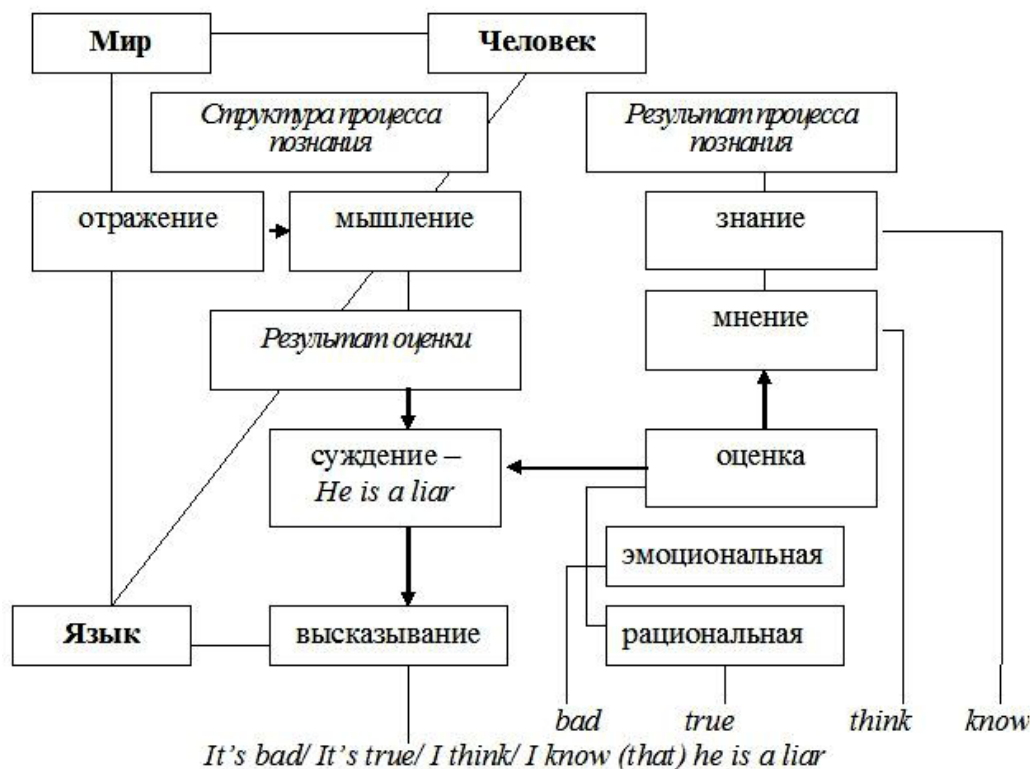

Рис. 1. Структура познавательно-оценочного процесса

человека, а их основой являются *суперконцепты*, представленные массово неосознаваемыми ценностными доминантами культуры этноса, к числу которых принадлежит и концепт «истина».

Важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества, доказательством значимости концепта является понятие *номинативной* (по-другому, *семиотической*) *плотности*⁵ – то есть множественное вариативное обозначение фрагмента реальности, его представленность в плане выражения целым рядом языковых синонимов (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, поведенческих стереотипов, что дает возможность отразить сложные смысловые оттенки определяемого, разные его детали, свойства, признаки.

Это справедливо в отношении концепта *истина*. В нашем исследовании проанализированы лингвистические способы актуализации концепта *истина* с помощью лексически полноценных единиц, лексико-грамматических (лексико-синтаксических) сочетаний, морфологических категорий, а также приведены нормативные словосочетания и фразеологизмы, разговорные фразы, паравербальные и иные вспомогательные средства и речевые способы, так или иначе связанные с выявлением сущности истины. Лексико-семантическая насыщенность исследуемого концепта в английском языке является сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта: ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и потому получает многостороннее обозначение в языке – в этом случае наступает отождествление ценности и актуальности явления. Так, семантически неразложимые ментальные образования, погружаясь в культурно-языковую среду, приобретают статус лингвокультурного концепта: операторы логики оценок истинно/ложно» в языке с приобретением аксиологических коннотаций и образных ассоциаций становятся концептами «истина/ложь».

При всем разнообразии подходов к классификации концептов наиболее существенным в методологическом отношении представляется выделение концептов *универсальных*, присутствующих в той или иной форме в любой этнокультуре – главным образом онтологических, гносеологических и аксиологических понятий, и концептов *идиоэтнических*, специфических

для какой-то определенной лингвокультуры⁶. Если область бытования последних ограничивается преимущественно какой-либо одной сферой общественного сознания, то *универсальные* концепты функционируют в контекстах научного, обыденного, религиозного, художественного и прочих типах сознания⁷.

Базисные когнитивные *универсальные* концепты отражают единый для всех когнитивный процесс и «регулируют взаимодействие человека с действительностью»⁸; обеспечивают «психическую общность человечества»⁹; «организуют само концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения»¹⁰; их лингвокультурная специфика трудноуловима, поскольку в них закодированы определенные способы концептуализации мира¹¹. По мнению Н. Д. Арутюновой, концепт *истина* фундаментален для всех сфер знания: «тема истины ... проходит сквозной нитью через сознание и знание человека, через его язык, веру, восприятие и интуицию»; истина присутствует во всех формах мировоззрения – мифологии и религии, философии и искусстве; живет в обыденном сознании людей – национальном и индивидуальном: «нет народа, который бы не искал опоры в истине»¹².

Являясь ментальной сущностью высокой степени абстрактности¹³, концепт *истина* попадает у разных исследователей в группу нравственных¹⁴, культурных¹⁵, культурно-философских¹⁶, метафизических¹⁷, общеполитических¹⁸, телеономных концептов¹⁹, духовных сущностей²⁰, элементов духовной культуры человека, созданных им для понимания самого себя и своего места в мире²¹ и т. п.

Мы рассматриваем концепт *истина* как один из наиболее значимых в ментальном пространстве. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что понимание истины является одним из важнейших психических состояний личности, которое предвдвряет ее поведение и деятельность, и лежит в основе любого акта общения. По этой причине исследуемый концепт *истина* является примером концепта с многослойным содержанием: при его объективации отражается участок картины мира, связанный со сферой удовлетворения потребностей человека, с одной стороны, со сферой его эмоциональных переживаний, – с другой. Мы определяем концепт *истина* как *общечеловеческий нравственный суперконцепт, мировоззренческую универсалию*. По степени абстрактности содержания мы относим концепт *истина* к *абстрактным*

устойчивым вербализуемым концептам.

В вопросе о сущности понятия *языковой картины мира* бесспорно то, что языковое членение мира отличается у разных народов. Как отмечают исследователи, занимающиеся вопросами взаимодействия культур, поскольку каждый язык весьма оригинален в отражении действительности, в разных языках слова, на первый взгляд обозначающие одно и то же и зафиксированные в двуязычных словарях как эквиваленты, на самом деле довольно сильно различаются по значению (ср.: *truth* в англ. и *истина/ правда* в рус.)²².

Трудно представить себе язык, в котором не был бы выражен концепт *истина*: в качестве универсального концепта он присутствует, очевидно, во всех этнических лингвокультурах. Однако в концептуальной сфере разных народов наблюдается намного больше сходств, чем в языковой, значит, при всей универсальности изучаемого концепта у каждого народа существует особая, только ему присущая интерпретация истины, что создает основу национального мировидения и оценки мира. Поскольку представления о базовых концептах определенного этноса осложнены национально окрашенными коннотациями, интерпретациями и ассоциациями, взгляды на истину также этнокультурно маркированы и в некоторых отношениях отличаются в разных лингвокультурах. Так, в английском языке нет такого очевидного раздвоения концепта *истина* на *истину-правду*²³. С другой стороны, нами выявлен значительный ряд ключевых имен, объективирующих значение истины с общей категориальной семой «верное отражение действительности», в своих вариантах: «то, что существует в действительности» и «то, что соответствует действительности» – *truth, verity, veracity, reality, actuality, fact, factuality, gospel, sooth, truism, maxim, platitude, etc.*²⁴, которые являются носителями разных характеристик концепта *истина* в сознании носителей английского языка.

Вышесказанное служит ярким доказательством того, как некие общечеловеческие концепты по-разному вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических и культурологических факторов, следовательно, деление концептов на универсальные и идиоэтнические в достаточной мере условно, поскольку идиоэтничность частично присутствует и в концептах-универсалиях. В связи с этим особую ценность представляют сопоставительные исследования, по-

зволяющие раскрыть этноспецифику ментальности носителей конкретных языков.

Примечания

¹ Постовалова, В. И. *Картина мира в жизнедеятельности человека* // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 21.

² Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. М., 1995.

³ Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000. С. 23.

⁴ Максимчик, О. А. *Функционально-семантическое и когнитивно-прагматическое описание концепта “истина” (на материале современного английского языка)* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010.

⁵ См.: Карасик, В. И. *Культурные доминанты в языке* // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. Волгоград, 1996. С. 4 ; Степанов, Ю. С. Константы мировой культуры / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин . М., 1993. С. 29.

⁶ См.: Вежбицкая, А. *Семантические универсалии и описание языков* / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М., 1999. С. 291–293 ; Алефиренко, Н. Ф. *Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры*. М., 2002. С. 259–261.

⁷ Полинченко, Д. Ю. *Естественный язык как лингвокультурный семиотический концепт (на материале русского и английского языков)* : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. С. 24.

⁸ Арутюнова, Н. Д. *Истина и правда* // Язык и мир человека. М., 1999. С. 547.

⁹ Вежбицкая, А. *Язык. Культура. Познание* : пер. с англ. М., 1996. С. 284.

¹⁰ Маслова, В. А. *Когнитивная лингвистика* : учеб. пособие. Минск, 2004. С. 39.

¹¹ Вежбицкая, А. *Семантические универсалии и описание языков...* С. 434.

¹² Арутюнова, Н. Д. *Истина и правда...* С. 619.

¹³ Вежбицкая, А. *Язык. Культура. Познание...* С. 382.

¹⁴ См.: Маслова, В. А. *Когнитивная лингвистика...*

¹⁵ См.: Степанов, Ю. С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. М., 1997.

¹⁶ См.: Земскова, Н. А. *Концепты “истина”, “правда”, “ложь” как факторы вербализации*

действительности: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.

¹⁷ См.: Степанов, Ю. С. Константы... С. 14–30.

¹⁸ См.: Булыгина, Т. В. **Языковая концептуализация мира** (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. М., 1997.

¹⁹ См.: Воркачев, С. Г. **Сопоставительная этносемантика телеономных концептов “любовь” и “счастье”** (русско-английские параллели) : монография. Волгоград, 2003.

²⁰ См.: Неретина, С. С. **Слово и текст в средневековой культуре**. Концептуализм Абелияра. М., 1995.

²¹ См.: Москаленко, А. Т. **Личность как предмет философского познания**. Философская теория личности и её психологические и биологические основания / А. Т. Москаленко, В. Ф. Сержантов. Новосибирск, 1984.

²² Об истине и правде см.: Арутюнова, Н. Д. **Истина и правда...** ; о лингвокультурологических и когнитивно-прагматических характеристиках имени truth см.: Максимчик, О. А. **Концепт “истина” как объект лингвистического исследования** // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Актуальные проблемы гуманитарных наук : спец. вып. 2006. № 3. С. 78–87.

²³ О проблеме выбора имени для исследуемого концепта см.: Максимчик, О. А. **Имя концепта и проблема его вербализации на примере концепта “истина” в английском языке** // Современные тренды развития социогуманитарного знания : сб. трудов III Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к празднованию “Дня Знаний” в РФ, 1–4 сентября 2013 г. Ростов н/Д., 2013. С. 87–92.

²⁴ Максимчик, О. А. **Ключевые имена, объективирующие концепт “истина” в английском языке** // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Т. 15, № 2 (4). 2013. С. 1025–1029.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 158–161.

Н. С. Олизько

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ФРАКТАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Рассматривается гипертекстуальное пространство творчества Дж. Барта с позиций фрактального моделирования. Фракталы способствуют построению некой целостности, обеспечивая «сцепление» концептов в гипертекстуальном пространстве, где каждый последующий элемент развивает потенции предыдущего, превосходя при этом смысл каждого элемента, взятого в отдельности.

Ключевые слова: *концепт, фрактальное моделирование, художественный дискурс, гипертекстуальность.*

Фрактальный анализ как методологический инструмент является наглядной визуализацией идеи незавершенности, процессуальности и имманентной динамики языковых феноменов. Задать фрактальную структуру – значит задать не застывшую, неизменяемую форму, а принцип роста, закон изменения формы. Если учесть, что фрактал есть закон построения формы при возможном избытии алгоритмов роста, то многообразие фрактальных структур представляется просто неисчерпаемым, что является выражением главного эстетического принципа – «принципа единства в многообразии»¹.

Рассматривая фрактал как средство организации концепта, необходимо подчеркнуть бес-

конечное развертывание основных смысловых компонентов на каждом новом уровне реализации концепта при неизменном фундаментальном подобии частей целому. Понятие концепта было введено в научный обиход русским философом С. А. Аскольдовым-Алексеевым, разграничивающим познавательные (логические) и художественные (эстетические) концепты. Художественный концепт следует трактовать как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов»². Художественные концепты, по С. А. Аскольдову, диалогичны,

предполагают наличие коммуникативной связи между писателем и читателем, художником и зрителем, композитором и слушателем и так далее, порождают бесконечное разнообразие индивидуальных способов восприятия и вследствие этого – вариантов вербальных смыслов³.

Фракталы, постоянно видоизменяясь, способны генерировать новые формы в рамках изначально заданной структуры. Гипертекстуальность как средство реализации отношений между текстами – произведениями отдельного автора, объединенными общим эстетико-философским содержанием и особенностями лингвистического построения, представляет собой фрактальный способ воспроизведения авторских концепций. Бытующие в авторском сознании концепты определяют выбор изобразительных средств для воплощения соответствующей идейно-эстетической задачи. Многомерная структура концепта, включающая понятийный, ценностный и образный компоненты, позволяет выявить динамику элементов, характеров, персонажей в гипертекстуальном пространстве художественных произведений того или иного автора.

Гипертекст американского постмодерниста Дж. Барта включает 17 романов и ряд статей теоретического характера. Первые две работы – «Плавающая Опера» (*The Floating Opera*, 1956) и «Конец Пути» (*The End of the Road*, 1958) – традиционно рассматриваются как пример «черного юмора». Следующую пару составляют романы «Торговец Дурманом» (*The Sot-Weed Factor*, 1960) и «Козлоюноша Джайлз» (*Giles Goat-Boy*, 1966). **Первое произведение**, героем которого становится реальное лицо, американский поэт-иммигрант XVIII в., Эбенезер Кук, создавший поэму «*The Sot-Weed Factor*» (1708), является пародией на исторический роман, повествующей о колониальном освоении Америки. В романе «Козлоюноша Джайлз» автор создает гротескную пародию на современную жизнь посредством обращения к научной фантастике. Роман представляет собой серию магнитофонных записей исповеди главного героя, который объединяет в себе человеческий, животный и машинный облики.

Идея записи на пленку авторского голоса находит продолжение в сборнике рассказов «Заблудившись в комнате смеха» (*Lost in the Funhouse*, 1968), представляющих собой прозу, предназначенную для печати, магнитной ленты и живого голоса. Трансформации геро-

ев в свои собственные истории или звуки своего собственного голоса (рассказы *Menelaiaid*, *Echo*) продолжают и в трилогии «Химера» (*Chimera*, 1972).

Если во всех этих произведениях автор активно выражает свою позицию в различного рода комментариях и метатекстовых включениях, то в следующей работе он становится одним из действующих лиц. Речь идет об эпистолярном романе «Письма» (*Letters*, 1979), представляющем собой, с одной стороны, тонкую стилизацию повествования «Клариссы» С. Ричардсона, с другой – «переоркестровку» характеров и тем первых шести книг Дж. Барта.

Переложением прежних мотивов является и роман «В отпуске» (*Sabbatical: A Romance*, 1982), где продолжительный круиз университетского профессора и ее мужа, вдохновленного романиста, представлены как авантюрный сюжет бесплодных поисков себя. Позднее герои данного романа (как и сам Барт) становятся персонажами произведения, получившего название «Истории прилива» (*The Tidewater Tales*, 1987).

Роман «Последнее путешествие Некого Морехода» (*The Last Voyage of Somebody the Sailor*, 1991), стилизация сказок Шехерезады «Путешествия Синдбада», представляет собой непрерывающийся диалог с книгой «Тысяча и одна ночь». Автобиографический роман «*Once Upon a Time: A Floating Opera*» (1994) объединяет жанр романа и жанр мемуаров в рамках трехактной оперы. Вполне в стиле Шехерезады герои сборника рассказов «*On with the Story*» (1996), чета средних лет, отдыхающая на своем «последнем» курорте, обмениваются перед сном историями. В этой серии из двенадцати рассказов автор неоднократно обращается к вечным вопросам жизни и смерти, радости и боли, счастья и страдания.

Роман «*Coming Soon!!!*» (2001) повествует о состязании в написании историй стареющего романиста (*Novelist Emeritus*) и молодого аспиранта (*Novelist Aspirant*). **Источником вдохновения** для обоих служит представление *The Original Floating Opera II*, показанное на борту судна, курсирующего по уже знакомому читателям заливу Chesapeake Bay.

Любовная связь немолодого писателя Грейбарда (*Graybard*) и музыки WYSIWYG (*What You See Is What You Get*) выступает рамочной конструкцией к сборнику рассказов «*The Book of Ten Nights and a Night*» (2005). В течение одиннадцати дней, следовавших за 11 сентя-

бря 2001 г., они обсуждают необходимость и уместность создания историй в условиях трагедии, именуемой TEOTWAW(A)KI – The End Of The World As We (Americans) Know It.

В первой части трилогии «Where Three Roads Meet» (2005) «Расскажи мне» (Tell Me) повествуется о приобщении неопытного студента к тайнам любви и секса, жизни и смерти посредством так называемого «Героического Круга» (Heroic Cycle). Вторая новелла «Мне рассказывали» (I've Been Told) представляет собой историческую зарисовку об известных рассказчиках и рассказывании историй. В третьей части «Как я уже говорил...» (As I Was Saying...) три пожилые сестры ведут запись рассказа о давно закончившихся отношениях с сыскавшим дурную славу и бесследно исчезнувшим романистом.

В сборниках литературно-критических статей и эссе «Friday Book» (1984) и «Further Fridays» (1994) находят отражение теоретические постулаты Дж. Барта, комментарии к собственным произведениям, размышления о развитии современной литературы.

Многочисленное обращение Дж. Барта к эпистолярному жанру посредством некоего послания, выступающего одним из фреймов, структурирующих концепт «игра», осуществляется в соответствии с фрактальной моделью ризома. Письмо, о котором идет речь, появляется на страницах рассказа «Письмо по воде», входящего в сборник «Заблудившись в комнате смеха».

*On its top line, when I uncreased it, I found
penned in deep red ink:*

TO WHOM IT MAY CONCERN

On the next-to-bottom:

YOURS TRULY⁴.

На верхней строчке, когда я развернул документ, обнаружили написанные темно-красными чернилами слова:

ВСЕМ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМ ЛИЦАМ.

На второй снизу —

ИСКРЕННЕ ВАШ.⁵

Понятие ризомы, фиксирующее нелинейный способ организации целостности, оставляющей возможность для имманентной подвижности, описывает развитие явлений как вариативное и позволяет представить потенциальную «пронизанность» различных явлений друг другом. В соответствии с данным прин-

ципом Беллерофон, герой романа «Химера», однажды найдя на болоте греческую повесть «Персеида», главному герою которой он пытался подражать всю жизнь и чтение которой повлияло на его судьбу, оказавшись в тупиковой ситуации, решает вновь пустить ее (повесть) на волю прилива и получает целый ряд посланий. В очередной раз прилив приносит ему стеклянную бутылку с запиской, однажды уже прочитанной героем рассказа из сборника «Заблудившись в комнате смеха». Полученное послание не содержит какой-либо фактуальной информации, так как состоит из двух клишированных фраз, объединенных многоточием, но вызывает у адресата множество ассоциаций, актуализирующих игровой характер прецедентного текста. В романе «Once Upon a Time: A Floating Opera» Дж. Барт не просто воспроизводит структуру известного письма, а посвящает целую главу размышлениям о собственных произведениях, представляющих, по мнению автора, «письма по воде, посланные неизвестному адресату»⁶. Многократное воспроизведение указанной цитаты (самоцитаты) в рамках творчества данного автора сопровождается постоянным усложнением и разветвлением смысловых отношений, участвующих в организации фреймовой структуры. Речь идет о нелинейном прочтении и порождении различного рода интерпретаций одного и того же текста в рамках гипертекста, организованного по принципу ризомы как корневища, каждый отросток которого предопределяет новое понимание прецедентного текста.

Другим составляющим концепта «игра» выступает фрейм, условно названный «life-story» и реализующийся в многократно встречающейся в произведениях Дж. Барта фразе «история нашей жизни – это не наша жизнь, это наша история» (см. выше роман «Истории прилива»). Игра слов, построенная на многозначности лексической единицы «story» (ср. «рассказ, история, повествование, сюжет»), становится отправной точкой разнообразных авторских изысканий на тему отношений действительности и вымышленной реальности. В сборнике рассказов «On with the Story» автор, измученный противоречиями, утверждает: «The story of our life is not our life; it is our story», – однако в следующем абзаце опровергает собственное заключение – «Our lives are not stories» («Наша жизнь – не истории»)⁷. Самоподобное развитие фрейма продолжается в романе «Once Upon a Time: A Floating Opera».

After forty years of making up stories professionally and sixty of hearing, reading, watching, and telling them extraprofessionally, I still don't know which is chicken and which egg: whether our "dramatistic" sense of life comes from a lifetime of absorbing stories – bedtime stories, anecdotes, comic books, novels, movies, TV dramas – or whether, on the contrary, our sense of what constitutes a story comes from our innately narrative, even dramatistic sense of life: the mother of all fictions⁸.

Ризоморфное представление фрейма «life-story» (многослойные коннотации прилагательного «dramatistic» усложняют связи рассматриваемых понятий) оставляет вопрос о первичности драмы жизни или драматического повествования открытым как для автора, так и для читателя.

Еще одним примером фрактальной организации фрейм-структуры, входящей в состав концепта «игра», могут послужить попытки героев рассказа «Менелайада» (сборник «Заблудившись в комнате смеха») вывести формулу литературного процесса в терминах «ключ – сокровище», которые получают продолжение и переосмысление в романе «Химера». Менелай, повествующий о том, как он пересказывал сыну Одиссея Телемаку то, что он поведал спустя семь лет после окончания Троянской войны Елене, что, в свою очередь, уже являлось пересказом событий, представленных Протею, описанных до этого его дочке Эйдотее, настоятельно рекомендует не путать «ключ» и «сокровище» – *Don't mistake the key for the treasure⁹*. Героиня «Химеры» после тщательного анализа многих шедевров мифологии и литературы и долгих раздумий над проблемами техники повествования приходит к выводу, что *«Ключ к сокровищу и есть само сокровище» (The Key to the Treasure is the Treasure)*. Данное метафорическое выражение в силу многократной реализации не только в трило-

гии «Химера», но и в других работах Дж. Барта («Истории прилива», «Последнее путешествие Некогого Морехода», «Однажды была: плавающая опера») получает статус прецедентного высказывания, вербализирующего идею роста и движения текста как самодостаточной процедуры смыслопорождения.

Как показывает материал, во фрактале благодаря свойству рекурсивности невозможно вычислить значение каждого следующего элемента без выяснения предшествующего. Фракталы, с одной стороны, представляют собой динамические системы, способные к бесконечному развитию и изменению. С другой стороны, фракталы способствуют построению некой целостности, обеспечивая «сцепление» концептов в гипертекстуальном пространстве, где каждый последующий элемент развивает потенции предыдущего, превосходя при этом смысл каждого элемента, взятого в отдельности.

Примечания

¹ Волошинов, А. В. Об эстетике фракталов и фрактальности искусства // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С. 223.

² Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М., 1993. С. 41–42.

³ Аскольдов, С. А. Концепт и слово. М., 1997.

⁴ Barth, J. Lost in the Funhouse. Fiction for print, tape, live voice. N.-Y., 1968. P. 268.

⁵ Барт, Дж. Заблудившись в комнате смеха / пер. с англ. В. Михайлина. СПб., 2001. С. 281.

⁶ Barth, J. Once upon a time : A floating opera. Boston–N.-Y., 1994. P. 46.

⁷ Barth, J. On with the story. Boston–N.-Y., 1996. P. 30.

⁸ Barth, J. Once upon a time... P. 170.

⁹ Barth, J. Lost in the Funhouse. Fiction for print, tape, live voice. N.-Y., 1968. P. 148.

ЛЕКСЕМА «DER PFLUG», ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ДЕРИВАТОВ В РАМКАХ КОНЦЕПТА «ТРУД»

Исследуется концептосфера «Девиантное поведение» и ее репрезентации через лексику, обозначающую орудия и инструменты. Определяется структура концептосферы и ее наполнение в немецком языке. Одним из пунктов исследования является изучение концепта «Труд» в качестве особой сферы девиантного поведения. Отражается применение лексемы *der Pflug* в рамках данной концептосферы.

Ключевые слова: немецкий язык, германские языки, когнитивная лингвистика, лексикология, концепт, концептуализация.

Труд занимает особое место в немецкой культуре. Согласно мнению Р. М. Скорняковой, это одна из «базисных социальных ценностей современного немецкого общества»¹. Труд предстает «одной из культурных доминант немецкой лингвокультуры»¹. В то же время исследователь отмечает, что вплоть до ранневерхненемецкого прежде всего указывалось понимание труда как «тягостной, мучительной деятельности»². Затем при осмыслении трудовой деятельности в немецком языке «происходило смещение акцентов с отрицательной оценки труда на положительную»², так что в современном немецком языке «труд концептуализируется как занятие, деятельность, состоящая из отдельных действий, имеющая цель»². Но в то же время труд в немецком национальном сознании, хотя и в более слабой степени, до сих пор ассоциируется с деятельностью, «связанной с мучением, усилиями, тягостью»².

Поскольку труд считается благом, очевидно, что его присутствие в жизни человека в рамках немецкой лингвокультуры становится определенным стандартом и правилом, иначе говоря, нормой. Под понятием «норма» мы понимаем границы, «в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность, поведение и общение, сохраняют свои качества и функции, задающие их внутреннюю соразмерность»³. Они конкретизируются через «нормативы, правила и предписания, а также через соотносимые с ними эталоны – образцы»³. И если труд рассматривать как норму, то явления, приводящие к отсутствию труда, как то: лень, небрежность в обращении с инструментом, отсутствие детали у инструмента и др. – приводят к отсутствию труда, что следует оценивать как отклонение от нормы. Для последнего существует термин девиантное поведение или девиация (лат. *deviatio* – «откло-

нение от дороги»⁴). Это такой тип поведения, который «выражается в поступках, поведении, как отдельных индивидов, так и социальных групп, отступающих от установленных законодательно или сложившихся в конкретном социуме общепринятых норм, правил, принципов, образцов, обычаев, традиций»⁵. Таким образом, не совершая акт труда, человек нарушает правила социума и становится девиантом. При этом мы говорим о норме не только в социологическом, но и в философском понимании, где она предстает как понятие, обозначающее границы, в которых «вещи, явления, природные и общественные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы воспроизводства»⁶. Соответственно, отклонения также рассматриваются с более широких точек зрения и, что самое главное, принимаются во внимание отклонения от нормы не только традиционного негативного плана, но и позитивного.

Таким образом, задача настоящей статьи – показать, каким образом в языке обозначается выход человека за рамки труда как нормы немецкой лингвокультуры и немецкого социума в рамках концепта «Труд». В качестве образца нами была выбрана лексема *der Pflug* (нем. «плуг») и ее дериваты, которые по своим параметрам входят в рамки концепта. Здесь следует сказать, что, поскольку в данной статье имеет место рассмотрение проблемы с точки зрения когнитивной лингвистики, необходимо применять соответствующую терминологию, связанную с концептом и его структурой. Нам представляется наиболее оптимальным использовать в качестве опоры исследования И. А. Стернина во многом потому, что он предложил «методику анализа концепта» в одной из своих книг и «соответствующую терминологическую систему»⁷.

Что касается лексемы *der Pflug*, то ее выбор обусловлен проведенным корпусным анализом. Последний показал, что количественно и качественно дериваты лексемы *der Pflug* в рамках обозначения труда и отклонений от него является доминантным репрезентантом. Немалую роль также в этом играют производные от лексемы семантические и синтаксические дериваты – *pflügen* (нем. «пахать [плугом]»), *das Pflugeisen* (нем. «лемех»), *die Pflugschar* (нем. «лемех»). Кроме того, обращает на себя внимание то, что в рамках концепта большинство дериватов *der Pflug*, равно как и у других лексем, представляет собой пословицы и поговорки, причем в большинстве из них ставится условие, при котором возникает отклонение от труда как нормы, а также условие, при котором возможно остаться в рамках нормы.

Тематически дериваты лексемы можно разделить на когнитивные слои:

1. **Результат труда.** Поскольку большая часть хозяйства завязана на плуге, то от работы данным инструментом зависит, насколько благополучно человек будет жить. Отклонением в таком случае будет состояние бедности, а сам труд рассматривается как точка, по которой определяется наличие нормы или ее отсутствие. В данном когнитивном слое большинство дериватов формируют периферийную единицу, в которой описывается зависимость **материального состояния** от работы инструмента. Здесь подключается богатство как противоположная крайность бедности, ее мы оцениваем в качестве позитивного отклонения. Кроме *der Pflug*, в дериватах встречаются лексемы, которые указывают на достижение материального состояния:

- *reich* («богатый»);
- *Samen/ Korn/ Getreide* («семена/ зерно»);
- *ernten/ Ernte* («собирать урожай/ урожай»);
- *Wirtschaft* («хозяйство»);
- *arm* («бедный») и так далее.

Синтаксически большинство дериватов можно поделить на две группы. В первой имеет место метафора «человек-инструмент», то есть через орудие характеризуется его хозяин. В данном случае через описание работы инструмента обозначаются характеристики человека, от них зависит результат труда:

- *Wenn der Pflug geht zu tief, so geht die Wirtschaft schief* (букв. «Если плуг идет слишком глубоко, то все хозяйство идет криво»);
- *Macht der Pflug beim Brachen Rücke, so*

wächst das Getreide dicke (букв. «Если плуг гнет спину на поле под паром, то зерно растет толстым»);

– *Der Pflug erhält die Welt* (букв. «Плуг кормит мир»); ср. *Hacke und Spat(en) erhält den Staat* (букв. «Мотыга и лопата кормят страну»). Обращает на себя внимание, что хотя поговорки выстроены по одинаковой синтаксической модели «субъект + предикат + объект», пространственная семантика в дериватах различается. В первом случае (*die Welt*, «мир») она шире, чем во втором (*der Staat*, «страна»). Кроме того, различается «соотношение» орудий труда, что, на наш взгляд, говорит о большей значимости плуга и его первичности в хозяйстве.

– заузрл. *Wo der Pflug vom Rost gefressen, wird sehr wenig Korn gemessen* (букв. «Где плуг съеден ржавчиной, намеряется очень мало зерна»). В представленной поговорке в отличие от предыдущих описано негативное последствие, при этом характеристика инструмента (*vom Rost gefressen* – «съеден ржавчиной») указывает на неряшливость его владельца.

В другой группе дериватов репрезентация субъекта осуществляется через местоимения: вопросительное *wer* и безличное *man*. При этом поговорки синтаксически сформированы по причинно-следственной модели *wer – der* («кто» – «тот»). Как и в предыдущем случае, имеет место обозначение различных видов девиации труда как нормы. Так, негативная ситуация представлена в следующих дериватах *Wer hinter dem Pfluge flucht, säet bösen Samen* (букв. «Кто ругается за плугом, то посеет дурные семена»); *Wer übel pflügt, muss schlecht ernten* (букв. «Кто плохо пашет, тот плохо пожнет»).

Что касается позитивной девиации, а под ней мы понимаем достижение богатства, то ее обозначение наблюдается в иных поговорках: франкенвальд. *Wer durch den Pflug reich werden will, muss ihn selbst anfassen* (букв. «Кто хочет стать богатым через плуг, должен сам взять его в руки»); Данное сочетание обладает языковым вариантом – *Wer bei dem Pfluge reich will bleiben, muss selbst entweder fahren oder treiben* (букв. «Кто хочет с плугом остаться богатым, должен сам или ехать, или подгонять»); ср. рус. *Любишь кататься, люби и саночки возить*.

Наконец, в языке имеют место такие поговорки, которые носят предупредительный характер. В них указывается, как избежать девиантной ситуации, в рамках названного периферийного слоя – как не допустить бедности:

– *Wer den Pflug scheuert (ackert), darf den Bettelstab nicht scheuern* (букв. «Кто пашет плугом, тот не разорится»)⁸;

– *Wer den Pflug führt hin und her, dessen Speicher wird nicht leer* (букв. «Кто водит плугом туда и сюда, мощна у того не пустеет никогда»)⁸;

– *Je besser man pflügt, je reicher man fährt* (букв. «Чем лучше пашут, тем богаче ездят»)⁸, ср. рус. *Какие труды, такие и плоды*.

В языке имеют место поговорки, которые указывают на **последствия** труда. Большинство поговорок, как и в предыдущем периферийном слое, синтаксически построено на причинно-следственной связи:

– *Wie man den Pflug führt, so wird die Furche* (букв. «Как плуг поведешь, такую и борозду сделаешь»)⁸, и его вариант *Wie man den Pflug verkeilt, so ackert er* (букв. «Как плуг закрепил, так он и пашет»)⁸;

– *Ein unbespannter Pflug durchschneidet keine Furche* (букв. «Незапряженный плуг борозду не проделает»)⁸.

– *Wer pflügen will mit bösen Frauen, der wird viel krumme Furchen schauen* (букв. «Кто под ворчание женщины пашет, тот много кривых борозд увидит»)⁸. Обращает на себя внимание использование образа женщины внутри поговорки. Очевидно, что девиантная ситуация возникает в результате того, что человек сам по себе становится девиантом, выполняя работу из-под указки человека, не разбирающегося в этой сфере.

Несколько иной случай представляет собой поговорка *Wer pflügt, verarmt nicht; wer stiehlt, wird nicht reich* (букв. «Кто пашет – не обеднеет, кто крадет – не разбогатеет»)⁸. Здесь носителем языка напрямую называется девиантный проступок, противоположный труду (*pflügen* «пахать» – *stehlen* «красть»), равно как и его результат.

Качественный и правильный труд приводит к положительному результату. Но в то же время он способен нанести вред другому виду хозяйственной деятельности. Таким образом, имеющиеся в языке поговорки, связанные с указанной ситуацией, обозначают **разрушительность** работы инструментов. В этом случае большинство сочетаний демонстрируют метафору «человек – инструмент», то есть первопричиной является субъект:

– *Wo der Pflug geht, kein Weinstock steht* (букв. «Где плуг пройдет, виноград не растет»)⁸;

– *Wo Pflug, Egge und Sense hingehet, da darf man nicht nach Gold suchen* («Куда пройдут

плуг, борона и коса, там золото не отыщешь»)⁸;

– *Was der Pflug erwirbt, die Feder verdirbt* (букв. «Что добыто плугом, загублено пером»)⁸. В поговорке противопоставлены инструменты из разных сфер деятельности, при этом труд одного инструмента сводится на нет другим, то есть другой инструмент совершает акт девиации, и таким образом происходит символическое «разрушение». Очевидно, что в конструкции имеет место метафора «человек – инструмент». На последнее указывает мотивация: «крестьянский переписчик является ни рыбой, ни мясом»⁸, то есть неграмотным человеком, по случайности или намеренно приносящим работу подчиненных.

– верх.-австр. *Was der Pflug gewinnt, verfrisst's (verzehrt's) Gesind* (букв. «Что плуг добыл, то батраки проели»)⁸. Здесь результат трудовой деятельности положительный, но его дальнейшее применение идет не на благо, то есть отходит от определенных норм. Таким образом, имеет место характеристика человека, который использует плоды труда не по назначению.

2. Отношение к инструменту. Оно определяет совершение или не совершение акта труда. В первую очередь речь идет о **пренебрежении**, поскольку именно оно приводит к девиации. При этом большинство поговорок указывает на то, что инструмент не используется и находится без дела, и в этом случае акта труда не происходит:

– *Was nützt der Pflug, wenn er nicht in den Boden kommt* (букв. «Какая польза от плуга, если он не входит в землю»)⁸;

– *Wenn da Pflug steht, so steht alles* (букв. «Где стоит плуг, там стоит все»)⁸;

– *Ein Pflug, der im Gehöfte liegt, macht keine Furchen* (букв. «Плуг, который лежит во дворе, борозды не делает»)⁸.

– *Wer den Pflug nicht braucht, dem rostet er* (букв. «Кто плуг не использует, у того он ржавеет»)⁸;

– *Wo das Pflugeisen rastet (rostet), wird das Land nicht wohl gebaut* (букв. «Где лемех ржавеет, там землю хорошо не возделаешь»)⁸;

– *Die Wellen/die Luft/den Sand pflügen* (букв. «Пахать волны/воздух/песок») «толочь воду в ступе»⁹. Описание отношения к инструменту в этом устойчивом сочетании заключается в его неправильном применении, из-за чего и возникает девиантная ситуация.

Ряд поговорок, связанных с отношением к инструменту, основан на антонимических от-

ношениях, то есть в них обозначено, что ожидает инструмент при правильном отношении к нему, и что произойдет, когда он остается без дела:

– *Ein Pflugeisen arbeitet wohl in der Erde und wird verzehret, bleibt aber rein und blank; arbeitet es nicht, so verrostet es* (букв. «Лемех хорошо работает в земле и тем изнашивается, но остается чистым и блестящим; если он не работает, то он заржавеет»)⁸, ср. рус. *Ржавый плуг только на пахоте очищается*. В данной поговорке представлены два варианта девиантной ситуации, в каждом из них инструмент становится непригодным к работе. В коммуникативной ситуации акцент делается носителем языка в большей степени на первый вариант, поскольку тот, во-первых, предполагает труд человека, во-вторых, обеспечивают ухоженность инструмента.

– *Gebrauchter Pflug blinkt, stehend Wasser stinkt* (букв. «Плуг, который использовали, сияет, стоячая вода воняет»), ср. рус. *Под лежащий камень вода не течет*¹⁰ – девиантная ситуация продемонстрирована не через инструмент, но через посторонний объект. Поговорка демонстрирует через инструмент, как избежать девиации.

В то же самое время имеет место обозначение **правильного отношения** к инструменту. По своему оформлению они представляют своего рода инструкцию правильной эксплуатации инструмента, чтобы избежать девиации в труде:

– *Der Pflug mit den Pferden soll friedlich und sicher sein.* (букв. «Плуг с лошадьми должен быть не в споре, а в опоре»)⁸;

– *Man muss den Pflug nicht vor die Pferde spannen* (букв. «Плуг не перед лошадьми крепят»)⁸.

– *Es ist gut pflügen, wenn der Acker gereinigt ist* («Хорошо пахать, если поле очищено»)⁸. В последнем случае ставится условие для выполнения эффективного труда – первоисточника благосостояния.

3. Субъект. В данном когнитивном слое мы наблюдаем, что труд зависит от его личных качеств. При этом имеет место косвенное указание на качества субъекта, в первую очередь, на **лень** как отклонение от нормы:

– *Wer den Pflug nicht führt, dem macht er keine Furchen* (букв. «Кто плуг не ведет, тому он и борозды не сделает»)⁸;

– *Wer mit dem Pfluge nicht gespielt, der will auch mit Messer und Gabel nicht spielen.* (букв.

«Кто с плугом не играл, тот с ножом и вилкой не играет»)⁸, ср. рус. *Кто не работает, тот не ест*;

– заурл. *Wei hiuer de Plaug nit trecken well, dei mot se do schiuwen* (букв. «Кто за плугом не ходит, тот любит за собой ходить»)⁸ – в указанном случае лень обозначена в меньшей степени. Большой акцент делается на недостатке человека, который обладает самовлюбленностью;

– *Sein Pflug geht nach Wunsch* (букв. «Его плуг идет по желанию»)⁸ – вероятно, носитель языка подразумевает то, что выполняющий работу человек не слишком прилежен. Он работает, когда захочет, а желание приходит к нему не всегда.

С другой стороны в дериватах обозначено **трудолюбие** как сохранение в рамках этой нормы:

– *Wer führt den Pflug, hat stets genug* (букв. «Кто плуг ведет, у того всегда все в достатке»)⁸;

Наконец, обозначаются иные недостатки:

– *Wenn kein Pflüger wär', so wär' auch kein Samtweber* (букв. «Если не был пахарем, то и ткачом бархата не будет»)⁸. В данном случае речь идет о том, что человек не знал тяжелого труда, что с нашей точки зрения равносильно лени, а значит, человек не сможет достигнуть успеха в других областях, требующих более тонкой работы.

– *nur an seinen Pflug denken* (букв. «думать только о своем плуге»)⁸. Очевидно, обозначаемый субъект трудолюбив, но эгоистичен в своем трудолюбии и не помогает другим, что может быть оценено как нарушение неких правил помощи другому человеку;

– *Der eine pflügt, der andere mähet, und keiner weiss, wer's in die Scheuer fährt* (букв. «Один пашет, другой жнет, и никто [из них] не знает, кто повезет это в амбар»)⁸. В данной поговорке можно сделать вывод, что к девиации в труде приводит несогласованность между людьми при выполнении общего дела.

4. Процесс труда. Дериваты когнитивного слоя репрезентируют зависимость труда от совокупности характеристик. Признаки еще не определяют, что перед человеком находится специалист в данной области. Таким образом, обозначается потенциальный девиант в какой-либо сфере деятельности, **дилетант** – так представляется обозначить периферийный слой структуры:

– *Zwischen Pflügen und Pflügen ist ein Unterschied* (букв. «пахота пахоте рознь»)⁸,

то есть «не каждый, кто может пропахать прямую борозду и скосить луг, является хорошим, не то, что превосходным, фермером»⁸;

– *Es sind nicht alle Pflüger, die den Ochsen stacheln* (букв. «Не всяк тот пахарь, кто быка колет»)⁸;

Труд сам по себе является условием процветания любого человека и принадлежит к одной из норм общества. Большинство устойчивых сочетаний, входящих в когнитивный слой, описывает условие сохранения субъекта в пределах этой нормы, в частности, указывается, что труд обеспечивает **материальное благо** субъекта. При этом в большинстве дериватов подчеркивается, что человек должен достичь всего сам, не полагаясь на чужие руки:

– бав. *Wen der Pflug soll ernähren, der nehme ihn selber zur Hand*. (букв. «Кого плуг должен кормить, пусть тот сам возьмет его в руки»)⁸;

– *Ein jeder soll sich seines Pflugs ernähren* («Каждый должен от своего плуга кормиться»)⁸;

– *Wer sich vom Pflug ernähren will, der muss nicht mehr verzehren viel, denn wol der Pflug erwerben kann, sonst bleibt er ein verdorben Mann* (букв. «Кто плугом желает себя содержать, не стоит тому много так проедать, умеет ведь плуг хорошо заработать, в противном себя человек лишь испортит»)⁸. Данная стихотворная поговорка указывает не только на сохранение человека в рамках труда как нормы, но и предупреждает девиацию. Последняя представлена в качестве описания девианта, которым может стать человек.

– *Der Pflug am Morgen macht die besten Forchen* (букв. «Утром плуг делает самые лучшие борозды»)⁸ – акцент в большей степени делается на том, что любой труд надо начинать с утра, когда еще имеются силы для его выполнения, а значит, и его качество будет высоким.

Другая категория дериватов указывает на труд как на условие **сохранения инструмента**. Если инструмент не используется, значит, он теряет свои качества, и акт труда становится невозможным. Кроме того, косвенно указывается, что данная ситуация также зависит от человека, использует ли он инструмент или нет. Кроме *der Pflug* в данной когнитивной структуре задействованы его дериваты – лексемы *die Pflugschar* («лемех») и *pflügen* («пахать»):

– *Gebrauchter Pflug rostet nicht* (букв. «Используемый плуг не ржавеет»)⁸;

– *Je mehr man pflügt, desto blanker wird das Eisen* (букв. «Чем больше пашешь, тем чище

плуг»)⁸ – здесь наблюдается другая сторона труда. Постоянно используя инструмент, человек каждый раз приводит его в порядок. Таким образом, постепенно рабочая поверхность инструмента стирается, и со временем он приходит в негодность. В результате поговорка указывает на то, что нужно сохранять меру в труде. То же самое наблюдается в сочетании *Die fleissigste Pflugschar glänzt am meisten* (букв. «самый прилежный плуг большего всего блестит»)⁸.

Условием совершения труда и сохранения человека в его рамках является получение необходимых знаний и применение их на практике. В обратном случае труд невозможен, и ситуация выходит за принятые границы. Предупреждение этого мы видим в поговорке *Pflügen und nicht säen, lesen und nicht verstehen, ist halb müssig gehen* (букв. «Пахать и не сеять, читать и не понимать, что наполовину бесцельно шагать»)⁸. Как далее объясняется, тот, «кто получает знания, не применяя их в жизни, похож на человека, который возделывает поле, не засеивая его»⁸.

Кроме того, представленный когнитивный слой формируют дериваты, в которых труд сравнивается с другими видами деятельности. Причем последние по отношению к труду являются девиантными либо по природе, либо в рамках контекста. В дериватах подчеркивается предпочтение деятельности, связанной с трудом, несмотря на требуемые при этом физические усилия и обладание соответствующими навыками.

Прежде всего, стоит отметить те дериваты, в которых имеет место контекстуальная девиация:

– *Den Pflug führen ist nicht so leicht als pfeifen* (букв. «Вести плуг – это не так легко, как свистеть»)⁸;

– *Den Pflug führen ist schwerer als die Ochsen treiben* (букв. «Вести плуг тяжелее, чем гнать быков»)⁸.

Сами по себе действия *pfeifen* («свистеть»), *die Ochsen treiben* («гнать быков») не являются девиантными, однако в контексте и при сопоставлении с трудом как с процессом, требующим физической силы, они становятся таковыми. Поговорки указывают в таком случае, что по сравнению с трудом все прочие виды деятельности отклоняются от норм истинного труда. В то же время поговорка *Lieber den Pflug stehen lassen, als Hunger ernten* (букв. «Лучше позволить плугу встать, чем пожинать голод»)⁸

демонстрирует, что имеет место сравнение труда и результатов его отсутствия.

Рассмотрение того, как лексема *der Pflug* входит в структуру концепта «труд» в качестве дает достаточно интересную информацию. В результате мы пришли к следующим заключениям:

1. Дериваты представляют собой пословицы и поговорки, отличающиеся рядом особенностей. С одной стороны, в языке активно используется метафора «предмет – лицо», то есть пословицы и поговорки указывают на человека как первоисточник текущего состояния окружающего мира. С другой стороны, пословицы и поговорки представляют собой синтаксическую структуру причинно-следственного характера, в большинстве случаев предупреждая человека от девиации или указывая на то, как сохранить себя в рамках труда как нормы.

2. То, что в языке используется репрезентант *der Pflug* («плуг»), а также производные от него семантические и синтаксические дериваты – *pflügen* («пахать [плугом]»), *das Pflugeisen* («лемех»), *die Pflugschar* («лемех»), говорит о многом. Во-первых, они содержат информацию о раннем представлении труда как рутины, изнурительного процесса, отнимающего все силы. Во-вторых, инструмент связан с той частью труда, которая лежит в основе всего мироустройства, – строительство дома, очистка земли от леса для создания своего жилого пространства, вспахивание земли для выращивания хлеба. Таким образом, человеку, с нашей точки зрения, показывается, что в его силах и в его компетенции оставаться в рамках труда, как нормы, чтобы достичь своих целей в жизни.

Таким образом, мы приходим к общему выводу, что концепт «труд» позволяет оценить понятия нормы и девиации с экзистенциальной и космической точки зрения. Благодаря этому в науке возможно видение отклонений от нормы намного шире, чем предполагает социология, и выводить девиацию и нормы в других сферах человеческой деятельности.

Примечания

¹ Скорнякова, Р. М. Концепт «труд» в немецкой языковой картине мира : учеб. пособие Кемерово, 2006. С. 3.

² Там же. С. 43

³ Социология : энциклопедия / отв. ред А. А. Грицанов. Мн., 2003. С. 643.

⁴ Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь. 12-е изд., стер. М., 2009. С. 299.

⁵ Социальная философия : словарь / отв. ред. В. Е. Кемеров. Екатеринбург, 2006. 2-е изд., испр. и доп. С. 300.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Wander, K.-W. Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander. [Электронный ресурс]. URL: <http://woerterbuchnetz.de/Wander/>.

⁸ Beyer, H. und A. Sprichwörterlexikon. Leipzig, 1984. S. 446.

⁹ Девкин, В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М., 1996. 2-е изд., стер. С. 533.

¹⁰ Кожемяко, В. С. Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги / В. С. Кожемяко, Л. И. Подгорная. СПб., 2003. С. 35.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 167–176.

А. А. Серебряков

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕКСТОВОЙ ФОРМЫ ФРАГМЕНТ В НЕМЕЦКОМ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

Рассматриваются вопросы формирования и функционирования нового для немецкой лингвокультуры типа текста *фрагмент* на рубеже XVIII–XIX вв.; **отмечается лингвокультурологическая и прагматическая специфика *фрагмента* в немецком социокультурном контексте.**

Ключевые слова: антропоцентризм, фрагмент, тип текста, романтизм, когнитивно-дискурсивный подход, фрагментарный стиль мышления.

Усложняющиеся виды общественной практики человека, антропоцентрический подход к явлениям физической и духовной действительности позволили обосновать присутствие «особого типа знания, знания *духовно-практического*» [9. С. 24 ; ср. также: 6. С. 10], ориентированного на сложную структуру собственного Я, на «объяснения тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [6. С. 9]. По мнению современных философов, «результаты филогенетического развития человека ... фиксируются в виде некоторых онтогенетически априорных структур, которые являются тем «потенциальным» знанием, которое может затем быть развито субъектом в процессе индивидуального взаимодействия с реальностью» [1. С. 59].

Предметом рассмотрения в данной статье является *фрагмент* как тип раннеромантического текста, представленный прежде всего в философско-критической деятельности Ф. Шлегеля и Новалиса. Актуальность определяется включенностью в когнитивно-семантическое и лингвокультурологическое направление современной лингвистики, обращением к гносеологическим и аксиологическим параметрам типа текста *фрагмент*, занимавшего в немецкой лингвокультуре промежуточное положение среди традиционно маркированных типов дискурса.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Европе возникла новая культурная эпоха, романтизм, «эпохальный слом художественного сознания и мироощущения» [4. С. 162], который создал качественно иной культурный код, опирающийся на новые коммуникативные принципы, жанры и формы философско-эстетических и художественных текстов. Романтизм как качественно иная эпистемологическая парадигма утвердил и принципиально новое восприятие человека: «... в деятельном человеке сумели разглядеть не “вспомогательный инструмент” для материализации внеположных ему онтологических эйдосов, но свободную, самостоятельную силу, именно творящего субъекта» [5. С. 9].

А. Б. Ботникова обоснованно указывала на формальную и содержательную специфику романтического *фрагмента*, обозначая его как романтический жанр, литературную форму, «которая значительна именно своей незавершенностью, открытостью, возможностью быть продолженной», как форму мышления [2. С. 45]. **Современные дискуссии о сущно-**

сти фрагментарного касаются многих гуманитарных сфер, особенно же литературы, философии, искусства. Наблюдаемые тенденции к фрагментарности являются выражением недоверия к эстетической целостности как механизму генерирования новых смыслов. Распространение формы фрагмента указывает на ослабление или разрушение принципа целостности.

На первый взгляд, содержание понятия *фрагмент* в культурно-историческом контексте не вызывает никаких затруднений. Под *фрагментом* понимаются, как правило, незавершенные, отрывочные словесноречевые произведения. Незавершенность, например, может быть обусловлена условиями сохранности и передачи текста. Возможно, что автор утрачивает интерес к рассматриваемой ранее проблематике или воспринимает изначальный замысел как невыполнимый в новых культурных условиях. Наконец, наряду с этими видами «непреднамеренных» фрагментов существуют тексты, которые задумывались авторами именно как фрагменты, изначально противопоставленные содержательной целостности и отказывающие ей в онтологическом статусе. Именно фрагменты этого вида представляют наибольший интерес в когнитивно-семантическом и лингвокультурном аспектах.

Фрагментарность письма и мировосприятия является в большей мере органическим свойством литературы нового времени и даже поворотным моментом ее истории. При более пристальном рассмотрении возникает сомнение относительно возможности конкретной и однозначной референции номинации *фрагмент*. В письменном корпусе фрагментов, как в наследии ранних немецких романтиков, предстает именно такое разнообразие мотивов, что данный тип текста затруднительно соотносить с каким-то единым гносеологическим или аксиологическим основанием. Поэтому целесообразно рассмотреть генезис понятия *фрагмент*, поскольку эти сведения могут объяснить особенности лингвокультурной ситуации раннего немецкого романтизма и его гносеологического инструментария (Witz, Ironie, Ganzheit, Allheit, Ichheit, Endlichkeit, Unendlichkeit).

В латинской традиции применительно к литературному произведению понятие *fragmentum* не употребляется. Номинация *фрагмент* образует синтагматические отношения с предметными существительными: *fragmentum panis, lapidis, ossis*. В перенос-

ном смысле слово могло означать, например, уцелевший остаток, часть, войска или флота. Только в эпоху Возрождения, с развитием филологии, слово *фрагмент* стало соотноситься с частями литературных произведений.

В отличие от характерного для всей Западной Европы словоупотребления в Германии в XVIII в. сформировалось особое, своеобразное представление о *фрагменте*, которое стало доминирующим в работах ранних романтиков и прежде всего Фр. Шлегеля и Новалиса, принципиально иначе оценивавших сам принцип фрагментарности в познании мира и человека. По свидетельству Э. Цинна, для такого гносеологического подхода роль важнейшего источника играл Новый Завет в переводе Мартина Лютера (Vgl. 23, С. 161–171). Особое значение имели два пассажа; первый из Евангелия от Иоанна о чуде с хлебами и рыбой, сотворенными Иисусом: «colligite *fragmenta*, ne *pererant*» («Sammlt die uebrig bleibende *Brocken*, dass nichts umkomme») (Joh. 6: 12). Большое значение имеет и высказывание из первого послания коринфянам апостола Павла: «*ex parte enim cognoscimus*» («Denn unser Wissen ist *Stueckwerk*, und unser Weissagen ist *Stueckwerk*. Jetzt erkenne ich *stueckweise*;») (1 Кор. 13: 9; 12), «Ибо мы *отчасти* знаем, и *отчасти* пророчествуем. ... теперь знаю я *отчасти*...» (1 Кор. 13: 9). Можно утверждать, что обе представленные позиции, эвхаристическая и эсхатологическая, сыграли важную роль в осознании содержания понятия *фрагмент* в немецкой лингвокультуре благодаря переводу М. Лютера, использовавшего, в отличие от французского и английского языков, вместо латинского *fragmentum* существительное – *Stueckwerk* [18. С. 249].

Значительный вклад в формирование интенционала *фрагмента* внесли известные немецкие мыслители XVIII в. Так, в своем дневнике «*Tagebuch eines Christen*» во введении к третьему разделу, озаглавленном «*Brocken*» («Осколки»), И. Г. Гаманн в пояснении к библейскому «*Sammlt die uebrig bleibende Brocken, dass nichts umkomme*» соединил понятия «*Brocken – Fragment – Stueckwerk*», характеризуя земное состояние человека: «*Wir leben hier von Brocken. Unsere Gedanken sind nichts als Fragmente. Ja unser Wissen ist Stueckwerk*» [14. Т. I. С. 298] – («Мы живем здесь осколками. Наши мысли не что иное, как фрагменты. Да и наше знание всего лишь часть целого»). Однако в контексте воззрений Гаманна такая

часть приобретала собственную качественную значимость, то есть фрагментарность мировосприятия и мышления воспринималась как гносеологическая ценность. Такой вывод напрашивается при рассмотрении высказываний Гаманна. Когда И. Г. Гердер в 1768 г. снабдил опубликованную работу «*Ueber Thomas Abbt's Schriften*» ироническим подзаголовком «*Der Torso von einem Denkmal, an seinem Grabe errichtet*», то Гаманн в рецензии 27 июня 1768 г. задавал примечательный вопрос: «... warum der ungenannte Verfasser dieser Schrift, den seltsamen, fremden oder gar possierlichen Titel eines “Torso vom Denkmal” dem bekannteren und beliebteren Titel eines “Fragments” vorgezogen? ob er die Absicht gehabt, den beruehmten Verfasser der Fragmente zu uebertreffen oder sich von ihm bloss zu unterscheiden, und er in beiden Faellen seine Absicht erreichen wird?» [14. Т. IV. С. 316]. Безусловно, Гаманн знал, что «знаменитый издатель» работы «*Фрагменты о новой немецкой литературе*» (1766) и «*О сочинениях Томаса Аббта*» есть одно и то же лицо, а сам этот вопрос следует рассматривать как определенный вызов Гердеру или, по крайней мере, предостережение не уходить из общепринятой понятийной сферы *фрагмента* в неопределенную сферу (*Torso*), хотя и данная номинация содержит отношение между частью и целым. Действительно, в этой рецензии Гаманн определял как «долг ученых стражей» («*Pflicht der gelehrten Waechter*»), то есть критиков-рецензентов, «предотвращать подобное зло, чтобы читающей публике не давали под видом учености устаревший хлам, поскольку она уже довольно долго, но, кажется, напрасно, была поучаема доказательными примерами и учеными построениями» [14. Т. IV. С. 317].

Когда же в 1769 г. Гердер издал свои «*Критические леса*» как «собранные идеи без плана и порядка» («*gesammelte Materien ohne Plan und Ordnung*») Гаманн снова возразил против такого неправильного, с его точки зрения, восприятия фрагментарности. Гердер ответил ему в апреле 1768 г., однако, явно не поняв до конца позиции Гаманна: «Когда я, наконец, завершу мои фрагментарные работы о Томасе Аббте (к чему я стремлюсь), тогда я предстану перед миром и потомками с целостным трудом и под собственным именем» [15. Т. 2. С. 414]. Гаманн, напротив, стремился к свойственной фрагментарности многосмысленности и писал 12 октября 1759 г. в связи с его «*Достопримечательными мыслями Сократа*»: «Кто сердит-

ся из-за этого, тот сам себе вредит. До истин, принципов, систем я не дорос. Обломки, фрагменты, причуды, внезапные мысли. Каждая для своего основания» («Wer sich daran aergert, tut sich selber Schaden. Wahrheiten, Grundsätze, Systeme bin ich nicht gewachsen. Brocken, Fragmente, Grillen, Einfälle. Ein Jeder nach seinem Grund und Boden»). **Автор содержательных работ по эстетике Э. Цинн справедливо недоумевал, почему в посвященных романтическому фрагменту и идее фрагментарности исследованиях не упоминаются ни Гаманн, ни Гердер: «... романтизм в использовании понятия *фрагмент* непосредственно продолжает все то, что было инициировано и обосновано Гаманном и Гердером» [23. С. 167].**

Безусловно, наиболее крупным представителем, культивировавшим форму фрагмента в немецкой лингвокультуре XVIII в., был Гердер. В своей первой работе с характерным названием «*Ueber die neuere deutsche Literatur. Erste Sammlung von Fragmenten*» (1788) («Фрагменты о новой немецкой литературе»), в предисловиях к последующим изданиям Гердер постоянно употреблял как синонимы номинации “*Stueckwerk – Brocken – Fragment*” в подсказанном Гаманном смысле. Например, когда он пишет о намерении, дать «всего лишь обломки рассуждений» («*bloss Stueckwerke von Betrachtungen*»), о «перспективе фрагментов» («*Perspektive von Fragmenten*») **или в завершение констатирует, почти повторяя приведенные выше слова из Евангелия от Иоанна: «So sind ja fleissig genug die Brocken gesammelt, auf das nichts umkomme» [16. Т. 1. С. 145].**

Так складывается представление о фрагменте, почти не связанное с какой-либо конкретной литературной формой и ориентированное преимущественно на характер познания человека. Когда в 1774 г. Лессинг начал издавать отрывки из «Апологии» Г. С. Реймаруса, он употреблял понятие *фрагмент* в традиционном смысле незавершенного произведения: «*Es sind, sage ich, Fragmente eines Werks; aber ich kann nicht bestimmen, ob eines wirklich einmal vollendet gewesen und zerstörten, oder eines niemals zustande gekommenen Werkes*» [17. Т. 15. С. 83]. **Напротив, формируется новое понимание фрагмента как познания целого через части, когда Ф. Шлегель говорит о философии Лессинга, что она «wohl unter allen *Fragmenten*, die er in die Welt warf, am meisten *Fragment* geblieben ist, da sie in einzelnen Winkeln und Andeutungen, oft an dem unscheinbarsten**

Ort anderer *Bruchstücke*, ueber alle seine Werke ... zerstreut liegt» [22. Т. 2. С. 107].

Гердер как бы легитимировал в немецкой лингвокультуре принцип изображения процесса познания через фрагментарную, лишенную целостность форму, репрезентированную в произведениях Ф. Клопштока «*Fragmente ueber Sprache und Dichtkunst*», в многочисленных заголовках работ Х. М. Виланда, И. В. Гете и других современников. Однако с Г. Э. Лессинга начинается новый этап содержательного формирования литературно-философско-эстетической формы *фрагмент*. Точнее, не столько с его собственными взглядами на фрагмент, сколько со спецификой рецепции Ф. Шлегеля, рассматривавшего Лессинга в качестве предшественника *фрагментарного типа мышления*. Конечно, Лессинг и сам во многом способствовал утверждению формы фрагмента как принципа мышления, о чем свидетельствует, например, его блестящее определение понятия *fermenta cogitationis*, ферменты мышления, в 95-ой статье «Гамбургской драматургии», получившее развитие позднее в «Критических лесах» Гердера. Но это не сравнимо с позицией Ф. Шлегеля, называвшего Лессинга «абсолютно фрагментарным» («*In dem dramaturgischen Fach, und in der Theologie hingegen, erscheint Lessing ganz absolut fragmentarisch*») [22. Т. 3. С. 79]. Эти свойства фрагментарности Ф. Шлегель усматривал не в форме работ Лессинга, а в особенностях его когнитивных построений. Такой тип мышления может «не только энергично возбуждать мыслительную деятельность, но и определенным универсальным образом» приводить ее в движение («*Selbstdenken nicht nur sehr energisch erregen, sondern auch auf eine sehr universelle Weise*») [22. Т. 3. С. 81]. По Шлегелю, в такое время необходимы «особые литературные средства или сочинения, имеющие лишь вполне определенную цель – пробуждать, испытывать и питать творческую способность» [10. Т. 2. С. 221]. Главная характерная черта таких произведений – универсальность: «Чем больше богатство и даже разнообразие их содержания, тем сильнее и плодотворнее они воздействуют» [10. Т. 2. С. 221]. **Этим обусловлен второй характерный признак такого рода сочинений – все внимание обращается не на художественную форму, а на чистую материю («*gediegene Materie*»). По Шлегелю, вместо невыразительной формы требуется некая осознанная бесформенность, а «фрагментарность в подобных сообщениях не только про-**

стительна, но похвальна и вполне целесообразна» [10. Т. 2. С. 221]. В таких сочинениях более всего акцентируется уравнищенность между «богатством и подлинностью помысленного» («Fuelle und Gediegenheit des Gedachten») и «свободой и жизненностью мышления» («Freiheit und Lebendigkeit des Denkens»). И только тогда, по Шлегелю, в полной мере развернется идейное богатство писателя, если одновременно проявятся мощь и своеобразие его собственного мышления и смелый комбинирующий дух: «Эту способность комбинирования я и имел в виду прежде, назвав ее научным остроумием. Она не может возникнуть без универсальности» [10. Т. 2. С. 222].

Этот был принципиальный поворот в восприятии *фрагмента* не как незавершенного содержания, а как утверждающего новые смыслы типа текста. Когда в 1797 г. Ф. Шлегель занимался философией Лейбница, он усматривал ее критический потенциал именно в оставшихся фрагментами и набросками частях, считая, что «вся философия Лейбница состоит из немногих в этом смысле остроумных фрагментов и проектов» [10. Т. 1. С. 301].

Таким образом, в немецкой лингвокультуре XVIII в., вопреки общеевропейской традиции, формируется иное понимание *фрагмента* и *фрагментарности*, которое, однако, в названный период еще не стало завершенной теорией философского или литературного фрагмента. Принцип фрагментарности мышления еще не выработал собственную литературную форму. О рождении качественно новой литературной формы можно говорить только после публикации в 1797 г. **состоявшегося из 127 кратких мыслей и изречений собрания Ф. Шлегеля**, названного им «Критические фрагменты» («Kritische Fragmente») [22. Т. 2. С. 47]. За этим изданием в 1798 г. под названием «Fragmente» последовало новое, гораздо более объемное собрание из 451 **фрагмента**, в создании которого участвовали единомышленники Ф. Шлегеля – А.-В. Шлегель, Ф. Шлейермахер, Каролина Шлегель. Незадолго до этого издания Новалис при посредничестве Ф. Шлегеля издал состоящее из 114 **фрагментов** собрание под запоминающимся живописным заглавием «Bluetenstaub» («Цветочная пыль»). В том же г. 1798 г. Новалис издает привлекшие внимание широкой читательской публики фрагменты «Вера и любовь, или король и королева», в которых рассматривается идеал государственного устройства. В 1800 г. Ф. Шлегель издал серию соб-

ственных фрагментов под общим названием «Ideen», указывающим на их философскую проблематику [22. Т. 2. С. 256]. Несмотря на различия в тематике, в названных изданиях, называемых авторами *фрагментами*, вырабатывается и закрепляется та специфическая форма, которая связывалась ранними романтиками с новым, фрагментарным, типом мышления, репрезентированном посредством некоей намеренной бесформенности, то есть отказом от общепризнанных, традиционных литературных форм.

Эти авторы полностью осознавали, что работают с новой жанровой формой. В декабре 1797 г. Новалис после прочтения «Критических фрагментов» писал Ф. Шлегелю: «Твои “Фрагменты” абсолютно новые – настоящие революционные плакаты» [20. Т. 4. С. 241]. Ф. Шлегель неоднократно сообщал своему брату А.-В. Шлегелю о «совершенно новом жанре» («ganz neue Gattung»), в котором он приобретал все большую сноровку («Geschicklichkeit») [22. Т. 24. С. 100]. 2 декабря 1798 г. Ф. Шлегель писал Новалису о **своих фрагментах не без доли самонадеянности**: «Es sind classische Materialien und classische Studien eines Schriftstellers, der die Schriftstellerei als Kunst und als Wissenschaft treibt oder zu treiben strebt: denn erreicht oder getan hat dies bis jetzt so wenig ein Autor, dass ich vielleicht der erste bin, de res so ernstlich will» [22. Т. 24. С. 100].

Итак, в когнитивно-семантическом аспекте *фрагмент* определенно и последовательно воспринимается романтиками как новый тип текста, как литературный жанр, однако, обоснованно возникает и вопрос о соотносительности фрагмента с другими, близкими к нему по форме и содержанию жанрами.

Одно из примечательных высказываний Ф. Шлегеля «Ich der Wiederhersteller der epigrammatischen Gattung» [22. Т. 18. С. 130] указывает, что он связывает обоснованную им форму *фрагмент* с определенной европейской традицией. Соотнесение фрагмента с эпиграммой, обозначенное Ф. Шлегелем, из-за очень своеобразной формы эпиграммы ныне, конечно, в целом не рассматривается. Однако афоризмы, максимы, сентенции и другие малые прозаические жанры объединяются некоторыми исследователями с фрагментом в некое жанровое единство. Со времени публикации в 1933 г. работ Ф. Шалка, Ф. Маутнера обозначилась тенденция к объединению близких в жанровом, структурном, мотивном

плане произведений малой прозы под общим названием *афоризм*. Под непосредственным влиянием французских моралистов, прежде всего Ф. де Ларошфуко, конституировалась жанровая форма *афоризм*, достигшая своей кульминационной точки в творчестве Ф. Ницше и вобравшая в себя другие, названные ранее малые прозаические жанры. Положенные в основание жанровой специфики *афоризма* признаки – дефиниция, антитеза, пропорциональность, хиазм, парадокс – были заимствованы прежде всего из риторики и касались языковой формы; при этом автор стремился соблюдать лаконичность, симметрию высказывания, несвязность, запоминаемость, легкое восприятие, остроумный вывод. В афоризме мысль движется «от изображения единичного, индивидуально схваченного, чувственно воспринятого к снятию через всеобщее, множественное, духовную рефлексию и абстрактное» [19. С. 5]. Для формы *фрагмента* ранних романтиков, получившего название «*der deutsche Aphorismus auf der Wende vom 18. zum 19. Jahrhundert*», однако, делается оговорка, что в ситуации фрагмента «проблемное отношение единичного к общему предполагает трансцендентальное значение» и переходит в «вопрос об условии возможности человеческого познания» [19. С. 5]. Эти обозначенные Г. Нейманном признаки, однако, вряд ли применимы к фрагментам Ф. Шлегеля и Новалиса. Данные признаки могут применяться к освещению некоторых жанровых аспектов малых прозаических текстов, называемых Лихтенбергом «Замечания» («*Bemerkungen*»), а французскими моралистами как «*reflexions, maximes, anecdotes*». Но эти признаки не представляются релевантными для выявления специфики афоризма в наследии Ф. Ницше или Ф. Кафки. Не следует, конечно, осознанно выбранные самими авторами названия смешивать воедино под общим названием *афоризм* и тем самым нивелировать их авторскую специфику. Такая практика приводит, например, к искажению авторских философско-эстетических интенций в опубликованных самими авторами и оставшихся неопубликованными при жизни авторов произведениях, впоследствии объединяемыми как афоризмы. С историко-литературной точки зрения представляется более оправданным оперировать теми формально-жанровыми обозначениями, которые были даны самими авторами – Ф. Шлегелем, А. В. Шлегелем, Новалисом, и называть фрагменты фрагментами, сентенции сентенциями, а афоризмы афоризмами.

Необходимо отметить, что общая тенденция сближения романтического фрагмента как жанровой формы с подобными прозаическими нехудожественными образованиями и прежде всего с «Максимами» Шамфора, восходит именно к романтикам. Весной 1797 г. посмертно изданное собрание Шамфора «*Maximes et pensées, caractères et anecdotes*» было переведено на немецкий язык под заглавием «*Maximen, Charakterzuege und Anekdoten*». В октябре 1796 г. А. В. Шлегель опубликовал в Иене в «*Allgemeine Literatur Zeitung*» собственную рецензию «Писем» Шамфора и назвал максимы наиболее ценной частью всего издания. Но максимы Шамфора полностью соответствуют европейской традиции сентенции как в формальном, так и содержательном отношении [Ср.: 8. С. 375].

Вскоре после завершения «Критических фрагментов», в сентябре 1797 г., Ф. Шлегель писал Новалису: «*Ich habe soeben auch eine kritische Chamfortade von einigen Bogen in die Welt d.h. in die Druckerei geschickt*». В этом же письме он предложил своему другу помощь по редактированию рукописи романа о Гете и добавил: «*Ich wuerde dann in Deinem Geist die Chamfortsche Form waehlen, auf die uns doch beide der Instinkt geleitet hat*» [20. Т. 4. С. 491].

Эти и подобные высказывания Ф. Шлегеля обусловили стремление к сопоставлению и сравнению фрагментов с максимами Шамфора. Внутреннее, основанное на сходстве смысла, на конституирующем текст принципе остроумия (Witz) содержание шлегелевских фрагментов было замечено самими романтиками и проявилось, например, в закрепившемся в романтической среде за Ф. Шлегелем именовании «*Friedrich der Chamfortierende*» [21. С. 834]. О. Вальцель пронизательно заметил, что можно принять афоризмы Шамфора за переводы Ф. Шлегеля и наоборот [21. С. 850]. Однако эта внутренняя содержательная близость распространяется только на некоторые фрагменты с характерной лаконичной формулировкой. Ф. Шлегель эту специфическую черту афоризмов Шамфора закрепил собственным отдельным фрагментом, представляющим дефиницию фрагмента как текстовой формы: «Фрагмент, словно маленькое произведение искусства, должен совершенно обособляться от окружающего мира и замыкаться в себе, подобно ежу» [10. Т. 1. С. 300]. Более внимательный взгляд на форму и содержание фрагментов самого Ф. Шлегеля позволяет констатировать,

что они далеко не все сохраняют завершенность произведения искусства, а влияние Шамфора в них постепенно редуцируется. В целом влияние Шамфора на гносеологические принципы Ф. Шлегеля можно считать всего лишь эпизодом в интеллектуальной биографии немецкого романтика. Принципиальные различия обнаруживаются в признаках, относящихся к шлегелевской философии смыслового наполнения фрагмента как языкового знака, а конкретнее в возможности выражения в нем отношения части и целого, элемента системы и самой системы, а также в коммуникативной функции фрагментарного письма. Для Шамфора эти проблемы просто не существовали, поскольку он исходил из принципа *sens commun*. В целом гносеологическая грань между Новалисом и Ф. Шлегелем, с одной стороны, и французскими моралистами – с другой, определяется тяготением к трансцендентально-философской позиции первых и к чистому эмпиризму вторых, ориентирующихся на чувственное познание мира.

Конечно, в теориях немецких романтиков *фрагмент* соотнесен с неким целым, хотя и не данным в наличии. Это именно «сомнение в возможности представления целого» [13. С. 215] **характерное для всей массы раннеромантических фрагментов.** Гегелевский тезис «Das Wahre ist das Ganze» («Истинное есть целое») [3. С. 16] тем самым принципиально ставится под сомнение, поскольку изначально отклоняется идея завершенности. С этой позиции Л. Делленбах различал три возможных варианта трактовки содержания имени *фрагмент*. Во-первых, фрагмент как часть целого, безусловно законченного. Но в этом случае фрагмент утрачивает свойство фрагментарности, которое имманентно присуще ему вследствие отграниченности от целого. Во-вторых, фрагмент может восприниматься как часть целого, которому он во временной перспективе больше не принадлежит или еще не принадлежит. Если в диахронном аспекте фрагмент рассматривается как «остаток, обломок, крошка, шлак, след, руина, записка», то в эсхатологической перспективе – как «зародыш будущего» («Keim der Zukunft») [12. С. 15]. Наконец, как считает Л. Делленбах, «можно допустить абсолютный разрыв между фрагментом и целым». В этом контексте фрагмент «ни фаза синтезирующего процесса, ни элемент некоего мыслимого целого, ни микроцелостность, как, например, сентенция, афоризм, ни хокку» [12. С. 15].

Если фрагменты Новалиса и Ф. Шлегеля рассматривать в аспекте предложенных Л. Делленбахом подходов, то они в большей мере соотносимы со вторым сущностным признаком, то есть ориентированы на эсхатологическую перспективу. При этом декларируемая романтиками бесконечность («Unendlichkeit») этой процедуры решительно ставит под сомнение достижимость цели. По Делленбаху, гегелевской законченности противостоит открытость фрагментов Новалиса и Ф. Шлегеля, которая благодаря подвижным частицам смысла соотносится с целым: «Das Bruchstueck ist dabei weniger Rest und Ruine einer verlorenen, sondern **vielmehr Indiz einer in die Zukunft aufgehobenen Ganzheit**» [12. С. 8]. **М. Франк** обнаруживает специфическую для романтизма последовательность в том, что «субстанциальность, посредничающая между бесконечностью и единством, оказалась вне возможностей рефлексии». Целостность воспринимается как регулятивный принцип: «Основание, опираясь на которое *Я* соединяется с сознанием, приобретает характер невозвратимой утраты, к возврату которой тщетно устремляется убегающее в будущее “бесконечное стремление”» [13. С. 216].

В рамках данной концепции фрагменты Ф. Шлегеля и Новалиса были по преимуществу философско-литературным явлением, ранее не существовавшим и воплотившимся позднее в творчестве Ф. Ницше. Как показал В. Беньямин, направление духа, из которого развились эти фрагменты, коренилось в некоем непрестанно рефлектирующем в собственном самосознании мышлении, в бесконечности рефлексии [11]. В 116-м атенейском фрагменте Ф. Шлегель однозначно акцентировал свойственное романтической поэзии тенденцию к бесконечному рефлексированию и потенцированию, «вновь и вновь потенцируя эту рефлексию и как бы умножая ее в бесчисленном количестве зеркал» [10. Т. 1. С. 295]. Эта мысль обнаруживается в многочисленных опубликованных и неопубликованных фрагментах названных авторов.

Чтобы подчеркнуть содержательность фрагментарного стиля, следует сопоставить фрагменты Ф. Шлегеля и Новалиса.

Фундаментальная направленность мышления обоих авторов заключалась в воспринятой у Фихте модели рефлексирования как одновременно *разнонаправленного* процесса *из себя и в себя*. Однако эта модель по-разному реализо-

вывалась в когнитивной сфере обоих романтиков. У Шлегеля эта диалектика противоположно направленной рефлексии приобретает стремящийся вперед «прогрессивно-циклический» («*progressive-zyklischen*») характер. В лекциях 1801 г., опубликованных под заглавием «Трансцендентальная философия», он констатировал: «Идея философии достижима лишь в бесконечной прогрессии систем. Ее форма – это круговорот» [10. Т. 1. С. 433]. Такой ход мысли основывается на принципе противоречия, антитезы, на что указывает, например, ликейский фрагмент № 48: «Ирония – форма парадоксального. Парадоксально все хорошее и великое одновременно» [10. Т. 1. С. 263], или 121-й атенейский фрагмент: «Идея – это понятие, доведенное до иронии в своей завершенности, абсолютный синтез абсолютных антитез, постоянно воспроизводящая себя смена двух борющихся мыслей» [10. Т. 1. С. 296]. В этом процессе саморефлектирующего сознания постоянно происходит смена противоположностей, которая обусловлена скепсисом. При этом речь идет не об абсолютном скептицизме, то есть «скепсис не как система» [10. Т. 1. С. 433]. Аналогичная мысль была высказана Ф. Шлегелем в 97-м атенейском фрагменте: «Als vorübergehender Zustand ist der Skeptizismus logische Insurrektion; als System ist er Anarchie. Skeptische Methode waere also ungefaehr wie insurgente Regierung» [22. Т. 2. С. 179].

Для описания этого антитетического процесса мышления Ф. Шлегель использует слово *Witz* (остроумие) в индивидуально-авторском значении – «Остроумие – дух безусловного общения, или фрагментарная гениальность» [10. Т. 1. С. 280], «... всякое остроумие есть принцип и орудие универсальной философии» [10. Т. 1. С. 300]. Будучи «духом комбинирования в качестве способности отыскивать сходство между предметами, в остальном весьма различными, отделенными друг от друга и независимыми» и благодаря «двойной связи с единством и полнотой», остроумие признается Ф. Шлегелем «высшим принципом знания» [10. Т. 2. С. 176–177]. Можно сказать, что эта теория *остроумия* явилась интеллектуальной основой шлегелевского фрагментарного стиля. Так, он декларировал: «Но таковая деятельность, посредством которой сознание обычно проявляет себя как фрагмент, есть остроумие, его сущность заключается в отрывочности и проистекает снова из отрывочности и производности самого сознания» [22. Т. 12. С. 392].

Однако теория остроумия Ф. Шлегеля не получила такого широкого признания, как его теория иронии. Ирония, которую он в 51-м атенейском фрагменте определял как «постоянную смену самосозидания и самоуничтожения» [10. Т. 1. С. 291], явилась характернейшей моделью фрагментарного мышления. Применительно к автору ирония представляется, по Шлегелю, выражением некоего духа, «содержащего в себе как бы множество духов и целую систему лиц» [10. Т. 1. С. 297]. Применительно к опыту мира ирония есть «ясное сознание вечной подвижности, бесконечно полного хаоса» [10. Т. 1. С. 360], «интеллектуальное созерцание вечного хаоса, бесконечно полного, гениального, вечно циклического» («*intellektuelle Anschauung eines ewigen Chaos, eines unendlich vollen, genialischen, ewig zyklischen*») [22. Т. 18. С. 328].

В этом процессе постоянно совершается фантастический прорыв «ограниченного Я» («*Ichheit*»): «Наше Я, рассматриваемое философски, соотносится с пра-Я и с противо-Я; оно одновременно есть некое ты, он, мы» [22. Т. 2. С. 154].

У Новалиса процесс рефлексирования *из себя и в себя* соответствовал диалектике взаимодействия внутреннего и внешнего мира в поэтическом переживании. Эта операция, «которая при изучении нами природы отсылает нас к нам самим, а при исследовании нас самих – к природе», для Новалиса являлась «плодотворнейшим признаком» («*fruchtbarste aller Indikationen*»). Она составляла центр той «большой, все изменяющей идеи», о которой Новалис нередко говорит в письмах и фрагментах начиная с 1798 г. [20. Т. 3. С. 429]. По Новалису, «человек есть источник аналогий для вселенной», «он действительно вселенная в малом преломлении» [7. С. 96]. Это фундаментальное воззрение может быть представлено следующим образом: природа, рассматриваемая извне, по преимуществу непостижима («*von aussen betrachtet ... unbegreiflich per se*»), но она же при созерцании нашего внутреннего мира открывается нам как аналогия нашего Я, как его символический образ. И наоборот, мы постигаем «все чужое только через самоотчуждение, самоизменение, самонаблюдение». Для Новалиса в этом были «истинные узы, соединяющие субъект и объект» [20. Т. 3. С. 302, 429]. Затем эти векторы движения рефлексии совпадают. Они заставляют Я пульсировать: «Was ausser mir ist, ist gerade in mir, ist mein –

und umgekehrt» [20. Т. 3. С. 374, 376]. Таким образом, рефлексия в представлении Новалиса приобретает круговой, циклический характер. Мысль постоянно вращается вокруг одного и того же явления, стремясь по-иному его постигнуть.

Показательно, что очень немногие фрагменты были изданы самим Новалисом. В большинстве случаев посмертных публикаций речь шла о подготовительных набросках, черновиках. Но даже опубликованные им самим фрагменты имели для него не главное, скорее преходящее значение. Он предвидел будущую литературу, «когда ничего, кроме прекрасных композиций, литературных шедевров, читать не будут». С этой точки зрения, даже опубликованные им самим фрагменты рассматривались Новалисом как «оторванные мысли» или «начала интересных мысленных последовательностей – текстов для размышления» [20. Т. 2. С. 595]. Ранняя смерть Новалиса не позволяет заключить, как развивалось бы в дальнейшем его творчество и действительно ли он отказался бы от фрагментов. В ситуации с Ф. Шлегелем, наоборот, в начале нового столетия обнаруживается тенденция отказа от фрагментов. Когда в 1822 г. он составлял собрание своих сочинений, то не включил в него ни одного фрагмента.

Однако это не означало отказ от самой идеи фрагментарности, как показывает наследие Ф. Шлегеля, состоящее по большей части из той массы фрагментов, из которых в период издания «*Athenaeum*» были взяты опубликованные в нем фрагменты. Так, уже в начале XIX в. в творчестве братьев Шлегелей на первый план выдвигается новая литературная форма устной публичной речи, связанная с философско-образовательным дискурсом, лекция (*Vorlesung*), содержащая, благодаря устному, растянутому во времени и требующему продолжения, то есть незавершенному способу репрезентации, отчетливо выраженные черты фрагментарного стиля. Можно считать, что девизом позднего творчества Ф. Шлегеля стали высказанные им в 1803 г. в парижских лекциях мысли о философских позициях Платона: «У Платона не было системы, а только философия» [10. Т. 2. С. 95]. Иными словами, если в XVIII в. на основе фрагментарного сознания, как, например, в творчестве Гаманна, Лессинга, Гердера, в трудах Ф. Шлегеля и Новалиса сформировался новый тип текста *фрагмент*, то в XIX в. этот тип текста вновь растворяется во фрагментарном мировосприятии и мышлении.

Список литературы

1. Баксанский, О. Е. Когнитивный образ мира **монография** / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер. М., 2010. 224 с.
2. Ботникова, А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. Воронеж, 2003. 341 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа. М., 2000. 495 с.
4. Карельский, А. Сострадательное участие (из лит.-крит. наследия А. Карельского) / пер. с нем. О. Асписовой ; вступ. ст. и публ. О. Вайнштейн // Вопр. лит. 1994. № 2. С. 156–176.
5. Косиков, Г. К. **Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе** // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе / под ред. Г. К. Косикова. М., 1987. С. 5–38.
6. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. М., 2004. 560 с.
7. **Литературные манифесты западноевропейских романтиков**. М., 1980. 633 с.
8. **Литературный энциклопедический словарь** / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987. 752 с.
9. Миллер, Л. В. **Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы)** : дис... д-ра филол. наук. СПб, 2004. 302 с.
10. Шлегель, Фридрих. **Эстетика. Философия. Критика** : в 2 т. Т. 1, 2 / вступ. ст., сост., пер. с нем. Ю. Н. Попова; примеч. Ал. В. Михайлова и Ю. Н. Попова. М., 1983. 479 с.; 448 с.
11. Benjamin, Walter. *Der Begriff der Kunst-kritik in der deutschen Romantik*. Berlin, 1920.
12. Daellenbach, L. (Hg.) *Fragment und Totalitaet*. Frankfurt, 1964.
13. Frank, M. *Das "fragmenarische Universum" der Romantik. Fragment und Totalitaet*. Hrsg. von Lucien Daellenbach. Frankfurt, 1964.
14. Hamann, J. G. *Saemtliche Werke*. Hrsg. von Josef Nadler. Bd. I. Wien, 1949. 349 S.
15. Hamann, J. G. *Briefwechsel*. Hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Bd. 2., 1956. 457 s.
16. Herder, J. G. *Saemtliche Werke*. Hrsg. von B. Suphan. Berlin, 1870.
17. Lessing, Werke (Hempelsche Ausgabe), 20 Tle. Hrsg. von C. Chr. Redlich. Berlin, 1868–1879.
18. Mohr, J.-S. *Epigramm und Aphorismus im Verbund: Kompositionen aus kleinen Textformen im 17. und 18. Jahrhundert* : (Daniel Czepko, Angelus Silesius, Friedrich Schlegel, Novalis). Frankfurt am Main, 2007. 417 s.

19. Neumann, G. Einleitung / Der Aphorismus. Zur Geschichte, zu den Formen und Moeglichkeiten einer literarischen Gattung. Hrsg. von G. Neumann (Wege der Forschung, Bd. 356). Darmstadt, 1976.

20. Novalis. Schriften in 5 Bdn. Hrsg. von R. Samuel in Zusammenarbeit mit H.-J. Maehl u. G. Schulz. Stuttgart, 1960–1988.

21. Ruehle-Gerstel A. Friedrich Schlegel und Chamfort // Euphorion 24 (1922). S. 809–860.

22. Schlegel, Fr. Kritische Ausgabe in 35 Bdn. Hrsg. von E. Behler u.a. Paderborn, 1958 ff.

23. Zinn, E. Fragment ueber Fragmente. Das Unvollendete als kuenstlerische Form. Ein Symposium. Muenchen, 1959. С. 161–171.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335).
Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 176–179.*

Д. А. Шепелева

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются вопросы формирования переносных значений сложных существительных N+N. Переносные значения таких сложных слов формируются за счет обращения к концепту, определяющему исходное значение сложного слова, информации, передаваемой контекстом, и действия когнитивных механизмов «концептуальная метафора» и «развитие».

Ключевые слова: сложное существительное, переносное значение, метафорическая модель, когнитивные механизмы.

Сложные существительные, как и другие единицы языка, могут обладать не одним, а несколькими взаимосвязанными значениями. Данное явление называется многозначностью сложного слова. У всех значений многозначного слова может и не обнаруживаться общей части. Достаточным условием является наличие связи каждого из значений хотя бы с одним другим значением¹. Подобные связи могут образовываться за счет действия на концептуальном уровне такого когнитивного механизма, как концептуальная метафора.

Следует отметить, что переносные значения сложных слов N+N могут быть зафиксированы в словарях, а могут оставаться окказиональными. Под окказионализмами, вслед за С. Ю. Степановой, понимаются слова или значения слов, отсутствующие в языковой традиции и специально создающиеся писателем или говорящим по словообразовательным законам языка².

Взгляд на метафору как концептуальное явление получил обоснование в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которая рассматривает процесс метафоризации как реализацию концептуальных переносов, устоявшихся среди носителей

языка и составляющих часть концептуальной системы³. Согласно данной теории, метафора предполагает существование двух концептуальных областей: области-источника и области-мишени, а также установление связей между ними. Область-источник и область-мишень неэквивалентны. Область-источник – это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Область-мишень – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание. Таким образом, концептуальная метафора является когнитивным механизмом, который позволяет осмысливать абстрактные явления и сущности в терминах чувственно осязаемых и знакомых предметов.

Формирование переносных значений сложных слов, не получивших фиксации в словарях и образованных с помощью метафорических переносов, осуществляется с помощью когнитивных механизмов за счет обращения к концепту, определяющему исходное значение сложного слова, и информации, передаваемой контекстом.

Концептуальный анализ начинается с исследования словарных дефиниций исходных

значений сложных слов. В дефинициях отражаются центральные и устойчивые характеристики концептов, определяющих исходные значения композитов. Эти центральные и устойчивые характеристики отсылают к той или иной когнитивной области, стоящей за концептом, определяющим исходное значение сложного существительного. Далее учитывается контекстуальная информация, которая свидетельствует о том, что на концептуальном уровне происходит метафорический перенос по определенной метафорической модели. Затем за счет действия когнитивного механизма «концептуальная метафора» выявляется характеристика, на основе которой устанавливается сходство между областью-источником и областью-мишенью метафорической модели, а также из области-мишени проецируются определенные характеристики, необходимые для формирования переносного значения сложного слова. С помощью действия когнитивного механизма «развитие» на основе согласующихся центральных характеристик концепта, определяющего исходное значение сложного слова, и характеристик, проецируемых из области-мишени, возникают определенные характеристики и/или новые комбинации характеристик, приводящие к созданию концепта, определяющего метафорическое переносное значение сложного существительного⁴.

В настоящей статье рассмотрим подробно актуализацию метафорической модели **человек – явление природы**.

(1) Aunt Hester, the silent, the patient, that *backwater* of the family energy, sat in the drawing-room, where the blinds were drawn; and she, too, had wept at first, but quietly without visible effect (J. Galsworthy).

(2) He had attended at the invitation of Rebecca Strauss – one-time fashion model now art critic from the Times, a *whirlwind* of black velvet, cigarettes, and not-so-subtly enhanced breasts (D. Brown).

В данных контекстах происходит метафоризация исходных значений сложных существительных *backwater* и *whirlwind*. Известно, что исходным значением сложного слова *backwater* является: a part of the river out of the main stream, where the water doesn't move⁵. Концепт, определяющий исходное значение сложного слова, включает в себя такие характеристики, как «часть реки», «свойства – вне течения, со стоячей водой», которые являются центральными и устойчивыми. Эти характеристики от-

сылают к когнитивной области **явление природы**, стоящей за данным концептом.

Исходное значение сложного существительного *whirlwind* – a tall pipe-shaped body of air moving forward while whirling at high speed⁶ определяется концептом, включающим следующие центральные и устойчивые характеристики: «вихрь», «свойства – высокий, имеющий вид столба, движущийся вперед, вращающийся, имеющий большую скорость», отсылающие к когнитивной области **явление природы**, которая стоит за этим концептом.

Информация, передаваемая в примере (1) именем собственным Aunt Hester, а также языковыми единицами the silent, the patient, of the family energy, отсылает к когнитивной области **человек**. В примере (2) контекстуальная информация, передаваемая именем собственным Rebecca Strauss и такими языковыми единицами, как fashion model, art critic, также отсылает к когнитивной области **человек**. Именно данная информация свидетельствует, что на концептуальном уровне происходит метафорический перенос по модели **человек – явление природы**. В примере (1) на основе характеристик «неизменяемость», а в примере (2) – характеристик «скорость» и «сила» устанавливается сходство между областью-источником **явление природы** и областью-мишенью **человек**. Из области-мишени **человек** в примере (1) проецируются характеристики «человек», «черты характера», а в примере (2) – характеристики «человек», «вид деятельности», «черты характера». На основе согласующихся центральных характеристик концептов, определяющих исходные значения сложных слов, и характеристик, проецируемых из области-мишени **человек**, в первом случае возникают характеристики «обладающий апатичным характером», «не приемлющий новые идеи», а во втором случае – характеристики «обладающий непостоянством, стремительностью», «вызывающий негативное отношение (негативная коннотация)». Таким образом, концепт, определяющий окказиональное переносное значение сложного слова *backwater*, включает следующие характеристики: «человек», «обладающий апатичным характером», «не приемлющий новые идеи», а концепт, определяющий переносное значение сложного существительного *whirlwind*, – «человек», «обладающий непостоянством, стремительностью», «вызывающий негативное отношение». Следовательно, в рассматриваемых контекстах сложные

существительные приобретают следующие окказиональные переносные значения: *backwater* – an apathetic person (aunt Hester), who does not accept new ideas; *whirlwind* – an inconsistent, impetuous person (Rebecca Strauss).

Обратимся к иной метафорической модели, а именно **человек – животное**.

(3) Don't worry. I've got my favorite *bloodhound* working that line of inquiry (J. A. Jance).

Исходным значением этого сложного слова является «a large dog with a very good sense of smell, often used for hunting»⁷. Концепт, определяющий исходное значение, включает следующие центральные и устойчивые характеристики: «собака», «свойства – большая, обладающая исключительным обонянием», «целевое использование – для охоты», которые отсылают к когнитивной области **животное**.

Информация, передаваемая содержащимися в контексте языковыми единицами «*working that line of inquiry*», **отсылает к когнитивной области человек**. Эта контекстуальная информация свидетельствует о том, что на концептуальном уровне осуществляется метафорический перенос по модели **человек – животное**. На основе характеристик «целевое использование – для охоты» и «свойство – исключительное обоняние» устанавливается сходство между областью-источником **животное** и областью-мишенью **человек**. Из области-мишени **человек** проецируются такие характеристики, как «человек», «профессиональная деятельность», «свойства». На основе согласующихся центральных характеристик концепта, определяющего исходное значение сложного слова, и характеристик, проецируемых из области-мишени **человек**, появляются характеристики «профессиональная деятельность – связана с расследованием преступления», «свойства – исключительная интуиция, мастерство». Таким образом, за счет действия когнитивных механизмов «концептуальная метафора» и «развитие» формируется концепт, определяющий переносное значение сложного слова, который включает в себя следующие характеристики: «человек», «профессиональная деятельность – связана с расследованием преступления», «свойства – исключительная интуиция, мастерство». Следовательно, сложное существительное *bloodhound* в рассматриваемом контексте приобретает окказиональное переносное значение «a skilled person (detective) with highly developed intuition who holds an inquiry».

В основе переносного значения сложного слова N+N, **употребленного в следующем контексте**, лежит иная метафорическая модель, а именно **место обитания людей – место обитания насекомых**.

(4) *That night, from the balcony of his bedroom, he gazed down on the roof of the town – as if inlaid with honeycomb of jet, ivory, and gold (J. Galsworthy).*

Исходным значением сложного существительного *honeycomb* является: «a structure of rows of hexagonal wax cells formed by bees in their hive for the storage of honey, pollen, and their eggs»⁸. Концепт, определяющий данное значение, включает такие центральные и устойчивые характеристики, как «ячейки», «форма – шестиугольная», «расположение – рядами», «материал – сделаны из воска», «сделаны пчелами», «целевое использование – для хранения меда, пыльцы, кладки яиц». Эти характеристики отсылают к когнитивной области **место обитания насекомых**, которая стоит за концептом, определяющим исходное значение сложного слова *honeycomb*.

Информация, передаваемая в примере языковыми единицами «*from the balcony, down on the roof of the town*», отсылает к когнитивной области **место обитания людей**. Следовательно, данная контекстуальная информация свидетельствует, что в вышеприведенном контексте на концептуальном уровне происходит метафорический перенос по модели **место обитания людей – место обитания насекомых**. На основе характеристик «форма», «целевое использование – для хранения чего-либо» устанавливается сходство между областью-источником **место обитания насекомых** и областью-мишенью **место обитания людей**. Из области-мишени **место обитания людей** происходит проецирование характеристик «населенный пункт», «размер – большой», «архитектура». Учитывая контекстуальную информацию, на основе согласующихся центральных характеристик концепта, определяющего исходное значение сложного слова, и характеристик, проецируемых из области-мишени **место обитания людей**, возникает характеристика «архитектура, похожая по форме на пчелиные соты». Следовательно, концепт, определяющий переносное значение сложного слова *honeycomb*, включает в себя следующие характеристики: «населенный пункт», «размер – большой», «архитектура похожая по форме на пчелиные соты». Таким образом, сложное су-

ществительное *honeyscomb* приобретает в рассматриваемом контексте следующее окказиональное переносное значение «*honeyscomb* – a city whose architecture resembles the construction of honeyscombs».

Таким образом, можно сказать, что формирование переносных значений сложных слов N+N происходит за счет обращения к концепту, определяющему исходное значение сложного слова, информации, передаваемой контекстом, и действия когнитивных механизмов «концептуальная метафора» и «развитие». Изучение метафорического использования сложных слов позволило выявить натуроморфную концептуальную метафору. Это объясняется тем, что сложные слова N+N называют, прежде всего, предметы реальной действительности и отношения между ними.

Примечания

¹ См.: Песина, С. А. Полисемия в когнитивном аспекте : монография. СПб., 2005.

² См.: Степанова, С.Ю. Словотворчество как нестандартная морфемная сочетаемость // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики : материалы науч. конф. М., 1998. С. 98–101.

³ См.: Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago, 1980.

⁴ См.: Шепелева, Д. А. Когнитивные аспекты семантики сложного слова «существительное + существительное» в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008.

⁵ См.: Longman Dictionary of English Language and Culture. Barcelona, 1992. С. 74.

⁶ Там же. С. 1495.

⁷ См.: Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd., 1995. С. 127.

⁸ См.: Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. N.-Y., 1996. С. 917.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 179–181.

М. В. Коновалова

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССОВ КОГЕРЕТИЗАЦИИ, ЭВОКАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается вопрос соотношения познавательного процесса когеретизации с процессами эвокации коммуникации в рамках определённого типа дискурса. В качестве примера выбран виртуальный медиадискурс, являющийся наиболее показательным с точки зрения реализации названных процессов.

Ключевые слова: когеретизация, эвокация, коммуникация, медиадискурс, виртуальность, реальность, информационное пространство.

Соотношение процессов когеретизации, эвокации и коммуникации необходимо рассматривать на примере динамически изменяющейся дискурсивной системы. В качестве типа дискурса, имеющего все возможности для демонстрации названных процессов, нами был избран медиадискурс, реализованный в виртуальном интернет-пространстве. Наиболее показательными в избранном типе дискурса являются коммуникативные процессы, в которых находят своё отражение различные познавательные процессы, их неотъемлемые свойства и характеристики.

Понимание коммуникации в лингвистической научной традиции восходит к коммуникативной теории Сепира-Уорфа о языковой и культурной детерминации процессов познания и социализации человека в обществе. Важность языка и коммуникации для процесса познания окружающей действительности, систематизации знаний о мире и социального структурирования человеческого общества и социализации индивида была неоспоримо доказана положениями указанной теории. Много позже, с развитием техники и возникновением устройств, способных аккумулировать нако-

пленные человечеством знания о мире и виртуально моделировать представления о нём, возникла т. н. виртуальная реальность, воплощённая в Интернете. Коммуникативные процессы, протекающие в виртуальном пространстве, предоставляющем огромные возможности и инструментарий для метакоммуникации или фиксации устной и письменной речи в небывалых до этого объёмах. Визуализация коммуникации, наличие метаинструментария и разработанной теоретической научной базы для осмысления коммуникативных процессов и явлений, позволила соотнести коммуникацию и процесс познания.

Когеретизация – это один из познавательных процессов, предполагающий формирование целостного образа явлений или предметов. Наряду с процессами концептуализации и категоризации он отвечает за синтез полученных и систематизированных знаний человека о явлениях и предметах окружающей действительности, а также «встраиваемость» в имеющуюся у индивида концептуальную картину мира. Современное понимание концептуальной картины мира в рамках теоретических положений когнитивной лингвистики позволяет объяснить наличие различных философских и социологических трактовок картин мира различных типов: философской, научной, этнической и др. Создание концепта, их совокупная систематизация делает возможным формирование целостной концептуальной картины мира. Потенциальная вариативность готовой ментальной конструкции предполагает наличие завершённой концептуальной базы для мыслительных процессов, позволяющей формировать мобильную, способную к развитию и динамике систему мировоззрения.

Формирование мировоззрения в виртуальной среде происходит в соответствии с процессами познания, но оперативными единицами знания становятся концепты, возникшие в виртуальном информационном пространстве или имеющие некие виртуальные смысловые составляющие, не всегда соответствующие предметам и явлениям реальности. Настоящая особенность способствует тому, что в виртуальном информационном пространстве создаётся свой особый мир, отдельная объективно существующая реальность, позволяющая индивидам, так или иначе находящимся в ней, создавать общества различной величины. В информационном пространстве в целом складывается особый психический тип общества,

имеющий свой способ развития, свои свойства и свой способ существования, который, по Дюркгейму, представляет собой коллективное сознание. И способ ориентации в информационном пространстве напрямую зависит от совокупного коллективного сознания, от тех когнитивных концептуальных областей, которые представлены в нём.

Процесс коммуникации представляет собой неоднозначное явление и рассматривается исследователями по-разному. В коммуникологии коммуникация представлена как процесс общения [3. С. 278], в коммуникативистике – процесс передачи информации от отправителя к получателю, подразделяется в зависимости от характеристик коммуникантов [2. С. 68]. Представители коммуникативно-прагматического подхода считают коммуникацию целенаправленным процессом, деятельностью, средством которой является речь, а знаковой формой организации – текст. В зависимости от того, каким образом и с участием каких единиц знания сформировано мировоззрение индивида или индивидов, организуется и протекает коммуникация в виртуальном информационном пространстве. Ориентация в совокупном массиве текстов и дискурсов происходит относительно концептуальной картины мира коммуникантов, и процесс коммуникации выстраивается также в соответствии с имеющимися единицами знаний, наполняя содержанием и структурируя речевые акты.

Согласно теории речевых актов, существуют три разновидности коммуникации, которые находят своё воплощение также и в виртуальном пространстве – локутивный, иллюкутивный и перлокутивный акты. Коммуникативная среда, в которой осуществляются перечисленные виды речевых актов, накладывает свой отпечаток и определяет особенности выполнения коммуникативных действий. В локутивном акте, воспроизводящем речь в виртуальном информационном пространстве, предполагающем предпочтение печатной, цифрированной или аудио-, видеофиксированной речи для удобства хранения и передачи информации, может отсутствовать один из структурных слоёв языкового оформления речи – фонетический, грамматический (в спонтанной речи), семантический (при недостатке необходимой информации или противоречивости концептуальной картины мира). В иллюкутивном акте может меняться коммуникативная цель высказывания в зависимости от «пере-

мещения» коммуникантов в информационном пространстве относительно виртуально организованной информации. Это происходит при так называемом «сёрфинге» в Интернете, когда пользователь и его коммуникативный партнёр перемещается по сайтам, содержащим не только различную информацию (контент), но и представляющим различные способы её аудальной, визуальной, текстовой организации. Перлокутивные речевые акты приобретают особую значимость в условиях Интернета, поскольку обилие информации в замкнутом виртуальном пространстве, так или иначе, предполагает наличие интенции автора дискурса и сознательного воздействия на реципиента с целью получения определённой реакции.

В результате коммуникативного процесса в виртуальном информационном пространстве возникают различные дискурсы, тексты, которые сохраняются довольно продолжительное время, доступны множеству реципиентов и могут изменяться ими даже в том случае, если они не принимали непосредственного участия в коммуникации продуцентов дискурса или текста. Эта особенность Интернета объясняется быстрым массовым доступом к информации, мобильностью и пластичностью структуры создаваемых виртуальных дискурсов и текстов, что делает их весьма показательным исследовательским материалом для лингвоэвокационных исследований.

А. А. Чувакин полагает, что текст существует и «живёт» в коммуникативном пространстве, благодаря тому, что с ним происходят изменения в зависимости от описанных выше процессов [6. С. 84]. Согласно лингвоэвокационной теории, разработанной А. А. Чувакиным, эвокация является одним из уровней коммуникативной деятельности коммуникантов, реализующей репрезентативную функцию языка. Благодаря эвокации передаётся преобразовательный характер продукта эвокации (дискурса или текста) по отношению к действительности и к другим текстам, связанным с исходным посредством различных коммуникативных связей [6. С. 84]. В процессе виртуальной коммуникации происходит насыщение дискурсов и текстов эвокационными сигнала-

ми [4. С. 361], посредством которых устанавливаются не столько межтекстовые, сколько дискурсивные связи, пронизывающие и организуящие весь массив тематически, коммуникативно, логически и семантически связанных текстов. В результате коммуникативного эвокационного взаимодействия формируется не только определённый корпус дискурсов и текстов, но и само информационное пространство. Актуализация междискурсивных и межтекстовых связей позволяет собрать в единое целое виртуальный коммуникационный процесс, создаёт предпосылки для воссоздания отражённой в речевых произведениях концептуальной картины коммуникантов и заимствования целостных концептов для заполнения мировоззренческих лакун готовыми единицами знаний.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. О метаязыке когнитивной лингвистики : концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М. : Тамбов, 2011. С. 23–32.
2. Землянова, Л. М. Коммуникативистика и средства информации : (Англо-русский толковый словарь концепций и терминов). М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 416 с.
3. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
4. Левенко, А. О. «Диалог» текстов в коммуникативном пространстве : лингвоэвокационный аспект // Культура и текст. Барнаул, 2011. № 12. С. 361–365.
5. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа : Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева ; заключ. ст. М. Вавилова. М. : Жуковский : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2003. 464 с.
6. Новые возможности лингвоэвокационных исследований / Т. Н. Василенко, Ю. В. Ожмегова, Е. А. Савочкина [и др.] // Сиб. филол. журн. Новосибирск, 2007. № 3. С. 83–95.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

И. А. Бобыкина

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ АКТИВИЗАЦИИ КОГНИТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБУЧАЮЩЕГОСЯ

Обосновывается актуальность внедрения новых инструментов для развития когнитивных способностей студентов. Раскрыты дидактические возможности современных средств обучения с целью активизации познавательного потенциала студентов, изучающих иностранный язык.

Ключевые слова: дидактические средства, актуальность, когнитивный потенциал, активизация, иноязычное образование, субъект.

Едва ли вызывает сомнение тот факт, что каждый человек обладает врожденными уникальными способностями, однако, не каждому удастся полноценно реализовать их в силу различных обстоятельств. Большую роль в развитии человека призвано сыграть образование, которое формируется в соответствии с конкретными общественно-историческими условиями. В связи с нестабильностью жизнедеятельности современного информационного общества и утвердившимся в последние десятилетия приоритетом личного над общим стратегическим направлением в образовательной политике становится создание культурно-образовательного пространства для непрерывного процесса сознательного саморазвития студента на основе его индивидуальных особенностей. Все явственнее обнаруживаются тенденции, позволяющие говорить о формировании системы высшего образования нового качества. Значительное сокращение аудиторной нагрузки и соответствующее увеличение доли самостоятельной работы студентов, появление новых средств обучения, введение балльно-рейтинговой системы оценки результатов обучения, использование лично ориентированных образовательных технологий, внедрение дистанционной формы и электронного обучения способствуют повышению степени ответственности и самостоятельности обучающегося, разработке студентом как субъектом индивидуальной образовательной траектории в соответствии со своим естественным механизмом развития. В педагогической литературе под средствами обучения понимаются материализованные объекты, используемые в образовательном процессе в качестве носителей учебной информации и инструмента деятельности педагога и обучаю-

щегося для достижения поставленных целей. Дидактические средства обладают обучающим эффектом соответственно заложенному в них дидактическому процессу (учения и управления им) [1], гарантирующему усвоение обучающимся знаний и опыта заданного качества, и выполняют следующие основные функции:

1. Мотивационную функцию, которая служит цели формирования устойчивой мотивации образовательной деятельности. Современная психология трактует мотивацию учения как психологический процесс, побуждающий к удовлетворению потребности в информации и управляющий поведением человека. Новые технические средства и появившиеся ресурсы информационно-образовательной среды позволяют создавать условия для проявления непроизвольной мотивации учения и удовлетворения потребности в свободе выбора и информации, что закономерно обеспечивает успех в образовательной деятельности.

2. Инструментальную функцию, ориентированную на усвоение определенных действий или опыта той или иной деятельности в целом. Главное значение придается активности обучающегося, запускающей механизм усвоения знаний и опыта деятельности. Знание – это зафиксированный индивидом в определенных языковых и логических формах продукт его деятельности, результат его познания. Как отмечает А. С. Шаров, знание как система критериев (понятий, положений, признаков и др.) регулирует поведение человека и его взаимодействие в мире [5]. Если информация не значима, не осмыслена студентом и не включена в регуляцию его деятельности, то это еще не знание. Деятельностный характер знаний подтверждают теории учения, подчеркивая актив-

ность субъекта и указывая на регуляцию с его стороны. Отсюда вытекает вывод о том, что знание приобретает в управляемой (организуемой и регулируемой) деятельности субъекта.

3. Управляющую, обеспечивающую регуляцию выполняемой деятельности. В составе учебной деятельности по овладению иностранным языком можно выделить предметные (практико-языковые), прикладные или профессионально ориентированные и аутометодические действия. С точки зрения И. А. Гиниятуллина, общая функция предметных действий состоит в осуществлении коммуникативно-языковой деятельности, непосредственно представляющей главную цель обучающегося иностранному языку и выступающей одновременно главным средством достижения цели. Функция аутометодических действий выражается в методической регуляции обучающимся других познавательных действий: налаживание реализации предметных и прикладных действий (если они не образованы другими деятельностями, например, предметные – естественным общением), согласование этих действий с целями овладения языком, определение последовательности предметных и прикладных действий, а также создание благоприятных условий для их усвоения [2]. Очевидно, что методическая саморегуляция взаимодействует в обучении с внешним педагогическим управлением. Целенаправленное и согласованное управление образовательным процессом создает возможности для проявления внутреннего потенциала личности как личностной структуры, некоей энергии, позволяющей человеку внутренне развиваться, проявлять и накапливать свои способности, конструирования собственных моделей и индивидуального стиля деятельности, позволяющего находить решения в ситуации неопределенности. Таким образом обнаруживаются имманентные взаимосвязи между внутренними механизмами личности студента и внешним управлением при обучении иностранному языку.

4. Информационную функцию, поскольку средства обучения являются непосредственными носителями информации. Следует отметить, что знания в отличие от информации возникают лишь в когнитивной активности обучающегося в процессе взаимодействия с усваиваемым объектом, посредством осмысления и рефлексирования получаемой информации. Значимым в процессе прохождения обучаю-

щимся данного этапа является способ получения или форма представления материала для усвоения. Если содержание соответствует уровню подготовленности обучающегося и форма его предъявления допускает свободу выбора в соответствии с его доминирующими индивидуально-типологическими особенностями познавательной сферы, то создается возможность для проявления активности обучающегося.

5. Функцию обеспечения наглядности учебного материала, способствующей осознанности воспринимаемой информации.

Обладея мотивирующим и, следовательно, активизирующим эффектом, современные дидактические средства (электронные, мультимедийные, информационно-коммуникационные и др.) обеспечивают запуск внутреннего механизма усвоения студентом опыта той или иной деятельности, в ходе которой осуществляется образовательный процесс. Учитывая интенсивный рост объема информации в современном мире, виртуализацию реальности и непредсказуемость будущей сферы деятельности студента, следует признать высокую значимость и актуальность внедрения в образовательную практику дидактических средств активизации когнитивного потенциала обучающихся. Под когнитивным потенциалом, согласно результатам исследований ученых, понимается биологическая активность человека, лежащая в основе его стремления к познанию, то есть поиску и приобретению нового знания на основе взаимодействия восприятия, мышления, сознания, памяти, языка [3], проявляющаяся в определенных условиях. В новой информационно насыщенной среде с высоким уровнем неопределенности становится актуальной активизация когнитивных способностей как инструментов информационного контроля окружающей среды и внутреннего состояния человека. В связи с этим основными средствами становятся не логические алгоритмы, а иные когнитивные опоры, которые создаются полимодально (форма, звук, цвет, динамика и др.) с помощью современных мультимедийных средств с заданными параметрами цели. К таковым можно отнести компьютерные обучающие программы, электронные учебно-методические комплексы, ресурсы сети Интернет (блоги, социальные сети, сайты, обучающие платформы и др.), обеспечивающие принципиально новый уровень получения, обобщения знаний и их использования, поскольку предо-

ставляют обучающимся реальную возможность проявления инициативы и самостоятельности.

Метасредством обучения иностранным языкам является иноязычное общение соответственно психолого-физиологическим и личностным особенностям обучающихся, их уровню языковой подготовки. Особенно ценным является в условиях отсутствия реальной языковой среды возможность использования ресурсов Интернета для организации реального общения на изучаемом языке. Большие возможности открывает свободный доступ к самым разнообразным текстовым, звуковым и видеоматериалам на изучаемом языке, в том числе и к аутентичным (электронным газетам и журналам, электронным версиям печатных изданий, каталогам библиотек, сайтам музеев и так далее.). Наиболее распространенными являются телекоммуникации, формат реальной коммуникации в асинхронном (электронная почта) и синхронном режимах (chat), с использованием аудио- и видеосредств – также в синхронном (видеоконференции) и асинхронном режимах (голосовая почта, пересылка звуковых и видеофайлов). Во многих обучающих программах содержатся задания для отработки отдельных языковых навыков, такие как тренировка произношения отдельных звуков, слов, фраз, заполнение пропусков, реконструкция текста, установление соответствий, подстановочные упражнения, восстановление последовательности (букв в слове, слов в предложении, предложений в тексте), диктанты. Электронные словари и энциклопедии используются, как правило, для подготовки докладов, рефератов и других видов устных и письменных работ на изучаемом языке. Диапазон предлагаемых возможностей широк: поиск информации о значениях слова, частотности употребления, сочетаемости, этимологии, синонимах, справочная информация по орфографии, грамматике, пунктуации и так далее. Озвученные ключевые слова и тексты словарных и энциклопедических статей могут использоваться в качестве дополнительного материала по аудированию. Прикладные компьютерные программы по составлению электронных таблиц и базы данных позволяют автоматически осуществлять вычисления, сортировать имеющуюся информацию. Базы данных могут использоваться при изучении лексического материала и обработке лексико-грамматических структур. В настоящее время широкое распространение

получили компьютерные презентации. Для самостоятельного изучения иностранного языка программы этого типа имеют неоспоримые достоинства, поскольку подготовка и предъявление презентаций требует от обучающихся сформированности многих умений (самопрезентации, последовательно излагать информацию, соотносить текст слайдов с текстом устного выступления и др.). Возможность включения в презентацию записи собственной речи или звуковых файлов также позволяет реализовать целый ряд задач обучения языку от коррекции произношения и интонации до работы над выразительностью речи и развитием навыков аудирования. Особый интерес представляют средства контроля, который может осуществляться с помощью самостоятельных контролирующих программ или тестовых заданий в программах других типов. Использование аудио- и видеоряда позволяет включать в компьютерные тесты задания, ориентированные не только на чтение и письмо, но и на аудирование.

Таким образом, независимо от того, какого типа компьютерные средства используются в образовании, они представляют интерес для обучающихся, что является мощным мотивационным фактором, и способствует качественному овладению иностранным языком как средством межкультурного общения.

Признавая широкие возможности современных дидактических средств обучения, следует подчеркнуть, что они эффективны лишь в сочетании с другими элементами дидактической системы (целями, содержанием, технологиями). Весьма важным аспектом является понимание преподавателем сущностных особенностей новых дидактических средств обучения. Очевидно, что если преподаватель мыслит прежними категориями, то использование средств не меняет сути образовательного процесса и традиционного репродуктивного метода подачи материала. Если преподаватель, взаимодействуя с обучающимся, конструируя при этом своеобразное образовательное пространство, в котором линия поведения остается за студентом, но объективные условия среды предоставляют ему то, из чего выбирать, общение обретает своего рода знаково-смысловую форму, где значение каждой ситуации наполняется своим смыслом. В таком случае эта со-деятельность будет обладать эмоционально-смысловой общностью для обоих субъектов при различии операционального состава действий и выполняемых при этом функций. При этом основным способом усво-

ения содержания образования обучающимся, как полагает В. В. Сериков, будет своеобразное «снятие» объективного значения материала и выявление в нем субъективного смысла. Понятийно-гностическая ориентировка в изучаемом материале при этом органически включается в структуру более целостной личностной ориентировки, а предметно-когнитивный опыт становится составной частью более целостного личностного опыта [4].

Обобщая выше сказанное, еще раз подчеркнем, что основной акцент высшего профессионального образования переносится в настоящее время с передачи знаний и навыков на закономерное изменение личности обучающегося в ходе усвоения определенной профессионально ориентированной деятельности в условиях организованного образовательного процесса. Большую роль в успешности и обеспечении качества данного процесса играют современные дидактические средства обучения.

Список литературы

1. Беспалько, В. П. Природосообразная педагогика. М., 2008. 512 с.
2. Гиниатуллин, И. А. Самостоятельная учебная деятельность по овладению иностранным языком на специальном факультете. Свердловск, 1990. 95 с.
3. Меркулов, И. П. Когнитивные способности [Электронный ресурс]. URL: <http://www/http://iph.ras.ru/elib/Merkulov.html>.
4. Сериков, В. В. Личностно ориентированное образование: поиск новой парадигмы : монография. Волгоград, 2005. 72 с.
5. Шаров, А. С. Процесс и структура учения студентов в высшей школе [Электронный ресурс] // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. 2006. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-76.pdf>.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335).
Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 185–188.*

М. А. Самкова

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ В ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Предпринимается попытка построения инварианта структуры учебного текста с использованием пропорций золотого сечения и с учетом симметричности/ асимметричности как основополагающего принципа метода позиционного анализа, разработанного в рамках лингвосинергетической парадигмы. Инвариант отражает распределение структурообразующих повторов по определенным интервалам и указывает на степень симметричности и тип структуры учебного текста.

Ключевые слова: лингвосинергетическая парадигма, текстосимметрия, метод позиционного анализа, симметричность/ асимметричность, инвариант структуры учебного текста.

Одной из задач современной лингвистики является разработка процедур и критериев анализа текста. Представляется релевантным исследование текста в лингвосинергетической парадигме, которая дает основания для разработки модели организации текста, определения процесса и элементов самоорганизации текста, выявления формы и структуры текста.

Одним из перспективных и активно разрабатываемых методов в рамках лингвосинергетической парадигмы является метод позиционного анализа, ориентированный на исследование текста как сложной самоорганизующейся системы, направленной во времени и распре-

ленной в пространстве¹. Метод позиционного анализа, разработанный Г. Г. Москальчук на основе пропорции золотого сечения и используемый в трудах Н. А. Блазновой, Э. Т. Болдыревой, А. Ю. Корбут, И. Ю. Моисеевой и многих других исследователей, позволяет раскрыть особенности структурной организации текста как синергетического процесса.

Пропорция золотого сечения предполагает деление текста на две неравные части. Короткая часть (отношение 0,382 к целому тексту) так относится к длинной части (отношение 0,618 к целому тексту), как длинная часть относится ко всему линейно расположенному

тексту. Наглядно продемонстрировать золотое сечение можно на примере деления отрезка. Отрезок АВ делится точкой С на две части. Длины отрезков АС и СВ равны соответственно 0,618 и 0,382. Точка С – золотое сечение отрезка АВ. Золотая пропорция изображена на Рис. 1.

Рис. 1. Пропорциональные отрезки золотого сечения

Исходя из пропорции золотого сечения, мы можем определить интервалы и основные позиции текста. Текст, взятый за единицу, делится на неравные отрезки, первая позиция откладывается на расстоянии 0,618. Позиция разделяет текст на большую и меньшую часть. Далее делим текст той же самой пропорцией, выстроив ряд интервалов: $1 - 0,618 = 0,382$; $0,618 - 0,382 = 0,236$; $0,382 - 0,236 = 0,146$; $0,236 - 0,146 = 0,09$. Получаем позиции 0,618; 0,382; 0,236; 0,146 и пропорциональные объемы интервалов 0,236; 0,146; 0,09.

Опираясь на метод позиционного анализа и на принцип симметричности/асимметричности, характеризующий фазу становления системы, рождения нового порядка, определяем инвариант структуры учебного текста. Под учебным текстом мы понимаем единицу микроуровня иерархически сложной системы учебно-педагогического дискурса. Учебный текст – это целостное структурно-смысловое единство, обладающее протяженностью во времени, характеризующееся развертыванием в пространстве, находящееся в состоянии динамического равновесия. Структура учебного текста – это результат процессов организации и самоорганизации текста, это порядок расположения структурообразующих элементов (лексико-синтаксических повторов) в учебном тексте. Инвариант структуры учебного текста определяется в результате вычисления разности между «средним пропорциональным объемом повторов интервала в исследуемой структуре и стабильным пропорциональным объемом интервала в суперконструкте»². Средний пропорциональный объем повторов интервала определяется путем «деления количества повторов в данном интервале на сумму повторов всех интервалов»³. Стабильный пропорциональный объем интервала найден путем вы-

числения пропорций золотого сечения. Инвариант структуры учебного текста представляет собой усредненный показатель, выделенный из совокупности учебных текстов-полилогов, зафиксированных в учебнике.

Проиллюстрируем построение инварианта учебного текста на примере текстов учебника «There is nothing like travelling» (автор Т. Латышева), созданный для начального уровня интенсивного коммуникативно-ориентированного обучения общению на английском языке. Учебник «There is nothing like travelling», разработанный в рамках метода активизации возможностей личности и коллектива, включает шесть основных учебных текстов-полилогов. Описывая полилоги с позиции текстосимметрии, нужно отметить, что они отличаются большим объемом (около 350 предложений, 1650 слов), сложной содержательной, синтаксической структурой и обусловлены высокой языковой компетенцией автора учебника и дополнительными возможностями для самореализации педагога и для активизации знаний и навыков учащихся при восприятии и продуцировании учебного текста. В соответствии с классификацией А. Ю. Корбут, полилог относится к мидитекстам – текстам среднего объема (от 600 до 3000 слов). Мидитекст «включает в структуру разнообразные синтаксические конструкции, информативно-содержательные части и разные коммуникативные типы речи»⁴.

По утверждению А. Ю. Корбут, «членение в мидитекстах обязательно»⁴. Объемно-прагматическое членение полилога как мидитекста предполагает наличие содержательных частей – коммуникативных блоков. Под коммуникативным блоком мы понимаем относительно завершенную целостную содержательную, функционально-смысловую часть текста, динамика которой направлена на выражение в предложениях информации, актуальной для автора, педагога и учащегося. Целостность – характеристика коммуникативного блока и учебного текста, смысловая связность которого обеспечивается последовательностью микроциклов и коммуникативных блоков, связанных логикой развивающихся событий. Целостность и связность присущи совокупности полилогов, которые соответствуют общей логике обучения и объединены одним сюжетом.

В мидитекстах должна наблюдаться «дробная членимость на микротемы»⁵, что присутствует и в полилоге (около 10 микротем, заключенных в рамки коммуникативных блоков).

При неизменности общего сюжета полилога последовательно сменяющиеся с окончанием микротемы сюжеты создают динамический характер целого полилога. Например, сюжет целого текста – поездка на конференцию; сменяющиеся сюжеты (микротемы) – прибытие в страну, осмотр достопримечательностей, выступление с докладом на конференции, поход по магазинам.

Повтор является параметром организации структуры текста и совокупности текстов. В учебнике основной материал многократно повторяется. Лексико-грамматическое ядро объединяет весь курс обучения.

В данном случае повторы способствуют созданию такой структуры учебного текста, которая легко фиксируется в сознании учащегося. Распределение повторов по интервалам отражает симметричную/ асимметричную структуру учебного текста. Степень симметричности структуры полилога как мидитекста понижена. Полилог не всегда соответствует зеркально-симметричному варианту структуры, который описывается во многих трудах по текстосимметрии и симметрологии. Указанные выше особенности влияют на объем и структуру учебного текста и могут дополнить характеристику мидитекстов, впервые описанных в исследовании А. Ю. Корбут по текстосимметрии.

На рисунке отражены симметричные и асимметричные структуры учебных текстов-полилогов (Рис. 2), которые являются основанием для построения инварианта структуры учебного текста.

В каждом полилоге подсчитывается общее количество предложений как минимальных единиц исчисления объема текста. С помощью описанных выше пропорций мы определяем основные позиции в тексте:

– абсолютное начало (здесь и далее Абс. Н) равен 0,

– зачин (здесь и далее Зачин) – пропорция 0,146 от общего количества предложений,

– гармонический центр начала (здесь и далее ГЦн) – пропорция 0,236 от общего количества предложений,

– абсолютно слабая позиция 1 (здесь и далее АСП₁) – пропорция 0,382 от общего количества предложений,

– гармонический центр (здесь и далее ГЦ) – пропорция 0,618 от общего количества предложений,

– абсолютно слабая позиция 2 (здесь и далее АСП₂) – пропорция 0,854 от общего количества предложений,

– абсолютный конец (здесь и далее Абс. К) равен 1.

Вычислив конкретную пропорцию от общего количества предложений, мы получаем значение определенной позиции и отмечаем в тексте данное предложение. Между пропорциями заключено шесть интервалов текста.

Основными интервалами являются:

– зачин (расположен между позициями Абс. Н и Зачин),

– пред-ГЦн (расположен между позициями Зачин и ГЦн)

– пост-ГЦн (расположен между позициями ГЦн и АСП₁),

– пред-ГЦ (расположен между позициями АСП₁ и ГЦ),

– пост-ГЦ (расположен между позициями ГЦ и АСП₂),

– конец (расположен между позициями АСП₂ и Абс. К).

Определив количество повторов в каждом интервале, вычисляем средний пропорциональный объем повторов, значение которого

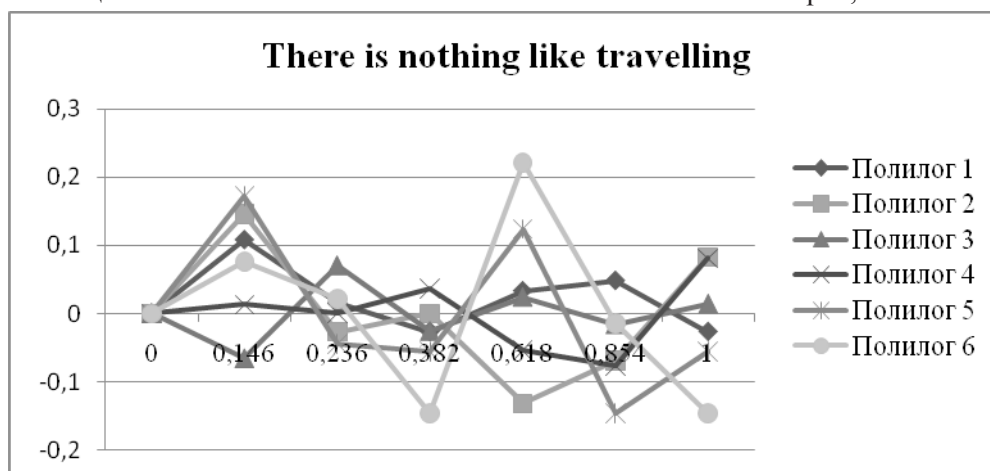

Рис. 2. Линейная плотность повторов в полилогах учебника “There’s nothing like travelling”

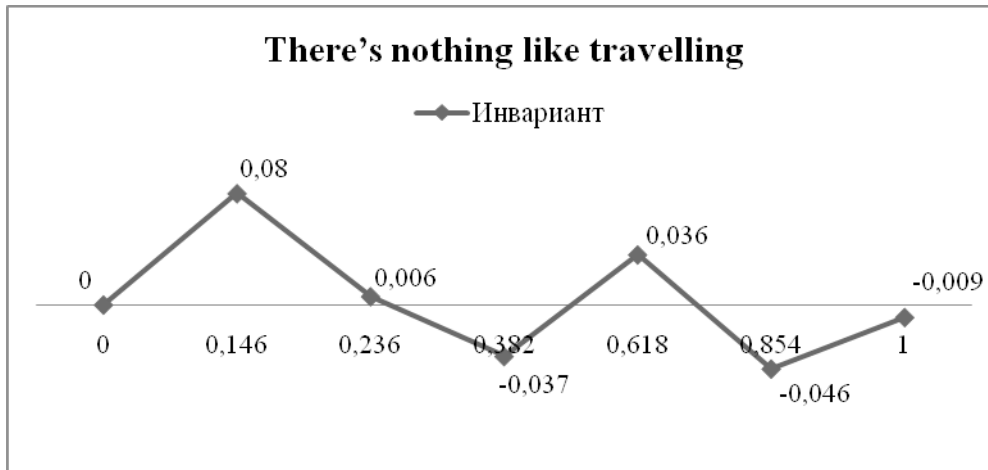

Рис. 3. Инвариант структуры учебного текста-диалога

отражено на рисунке по оси ординат. По оси абсцисс отмечены позиции.

Инвариант структуры учебного текста выявляется путем усреднения описанных выше значений. Инвариант структуры учебного текста-диалога на начальном уровне обучения иноязычному общению выглядит следующим образом (рис. 3). Данный инвариант, объективно отражающий распределение плотности структурообразующих повторов по конкретным интервалам, обладает симметричной структурой. В соответствии с классификацией А. Ю. Корбут, симметрию инварианта можно охарактеризовать как винтовую, представляющую собой «золотое сечение – пропорциональное уменьшение частей целого в линейной структуре»⁶. Винтовая симметрия представляет собой поворот на некоторый угол оси, дополненный переносом вдоль той же оси⁷. В природе данный вид симметрии наблюдается в расположении листьев у растений. В инварианте структуры учебного текста винтовая симметрия «позволяет сохранить нелинейность и динамику временных ритмов»⁸.

Зафиксировав распределение структурообразующих повторов в определенных позициях учебного текста, выявленных с помощью пропорций золотого сечения, мы отмечаем такие

качества текста, как пропорциональность частей целого, симметричность и, как следствие, относительное равновесие. Отметим также динамику и нелинейность инварианта структуры текста, а также его соответствие пропорциям золотого сечения, что подтверждается винтовой симметрией инварианта.

Примечания

¹ См.: Белоусов, К. И. О моделировании внутритекстовых пространств / К. И. Белоусов, Г. Г. Москальчук // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2004. № 11. С. 126.

² См.: Корбут, А. Ю. Текстосимметрика как раздел общей теории текста : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. С. 213.

³ Там же. С. 214.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Там же. С. 136.

⁷ См.: Пономаренко И. Н. Симметрия/асимметрия в лингвистике текста: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2005. С. 30.

⁸ См.: Корбут А. Ю. Текстосимметрика как раздел общей теории текста: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. С. 207.

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Рассматриваются проблемы формирования мотивации применительно к овладению иностранным языком в высшей школе. Роль коммуникативной мотивации признается ведущей в развитии иноязычной коммуникативной компетенции. Предложено средство формирования мотивации деятельности по овладению иностранным языком – проектирование содержания обучения согласно принципу прагма-функциональной релевантности.

Ключевые слова: *мотив, мотивация, коммуникативная мотивация, принцип прагма-функциональной релевантности.*

Мотивация при изучении иностранных языков признается большинством педагогов как один из самых сложных и противоречивых аспектов в процессе формирования навыков иноязычного общения.

В современных исследованиях мотивация рассматривается как набор терминов, имеющих различное значение [3. С. 92].

В педагогической практике под мотивированностью, как правило, подразумевают целенаправленность, энтузиазм в обучении, упорство, настойчивость. В научном мире идут споры о внешней и внутренней мотивации. А. Н. Леонтьев, например, считает, что мотив – это не только внутренний процесс, а явление, объективная основа которого лежит во внешнем мире, в его вещественных и идеальных объектах [4].

В словаре практического психолога мотивация определяется как система побуждений, которые вызывают активность организма и определяют ее направленность [2]. Активность человека вызывают осознаваемые или неосознаваемые психические факторы. Они же побуждают индивида к совершению определенных действий, определяют их направленность и их цель.

Мотивация обучения может быть обусловлена субъективными и объективными факторами. Объективные факторы – это требования времени и общества к личности и к той деятельности, в которую она вовлечена: багаж знаний, приобретенных в результате учебного процесса, необходимый для развития определенной сферы общества. Субъективные факторы связаны с позицией, которую личность определяет себе как член социума.

Применительно к овладению иностранным языком исследователи выделяют разные виды учебной мотивации: 1) коммуникативную;

2) лингвопознавательную (порождается интересом обучающихся к более глубокому осмыслению языковой формы); 3) познавательно-образовательную (побуждается желанием быть всесторонне образованным человеком; стремлением расширить круг познавательных явлений окружающей жизни; желание узнать жизнь, культуру, литературу и т. п. других стран); 4) инструментальную (порождается чувством удовлетворения, которое обучающиеся получают при выполнении определенных видов работы (упражнений)); 5) интеллектуально-развивающую (возможность развития мышления, памяти и др. интеллектуальных свойств личности); 6) профессионально-педагогическую; 7) эмоциональную; 8) мотивацию честолюбия (престижность знания иностранного языка); 9) идентификационную (стремление к идентификации, отождествлению себя с некоторыми другими людьми или представлениями о них); 10) прагматическую (поехать за границу, получить престижную работу); 11) мотивацию долга (необходимость выполнять учебные обязанности, получить высшее образование, приносить пользу обществу).

Ведущую роль в процессе изучения иностранного языка играют такие виды мотивации, как коммуникативная, познавательная, инструментальная, лингвопознавательная и профессиональная мотивация.

Все виды коммуникативной мотивации способствуют развитию достаточного уровня коммуникативной компетенции, обеспечивают готовность и способность учащихся осуществлять иноязычное общение, способность учащихся решать различные прагматические задачи, важные для студента.

Положительное отношение к языковому материалу, к изучению основных свойств языковых знаков предполагает наличие лингвопоз-

навательной мотивации, что, в свою очередь, влияет на степень развития коммуникативной мотивации. [6. С. 15].

В процессе обучения коммуникативная мотивация может проявляться на трех уровнях:

а) на глобальном (изучение необходимого языкового минимума);

б) на уровне занятия (освоение необходимого минимума определенного занятия);

в) на уровне ситуации, задания (выполнение упражнений) [8].

Таким образом, в процессе обучения иностранному языку сначала необходимо: а) усилить у студентов мотивы цели, то есть обосновать необходимость, полезность и результат предстоящих учебных действий; б) задействовать все когнитивные процессы для наиболее эффективного восприятия и усвоения языкового материала; в) создать и предложить систему упражнений, отвечающую коммуникативно-познавательным потребностям обучаемых; г) подвести итоги, обсудить достигнутые результаты; д) наметить перспективы по дальнейшей работе над языком.

Согласно педагогическим исследованиям, в мотивационной сфере большое значение имеет интерес. Интерес может формироваться при условии: а) понимания материала и его смысла; б) интересной формы его преподнесения; в) проявления в усвоении материала умственной самостоятельности и инициативности; г) использования активных методов обучения; д) применения проблемных вопросов, создания ситуаций успеха, поиска альтернативных решений в поставленных проблемах; е) разнообразия приемов работы; ж) новизны материала и его актуальности; з) психологического климата на уроке в целом [5].

Для мотивации речевой деятельности на иностранном языке большое значение имеют такие приемы, как «эффект сюрпризов», «необычности материала», «контрастивность материала» в сравнении с соответствующими эквивалентами в родном языке.

Коммуникативная мотивация, прежде всего, связана с тем, что иностранный язык служит средством удовлетворения прагматических интересов учащихся.

Поэтому мы считаем, что одно из возможных средств формирования мотивации деятельности по овладению иностранным языком – это проектирование содержания обучения согласно **принципу прагма-функциональной релевантности**.

Данный принцип предполагает развитие способности пользоваться языком в процессе коммуникации как системой внутренне присущих говорящему правил функционирования языка, к коим относятся языковые, дискурсивные, разговорные, прагматические, социально-лингвистические и мыслительные; соотнесение реестров изучаемых лексических и грамматических единиц с речевыми актами, замену грамматической прогрессии коммуникативно-прагматической. Коммуникативно-прагматическая прогрессия основана на критерии прагматической релевантности.

Под прагма-функциональной релевантностью нами понимается уместность речевого действия и его необходимость в обеспечении жизнедеятельности субъекта. Прагматический критерий предполагает определение (для конкретной категории обучающихся) релевантности таких коммуникативных феноменов, как сфера общения, стандартные ситуации общения в рамках выбранной сферы, ситуативные роли, речевые действия, с помощью которых реализуются намеченные роли. Важным моментом признается выделение сфер общения, где могут быть выделены четыре макросферы общения (И. И. Халеева): сфера производственной (материально-практической) деятельности как производное от совокупности связей человека с окружающим (природным и духовно-социальным) миром; сфера быта, бытовых отношений, выделяемая на основе взаимодействия человека с миром вещей, где первичной предпосылкой является «существование тела» человека, удовлетворения его фундаментальных потребностей; сфера культурологического общения как область коммуникации, материализуемая бытием духовным, лежащим в основании культуры (в глобальном смысле этого понятия), в основании которой лежат процессы художественного и научного творчества; сфера общественно-политической (социальной) деятельности, экстралингвистическим системообразующим фактором которой является бытие отдельного человека в обществе и в процессе истории, равно как и бытие общества [7. С. 90].

Следующим шагом является определение ситуативных ролей, которые представлены в отобранных стандартных ситуациях и аккумулируют социальный и коммуникативный опыт.

Следующий уровень прагматической прогрессии – это уровень типичных речевых действий, с помощью которых можно реализовать намеченные роли: а) реализация ряда дискур-

сивных стратегий: начать разговор, структурировать разговор, ввести высказывание, внести коррективы, прервать собеседника, актуализировать общее знание, сформулировать претензии, привести примеры, подчеркнуть важные моменты; б) преобразование интенций в речевую форму: представиться, благодарить, извиниться, отреагировать на извинение, выразить сожаление/удовлетворение/неудовлетворение/неодобрение/отрицание, возразить, сообщить о чем-либо, обосновать, побудить к действию, предложить, принять/отклонить предложение, обещать, реагировать на обещание; в) введение ряда элементов управления дискурсом: ссылки, формулы вежливости, импульс/реакция, подтверждение/отклонение, сигналы о необходимости подтверждения правильности понимания, сигналы слушателя: внимание, согласие, скепсис, неверие; модальные частицы, частицы степени, риторические средства; г) актуализация ряда грамматических явлений: количественные отношения, модальные глаголы, придаточные предложения, грамматические времена, сослагательное наклонение [1. С. 30].

Таким образом, мотивационными структурами можно управлять. Это может быть сделано как через снятие оценки и временных ограничений, так и через демократический стиль общения, когда студент погружается в ситуацию выбора. Придание личной значимости учебного материала для каждого обучаемого, в том числе и с применением творческих видов работы, будет способствовать формированию

коммуникативной мотивации при изучении иностранных языков.

Список литературы

1. Астафурова, Т. Н. Цели и содержание обучения межкультурной деловой коммуникации в неязыковом вузе // Вестн. Волж. гос. ун-та. Сер. 6. Университет. Образование. 1998. Вып. 1. С. 30–39.
2. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/25/word/motivacija>
3. Кириллова, Н. В. Возможности коммуникативной практики при обучении ESP. Дискуссионный клуб FLT, № 5, Современные тенденции и опыт профессионалов // ГУ ВШЭ, Министерство образования Российской Федерации, Научно-методический совет по иностранным языкам, 2005. С. 92–95.
4. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики // Педагогика, 1981. 584 с.
5. Маркова, А. К. Формирование мотивации учения : книга для учителя. М., 1990. 192 с.
6. Рогова, Г. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1991. 287 с.
7. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М., 1989. 238 с.
8. Brown, H. D. Principles of Language Learning and Teaching. 2nd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall Regents.